В.Н.СПОЛЬНИКОВ

АФГАНИСТАН:

исламская контрреволюция

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Для служебного пользования

Экз. №

В.Н.СПОЛЬНИКОВ

АФГАНИСТАН: исламская контрреволюция

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Ю.В. ГАНКОВСКИЙ

Москва
«Наука»
1987

В настоящей монографии рассматривается деятельность основных афганских контрреволюционных организаций с центрами в Пакистане и Иране, их программные установки, приводятся сведения о них и их лидерах, освещается вопрос о действиях военных формирований контрреволюции, военной и иной помощи, оказываемой афганской контрреволюции со стороны США, других западных стран. В книге широко использованы материалы афганской контрреволюции.

Издательство "Наука", 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Национально-демократическая, антифеодальная и антиимпериалистическая революция в Афганистане, свершившаяся в апреле 1978 г., и последовавшие вслед за ней события, прежде всего ожесточенное сопротивление со стороны контрреволюции, до настоящего времени приковывают к себе внимание как исследователей—специалистов по Афганистану, так и всей мировой общественности.

Многочисленные политологические центры в США и странах Западной Европы на протяжении всех этих лет последовательно создают в мире искаженное представление о самой апрельской революции 1978 г., о вызвавших ее причинах и об афганской контрреволюции, ее союзниках и покровителях. При этом, как правило, игнорируются или искажаются истинные причины, вызвавшие апрельскую революцию в Афганистане, идеализируется политический и социальный облик контрреволюции, подвергается нападкам и клевете политика Советского Союза в отношении Афганистана и в вопросе политического урегулирования.

Буржуазная политология, в частности такие ее известные представители, специалисты по Афганистану и по региону в целом, как Л. Дюпре, С. Гаррисон, Р. Ньюмен и другие, рассматривают события вокруг Афганистана в нарочито узком ракурсе – прежде всего как единоборство двух сил – Запада и Востока за влияние в данном регионе мира, в их работах, несмотря на внешнюю объективность и даже кажущееся стремление понять содержание происходящих в Афганистане событий, имеет место односторонний, субъективный подход к оценке тех или иных социально-экономических явлений, свойственный буржуазным политологам и историкам.

Что́ касается большинства буржуазных журналистов, обращающихся к событиям в Афганистане, то их работы, за редкими исключениями, преследуют одну цель – извратить истинную картину происходящего в угоду целям и интересам США и международной реакции.

Апрельская революция 1978 г. в Афганистане и дальнейшие события в этой стране не могли не найти своего отражения в работах советских ученых, прежде всего востоковедов. В них содержится анализ развития обстановки в странах Ближнего и Среднего Востока накануне апрельской революции 1978 г., расстановки классовых сил в самом Афганистане, оценка движущих сил революции, социально-экономических мероприятий руководства ДРА. В то же время неразрывно связанная с темой об апрельской революции проблема афганской контрреволюции пока не стала у нас объектом серьезного изучения.

Марксизм-ленинизм неизменно уделял большое внимание изучению контрреволюции и ее политики. Широко известно положение, выдвинутое В.И. Лениным: "...революции без контрреволюции не бывает и быть не может"[1]. К этому важному теоретическому и методологическому положению В.И. Ленина можно добавить его же слова: "... У нас перед глазами идет борьба двух сил, борьба не на живот, а на смерть... Две силы эти – революция и контрреволюция. Наша задача, следовательно, дать себе точный отчет в том, каково (1) классовое содержание этих социальных сил; (2) каково содержание реальное, экономическое, их борьбы теперь, а данное время"[2].

Эти ленинские методологические положения лежат в основе данной работы, в которой делается попытка проследить истоки, зарождение и выход на политическую арену в Афганистане исламской контрреволюции, а также ее связь с империализмом и международной реакцией.

При написании работы основное внимание уделялось не накоплению фактологического материала о контрреволюции, хотя и этот аспект работы не оставался без должного внимания, а выявлению классового содержания контрреволюционной борьбы, ведущейся основными отрядами афганской исламской контрреволюции, определению ее непосредственных и конечных политических целей, взаимоотношениям между различными отрядами этой контрреволюции, их связям с империализмом и международной реакцией.

За пределами данной работы остались другие, "неисламские", леворадикальные, маоистские и чисто националистические контрреволюционные организации. Их идейные установки и практическая деятельность представляют большой теоретический и практический интерес, но автор данной работы исходит из того, что исламская контрреволюция, взявшая на свое вооружение авторитет одной из основных мировых религий, представляет для молодой афганской республики главную опасность.

Главная трудность работы с литературой по Востоку, и по исламу в частности, – "терминологический разнобой"[3] в области изучения различных социальных течений в исламе, что находит свое выражение как в отсутствие строгой типологии основных социальных направлений, источником которых является ислам, так и в неоднозначности используемых терминов, различном их применении, что иногда может повлечь за собой смысловые искажения или различное восприятие отдельных понятий. В советском и зарубежном востоковедении существуют несколько различных подходов к проблеме типологического определения основных социальных течений в исламе, в каждом из которых глубоко анализируются эти течения и на основе этого анализа предлагаются соответствующие их классификации[4]. Вместе с тем, будучи общей для всех стран распространения ислама, эта типология, может оказаться излишне громоздкой при разборе и анализе исламских течений в масштабах одной страны, в данном случае Афганистана, где социально-политические институты накануне апрельской революции 1978 г. еще не получили всестороннего развития. Поэтому, взяв за основу типологию исламских течений, разработанную советскими учеными, автор в чисто практических целях несколько упростил ее применительно к основным исламским течениям

в Афганистане, которые имеют отношение к афганской исламской контрреволюции как объекту данного исследования.

Так, в современной афганской исламской контрреволюции автор выделил два основных исламских течения – исламский фундаментализм и исламский традиционализм, первый – как идеологию реакционных групп мелкой городской буржуазии и средних городских слоев, второй – как идеологию полуфеодальных слоев, крупной буржуазии и богословской верхушки.

Исламские фундаменталисты Афганистана еще в 1969 г. провозгласили целью своей борьбы восстановление фундаментальных основ ислама, очищение его от поздних "искажений" и "наслоений", возврат к государственному устройству, существовавшему во времена пророка Мухаммада и четырех "праведных" халифов, за создание в Афганистане исламского государства. С точки зрения исламских фундаменталистов Афганистана, ни в одной из стран исламского мира в настоящее время не существует государственного устройства, отвечающего всем требованиям, которые ислам представляет к истинно исламскому государству. Единственная страна, государственный строй которой, по мнению фундаменталистов, приближается к их религиозно-политическому идеалу, – хомейнистский Иран. Идейными наставниками афганских исламских фундаменталистов является правое, архиреакционное крыло арабской исламской организации "Братья–мусульмане" с их установками на террор, подрывные действия и насильственное свержение "неисламских", т.е. нефундаменталистских правящих режимов.

Исламские традиционалисты в Афганистане выступают за восстановление дореволюционных порядков, даже за возврат к временам монархии. Они не выдвигают идеи создания теократического государства, хотя и отводят исламской религии важное место в системе управлений страной.

* * *

Некоторые исламские термины, используемые в работе, нуждаются в кратких пояснениях. Так, фундаменталистская контрреволюция в своих программных документах и заявлениях утверждает, что в настоящее время в Афганистане имеет место "исламская революция", т.е., как это свойственно многим социальным контрреволюциям, прибегает к политической мимикрии, пытаясь выдать контрреволюцию с ее реакционными целями за передовое, прогрессивное социальное движение. Поскольку в истоках исламской догматики отсутствует такой радикальный термин, как "революция", теоретики афганских фундаменталистов пытаются по-своему обосновать его применение. Так, один из этих теоретиков – Шарифулла Фагири, выступая в своих работах за расширение трактовки исламского термина "джихад" (на русский язык обычно переводится как "священная война", "война за веру") и сопоставляя понятия "джихад" и "исламская революция", писал: «Исламская революция – это особая форма исламского джихада... Основная разница между джихадом и исламской революцией заключается в том, что исламская революция осуществляется с целью изменения существующего образа правления... Но с установлением исламского правления джихад не кончается... С точки зрения

ислама три исторические войны мусульманского народа (Афганистана. – *В.С.*) против английского империализма были джихадом, так как велись против неверных и захватчиков. Но эти войны не были революциями, так как не ставили своей целью изменение господствовавшей системы. Это был исламский джихад, а не исламская революция. Таким образом, следует сказать: каждая исламская революция – проявление исламского джихада, но не каждый джихад считается исламской революцией... Что касается использования самого термина "исламская революция", то это не является чем-то безбожным и еретическим: все ученые, мыслители и известные моджахеды исламского мира – имам Хасан аль-Банна, покойный маулана Маудуди, шахид Саид Котб неоднократно использовали этот термин...»[5].

Добавим, что, если термин "джихад" в традиционной исламской трактовке означал только ведение войны против "неверных" и захватчиков, то фундаменталисты придают ему более широкий политический смысл. Джихад в их понимании – это постоянная, пожизненная религиозная обязанность мусульманина, которая сопровождает его до дня страшного суда, т.е. до смерти. На первой стадии джихада мусульманин должен интуитивно, "сердцем" распознать "неверного", а на последней стадии – должен воевать за веру в Аллаха, воевать с помощью устной пропаганды, пером и, наконец, оружием. Промежуточная между этими двумя стадиями джихада – это "способность высказать правду в лицо правителю-диктатору, угнетателю"[6].

Мусульманин, принимающий активное участие в джихаде, является "моджахедом", "борцом за веру". Афганская контрреволюция называет моджахедами тех, кто с оружием в руках в составе контрреволюционных исламских организаций ведет вооруженную борьбу против народной власти. Погибшие в ходе вооруженной борьбы именуются "шахидами", "отдавшими жизнь за веру".

Весьма распространено в исламской догматике понятие "хиджры", "хиджрата" – вынужденного переселения, ухода пророка Мухаммада и группы его соратников в 622 г. из Мекки в Медину (в то время г. Ясриб), где они собирали силы для последующего победного возвращения в Мекку. Сторонников Мухаммада, ушедших с ним в Медину, называли мохаджерами, а жителей Медины, подчинившихся Мухаммаду, принявших ислам, предоставивших мохаджерам убежище и отдавшим половину своего имущества, – ансарами (помощниками – араб.). Эта терминология широко используется в современной исламской риторике, в том числе применительно к афганской исламской контрреволюции. Так, организованный афганской контрреволюцией уход большой массы обманутого афганского крестьянства в соседние с Афганистаном Пакистан и Иран, а также бегство туда афганских помещиков, ханов и других противников народной власти в реакционных исламских кругах и в самой афганской исламской контрреволюции рассматривают как хиджру, ушедших афганцев – как мохаджеров, а принявших их Пакистан и Иран – как страны-ансары. При этом подразумевается, что Пакистан и Иран, принимая у себя афганских мохаджеров, не просто оказывают им гостеприимство – в соответствии с исламскими нормами они обязаны их принять, расселить и обеспечить всем необходимым.

При написании работы основными источниками послужили сочинения и трактаты идеологов исламского фундаменталистского движения, в частности организации "Братья-мусульмане", идеологов и лидеров различных отрядов афганской исламской контрреволюции, статьи и выступления исламских политических и религиозных деятелей, программные и рабочие документы афганских исламских контрреволюционных организаций. Были использованы официальные издания ДРА и НДПА. Автор опирался также на труды и исследования советских востоковедов, материалы советской прессы. Были изучены и критически переосмыслены работы по Афганистану буржуазных исследователей, материалы зарубежной прессы.

По мнению автора, содержащиеся в работе материалы, их анализ и сделанные выводы могут способствовать дальнейшему пониманию происходящих в Афганистане событий, сущности афганской исламской контрреволюции, ее идей и целей, стратегии и тактики, а также той роли, которая отводится ей в планах международного империализма и реакции. В работе впервые делается попытка выделить два основных отряда афганской исламской контрреволюции – фундаменталистскую и традиционалистскую контрреволюции, показать истоки их неприятия друг друга, различие их политических и иных целей. Впервые также делается попытка всесторонне классифицировать афганскую исламскую контрреволюцию по классовым, политическим, религиозным и национально-этническим признакам. Работа не претендует на полное раскрытие этой большой и актуальной темы, исследование которой будет, несомненно, продолжено, не может она претендовать и на завершенность, поскольку события в Афганистане продолжают развиваться.

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ В АФГАНИСТАНЕ ИСЛАМСКОЙ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. "МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ" – ПЕРВАЯ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (1963–1975 гг.)

ЗАРОЖДЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Период 1963–1973 гг. в истории Афганистана, который иногда называют конституционным, ознаменован многими изменениями экономического, политического и социального характера. Пришедшее к власти в 1963 г. правительство во главе с бывшим министром горных дел и промышленности Мухаммадом Юсуфом, первым премьер-министром в истории Афганистана, который не был членом королевской семьи, осуществило целый ряд важных преобразований, ускоривших развитие в стране капиталистических отношений и способствовавших активизации общественно-политической жизни.

Главным событием периода нахождения у власти правительства М. Юсуфа (1963–1965 гг.) явилось принятие новой Конституции (утверждена королем в октябре 1964 г.). Это время характеризовалось значительным подъемом политической активности различных слоев населения, в первую очередь городского, определенной поддержкой со стороны широких масс правительственных программ преобразований, некоторым сближением между пропагандой и практической деятельностью правительства, с одной стороны, и требованиями снизу о политических и экономических преобразованиях – с другой.

С политической и социальной точек зрения весьма важным для Афганистана явились два положения Конституции: декларированное право на создание обществ и политических партий (но при усилении контроля в целом над общественно-политической деятельностью со стороны правительства) и некоторое ограничение влияния мусульманских улемов (богословов и правоведов) в таких важнейших для страны с мусульманским населением областях, как судопроизводство и образование, т.е. в областях, традиционно считавшихся основными сферами деятельности исламской религии и, по существу, являвшихся столпами ее могущества.

Последовавшая вслед за принятием Конституции кампания по выдвижению кандидатов в депутаты нижней палаты парламента – Народного совета, а затем и выборы, состоявшиеся в августе–сентябре 1965 г., вызвали к жизни необычайную для Афганистана политическую активность населения, в первую очередь в городах, и особенно в Кабуле. 24 октября 1965 г., в тот день, когда избранный парламент должен был выразить доверие вновь сформированному правительству во главе с М. Юсуфом, многотысячная толпа, наиболее активную часть которой составляли студенты,

собралась у здания парламента и сорвала его заседание. На следующий день в столице состоялись еще более многолюдные манифестации, участники которых требовали изменений в предлагаемом на голосование составе правительства, обвиняли ряд его членов в коррупции. Произошли столкновения с полицией, которые привели к нескольким жертвам из числа студентов. Демонстрации носили внешне неорганизованный, стихийный характер. Впоследствии представители афганской реакции попытались обвинить в организации антиправительственных беспорядков членов НДПА[1]. Но обвинения эти абсурдны хотя бы потому, что правительство М. Юсуфа проводило политику преобразований, объективно отвечающих интересам всех слоев населения и направленных в целом на определенную демократизацию общества. Более того, именно в этот период впервые в истории страны в ее парламент были избраны в качестве депутатов несколько членов НДПА. А вот роль в этих событиях правых, реакционных, сил, в том числе выступавших под исламскими лозунгами, еще ждет своих исследователей; подоплека этих событий входит в число тех многочисленных и темных табу, о которых нынешняя афганская контрреволюция предпочитает умалчивать. Один из контрреволюционных "летописцев", видимо, осознав неубедительность обвинений членов НДПА в организации беспорядков 24 октября 1965 г., высказал любопытную мысль, которая в какой-то степени отражает общую политическую атмосферу того периода и отчасти помогает ощутить ее особенности. 29 октября 1965 г. правительство М. Юсуфа, получившее вотум доверия со стороны парламента, подало в отставку. Главой нового правительства стал М.Х. Майвандваль. Немедленно после назначения новый премьер отправился в Кабульский университет (с черным платком на шее в знак траура в связи с гибелью студентов) и на встрече со студентами дал обещание, что лица, совершившие убийство, будут преданы суду. «Это произвело на студентов такое впечатление, – пишет автор, – что они в знак благодарности подняли его (премьер-министра. – *В.С.*) на плечи, а отовсюду неслись возгласы "да здравствует Майвандваль!"». И далее автор сетует: "Вообще в отсталых странах даже в университетах и медресе мужчины и юноши больше подвержены эмоциям, чем следуют логике. Их втемную выталкивают на сцену и злоупотребляют их чистыми чувствами. Поэтому не следует придавать значения ни их критике и ругани, ни восхвалениям с их стороны. Как часто они закипают от любого импульса, но через мгновение весь этот огонь утихает. Горячий прием студентами Майвандваля тоже закончился тем, что через несколько дней... вновь начались уличные демонстрации"[2].

События 24–25 октября 1965 г. – первое крупномасштабное проявление политической борьбы в Кабульском университете, который вскоре превратился в общепризнанный неофициальный центр политической активности молодых представителей различных слоев населения Афганистана, стал барометром общественно-политических настроений. К тому времени в университете уже выкристаллизовались различные, преимущественно радикальные, идейные течения, кипели политические страсти, шла борьба за влияние на умы молодежи. Практически все эти течения были оппозиционными по отношению к существовавшим в стране порядкам, но тяготели они к крайним противоположным полюсам: к левому

и правому радикальному. До событий 24–25 октября основная борьба между этими течениями происходила в стенах самого университета вокруг внутренних университетских проблем. Это была борьба за влияние в группе, на курсе, на факультете, вокруг выработки политических позиций, выбора и выдвижения идеологических лидеров. После указанных событий Кабульский университет выходит на улицу, и еще долго, вплоть до антимонархического переворота М. Дауда 16–17 июля 1973 г., студенчество будет выразителем, более того, политическим авангардом различных радикальных политических течений.

"Одной из важнейших структур, определяющих характер и ход социально-культурной эволюции развивающихся обществ, – говорится в одной из советских востоковедческих работ, – является, без сомнения, университет... В стенах университетов идут ожесточенные идеологические баталии между сторонниками различных общественно-политических ориентаций... Без университетов трудно представить себе сам процесс становления идейно-политических платформ и программ, политических символов и семантик, характерных для развивающихся стран... Жизнь современного восточного университета связана с самыми острыми проблемами социально-культурной действительности стран Востока. Университеты оказываются источниками не только политической, социальной и культурной институционализации, но и внутреннего брожения"[3].

Борьба между названными выше течениями не всегда носила мирный характер, это были не только теоретические споры и дискуссии. Зачастую она принимала крайние, уродливые формы политического соперничества: происходили драки, столкновения, избиения идеологических противников. Возникает вопрос: почему же именно студенческие движения заявили о себе столь громко? Ответ на этот вопрос однозначен: на политическую арену в Афганистане вышли мелкая и низшие слои средней городской буржуазии, или, как их называют, средние городские слои.

К моменту событий 24–25 октября 1965 г. страна переживала болезненные процессы, связанные с переходом к капиталистическому способу производства. Эти процессы происходили неравномерно, задевая интересы то одного, то другого класса или сословия. Изменялась, причем также неравномерно, социально-классовая структура общества. Проникновение в деревню элементов капиталистической экономики и ростовщического капитала привело к увеличению числа помещиков и кулаков (которые, как правило, были и ростовщиками), к расслоению крестьянства. Но все же в целом крестьянство оставалось классом, наименее восприимчивым к идеям социальных перемен. Рабочий класс с вводом в строй, в том числе при техническом и ином содействии СССР, промышленных объектов увеличился, но все еще оставался немногочисленным, продолжали сохраняться его связи с деревней, выходцем из которой он в основном являлся, он еще не превратился в потомственный промышленный пролетариат и еще долго не станет самостоятельной политической силой.

Мусульманское духовенство в своей основе было неоднородным. Его низшие слои, представленные, как правило, муллами в деревне, сами были выходцами из крестьян, тесно связанными, с одной стороны, с помещиком, кулаком или главой племени, клана, а с другой – с трудовым

крестьянством. Они выполняли различные социальные функции – исполнителя религиозных обрядов, судьи, толкователя Корана и исламских догм, учителя. Муллы в силу своего социального положения, низкого уровня образования и знаний, разобщенности не могли являться носителями каких-либо социальных и даже глубоких исламских идеологических концепций.

Средние слои духовенства – это городские служители культа, настоятели малых мечетей, преподаватели медресе, профессорско-преподавательский состав богословского факультета Кабульского университета, теологической школы Абу-Ханифа (Абу-Ханифия). Они представляли собой наиболее активную в политическом плане часть религиозного сословия, восприимчивую к политическим и социальным веяниям, реформаторским и модернистским исламским течениям. По своему социальному составу средние слои мусульманского духовенства не были полностью однородны: здесь и выходцы из мелкопомещичьих и кулацких семей, и дети крестьян-середняков, ремесленников, средних и мелких торговцев. Но в своей основе это были выходцы не из антагонистических классов – их больше объединяло, сплачивало, чем разъединяло. Во-первых, это были представители мелкой и низших слоев средней буржуазии с ее мелкособственнической идеологией, стремлением к участию в политической и социальной жизни, недовольством властью находящихся на недоступных для них высотах правящих верхов. Во-вторых, это была корпорация – всех их объединяла принадлежность к клерикальному сословию и, что очень важно, возможность каждодневного общения со значительной частью городского населения, т.е. с верующими. Их идеологическое влияние на население было огромно, но и они, в свою очередь, впитывали в себя настроения различных, в первую очередь традиционных слоев населения, т.е. мелкой буржуазии, ремесленников, пауперов, что, в свою очередь, оказывало определенное влияние на формирование их мировоззрения. Эта часть клерикального сословия в своем большинстве, кроме части настоятелей мечетей, находившихся непосредственно на содержании правящих верхов, была в оппозиции к существовавшим порядкам и реформам, ведущим, как они полагали, к распространению в стране разврата, коррупции, атеизма и коммунизма.

Третий, высший слой исламского духовенства, – это его привилегированная верхушка, улама (богословы и правоведы), входившие в состав Совета улемов или занимавшие другие ответственные посты в госаппарате, главным образом в судебной системе, далее – хазраты (прямые потомки пророка), пиры – главы известных и влиятельных религиозных орденов, течений. Одни из них, в основном лица, входившие в систему госаппарата и бывшие в прямой зависимости от правящих верхов, выполняли при этих верхах функции как бы официальной церкви: находили в Коране и его аятах положения, которые можно использовать и истолковывать в интересах правящей верхушки, для оправдания ее мероприятий в области экономики, политики и т.д. Другие – хазраты, пиры – исторически были связаны с правящей верхушкой самыми разнообразными отношениями, от личных до деловых. Это не значит, что обе стороны доверяли друг другу и были взаимно близки (еще не была забыта схватка этих улама с Аманулой-ханом) – скорее это были отношения союзников,

нуждавшихся друг в друге и в то же время опасавшихся взаимного предательства. Высшее духовенство консервативно по своей природе; как и крупные землевладельцы, богатые помещики, главы племен оно настроено против социально-экономических преобразований, оно за статус-кво во всем, в том числе в вопросе о роли исламской религии в афганском обществе.

Для стран Востока, переживающих запоздалое развитие капиталистических форм производства, характерно скопление в городах крупных масс людей, связанных с ремесленным производством, мелкой розничной торговлей, просто безработных, пауперов и люмпен-пролетариата. В этом плане Кабул и другие города Афганистана не представляли исключения. Развитие капиталистических отношений в деревне вызвало отход части беднейших и разорившихся крестьян в город. Возникшая в связи с этим безработица, образование в городах прослойки пауперов и люмпен-пролетариата, неизбежное обострение в связи с этим социальных и национальных противоречий на этом самом низшем и самом неустойчивом социальном уровне афганского общества, подверженном к тому же резким колебаниям, создали в городских низах атмосферу готовности откликнуться на политические лозунги и призывы к действию, если последние хоть в какой-то степени отвечали их интересам, подлинным или мнимым.

К описываемому периоду относится значительное в масштабах Афганистана развитие системы образования. Если в прошлом основой образования в стране являлись мактабы при деревенских мечетях, где в качестве учителя выступал мулла, а учеба в медресе, немногих лицеях и Кабульском университете была доступна в основном выходцам из привилегированных слоев населения, то в описываемый период происходит расширение сети начальных школ, медресе, лицеев и демократизация системы образования в целом. Значительно увеличился прием студентов в Кабульский университет. (В 1967 г. в Кабульском университете обучалось 4320 студентов, в 1972 г. – 8000[4]). В 1968 г. в Кабуле был создан Политехнический институт. В результате получение среднего и высшего образования перестало быть привилегией только господствующих классов, в социальном составе учащихся лицеев и студентов университета произошли значительные сдвиги за счет притока в учебные заведения детей средних слоев населения, в первую очередь городских, а затем и сельских: мелких госслужащих, средних и мелких торговцев, деревенских мулл, кулаков и крестьян-середняков. Было положено начало возникновению разночинной, межсословной интеллигенции. Соответственно менялся и социальный состав учителей и преподавателей.

Молодая интеллигенция в определенной степени была еще связана с интересами тех слоев населения, выходцем из которых она являлась, но эти связи постепенно ослабевали.

Именно эта нарождавшаяся мелкобуржуазная интеллигенция превратилась в условиях Афганистана, отсталой и неразвитой страны, в носителя самых различных, но, как правило, радикальных политических и религиозных идей, от крайне левых до архиреакционных правых.

К середине 60-х годов в результате мощного подъема национально-освободительных движений и распада колониальной системы многие осво-

бодившиеся страны с мусульманским населением, ставившие перед собой задачу независимого экономического и политического развития, обратились к идеям социализма.

Эти идеи стали проникать и в Афганистан. Их носителями стала передовая часть средних городских слоев, прежде всего молодая мелкобуржуазная интеллигенция.

Но в этот же период в силу тех же причин, значительно усиленных эксплуатацией со стороны как неоколониализма, так и национальных правительств и правящих кругов, вольно обращавшихся с идеями научного социализма и компрометировавших их в глазах населения, в странах распространения ислама активизируются оппозиционные праворадикальные исламские течения. Их последователи выступают за исламское государство в форме Аббасидского халифата или исламской республики. Эти течения проникли и в Афганистан, где их носителями стала наиболее реакционная часть опять-таки средних городских слоев населения и молодой мелкобуржуазной интеллигенции.

Тот факт, что основными носителями как левых, так и правых идейно-политических взглядов оказались представители одних и тех же социальных слоев населения, и прежде всего средних городских слоев, в частности мелкобуржуазной интеллигенции, представляет собой закономерное явление. Мелкая буржуазия, а вместе с ней и средние городские слои – это наиболее неустойчивая группа населения капиталистических стран. Мелкая буржуазия двойственна по своей природе. С одной стороны, она непосредственно участвует в труде, и это порождает в ней определенный демократизм, стремление к справедливости и равенству, враждебность к крупному капиталу. С другой стороны, будучи собственником, она стремится занять более высокое положение и приобрести большее богатство, и это обусловливает консерватизм мелкой буржуазии, ее страх перед коммунизмом, якобы посягающим на мелкую собственность. «Мелкий буржуа, – писал К. Маркс – ...составлен из "с одной стороны" и "с другой стороны". Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях... Он – воплощенное противоречие»[5].

Мелкая буржуазия легко поддается демагогии наиболее реакционных течений и становится контрреволюционной, но она может представить собой и революционную силу (как правило, там, где рабочий класс еще очень молод) в антиимпериалистическом национально-демократическом движении и даже революции.

Таким образом, в Афганистане к середине 60-х годов на передний край общественно-политической жизни в качестве наиболее активного носителя как леворадикальных, так и правых реакционных идей вышла мелкая буржуазия и низший слой средней буржуазии с их политическим авангардом – радикальной мелкобуржуазной интеллигенцией.

Влияние идей социализма было несравнимо сильнее и глубже, эти идеи находили отклик в широких слоях населения страны. Но сторонники этих идей, не имея опыта классовой и политической борьбы и будучи опять-таки представителями прежде всего мелкобуржуазной интеллигенции, не сумели преодолеть сословные, национальные и иные барьеры и пошли различными политическими путями.

Социальная многослойность мелкой буржуазии и низших групп средних слоев, в том числе мелкобуржуазной интеллигенции, обусловила их дальнейшее идейно-политическое расслоение и размежевание: в середине 60-х годов началось организационное оформление основных, к этому времени уже почти сложившихся политических течений. В 1964 г. завершился процесс сближения и объединения марксистских кружков и групп в единую организацию. 1 января 1965 г. в Кабуле состоялся I учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана. В силу ряда причин, рассмотрение которых выходит за рамки данного исследования, в 1966 г. НДПА распалась на две фракции – "Хальк" и "Парчам", имевшие одинаковые программные установки и остававшиеся авангардом демократических сил и последовательными выразителями интересов трудящихся.

Во второй половине 60-х годов организационно сложилась мелкобуржуазная экстремистская группировка маоистского толка. По названию своей газеты она приняла наименование "Шоалеи джавид" ("Вечное пламя"). Ее радикальные идеи находили поддержку среди части мелкой буржуазии, в том числе мелкобуржуазной интеллигенции. Ведя ожесточенную борьбу против НДПА, эта группировка в короткий срок утратила свой "революционный" запал и превратилась в один из отрядов афганской контрреволюции.

В этот же период вокруг частной газеты "Афган миллят" ("Афганская нация") сформировалась так называемая социал-демократическая, а на деле буржуазно-националистическая группировка, взявшая на вооружение лозунги пуштунского национализма и шовинизма. И наконец, в 1964 г. в Кабульском университете возникли ультрареакционные кружки исламского толка, положившие начало организованному фундаменталистскому исламскому течению в Афганистане, а затем превратившиеся в ударный отряд афганской исламской контрреволюции.

Следует отметить, что в силу ряда причин, как объективных, так и субъективных, до апрельской революции 1978 г. в Афганистане советская и зарубежная афганистика не уделяли возникновению этого течения сколько-нибудь серьезного внимания. К объективным причинам этого явления можно отнести тот факт, что исламские фундаменталисты с самого начала действовали в условиях строжайшей дисциплины и конспирации, их организационная структура, имена руководителей и членов, планы проведения пропагандистских и иных мероприятий были максимально засекречены. Результаты их деятельности можно было наблюдать только на поверхности – в ходе митингов, демонстраций, групповых столкновений и индивидуальных расправ над политическими противниками. К субъективным причинам того, что возникновение исламского фундаменталистского течения осталось вне поля зрения афганистики того периода, можно отнести недооценку этого течения, которое на фоне растущей активности и расширения национально-демократического движения, на фоне сложного, но все же продвижения страны и общества вперед казалось настолько архиреакционным, несовременным и не имеющим никаких, не только исторических, но и близлежащих политических перспектив, что заниматься им всерьез представлялось пустой тратой времени. И в самом Афганистане как леводемократические, так и правительственные печатные органы

того времени присвоили этому течению ярлык "реакция", не попытавшись проанализировать его истоки и цели.

Поскольку это исламское фундаменталистское течение в своем развитии превратилось в основной, наиболее опасный отряд афганской контрреволюции, задача автора, используя собранные по крупицам сведения, попытаться восстановить хотя бы канву возникновения, формирования этого течения, его развития, что позволило бы более точно определить его место в многоликой афганской контрреволюции, особенности его политических программных установок, природу взаимоотношений с другими отрядами афганской контрреволюции.

"МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ" – ПЕРВАЯ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Движение исламских фундаменталистов в Афганистане начало приобретать организационные формы в середине 60-х годов в Кабульском университете. К 1965 г. на богословском факультете университета, деканом которого являлся профессор теологии Гулам Мухаммад Ниязи, был создан и действовал негласный кружок. Его члены собирались раз в неделю, обсуждали планы "возрождения" роли ислама в стране, ее будущее "государственное устройство", критиковали общественно-политические порядки в Афганистане, "читали и обсуждали арабские источники"[6], а также приступили к составлению программных документов и устава своей будущей организации. Деятельность кружка ограничивалась рамками университета, хотя его члены уже принимали участие в оппозиционных демонстрациях и митингах, "даже руководимых коммунистами, чтобы вести среди демонстрантов работу с целью отвратить их от коммунизма"[7]. В состав кружка входили будущие профессора теологии, а пока студенты Абдуррахим Ниязи (руководитель кружка, не путать с Г.М. Ниязи), Абдуррасул Сайяф, Атиш Раббани (не путать с Бурхануддином Раббани), моуляви Хабиб Рахман, Голь Мухаммад, Сеид Абдуррахман, Абдул Кадыр Тавана, д-р Омар. Общее руководство осуществлял декан факультета профессор Гулам Мухаммад Ниязи.

В этот же период на инженерном факультете университета был создан и действовал аналогичный исламский фундаменталистский кружок, в который входили будущие инженеры Гульбуддин Хекматьяр, Сейфуддин Насратьяр, Хабиб Рахман (не путать с моуляви Хабибом Рахманом) и другие студенты. По инициативе студентов инженерного факультета оба кружка решили объединиться "для совместной борьбы". В 1969 г. в парке у элеватора состоялась встреча представителей двух кружков, в которой принимали участие от богословского факультета Абдуррахим Ниязи, а от инженерного факультета Г. Хекматьяр и С. Насратьяр. Продолжение переговоров происходило в доме профессора богословского факультета Б. Раббани. В результате переговоров оба кружка объединились и была создана организация под названием "Мусульманская молодежь" – первая исламская фундаменталистская организация, которая затем превратилась в ударный отряд афганской контрреволюции[8].

Все названные выше лица, а также вошедшие в организацию д-р Омар, Абдул Кадыр Тавана, Хаджи Махфуз, моуляви Абдул Араб Хади Вардак,

Мухаммад Исмаил Пасах, Хафизулла Фазли и Менхаджуддин Гахиз были впоследствии названы основоположниками движения. Все они, кроме Б. Раббани, Г. Хекматьяра и А. Сайяфа, погибли и объявлены "шихидами".

Как уже говорилось, идейным вдохновителем и общим руководителем движения был декан богословского факультета Гулам Мухаммад Ниязи.

Удалось установить, что активную роль в создании организации играли профессора Б. Раббани, который впоследствии станет лидером нынешнего Исламского общества Афганистана (ИОА), и д-р Сеид Муса Тавана. Фамилии других профессоров и преподавателей университета, внесших свой вклад в создание организации, не установлены. Поскольку они, видимо, как выразился А. Сайяф, "на полпути борьбы отошли в сторону"[9], их фамилии в контрреволюционных изданиях не упоминаются, хотя именно эта категория лиц, очевидно, способствовала проникновению в студенческие круги университета идей исламского фундаментализма.

Авторы некоторых работ по Афганистану, говоря о периоде зарождения в стране исламского фундаментализма, упоминают о существовании в 60-е годы в Афганистане "филиала" или "отделения" международной реакционной исламской организации "Братья-мусульмане", которая и создала организацию "Мусульманская молодежь". По нашему мнению, такое утверждение не имеет под собой достаточных оснований. Нет сомнений в том, что афганские исламские фундаменталисты взяли на вооружение идеи "Братьев-мусульман", что конкретными проводниками этих идей, а точнее, идей панисламизма, являлись афганские богословы, часть которых получила образование в Каирском университете аль-Азхар, и профессора-теологи, приглашенные в Кабульский университет из арабских стран, каждый из которых имел, как правило, группу своих последователей или учеников[10]. Но проникновение идей и наличие их носителей еще не может служить основанием для утверждения о существовании организации и тем более "филиала", что подразумевает управление, руководство этим "филиалом" извне. В печатных изданиях афганских исламских фундаменталистов нет никаких упоминаний о таком "филиале", хотя фундаменталисты не только не скрывают, что их идейными вдохновителями являются основатели организации "Братья-мусульмане" египтяне аль-Банна и аль-Котб, но гордятся этим.

Скорее всего речь может идти не о "филиале" организации "Братьев-мусульман", а об отдельных проводниках их идей; некоторые из них, видимо, поддерживали определенные связи со своими наставниками в Египте или Пакистане, получали оттуда исламскую фундаменталистскую литературу[11]. Одним из таких проводников фундаменталистских идей был Б. Раббани с группой своих последователей – зародышем Исламского общества Афганистана (ИОА), который ныне осторожно, чтобы не столкнуться с Г. Хекматьяром, косвенными путями напоминает, что это именно он стоял у истоков движения, что именно его группу правительственная пресса называла "Братьями-мусульманами".

Результат проведенных исследований позволяет автору сделать вывод, что первым организационно оформившимся отрядом исламского фундаментализма в Афганистане, идейно связанным с "Братьями-мусульмана-

ми" в арабских странах, явилась созданная в 1969 г. в Кабульском университете организация "Мусульманская молодежь".

С момента своего создания "Мусульманская молодежь" заявила о себе как крайне реакционная организация студенческой молодежи, вобравшая в себя прежде всего ту часть радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая была еще тесно связана с деревней, т.е. практически составляла первое поколение крестьянской семьи, как правило, глубоко религиозной, вышедшей в город и получающей или недавно получившей высшее образование. Попытаемся несколькими примерами подтвердить этот вывод. При этом следует иметь в виду, что в печатных изданиях афганской контрреволюции социальное происхождение и национальная принадлежность ее деятелей замалчивается. Тем не менее удалось установить следующее.

Абдуррахим Ниязи (лидер кружка на богословском факультете) родился в 1946 г. в деревне Лепештун Кут, провинции Фарьяб в "религиозной семье"*. Стал противником режима под влиянием своего отца, сосланного правительством в Лепештун Кут. После получения начального образования в деревне поступил в теологическую школу Абу-Ханифа в Кабуле, затем на богословский факультет Кабульского университета.

Гульбуддин Хекматьяр (один из лидеров кружка на инженерном факультете) родился в 1944 г. в "крестьянской семье" в уезде Имам Сахиб провинции Кундуз. Начальную школу окончил в Имам Сахибе, затем поступил в военный лицей в Кабуле, где учился до 8 класса. В результате "предательства со стороны преподавателей" покинул лицей и 9–10 классы заканчивал в лицее Ширхан в Кундузе. Затем поступил в университет, кончить который так и не сумел[12].

Абдул Кадыр Тавана (член кружка богословского факультета, один из основоположников движения) родился в 1936 г. в "религиозной семье" в провинции Балх. Окончил духовную школу, поступил на богословский факультет, преподавал в кабульской теологической школе Абу-Ханифа.

А. Сайяф (один из членов кружка на богословском факультете) родился в 1945 г. в "бедной крестьянской семье" в уезде Пагман Кабульской провинции. Закончил теологическую школу Абу-Ханифа, затем Кабульский университет.

Доктор Омар (один из основоположников движения), родился в 1951 г. в уезде Кешм провинции Бадахшан в "религиозной семье". Окончил педагогическое училище в Кабуле, затем медицинский факультет Кабульского университета.

Моуляви Абдул Азиз, профессор богословия, родился в 1941 г. в "правоверной семье" в деревне Кяджаре уезда Кешм провинции Бадахшан. Начальное религиозное образование получил "в семье", затем учился в медресе в уездном центре, в медресе Тахарестан в Кундузе, после окончания медресе преподавал в религиозной школе в Кабульской провинции.

Любопытная деталь, ожидающая своего исследователя: среди активных исламских фундаменталистов особенно много выходцев из провинции Бадахшан, а в рамках провинции – из уезда Кешм.

---

*Так, в афганской контрреволюционной прессе обычно указывается происхождение тех или иных деятелей контрреволюции.

С первых дней своего существования "Мусульманская молодежь" вступила в активную борьбу на два фронта: прежде всего против леводемократических сил и в первую очередь против НДПА, а также против правящего режима, якобы потворствующего вестернизации общества и проникновению в страну коммунистического влияния. Острие этой борьбы было направлено против левых сил. И это не случайно: вся идеология "Братьев-мусульман" и их последователей во всем мире нацелена против идей научного коммунизма, против всего прогрессивного. Возникнув в 1928 г. в Египте, организация на первом этапе своего существования ставила своей задачей освобождение страны от английского колониализма, но затем выродилась в экстремистскую террористическую реакционную группировку. Вот что говорил об этом в 1980 г. известный иранский богослов, один из видных в прошлом, погибший в результате взрыва в 1981 г., деятелей хомейнистского Ирана Мухаммад Монтазери: «Думаю, что первое религиозное исламское движение, которое там (в Афганистане. – *В.С.*) возникло, пришло от "Братьев-мусульман". Движение "Братья-мусульмане" возникло в Египте. Поскольку движение не было националистическим, оно имело влияние во всем мусульманском мире и вначале не примыкало ни к Востоку, ни к Западу. Но затем оно стало выступать преимущественно против Востока, и сейчас его руководители имеют прозападную ориентацию, а некоторые из них связаны с Западом. Молодежь, участвующая в движении, очень предана ему. В Афганистане, где население в большинстве суннитское, детей для получения высшего образования посылали в аль-Азхар, где они попадали под влияние "Братьев-мусульман"»[13].

Деятельность организации "Мусульманская молодежь" строилась в условиях строгой конспирации и секретности, что характерно для "Братьев-мусульман"[14]. Конспирировалось все: структура организации, ее программа, руководящий состав, подготовка и проведение различных мероприятий, в том числе террористических. Деятельностью организации руководил Высший совет. Конкретные мероприятия, такие, как демонстрация, митинги, планировал и осуществлял исполнительный совет. Состав этих органов в афганских контрреволюционных изданиях до сих пор конспирируется.

Но, суммируя отдельные детали, можно с уверенностью сказать, что в эти руководящие органы входили на первом этапе Г.М. Ниязи, Б. Раббани, М. Тавана, А. Сайяф, А. Ниязи, Г. Хекматьяр, С. Насратьяр. Организация имела так называемую военную секцию, которая на первом этапе занималась вербовкой в организацию армейских унтер-офицеров, а затем разрабатывала планы вооруженного выступления. Работой военной секции руководили Г. Хекматьяр и С. Насратьяр, они же занимались подготовкой и проведением демонстраций и митингов[15]. Непосредственно в армии работу проводили моуляви Хабиб Рахман и инженер Мухаммад Иман. Существовала секция по выявлению "неисламских" студенческих групп и их членов для последующей расправы с ними. Организация придавала первостепенное значение привлечению новых членов и созданию ячеек как в университете, так затем и вне его. Члены организации, выезжавшие в провинции (как правило, в периоды каникул), помимо общей агитационной работы среди населения, были обязаны заниматься индивидуальной

обработкой тех лиц, которые по своим качествам могли быть привлечены к сотрудничеству и использованы для создания новых ячеек. В Кабуле и провинциях создавались комитеты организации, куда входили учителя, мелкие чиновники, муллы, торговцы, учащаяся молодежь. Эти комитеты поддерживали конспиративную связь с центром организации в Кабульском университете. Ответственным за работу с ячейками и комитетами организации вне стен университета являлся Б. Раббани. В основу кадровой политики организации были положены принципы, разработанные "Братьями-мусульманами" и вытекающие из идеологических установок движения: членом организации мог быть каждый мусульманин, независимо от национальности, социального положения, языка, "стремящийся вырвать страну из когтей коммунизма и колониализма"[16]. На практике все члены организации были мусульманами-суннитами. Шиитов в организации не было.

Руководство организации установило контакт с издателем частной газеты "Гахиз" Менхаджуддином Гахизом, который впоследствии был причислен к числу основоположников движения. Издавая газету фундаменталистского толка, Гахиз создал вокруг нее своего рода исламский фундаменталистский кружок под названием "Тавабин" ("Последователи"), куда в числе других вошли такие религиозные деятели, как моуляви Халес и моуляви Абдуррахман. Фактически газета "Гахиз" стала печатным органом движения и организации "Мусульманская молодежь". Кружок "Тавабин" не ограничивался издательской деятельностью, его члены видели свою задачу в проникновении в медресе и мечети, в привлечении к сотрудничеству новых членов. Деятельность кружка продолжалась до 1972 г., когда Гахиз был убит неизвестными лицами, после чего газета и кружок прекратили свое существование[17].

Организация "Мусульманская молодежь" использовала для пропагандистской работы и другие возможности. В 1970 г. ею был установлен контакт с владельцем небольшой книжной лавки-библиотеки, расположенной рядом с известной мечетью Поли Хешти – выходцем из Герата моуляви Фейзани. Через эту лавку шло активное распространение исламской литературы, устанавливались контакты с муллами, торговцами и ремесленниками базара[18].

В самом университете организация прибегала к самым изощренным способам политической борьбы. Г.М. Ниязи, используя свое положение декана богословского факультета, добился разрешения на создание при университете центра исламских исследований. По его настоянию и при поддержке других членов движения из числа преподавателей Кабульского университета на приемных конкурсных экзаменах в университет в качестве обязательных были включены вопросы по истории ислама и исламской литературы. При этом Г.М. Ниязи выдвигал следующие доводы: "...Мы живем в мусульманском Афганистане, здесь не западное общество, в исламе наука и религия нераздельны. Это разложившаяся западная культура отделяет науку от религии... Бюджет университета оплачивается обездоленными крестьянами и бедным народом. Они не желают, чтобы религия, за которую они платили ценою крови, была исключена из учебных центров. Те, кто не знаком с собственной религией, не должны допускаться в Кабульский университет"[19].

Когда в августе 1971 г. был создан союз студентов Кабульского университета, между различными группировками студентов началась борьба за завоевание большего количества мест в его руководящем органе – Высшем совете. Вначале успех сопутствовал леворадикальным силам, но затем свои позиции в Высшем совете укрепили фундаменталисты. В 1972 г. фундаменталисты добились избрания в члены Высшего совета Г. Хекматьяра, который вошел в состав исполнительного комитета этого совета (по другим данным, заведовал финансами).

На нелегальных сборищах руководства и членов "Мусульманской молодежи", в частности у себя дома, Г.М. Ниязи настойчиво проводил мысль о необходимости соблюдения конспирации и о продолжении работы в подполье, "чтобы революция смогла пустить корни". "...До созревания революции, до наступления поворотного момента – не спеши, ищи центры силы и опорные пункты, используй их для борьбы против разврата и порока"[20], – поучал Г.М. Ниязи. Под его руководством организация использовала такие формы идеологической работы, как торжественное, в масштабах университета, проведение религиозных праздников, различных исламских конференций. Особое значение придавалось участию в митингах и демонстрациях, которые зачастую заканчивались столкновениями и избиением политических противников – представителей леворадикальных и прогрессивных организаций. Это была крайне правая реакция, постепенно приобретавшая черты контрреволюции.

Уровень политической активности университетского студенчества вызывал тревогу в правительственных кругах. Еще 1 мая 1967 г. было опубликовано правительственное заявление о запрещении демонстраций на основании ст. 94 Конституции. 24 октября 1967 г. ректорат Кабульского университета издал обращение к студентам, в котором говорилось, что они должны "прекратить подстрекательские действия с тем, чтобы не подрывать устои демократии и не допускать, чтобы безответственные лица нарушали порядок в Кабульском университете"[21].

После отставки кабинета Майвандваля 10 октября 1967 г. новое правительство Афганистана возглавил Нур Ахмад Эттемади. Напряженная обстановка в стране, существовавшая накануне ухода в отставку кабинета Майвандваля, несколько разрядилась. Все слои населения ожидали от нового правительства новых шагов как в экономической, так и социальной области. Однако этих шагов не последовало. Реализация экономической программы Эттемади была сорвана парламентом, а на социальные реформы кабинет был не способен. Уже с апреля 1968 г. начинается обострение политической и экономической борьбы в стране, причем все активнее заявляет о себе рабочий класс Афганистана. За три месяца – с апреля по июнь 1968 г. – состоялась 21 забастовка рабочих промышленных предприятий, шахтеров и автотранспортников. За этот же период студенты и учащиеся более 10 раз выходили на уличные демонстрации. Страна вновь была охвачена недовольством. Вот как характеризует этот период афганский автор, бывший высокопоставленный чиновник министерства информации, оказавшийся за рубежом и связанный с афганской контрреволюцией: "...сравнительно спокойный период, установившийся после прихода Эттемади, был непродолжителен, и через некоторое время сменился кризисом и напряженностью. Среди даже противоположных по взглядам групп

появилась мысль об объединении против Эттемади и его правительства. Хотя этого и не произошло, но создалась такая ситуация, когда все группы организовывали демонстрации, похожие друг на друга и направленные против правительства. Парк Зарнегар каждый день был свидетелем этих сцен"[22]

В ноябре 1968 г. размах молодежных манифестаций достиг таких масштабов, что министр просвещения – он же заместитель премьер-министра – д-р Али Ахмад Попал подал в отставку. В начале апреля 1969 г. началась подготовка к выборам парламента 13-го созыва, что, естественно, еще более накалило политические страсти. В мае обстановка в Кабульском университете настолько обострилась, что на территорию университетского городка была введена полиция. В ходе столкновений между полицией и студентами несколько человек с обеих сторон были ранены.

19 мая 1969 г. правительство запретило все демонстрации. Университет был закрыт. В июне 1969 г., после встречи Эттемади с членами Высшего совета университета, занятия возобновились, но проходили формально, и учебный год был поспешно закончен никого не интересовавшими экзаменами[23].

Для понимания характерных для Афганистана того периода способов политической борьбы представляют интерес события, связанные со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина, которое отмечалось всем прогрессивным человечеством. Фракция НДПА "Парчам" выпустила в апреле 1970 г. в свет специальный юбилейный номер своей газеты на 12 страницах, посвященный В.И. Ленину, с лозунгами "Слава Ленину" и с его фотографиями. В ответ 43 суток у мечети Поли-Хешти длилась манифестация реакционных сил – здесь объединились представители всех, даже враждующих между собой, исламских течений: последователи традиционного ислама и исламские фундаменталисты, улемы, муллы, исламские фанатики – и все это в основном под антисоветскими лозунгами. Однако в связи с тем, что среди манифестантов все чаще начали раздаваться лозунги против королевского двора и правительства, войска и полиция силой прекратили манифестации.

16 мая 1971 г., в обстановке кризисной экономической ситуации и обострения политической борьбы, Эттемади подал в отставку, после чего был сформирован кабинет д-ра Абдул Захира.

В марте–апреле 1972 г., с началом учебного года, в Кабульском университете снова начались волнения и схватки между враждующими группировками студенчества. Летом 1972 г., после очередного столкновения студентов–членов "Мусульманской молодежи" с леворадикальной промаоистской группой "Шоалеи джавид", в университетском городке наиболее активные участники столкновения были арестованы. Среди них были Г. Хекматьяр, С. Насратьяр, д-р Омар, осужденные на 1,5 года тюремного заключения каждый. В 1973 г., пока эти руководители еще находились в заключении, состоялись выборы нового руководства организации, которую возглавил опять-таки Хабиб Рахман, а его заместителем стал А. Сайяф, к тому времени уже побывавший в Египте[24].

Правительство пошло на замену ректора университета и руководителей некоторых факультетов. В парламенте продолжалось противоборство правых и слабо представленных прогрессивных сил: и те и другие фактически

блокировали деятельность правительства. Во многих районах страны – в Бадахшане, Гуре, Бадгизе – начался голод. Крестьяне, спасая свои семьи, за бесценок продавали принадлежавшие им клочки земли и имущество и уходили в города. Росло общее недовольство деятельностью, вернее, бездействием правящих кругов. В Кабуле и других городах проходили забастовки рабочих, антиправительственные демонстрации широких слоев населения.

Пробыв на посту премьера 18 месяцев, Абдул Захир подал в отставку, и в декабре 1972 г. формирование кабинета было поручено Мухаммаду Мусе Шафику, занимавшему в правительстве Абдула Захира пост министра иностранных дел.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 г. произошел государственный переворот, ликвидировавший монархию. Была провозглашена республика. Переворот был осуществлен группой армейских офицеров под руководством бывшего премьер-министра, члена королевской семьи М. Дауда.

Вот как сам М. Дауд в своем заявлении по случаю дня независимости Афганистана охарактеризовал положение в стране накануне своего прихода к власти и причины переворота: «...у нашего народа и во всем мире, естественно, возникает вопрос, почему мы принесли в жертву свои семейные, классовые интересы ради интересов национальных и интересов обездоленных классов? Ответ на этот вопрос заключается в том, что несправедливая и антинародная политика монархического режима в последнее десятилетие, протест против нее всех классов народа Афганистана, а также заметный прогресс в регионе и во всем мире в пользу свободы, против деспотизма, реакции и колониализма не могли оставить в покое и заставить замолчать совесть ни одного афганца– патриота...

В течение последнего десятилетия уровень жизни народа Афганистана неуклонно понижался, повседневные расходы на жизнь росли, тяжелый груз этих расходов с каждым годом становился все более невыносимым. Цены невероятно росли, а жалованье мелких чиновников и государственных служащих, заработная плата рабочих не превышали уровня "ешь столько, чтобы не умереть". Голод, безработица в несчастном обществе, бродяжничество в народе, болезни непрерывно росли. Образование и национальная культура пришли в упадок. В обществе господствовали бесправие, несоблюдение законности. Усилились деспотизм, гнет со стороны власть имущих и безжалостных высокопоставленных чиновников. Коррупция в правительственном аппарате возросла и стала позорным явлением. Процветало расхищение государственных средств, национального богатства страны. Поборы, взяточничество, спекуляция, контрабанда, жульничество, ростовщичество распространялись с каждым днем... Подстрекательство со стороны реакционных сил, их призыв к борьбе против патриотов под предлогом так называемой демократии занимали во внутренней политике упраздненного режима важное место... Никаких надежд на изменения не оставалось, никакого пути, кроме свержения режима, не было...»[25].

Используемая в данной работе характеристика первой исламской фундаменталистской организации в Афганистане "Мусульманская молодежь" не просто как реакционной, а как контрреволюционной, основывается на следующем. Ранее, а именно до возникновения на мировой арене первой

страны социализма – Советского Союза, а затем стран социалистического содружества, термины "контрреволюция" или "контрреволюционная политика" применялись, как правило, в отношении конкретных действий господствующих классов, направленных на подавление революционного взрыва. По мере развития мирового революционного процесса и противоборства сил империализма и социализма содержание понятий "контрреволюция", "контрреволюционная политика" и других производных расширялось и углублялось. Основываясь на трудах классиков марксизма-ленинизма, уделявших изучению контрреволюции большое внимание, советская наука сделала дальнейшие шаги в разработке темы контрреволюции и связанных с нею процессов применительно к современности*. В этих работах были сформулированы положения, которые позволили автору определить организацию "Мусульманская молодежь" как контрреволюционную. В частности, на наш взгляд, совершенно бесспорно, что какого бы уровня ни достигло революционное движение в той или иной стране, ему всегда противостоит контрреволюция. В понятие "контрреволюция" включается любое действие, направленное против революции, – не только реакция на саму революцию, но и попытки задержать вызревание революционной ситуации, а в случае ее возникновения – не дать ей перерасти в революцию. Все, что выступает против революции, препятствует ее развитию, – контрреволюционно. В этом плане организация "Мусульманская молодежь" – это "превентивная" контрреволюция, которая не столько сама рвалась к власти, сколько пыталась воспрепятствовать развитию революционного процесса в Афганистане, предотвратить "проникновение коммунизма" в страну, противостоять росту политической сознательности афганского народа. Эта оценка "Мусульманской молодежи" подтверждается ее практическими действиями, которые носили ярко выраженные формы контрреволюционной борьбы: террор и насилие в отношении представителей прогрессивных сил.

ИСЛАМСКАЯ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В 1973–1975 гг.

После антимонархического переворота и прихода к власти М. Дауда начинается самый "темный" период деятельности организации "Мусульманская молодежь" и ее руководителей. Печатные издания афганской исламской контрреволюции всячески замалчивают этот период деятельности "движения", ограничиваясь проклятиями в адрес Дауда и восхваляя своих "шахидов" – погибших в период правления Дауда членов фундаменталистских групп. Тем не менее можно попытаться обобщить разрозненные факты и проследить за дальнейшей судьбой "Мусульманской молодежи".

С приходом к власти М. Дауда возникли противоречия между руководящим звеном "Мусульманской молодежи" и ее наставниками из числа профессоров Б. Раббани и – предположительно – Г.М. Ниязи. Причиной

---

*См., например: *Хохлюк Г.С.* Уроки борьбы с контрреволюцией. М., 1981; *Загладин Н.В.* В погоне за недостижимым. Стратегия и тактика империалистической контрреволюции: неизбежность провала. М., 1984.

разногласий послужил выбор путей и методов дальнейшей борьбы фундаменталистского движения в условиях республиканского режима. "Надо сказать, что первая трещина между борцами возникла во времена правления Дауда. В результате этой трещины исламское движение оказалось на пороге распада, крупнейшей причиной которого, видимо, являлась гибель руководящих кадров, арест кадровых членов и возникновение целого ряда противоречий теоретического и тактического характера между лицами, контролирующими движение", – писал впоследствии фундаменталистский автор[26]. Молодежное руководящее звено организации выступало за подготовку и осуществление вооруженного восстания с целью свержения режима М. Дауда, за расправу с леводемократическими силами и создание теократического государства. Более гибкие и прагматичные "старики" считали подобные действия преждевременными и обреченными на неудачу. Их позицию подкреплял тот факт, что в декабре 1973 г. в армии был раскрыт и ликвидирован антиправительственный заговор, подготовленный военной секцией "Мусульманской молодежи". Основную роль в подготовке заговора играли члены военной секции инженер Мухаммад Иман и моуляви Хабиб Рахман, который к этому периоду был профессором богословского факультета Кабульского университета и издателем факультетской газеты "Шариат". После провала заговора по указанию руководства организации оба скрылись в Пакистане. Раскрытие заговора поставило под угрозу существование всей организации.

После выхода из заключения в начале 1974 г. Г. Хекматьяра, С. Насратьяра и д-ра Омара противоречия настолько обострились, что фактически произошел раскол организации. Г. Хекматьяр и д-р Омар, возглавившие сторонников радикальных действий, приступили к подготовке антиправительственного восстания в стране под лозунгом джихада против "безбожного" режима М. Дауда[27]. А. Сайяф в конце 1973 г. выехал по стипендии в США для "продолжения исламских исследований".

И вот в 1974 г. таинственно, по-одному исчезают из Афганистана руководители "Мусульманской молодежи". Все они оказались в Пакистане в "хиджрате", в "эмиграции", которая длилась одинаково долго – три месяца, после чего большинство из них благополучно вернулись в Кабул, где никому и в голову не пришло их разыскивать. Только сейчас афганские контрреволюционные издания сдержанно признают, что все они проходили в Пакистане "военную подготовку"[28]. В июле 1975 г. в нескольких провинциях Афганистана начались антиправительственные вооруженные выступления под руководством членов "Мусульманской молодежи".

Изучение имеющихся малочисленных данных об этом периоде деятельности афганских фундаменталистов позволяет сделать вывод, что афганские последователи "Братьев-мусульман", вставшие на путь вооруженной борьбы против республиканского режима М. Дауда, превратились в орудие в руках прежде всего Пакистана и пакистанских спецслужб, а затем и других недружественных Афганистану сил.

Для правительства З.А. Бхутто нелегальное прибытие в Пакистан лидеров и активных членов оппозиционных М. Дауду сил было как нельзя более кстати. В этот период вновь обострились афгано-пакистанские отношения из-за проблемы Пуштунистана. М. Дауд апеллировал к ООН и одновременно использовал пуштунские племена для создания напряженности вдоль

линии Дюранда. Правительство З.А. Бхутто ответило проведением в отношении Афганистана "политики "вперед"[29]. В этой ситуации, где чувствовалась и рука ЦРУ США, пакистанское руководство пошло на оказание помощи афганским фундаменталистам, прибывшим в Пакистан. По некоторым данным, Пакистан тайно подготовил и обучил методам ведения партизанской войны около 5 тыс. афганских фундаменталистов (цифра, по нашему мнению, явно завышенная. – *В.С.*) в секретных лагерях, основным из которых являлся лагерь в Аттоке. По этим же данным, операция по подготовке афганских фундаменталистов, оснащение их оружием, финансирование – все это "осуществлялось полностью независимо, как чисто пакистанская операция, и ни иранцам, ни американцам, ни китайцам об этом не сообщалось"[30]. «В то время как сегодня сторонники Г. Хекматьяра высокомерно напоминают другим группам сопротивления, что они начали свою борьбу против "безбожного коммунизма" и других "неверных" еще в 1975 г., – пишет один из западных исследователей, – высокопоставленные военные и гражданские лица из бывшего правительства Бхутто, располагающие достоверной информацией о тайных операциях против Афганистана, рассказывают совершенно иную историю. Эти официальные в прошлом лица утверждают, что Гульбуддин и другие, такие, как Б. Раббани из Исламского общества Афганистана, находились в Пакистане под прямым руководством и контролем правительства Бхутто. Вопросы снабжения, поставок, финансов во время панджширского инцидента решались пакистанскими властями»[31].

В распоряжении исследователей пока нет документальных подтверждений этой тайной операции пакистанских властей. Но факты и элементарная логика не оставляет никаких сомнений в том, что это была именно тайная операция одной страны против другой, соседней, с использованием ее оппозиционных сил. Сами афганские фундаменталисты уже сейчас, описывая свои "подвиги" того периода, не скрывают, что проходили военную подготовку на территории Пакистана. Даже если формально их гостеприимными хозяевами на территории Пакистана были руководители "Джамаат-и ислами" Пакистана, то было бы наивно думать, что эта широкомасштабная операция против соседнего государства могла бы быть осуществлена без ведома и участия правительства Пакистана и возможно, других сил.

Таким образом, 21 июля 1975 г. начались повстанческие действия в Панджширской долине, а затем в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия, Нангархар.

Кто же возглавил эту попытку поднять восстание? Назовем некоторых из его непосредственных руководителей.

1. Мухаммад Насим Тарек Мослемьяр родился в 1949 г. в деревне Калече провинции Кабул в "религиозной семье", окончил кабульский лицей Хабибия, преподавал теологию в том же лицее. Привлечен к членству в "Мусульманской молодежи" одним из ее основателей – моуляви Хабибом Рахманом. В 1971–1972 гг. был ответственным за работу кружка организации в лицее. В 1974 г. "эмигрировал" в Пакистан, затем вернулся в Кабул. В 1975 г. поступил в Кабульский университет на факультет литературы. По указанию руководства организации выдвинул свою кандидатуру в качестве представителя студентов первого курса литературного факультета в союз студентов университета, был избран членом союза. При голосо-

вании голоса распределились следующим образом: за Мослемьяра подано 168 голосов, за представителя "Хальк" – 6 голосов, за представителя "Парчам" – 60 голосов. В середине лета 1975 г. "по приказу руководства исламского движения" отправился в уезд Панджшир "для начала вооруженной борьбы против прислужников иностранцев и их хозяев". В первом же столкновении с правительственными войсками был ранен, задержан, потом приговорен военным судом к пожизненному заключению. В тюрьме являлся членом руководящего совета заключенных из числа "братьев" (так называли друг друга члены "Мусульманской молодежи"). В конце мая 1979 г. расстрелян в составе группы из 117 наиболее активных фундаменталистов, находившихся в заключении со времен М. Дауда[32].

2. Мухаммад Надыр Бадахши, один из основателей движения, родился в 1952 г. в деревне уезда Кешм провинции Бадахшан, закончил уездную школу, затем педагогическое училище в Кабуле. Привлечен в "движение" (в кружок на богословском факультете университета) д-ром Омаром. После окончания лицея поступил в университет на факультет права и политических наук. В 1974 г. в составе группы единомышленников "эмигрировал" в Пакистан, а через несколько месяцев вернулся в Кабул и продолжил учебу. Летом 1975 г. по приказу руководства движения выехал в Бадахшан "для начала вооруженной борьбы". В столкновении с правительственными войсками был ранен, осужден и приговорен к тюремному заключению. В тюрьме являлся руководителем ячейки членов движения тюремного блока. В конце мая 1979 г. расстрелян в числе 117 фундаменталистов, находившихся в заключении со времен М. Дауда[33].

3. Профессор Голь Мухаммад, один из основателей движения, родился в 1946 г. в деревне Нарх провинции Майдан в семье бедного земледельца. Окончил начальную школу в Нархе, затем медресе в Кабуле, после чего поступил на богословский факультет Кабульского университета, где вместе с Абдуррахимом Ниязи принимал участие в создании первого фундаменталистского кружка. По окончании университета стал преподавать в лицее Хабибия, где вел активную подпольную работу. В 1974 г. "эмигрировал" в Пакистан, прошел там курс военной подготовки. В 1975 г. ему, Хабибу Рахману и Хаджи Махфузу "было поручено организовать восстание по всей стране". Погиб в бою в долине Панджшир[34].

4. Доктор Мухаммад Омар, один из основателей движения, родился в деревне уезда Кешм провинции Бадахшан в 1951 г. в "приверженной исламу семье". Среднее образование получил в Кабуле. Поступил в Кабульский университет на медицинский факультет, где активно подключился к деятельности фундаменталистского кружка. Член руководства "Мусульманской молодежи". Прошел военную подготовку в Пакистане. В 1975 г. был направлен в Бадахшан для организации вооруженной борьбы против режима М. Дауда. Арестован, осужден и казнен[35].

5. Моуляви Хабиб Рахман, один из руководителей фундаменталистского движения, к моменту мятежа 1975 г. – профессор богословского факультета. В 1975 г. "с саблей в одной руке и Кораном – в другой", как писали о нем впоследствии, прибыл в провинцию Лагман, где буквально через месяц был арестован, а в июне 1977 г., еще до апрельской революции, был осужден и расстрелян вместе с такими основоположниками "Мусульманской молодежи", как доктор Мухаммад Омар и Хаджи Махфуз[36].

6. Инженер Абдул Алам, один из ветеранов "Мусульманской молодежи", вступил в организацию, будучи студентом политехнического института, был близок с одним из руководителей первых фундаменталистских кружков в университете инженером Хабибом Рахманом. В 1974 г. тайно выезжал в Пакистан, где проходил военную подготовку, в 1975 г. направлен в Лагман для организации вооруженного восстания вместе с моуляви Хабибом Рахманом. Был схвачен, приговорен военным судом вместе с другими руководителями "Мусульманской молодежи" к пожизненному заключению. Расстрелян в мае 1979 г. в составе группы из 117 фундаменталистов, находившихся в заключении со времен М. Дауда[37].

На этом закончился первый, "университетский", этап развития современного исламского фундаменталистского движения в Афганистане. С 1976 г. до апрельской революции 1978 г. оно почти не дает о себе знать: часть его руководства уничтожена, часть сидит в тюрьмах, основные кадры эмигрировали, как правило, в Пакистан, где влились в новую организацию – Исламскую партию Афганистана, создававшуюся Г. Хекматьяром, который "эмигрировал" в Пакистан в 1974 г. и не возвращался более на территорию Афганистана, предпочитая отсиживаться за его пределами. Но движение не прекратило своего существования – по всей стране остались его нелегальные ячейки, продолжало действовать хорошо законспирированное подполье. "Эмигрировавшие" в Пакистан кадры налаживают связи с фундаменталистскими движениями в арабском мире, занимаются организационной деятельностью. Идет перегруппировка сил. Но это уже другие силы. Что касается первого, "университетского" этапа – времени возникновения и становления течения, то это был, если можно так сказать, его "золотой век", его молодость, которой были свойственны определенные идеалы, искренние порывы, добросовестные заблуждения. Об этом периоде с тоской пишет фундаменталистский автор Ш. Фагири в одной из статей из серии "Революция в революции": «Нет сомнения в том, что наше исламское движение оставило позади славную золотую эпоху – эпоху морали, соблюдения обязательств, братства, единодушия, эпоху, свободную от проявления пессимизма, самовосхваления, карьеризма... До эмиграции... в движении не было людей, находившихся у него на содержании, никому не выплачивались средства ни на питание, ни на какие-либо другие нужды. Отсутствие в прошлом экономической зависимости (внутри движения. – *В.С.*) обусловливало... братские и неформальные отношения между людьми, в то время как сейчас... когда братья в своем большинстве стали чиновниками движения и находятся на его содержании, отношения в большинстве случаев превратились в отношения между начальником и подчиненным, что не соответствует принципам и духу движения. Если до эмиграции каждый спрашивал себя: "Что я сделал для движения?", то с уходом в эмиграцию возник другой подход к участию в движении – "Что сделало движение для меня? Как я могу его использовать?"»[38].

Но это из области эмоций фундаменталистского "летописца". А вот что говорит о попытке вооруженного восстания 1975 г. один из его идеологических вдохновителей и организаторов Г. Хекматьяр: "Если бы не было исламского восстания истинных мусульман Исламской партии Афганистана, наше сопротивление не состоялось бы. Когда мы подняли

оружие против угнетателя Дауда, были люди, которые обвиняли нас в мятеже, были и такие, кто считал нас авантюристами, были даже такие, кто осудил героическое восстание истинных моджахедов в Лагмане, Кунаре, Нангархаре, Панджшире, Ургуне и Пактии, заявив, что это сопротивление не более, чем авантюра. Они даже не признавали наши жертвы шахидами, они отказывались называть шахидами тех, кто пожертвовал свои жизни в Лагмане, в ущельях Панджшира, Кунара, Нангархара, Пактии и в Кабульской провинции, оказывая вооруженное сопротивление режиму Дауда. Они говорили, что это не шахиды, так как их сопротивление не носило характера исламского сопротивления, что это авантюра. Но сегодня все знают: если бы не было самоотверженного вооруженного восстания и сопротивления в тот период, то никогда не было бы сегодняшнего сопротивления. Это были первые шаги, начало нашего сопротивления.

Наше вооруженное сопротивление началось с периода нахождения у власти Дауда, а не с военного вторжения русских. В тот период некоторые рекомендовали найти компромисс с Даудом, особенно когда Дауд вынужденно, под давлением нашего сопротивления отошел от коммунистов... Они рекомендовали использовать этот фактор и избрать компромисс. Мы снова утверждаем, что, если бы наше сопротивление во времена Дауда избрало путь примирения, то революция была бы подавлена и уничтожена"[39].

Возвращаясь к первому периоду существования и деятельности афганской исламской контрреволюции, Г. Хекматьяр заявлял: "Здесь есть братья, которые видели первые дни движения. В начале наше число на собраниях в Кабульском университете не достигало и 20–30 человек. А сегодня повсюду в Афганистане, в каждой провинции мы имеем тысячи вооруженных моджахедов"[40].

Начался новый, качественно иной период существования и деятельности афганского исламского фундаменталистского движения. "Мусульманская молодежь" распалась, оставшиеся в живых ее члены – уже не студенческая молодежь, а ядро контрреволюционных сил, составивших становой хребет двух основных афганских контрреволюционных партий – Исламской партии Афганистана (ИПА), которую в 1974 г. начал создавать в Пакистане Г. Хекматьяр и создание которой в основном завершилось в 1976 г., и Исламского общества Афганистана (ИОА), основу которого составили сторонники Б. Раббани и которое он возглавил.

Трудно точно определить момент распада "Мусульманской молодежи", но, как уже говорилось, противоречия возникли в 1973 г., после прихода к власти М. Дауда, и их причиной послужил различный подход при выборе путей дальнейшей борьбы против республиканского режима М. Дауда. Однако установлено, что уже в 1975 г., после попытки поднять вооруженное восстание, в кабульской тюрьме Дехмазаньг, где содержались осужденные фундаменталисты, существовали и взаимодействовали ячейки ИПА и ИОА. Обе организации в своих печатных изданиях называют одних и тех же "шахидов" в качестве основоположников исламского движения и своих организаций, избегая тем не менее полемики по этому щекотливому вопросу. Б. Раббани исподволь протаскивает мысль, что его "общество" было создано еще в 1954 г. хотя действует при этом осторожно. Для Г. Хекматья-

ра ни предшественников, ни авторитетов не существует. Он твердо проводит линию на то, что "Мусульманская молодежь" была первой в Афганистане исламской фундаменталистской организацией, что она является его детищем (благо почти все ее основоположники, в частности Г.М. Ниязи, погибли, а оставшиеся в живых Б. Раббани и А. Сайяф не могут претендовать на роль создателей "мусульманской молодежи" и тем более ИПА, так как первый, будучи профессором, стоял как бы над организационной структурой и занимался периферией, а второй и пришел в организацию позже, и в самые острые моменты оказывался за рубежом то в Египте, то в США). Г. Хекматьяр прямо говорит о том, что "Мусульманская молодежь" послужила основой ИПА и что ИПА – единственный законный продолжатель ее дела.

Прежде чем перейти к рассмотрению следующего этапа деятельности афганской фундаменталистской контрреволюции, попытаемся хотя бы коротко определить и назвать причины неудачи попытки поднять вооруженное восстание летом 1975 г. в Афганистане, поскольку этот вопрос имеет важное значение для анализа причин упорного сопротивления контрреволюции после апрельской революции 1978 г.

Автору не удалось найти в работах советских и зарубежных афганистов каких-либо попыток анализа или хотя бы гипотез, которые могли бы облегчить эту задачу. Полное молчание хранят об этом и печатные издания афганской контрреволюции. Между тем, как представляется, причины поражения вооруженного выступления афганской фундаменталистской контрреволюции против режима М. Дауда могли заключаться в следующем. "Мусульманская молодежь" являла собой политический авангард правой радикальной мелкобуржуазной интеллигенции. Поставив перед собой две цели – борьбу против левых сил и свержение существовавшего режима с созданием исламского государства, она неизбежно встала перед необходимостью выбора класса или сословия, который мог бы впитать ее идеи и пойти за ней на восстание или переворот. Организовать массовые выступления и беспорядки в Кабуле "Мусульманская молодежь" в принципе могла, но она, видимо, сознавала, что режим Дауда при поддержке армии, полиции, а если понадобится, то и левых сил, быстро и безжалостно ликвидирует эти выступления, тем более что опыт подобных действий режим уже приобрел.

Рабочий класс был для фундаменталистов далек и чужд. В армии организация имела своих людей, в основном среди унтер-офицерского состава. За работу в армии, как уже говорилось, отвечали моуляви Хабиб Рахман и инженер Иман. В декабре 1973 г. имела место неудавшаяся попытка вооруженного мятежа, подготовленного с участием "Мусульманской молодежи". Но прочных позиций в армии организация не имела.

Оставалось крестьянство. Работу в деревне организация вела и ранее. Туда во время каникул регулярно выезжали ее члены, занимавшиеся распространением фундаменталистских идей (конечно, на определенном уровне), а среди простых крестьян – агитационной деятельностью, направленной против правящих верхов как виновников всех зол и бед, а также против проникновения в страну растленной западной культуры и "безбожного коммунизма". Скромные масштабы этой работы в деревне никоим образом не соответствовали масштабам поставленных ими перед собой

задач, т.е. поднятию вооруженного восстания по всей стране или в нескольких провинциях. Военные действия были начаты, видимо, под давлением пакистанских спецслужб и в надежде на то, что сельское население сначала нескольких провинций, а затем и по всей стране поддержит повстанцев. На принятии решения, вероятно сказалось и то, что члены организации в своем большинстве были выходцами из деревни и не порвали еще с ней связи.

Однако надежды фундаменталистских экстремистов оказались тщетными. Их боевые группы терпели поражения одно за другим, не получив какой-либо поддержки со стороны крестьянства. И это было вполне закономерно. Не было никаких причин – экономического, политического или социального характера для того, чтобы афганское крестьянство поднялось против режима М. Дауда. Крестьянские интересы прежде всего обращались к земле – объекту всех его устремлений и чаяний. Режим М. Дауда не угрожал существованию сложившейся системы землепользования, не пытался, по крайней мере на этом этапе, осуществить радикальные аграрные преобразования, которые могли бы напугать или вызвать недовольство крестьян. Афганское крестьянство относилось к верховной власти – к королевской династии – как к символу единства и независимости страны. «В отличие от многих колониальных и зависимых стран, – пишет в одной из своих работ Р.А. Ульяновский, – в Афганистане борьба против английского колониализма за восстановление независимости проходила под руководством монархии. Последовавшая затем в 20-е годы эпоха "просвещенного абсолютизма" создала вокруг монархии ореол прогрессивной силы и оплота национального суверенитета»[41]. Монархия была упразднена, но республику возглавил опять-таки представитель королевской династии, выходец из клана мухамедзаев, что могло быть воспринято крестьянской массой как продолжение династической линии, тем более что переворот был бескровным. При этом следует учитывать и степень религиозности крестьянства: оно могло прийти в движение, если бы почувствовало какую-то угрозу своей вере, но такой угрозы не последовало, и призывы к джихаду исламских фундаменталистов повисли в воздухе. Крестьянство в движение не пришло и авантюра афганских фундаменталистов окончилась полным провалом.

"Всеобщее вооруженное восстание не состоялось, – писал один из зарубежных авторов, – поскольку народ отказался поверить в заявление повстанцев, что в Кабуле правит безбожный коммунистический режим"[42].

В этот период начинался поворот М. Дауда вправо, его отход от декларированных социально-экономических программ, преследование прогрессивно-демократических сил в стране, сближение с шахским Ираном и реакционными арабскими странами. 8 июня 1976 г. состоялся визит в Афганистан премьер-министра Пакистана З.А. Бхутто. Стороны достигли соглашения о прекращении пропагандистской войны по вопросу о Пуштунистане и о линии Дюранда.

По мнению одного из зарубежных исследователей, к числу причин поворота вправо в политике М. Дауда можно отнести ту, что шахский Иран и Пакистан проводили по отношению к Афганистану скоординированную политику "кнута и пряника". "Пряником" в соглашении была массированная программа помощи Афганистану. Шах брал на себя обязательство оказать Кабулу помощь в размере почти 3 млрд амер. долл.

"Кнут" оставался в руках пакистанской стороны. Было ясно, что если Кабул отойдет от нового соглашения о линии Дюранда и о проблеме Пуштунистана, то Пакистан будет готов задействовать те силы, которые он привел в движение в Панджирской долине в июле 1975 г. После договоренности о прекращении вмешательства в дела друг друга Пакистан полностью прекратил свою поддержку фундаменталистов, а Афганистан – пуштунов"[43].

Было бы неправильно утверждать, что исламское фундаменталистское течение в Афганистане ограничивалось деятельностью "Мусульманской молодежи". В стране были и другие центры притяжения последователей исламского фундаментализма, имелись и иные проводники фундаменталистских идей, вокруг которых группировались их последователи. Но "Мусульманская молодежь" была первой в Афганистане *организацией* фундаменталистов, которая восприняла у арабских "Братьев-мусульман" не только их идеи, но и контрреволюционные формы идеологической и политической борьбы, в том числе характерный для "братьев" фанатичный экстремизм, стремление и готовность прибегать к политическому террору.

Остальные проводники фундаменталистских, а точнее, панисламистских идей (С. Моджаддиди, М. Наби Мухаммади и др.) не представляли для правящей верхушки какой-либо серьезной опасности, все они принадлежали к господствующим классам, к высшим слоям духовенства, масштабы их деятельности ограничивались довольно узким кругом последователей, их кружки не имели организационных форм. Их фундаментализм не был столь последователен, как у "Мусульманской молодежи", они использовали идеи панисламизма для критики существовавших порядков, для борьбы с прогрессивными силами, но дальше этого не шли. Большинство из них еще немного пококетничали с идеями "братьев" и порвали с фундаментализмом, перейдя в лагерь традиционалистов. После апрельской революции 1978 г. в Афганистане они вольются в ряды исламской контрреволюции и составят ее внушительную часть – исламскую традиционалистскую контрреволюцию, анализ которой дан в последующих разделах работы.

Глава 2

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АПРЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1978 г. В АФГАНИСТАНЕ. РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА

"... Контрреволюция и империализм превратили в кровоточащую рану Афганистан"[1], – говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Эти две силы – контрреволюция и империализм – вот уже в течение девяти лет противостоят национально-демократической, антифеодальной и антиимпериалистической революции в Афганистане, начавшейся 27 апреля 1978 г. военным революционным выступлением патриотически настроенных офицеров.

Апрельская национально-демократическая революция 1978 г. в Афганистане, как и всякая социальная революция, неизбежно вызвала к жизни контрреволюцию, которая ведет ожесточенную и непримиримую борьбу,

вооруженную, идеологическую и экономическую, против молодой республики, ее социальных и экономических преобразований и завоеваний. Девять лет открытого вооруженного противостояния сил прогресса и реакции – срок, казалось бы, немалый и достаточный для решения вопроса "кто кого". Но революция в Афганистане ведет борьбу не просто против внутренней контрреволюции (если бы это было так, то надо полагать, эта борьба была бы уже закончена и вопрос "кто кого" был бы решен в пользу революции), но против контрреволюции в международном масштабе, против экспорта контрреволюции – одной из форм интервенции, против экономической и политической блокады.

Апрельская революция и вооруженное сопротивление контрреволюции, поддерживаемое извне, являются объектом многочисленных исследований советских и зарубежных ученых, статей и комментариев политических обозревателей и журналистов. Событиям в Афганистане даются самые разнообразные оценки – от серьезных и компетентных попыток осмыслить происходящее до популяризаторского изложения событий без глубокого их изучения, что иногда приводит к недостаточно обоснованным выводам. На некоторых подобных выводах, имеющих наибольшее распространение, взятых в обобщенном виде и поэтому без указания их авторства, видимо, следует остановиться особо.

Некоторые исследователи считают, что революция в Афганистане носила случайный характер или была преждевременной, что в стране еще не созрели необходимые для социальной революции экономические и социально-политические предпосылки, а потому она оказалась лицом к лицу с таким мощным сопротивлением, что в одиночку, без помощи со стороны Советского Союза, она была бы обречена на гибель.

Эта точка зрения по своему существу не кажется достаточно убедительной. К моменту апрельской революции 1978 г. в Афганистане объективно созрели социально-экономические предпосылки для антифеодальной, национально-демократической революции. Более того, революционная ситуация в Афганистане, по нашему мнению, существовала уже в конце 60-х – начале 70-х годов, но прогрессивные силы в тот период еще не были готовы к организованным действиям. В развитии революционной ситуации наступил спад, закончившийся спасительным для эксплуататорских классов и сословий антимонархическим переворотом М. Дауда. Но правящему режиму не удалось своими маневрами, уступками, репрессиями притупить противоречия, в стране постепенно вызревали элементы политического кризиса, происходило накопление сил, затем возникла новая революционная ситуация, закончившаяся в апреле 1978 г. революционным военным выступлением, положившим начало революционному процессу.

Как нам представляется, в обществе не бывает случайных или преждевременных социальных революций. Могут иметь место преждевременно выдвинутые политические лозунги, преждевременные социально-экономические программы и преобразования, преждевременные вооруженные выступления, но революция (если это действительно революция в марксистско-ленинском понимании этого явления), коль скоро она произошла, не преждевременна. Она может одержать победу, но может и потерпеть поражение, но она была, существовала, жила и боролась, она уже вошла в историю как революция. Так, мы не можем назвать европейские рево-

люции 1948–1949 г. во Франции, Австрии, Венгрии, Германии, Италии, первую пролетарскую революцию – Парижскую коммуну 1871 г., наконец, первую русскую революцию 1905–1907 гг. преждевременными, хотя в силу тех или иных причин все они потерпели поражение.

Что касается интернациональной помощи как условия жизнеспособности революции, то весь опыт современного мирового революционного процесса (Куба, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, НДРИ, Никарагуа) свидетельствует, что в настоящее время ни одна социальная революция не в состоянии одержать победу без интернациональной революционной солидарности[2]. Даже опыт антиимпериалистической антишахской революции в Иране, несмотря на претензии нынешних руководителей ИРИ, заявляющих, что революция в Иране якобы не зависела ни от каких внешних факторов, подтверждает это правило: если бы не решительная поддержка со стороны Советского Союза, нашедшая свое выражение в недвусмысленном предупреждении США о недопустимости вмешательства во внутренние дела Ирана, иранская революция была бы задушена силами империализма. Нет сомнения в том, что без помощи со стороны советского Союза ДРА не смогла бы противостоять экспорту контрреволюции, организованному международным империализмом и реакцией. Вместе с тем есть все основания считать, что если бы не вмешательство извне, то революция в Афганистане уже решила бы основную задачу "кто кого" в свою пользу.

Другие исследователи и авторы, не ставя под сомнение вопрос о своевременности и правомерности апрельской революции в Афганистане, считают, что революция была успешной, что афганский народ в своем большинстве приветствовал ее, но что ошибочные экстремистские и волюнтаристские действия халькистского крыла НДПА во главе с Н.М. Тараки, нашедшие свое выражение в первых декретах молодой власти и в способах их претворения в жизнь, в неправильной линии по отношению к служителям религиозного культа и т.д., а также предательские действия Х. Амина – все это восстановило народ против революции, и сейчас нынешнее руководство ДРА расплачивается за ошибки своих предшественников.

Такая точка зрения имеет под собой определенные основания, но она не до конца учитывает проверенные жизнью положения марксистско-ленинской теории социальных революций. Любая социальная революция сопровождается контрреволюцией. В истории нет и не может быть революции без контрреволюции. Более того, как считал К. Маркс, даже на половинчатую революцию господствующие классы всегда отвечают полной контрреволюцией[3]. Поэтому было бы неверным считать, что если бы не ошибки руководителей первого этапа апрельской революции и если бы не предательские действия Х. Амина, то афганская революция не столкнулась бы с ожесточенной контрреволюцией. История басмаческого движения в советских республиках Средней Азии свидетельствует, что ошибки и даже преступная деятельность местных советских органов, куда пробрались провокаторы и враги Советской власти, принесли басмачам поддержку мусульманского населения. Но советские исследователи басмаческого движения установили и другое: например, волна басмачества в 1920 г. в Фергане была вызвана не только ошибками представителей местной власти, но и тем, что к тому времени еще не были осуществлены экономические и социальные преобразования, которые привлекли бы крестьян на сторону

молодой власти, что в рядах местной власти и вне ее действовали приспешники баев и эксплуататорских классов и контрреволюционная агентура, целеустремленно провоцировавшая население на выступления против этой власти, что Антанта, готовя новый подход против Советской России, большое внимание уделяла ее окраинам, используя в своих интересах басмачество[4]. Ошибки местного руководства не породили басмачество, а лишь укрепили его за счет обиженных на новую власть, способствовали расширению социальной базы уже существовавшего контрреволюционного движения, росту его массовости. "Обязательным условием возникновения и развития басмачества, – отмечается в одном из советских исследований этого течения, – является всесторонняя и широкомасштабная помощь мирового империализма"[5].

Возвращаясь к Афганистану, с полным основанием можно сказать, что не ошибки, допущенные на первом этапе руководителями афганской революции, вызвали вооруженное сопротивление и породили контрреволюцию, хотя они внесли свою "лепту" в этот процесс и придали контрреволюции особый размах. Главное не в этом, а в том, что апрельская революция была с неизбежностью встречена в штыки различными отрядами контрреволюций как внутри страны, так и контрреволюции международной.

Кратковременная задержка, "заминка" в реакции внутренней и внешней контрреволюции на апрельскую революцию, длившаяся всего несколько месяцев, объясняется тем, что революция застала врасплох как правящий аппарат и господствующие классы, против которых она была направлена, так и те ультрареакционные силы, оппозиционные в отношении правившего режима, которые сами рвались к власти.

Поскольку момент революционного переворота, положившего начало национально-демократической революции, оказался для них неожиданным, им потребовалось время для осмысления происшедшего, для перегруппировки сил, установления связей и контактов с внешней контрреволюцией, выработки идеологической платформы контрреволюционной борьбы, изыскания материальных средств и для решения целого ряда других практических вопросов. Вспомним, что гражданская война в Советской России и широкомасштабная вооруженная интервенция против нее стран Антанты и Японии начались только летом 1918 г., через несколько месяцев после "триумфального шествия Советской власти по всей стране"[6].

Таким образом, поспешные непродуманные, ошибочные действия лидеров апрельской революции в Афганистане, а также предательские действия Х. Амина и его приспешников, не являясь сами по себе первопричиной возникновения контрреволюции, в то же время оттолкнули от революции значительную часть тех сил, в интересах которых она была совершена, укрепили позиции внутренней контрреволюции и создали условия для экспорта контрреволюции в Афганистан извне.

Наконец, некоторые исследователи и авторы исходят из того, что афганская контрреволюция не была чем-то новым, возникшим после апрельской революции, что часть правых реакционных сил, составляющая ныне основу афганской контрреволюции, и ранее, сначала в подполье, а затем открыто, с оружием в руках, выступала против королевского режима Захир-шаха и республиканского режима М. Дауда. С этой точки зрения национально-демократическая революция 1978 г., отношения братской дружбы, устано-

вившиеся между ДРА и СССР, и затем ввод в ДРА в декабре 1979 г. по просьбе афганского руководства ограниченного контингента советских войск лишь способствовали консолидации уже имевшихся контрреволюционных сил, подключению к ним новых слоев населения. Отчасти подобное мнение небезосновательно, но оно нуждается в уточнении.

Действительно, крайне правые реакционные силы, составляющие ныне один из основных отрядов афганской контрреволюции и организационно сконцентрированные в Исламской партии Афганистана под руководством Г. Хекматьяра и в Исламском обществе Афганистана под руководством Б. Раббани, еще до апрельской революции вели идеологическую, политическую, а иногда и вооруженную борьбу как против правящих режимов, так и против прогрессивных идей и их носителей, т.е. против молодых прогрессивных сил в Афганистане. При этом острие этой борьбы было направлено прежде всего против прогрессивных, "коммунистических" сил, а уже потом против режимов Захир-шаха и М. Дауда как "пособников" и "проводников" "коммунистического проникновения в Афганистан". Но, во-первых, эта часть афганской контрреволюции, хотя и наиболее опасная, остается только ее частью, и во-вторых, если бы не апрельская революция, то эта афганская контрреволюция вряд ли когда-либо вышла из своего подполья (как и ее идейные вдохновители "Братья-мусульмане" в Египте и Сирии), а ее руководители пребывали бы в постоянной унизительной эмиграции. Именно апрельская революция, свергнувшая тот режим, против которого боролись (но по другим, противоположным, причинам) эти архиреакционеры, как это ни парадоксально, объективно облегчила этой части афганской контрреволюции возможность обрести какую-то массовую базу, выйти на международную арену и заявить о себе как о претенденте на власть в Афганистане.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФГАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Апрельская революция 1978 г. в Афганистане – это революция, которая произошла в крайне отсталой стране, где причудливо переплелись дофеодальные и феодальные пережитки с нарождавшимися и начинавшими развиваться капиталистическими отношениями. Экономическая и политическая отсталость, своеобразная расстановка классовых сил, задержка с развитием классовой дифференциации, медленное формирование промышленного пролетариата – все это обусловило особенности классовой борьбы в Афганистане после апрельской революции 1978 г. Исключительно острый характер имеет в Афганистане национальный вопрос; он не был решен после апреля 1978 г., не решен он и сейчас, что привносит в классовую борьбу столь сильные элементы национально-этнической розни, что они зачастую внешне затушевывают, оттесняют на задний план классовый характер происходящих событий. Нельзя не отметить также особенно сильное в Афганистане влияние на народные массы исламской религии, которая превратилась в идеологию афганской исламской контрреволюции.

Руководящей и направляющей силой национально-демократической революции в Афганистане явилась НДПА, объединившая в своих рядах "часть радикально настроенной афганской интеллигенции, представителей

передового офицерства, служащих госаппарата, часть передовых рабочих и студенчества"[7], т.е. прогрессивный авангард средних городских слоев плюс некоторое число рабочих.

Тот факт, что во главе национально-демократической революции в Афганистане, как и в других странах Востока, стоят передовые представители средних городских слоев, и в первую очередь интеллигенции, – явление закономерное: именно из среды интеллигенции выдвигаются революционно-демократические элементы, преодолевающие буржуазную идеологию и выражающие интересы трудящихся. Рабочий класс Афганистана еще не создал собственную говоря словами В.И. Ленина, "рабочую интеллигенцию"[8], из которой выходят, как правило, рабочие лидеры, более того, он все еще остается "классом в себе" и пока не в состоянии возглавить даже национально-демократическую революцию. Но для того чтобы довести национально-демократическую революцию до конца, необходимо, чтобы НДПА помогла становлению рабочего класса как политической силы, повышению его роли в общественной и политической жизни, приобщению его к научному социализму. На первом этапе революции отдельные руководители НДПА проявляли свойственное некоторой части интеллигенции "революционное нетерпение", декларировали установление в стране диктатуры пролетариата, "грозились" за пять лет пройти путь, который Советский Союз прошел за 60 с лишним лет. Такое забегание вперед и эти безответственные заявления могли бы вызвать лишь улыбку, если бы не тот огромный вред, который они нанесли, отпугивая от революции широкие слои трудового населения, и в первую очередь крестьянства, и играя на руку афганской контрреволюции.

В настоящее время афганское руководство понимает, что расширение социальной базы революции и привлечение на ее сторону широких трудящихся масс – непременное условие успешного развития революции, и проводит в этом направлении особенно в последнее время определенную работу.

Вопрос о рабочем классе Афганистана как о социальной силе, в своем большинстве поддерживающей и защищающей революции, почти решен в пользу революции, хотя автор не стал бы преувеличивать роль рабочего класса в социальной революции применительно к Афганистану. Называемая в различных работах по Афганистану численность рабочего класса (от 300 до 400 с лишним тысяч всего, в том числе 60 тыс. фабрично-заводских рабочих) может внушить излишний оптимизм, если не учесть особенности афганского рабочего класса. Неразвитость в стране крупной машинной индустрии, которая создает предпосылки для формирования пролетарского классового сознания, обусловливает отсутствие ядра рабочего класса, способного играть ключевую роль в его объединении[9]. Для рабочего класса Афганистана характерны большой удельный вес рабочих легкой промышленности, транспорта, горняков, газовиков и нефтяников, рабочих мелких мастерских, неквалифицированной рабочей силы, лиц, занятых в сфере торговли и услуг, отходников, безработных. Среди немногочисленных фабрично-заводских рабочих низок уровень кадрового, потомственного пролетариата. Сплочению рабочего класса мешают национально-этнические и религиозные различия. К моменту апрельской революции рабочий класс Афганистана находился на стадии первичной формы классового

сознания (тред-юнионистское сознание), т.е. начинал понимать, что единственное средство улучшить свое положение заключается в борьбе против хозяев. Но он еще не достиг второй формы классового сознания, который характеризуется пониманием, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, что рабочие составляют особый класс, и, тем более третьей формы, т.е. осознания, что для достижения своих целей рабочий класс должен добиваться участия в политической власти[10].

После апрельской революции рабочий класс Афганистана прошел большой путь в направлении повышения уровня своего политического сознания, увеличилась численность рабочих – членов партии, растут и становятся все более активными рабочие профсоюзы, рабочие принимают активное участие в вооруженной борьбе против контрреволюции. Во временной Конституции и в других программных документах закреплено положение о том, что рабочий класс является основной опорой власти.

И все же афганский рабочий класс еще не стал "классом для себя". Думается, что, пройдя через большие испытания, получив идейную классовую закалку, взяв на вооружение теорию марксизма-ленинизма, рабочий класс Афганистана создаст со временем свою марксистско-ленинскую партию.

Важнейшим, решающим для судеб национально-демократической революции в Афганистане стал вопрос о том, какую позицию по отношению к революции займет трудовое крестьянство: поддержит оно революцию – значит она победила, отвернется от революции или выступит против нее – революция будет обречена на поражение или на перерождение. Но о крестьянстве несколько позже.

Выше говорилось, что во главе национально-демократической революции в Афганистане стояли передовые представители средних городских слоев, и в первую очередь интеллигенции. Но средние городские слои и особенно их наиболее политически активная часть – студенчество – еще в конце 60-х годов породили и основную контрреволюционную силу, противостоящую ныне апрельской революции, – исламскую фундаменталистскую контрреволюцию. Мелкобуржуазная двойственность средних городских слоев способствовала распространению среди части афганской интеллигенции идей "третьего пути" развития, отрицающих как капитализм, так и социализм. Вслед за арабскими "Братьями-мусульманами" афганские фундаменталисты выдвинули лозунги возрождения ислама, создания исламского государства. До апрельской революции исламские фундаменталисты, объединившиеся в организацию "Мусульманская молодежь", а затем создавшие две основные фундаменталистские организации – Исламскую партию Афганистана и Исламское общество Афганистана, боролись как против монархии и режима М. Дауда, так и против прогрессивных левых сил, которые в 1965 г. образовали НДПА, причем наиболее яростным нападкам подвергались левые силы. Руководящую и направляющую роль в фундаменталистской контрреволюции – а афганские фундаменталисты были контрреволюционерами задолго до апреля 1978 г. – играли ИПА и ИОА, в состав которых вошли часть реакционно настроенной исламствующей интеллигенции, студенчества и учащихся, представители реакционного офицерства и чиновничества, т.е. реакционная часть средних городских слоев.

О социальном составе организации ИПА в городе могут свидетельствовать следующие данные, полученные в ходе полевых исследований в Афганистане. К февралю 1981 г. в кабульской городской организации ИПА состояло на учете 2179 человек, в их числе учащихся лицеев и средних школ – 622, студентов – 573, госслужащих – 213, военнослужащих – 156, учителей – 132, лиц "свободных профессий" – 101, рабочих и наемных работников – 73, сотрудников царандоя – 32, женщин – 15. Положение остальных не установлено. Обращает на себя внимание отсутствие в организации профессиональных служителей религиозного культа. Из 156 военнослужащих – членов ИПА имели звание от майора до полковника – 12 человек, от младшего лейтенанта до капитана – 30 человек, сержантские звания – 29 человек, слушателей академии было – 19 человек, курсантов военного училища – 7 человек, остальные 66 человек – рядовые. Из сотрудников царандоя старших офицеров – 2, младших офицеров – 1, сержантов – 21, рядовых – 8. Членами организации ИПА оказались 8 членов и 4 кандидата в члены НДПА, 4 члена и 6 кандидатов в члены Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА).

Приведенные данные лишний раз подтверждают, что кадровую основу исламской фундаменталистской контрреволюции в городе составляют представители средних городских слоев, и в первую очередь учащиеся и студенчество.

Отвергая капиталистический и социалистический пути развития, выступая с позиций антикоммунизма и антисоветизма, афганские исламские фундаменталисты, хотят они того или нет, на практике являются выразителями и защитниками классовых интересов буржуазии. Все основные программные положения исламских фундаменталистов – создание исламского государства с его принципами патриархальной справедливости, равенства и т.д. являются утопией, поскольку предусматривают сохранение частной собственности на средства производства, а следовательно, сохраняют и разделение людей на антагонистические классы, и классовую борьбу. Различные экономические рычаги, которые, по мнению исламских фундаменталистов, должны ограничивать накопление богатства в одних руках и обеспечить перераспределение доходов – не более чем иллюзия.

После апрельской революции 1978 г. антикоммунистическая, антисоветская и антидемократическая направленность деятельности афганских исламских фундаменталистов приобрела в их теории и практике довлеющее значение, оттеснив на задний план их противоречия с наследниками ушедших политических режимов – королевского и даудовского – афганскими традиционалистами, а также их неприятие западного пути развития.

Рвавшаяся к власти еще до апреля 1978 г. фундаменталистская контрреволюция искала себе социальную опору в борьбе против правивших режимов, поскольку, очевидно, понимала, что борьба в одиночку не имеет никакой реальной перспективы достижения цели. Рабочий класс, видимо, отпугивал фундаменталистов, его только зарождающееся, но все же пролетарское классовое сознание было им чуждо и враждебно, а их исламская догматика рассчитана в основном на средние городские слои. Оставалось крестьянство, огромная в масштабах страны масса крестьян, живущих в тяжелейших условиях, эксплуатируемых всеми, начиная с малика, старосты

деревни, хана и кончая центральным правительством. В 1975 г. фундаменталисты предприняли отчаянную попытку поднять крестьянские массы на борьбу против центрального правительства, но потерпели сокрушительное поражение. После апрельской революции они вновь стали возлагать свои надежды на афганское крестьянство, о чем будет сказано несколько позже.

После апрельской революции 1978 г. сформировался второй крупный отряд афганской исламской контрреволюции – традиционалистская контрреволюция. Ее руководящая и направляющая сила – это свергнутая феодально-монархическая верхушка, правившая в стране элита, генералитет, члены бывших правительств, высший слой мусульманских богословов, лидеры племен. Во главе этого отряда контрреволюции стоят такие видные в дореволюционном Афганистане религиозные авторитеты, как С. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби Мухаммади. По классовому характеру и политическим целям эта контрреволюция – феодально-монархическая, она выступает за возврат Афганистана на традиционный путь развития, за реставрацию додаудовских порядков, в том числе, если это оказалось бы возможным, – монархии. Этот отряд контрреволюции пытался, но не смог найти общий язык с контрреволюцией фундаменталистской, так как их разделяют классовые и сословные противоречия, а те формальные объединения, которые время от времени достигаются, носят временный, неустойчивый, конъюнктурный характер. С рабочим классом Афганистана такая контрреволюция не имеет и не может иметь ничего общего – это откровенные классовые противники, у них нет точек соприкосновения. Но данная контрреволюция тоже нуждается в массовой опоре и такой опорой смогло стать только афганское крестьянство.

Таким образом, после апрельской революции 1978 г. афганское крестьянство оказалось тем социальным классом афганского общества, который определял судьбу национально-демократической революции в стране. От позиции, которую займет афганское крестьянство, зависело, кто одержит верх в борьбе за власть в Афганистане – НДПА, выражающая интересы трудящихся масс Афганистана, в том числе интересы самого крестьянства, исламская фундаменталистская контрреволюция, представляющая, хотя и под камуфляжным прикрытием ислама, интересы буржуазии, и исламская традиционалистская контрреволюция – носитель интересов феодально-монархической, государственно-бюрократической и религиозной элиты прошлого Афганистана.

КРЕСТЬЯНСТВО – МАССОВАЯ БАЗА АФГАНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

К началу апрельской революции 1978 г. аграрный строй Афганистана в своем развитии еще не вышел за рамки полуфеодальных отношений. С одной стороны, еще сохранились пережитки феодальной системы, с другой – пробивались ростки капиталистических отношений. Основу аграрного строя, его низшую ячейку составляла деревня, у кочевых племен – перемещающийся лагерь, кочевая деревня.

Социальное устройство оседлой и кочевой деревни во многом, хотя и не во всем, имело общие характеристики. Помещики и крупные землевладельцы использовали традиционные методы эксплуатации крестьян, практикуя сдачу земли в аренду безземельным и малоземельным крестья-

нам, получая ренту и одновременно занимаясь ростовщичеством или торговлей. Как правило, эта категория лиц проживала в Кабуле или в городских центрах провинций. Высшим авторитетом деревни был малик (или хан, сардар), наиболее зажиточный крестьянин. Если в пуштунских племенах власть главы племени в какой-то степени ограничивалась джиргой – советом старейшин, то в неплеменной или многоплеменной, а также непуштунской деревне малик пользовался почти неограниченной властью: представлял интересы деревни в ее отношениях с уездной, волостной, провинциальной властью, владея правом сбора налогов, перераспределения участков земли (в тех районах, где этот старый обычай еще сохранился), отбором призывников в армию, будучи сам ростовщиком, малик держал в руках основные экономические рычаги власти в деревне.

Второе лицо в деревне, как правило, – деревенский мулла. Его влияние и авторитет опираются на религию, на его право применять в повседневной жизни положения шариата – исламского правового комплекса норм поведения мусульманина, следить за исполнением исламской обрядности, учить детей деревни основам грамотности (попытки правительств создать в деревнях государственные школы воспринимались как угроза положению муллы). Сочетание экономической власти малика с религиозным авторитетом и влиянием муллы было характерным явлением для деревни дореволюционного Афганистана. "Это означает, – пишет один из западных исследователей, – что местная власть приблизительно над 86% населения страны находится в руках частных лиц со своими собственными источниками богатства и силы, с которыми Кабул может вести переговоры, но которые он не может контролировать. На этом уровне центральное правильство не может быть уверено, что его политическая линия проводится в жизнь"[11].

Горные хребты, труднодоступные перевалы, отсутствие дорог способствовали устойчивой изоляции деревни как от крупных городов, так и от других деревень, что усиливало прочность кровных уз, сплоченности населения деревни, возникновению чувства подозрительности и недоверия к внешнему миру.

Действие названных выше факторов – экономической основы власти малика, авторитета религии, воплощенной в мулле, географической изоляции деревни усиливалось неписанными племенными пуштунскими традициями, закрепленными в своде норм поведения – "пуштунвалай". Эти традиционные модели поведения в той или иной жизненной ситуации, далеко не всегда совпадающие с нормами ислама, породили причудливый сплав "племенных и исламских ценностей, свойственных только Афганистану"[12].

Так, кровная месть, одна из основных заповедей племенного кодекса чести, отсутствует в шариате и противоречит его духу. Нужно заметить, что принципы "пуштунвалай" получили распространение и в других этнических группах населения Афганистана[13]. Афганская деревня – это замкнутая изолированная ячейка общества, где не могли появиться новые люди со стороны, новые идеи. Крестьянин не видел в лице помещика или малика врага.

В этих условиях любое мероприятие со стороны центрального правительства по отношению к деревне требовало максимума осторожности и тща-

тельно взвешенного подхода. Такой подход был тем более необходим, что афганское крестьянство, чувствительное к вопросу о законности того или иного центрального правительства и к его отношению к религии, было насторожено событиями в Кабуле в апреле 1978 г. Однако вместо кропотливой работы по разъяснению целей революции, ее политики в вопросе о земле, вместо постепенного привлечения крестьянства на сторону новой власти путем создания для деревни условий, облегчающих ее существование, таких, как строительство дорог, больниц, выделения кредитов и т.д., руководство ДРА, несмотря на имевшиеся на этот счет рекомендации, пошло по пути немедленного, практически без подготовки (так как нельзя считать подготовкой внезапные наезды в деревню уполномоченных НДПА, проводивших митинги) декретирования целого ряда реформ, призванных в короткий срок разрушить многовековые основы аграрного сектора страны, сложившиеся производственные отношения, уничтожить существовавшую систему землевладения и землепользования, что, по замыслу авторов этих преобразований, должно было привлечь к революции крестьянство, подвести в его лице под революцию массовую базу.

Один за другим были изданы декреты Революционного совета ДРА, имеющие непосредственное отношение к деревне, не просто затрагивающие ее интересы, но направленные на коренное изменение ее структуры. В июле 1978 г. был издан декрет № 6, сокращавший задолженность безземельных и малоземельных крестьян и предусматривавший ликвидацию ростовщичества, в октябре 1978 г. – декрет № 7, определявший низшие возрастные уровни брака и практически отменивший калым за невесту, в ноябре 1978 г. – декрет № 8 о проведении земельной реформы, имевший целью подорвать основы крупного помещичьего землепользования.

Направления ударов по остаткам феодализма в деревне, по эксплуатации малоземельного и безземельного крестьянства были в целом выбраны правильно. Но время нанесения этих ударов, их неподготовленность, необеспеченность тылов, сама структура реформ, способы их претворения в жизнь – все носило отпечаток политического дилетантства, незнания особенностей обстановки в деревне, забегания вперед.

Позднее, в 1984–1986 гг., руководители ДРА признали фактический провал аграрной реформы.

В конце февраля 1984 г. председатель Совета министров ДРА С.А. Кештманд на пресс-конференции по вопросам проведения земельноводной реформы сообщил, что в 40 уездах 28 провинций страны (всего в стране 286 уездов и волостей) 77 818 семей получили 333,5 тыс. джарибов* земли (66,7 тыс. га). "Иначе говоря, – заявил С.А. Кештманд – каждая семья получила менее 5 джарибов. Причем земля изымалась у середняков. Это было одним из факторов, обусловивших переход недовольного среднего крестьянства в стан контрреволюции"[14].

На XX Пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 20 ноября 1986 г., генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб, в частности, признал: "Задумаемся все вместе, что же у нас происходит: в крестьянской стране мы не занимаемся как следует крестьянством. Такой животрепещущий вопрос, как земля и вода, мы пытались решить выдачей абстрактных документов, направляя

---

* 1 джариб равен 0,2 га.

поток бумаг на голову крестьян. Мы начали аграрную реформу не с того конца, разрушая сложившиеся производственные отношения, не считаясь с национальными обычаями, традициями и нравами"[15].

В результате ошибочной политики НДПА по отношению к крестьянству было подорвано доверие крестьянства, в том числе середняка, безземельного и малоземельного, к новой власти в Кабуле. Крупные землевладения конфисковывались без каких-либо, хотя бы символических "отступных", что прямо задевало интересы не только помещиков, но и большого числа землевладельцев из офицерского состава армии, чиновников госаппарата, мусульманских богословов. Крестьянин не был социально-психологически подготовлен к получению во владение земли, принудительно отнятой у ее прежнего владельца. В этом проявлялось веками воспитывавшееся религией и обычаями почитание принципа неприкосновенности частной собственности. Крестьянину давали землю, но запрещали ее продажу, сдачу в аренду, под залог, а также дробление при наследовании, запрещалась также работа по найму. Эти ограничения наряду с запретом частного ростовщичества и отсутствием системы получения денежных и иных ссуд от государства обрекал крестьянина на владение участком земли, которым, как он считал, он полностью не распоряжался и который ему нечем было ни засеять, ни полить (реформа на ее первой стадии не коснулась такой важной проблемы для жизни деревни, как вода). Запрет дележа земли при наследовании шел вразрез с положениями шариата и многовековыми традициями. А отмена калыма и возрастные ограничения брака были расценены как вмешательство в святая святых афганца – в его семейную жизнь. Вот как комментировал шифртелеграммой № 8517 от 23 октября 1978 г. в государственный департамент США этот декрет тогдашний посол США в Афганистане А. Дабс: "...2. Комментарий: С помощью нового декрета правительство планирует ликвидировать принудительные браки детей и вдов и сократить традиционные расходы на женитьбу, которые зачастую заставляют участвующие стороны залезать в долги. Ликвидация калыма и расходов на свадьбу будет, возможно, с удовлетворением встречена потенциальными женихами и их родителями. Но этот обычай имеет в афганском обществе глубокие корни и как исторические, так и религиозные основы. Поэтому серьезная попытка правительства навязать этот декрет особенно в более консервативных сельских районах, непременно столкнется с сопротивлением... Следует также отметить, что калым (махр) – это традиционно оговариваемая сумма денег, которая кладется (женихом, – *В.С.*) во время свадьбы на счет невесты. Эти деньги остаются под контролем мужа, если он не разводится с женой. Если же состоится развод, то в этот момент деньги передаются жене. Практически это нечто вроде "алиментов". Отмена этой протекции... поставила бы женщину в гораздо более уязвимое экономическое и социальное положение по сравнению с мужьями"[16].

Первые же шаги по практическому воплощению в жизнь положений этих и других декретов встретили сначала скрытое, а затем прямое сопротивление крестьянства. На первых порах это сопротивление носило стихийный характер, но неадекватные ответные меры правительства, усилия со стороны помещиков, ханов, маликов, мулл и поспешившей воспользоваться этим недовольством крестьян организованной контрреволюции посте-

пенно привели к росту элементов огранизованности и наращиванию размаха сопротивления.

Контрреволюция не преминула использовать в своих интересах как ошибочную по отношению к крестьянству политику руководства НДПА, так и ошибки и перегибы местных властей при осуществлении декретов и постановлений новой власти. По всей стране начали возникать очаги вооруженного сопротивления политике центрального правительства под религиозными лозунгами и призывами к джихаду. 1 июля 1979 г. Совет министров ДРА объявил об успешном, "с опережением плана" якобы завершении земельной реформы. Но было уже поздно. К этому времени обстановка в стране резко осложнилась. 8 октября 1978 г. начались вооруженные выступления в Нуристане, в марте 1979 г. имел место крупный вооруженный мятеж в Герате, в этом же месяце вспыхнули вооруженные выступления в Баглане, Урузгане, Фарахе, Бадгисе, в мае 1979 г. – в Гуре и Логаре, в июне 1979 г. – в Бадахшане, Лагмане, в июле этого же года – Панджшире, в Парване, Вардаке и Фарьябе, в сентябре 1979 г. – в Газни и Заболе.

Наступил кризис политической власти, завершившийся в декабре 1979 г. уходом с политической арены Х. Амина и началом второго этапа апрельской революции.

В нашей и частично в зарубежной литературе все неудачи и ошибки руководства НДПА в этот период, как правило, связывались с преступной деятельностью Амина, а вооруженные выступления против правительства ДРА афганского крестьянства – с деятельностью империалистических сил и афганской контрреволюции. Это полностью соответствует действительности и не требует отдельного обоснования. Однако, по мнению автора, названные причины нуждаются в более глубоком раскрытии, в выявлении тех факторов, которые привели к столь трагическому развитию событий в стране. Как считает автор, главное, что предопределило столь ожесточенное сопротивление национально-демократической революции, что привело к гражданской войне в стране, – это проигранная на данном этапе НДПА битва за массы крестьянства. Попробуем обосновать свою позицию. В апреле 1978 г. к власти в стране в результате военного выступления, переросшего в национально-демократическую революцию, пришла НДПА, авангардная партия, выражающая интересы трудящихся масс, рабочих и крестьян. Рабочий класс Афганистана, как уже отмечалось, к этому периоду еще не стал классом "для себя", его численность была незначительна, классовое сознание достаточным образом не развито, поскольку для этого отсутствовали материальные предпосылки (наличие крупной машинной индустрии), отсутствовал передовой слой рабочего класса, способный выделить из своей среды рабочих лидеров. НДПА не имела прочных связей с рабочим классом страны, хотя и провозглашала себя партией рабочего класса. Тем не менее благодаря своему передовому мировоззрению партия могла рассчитывать на полную поддержку рабочего класса или, по крайней мере, его большинства в деле защиты революции и борьбы против контрреволюции.

Но основную массу населения страны составляли крестьяне, именно от их позиции зависел успех или поражение революции. При этом афганское крестьянство характеризовалось крайней степенью отсталости. К нему

в полной мере могут быть отнесены слова В.И. Ленина о том, что "чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности"[17]. Перед НДПА стояла задача привлечения на свою сторону самого большого класса страны, который при определенных условиях мог бы наряду с рабочим классом превратиться в социальную опору революции. Анализируя подобную ситуацию. Ф. Энгельс писал в свое время о трех группах сельского населения Германии – мелких свободных крестьянах, феодально зависимых крестьянах и сельскохозяйственных рабочих: "Каждому из них революция сулила выгоды, и потому можно было ожидать, что все они один за другим примкнут к ней, как только движение полностью развернется. Но в то же время не менее очевидно, и не в меньшей степени подтверждено историей всех современных стран, что сельское население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение, в силу своей распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов"[18]. "Воздействие" же НДПА на афганское крестьянство ограничилось публикацией в газетах статей о земельной реформе (которых крестьянин не читал по простой причине своей неграмотности, да и газеты в деревню не доставлялись), затем приездом в деревню молодых, не внушавших крестьянам доверия уполномоченных, собиравших крестьян на митинги и произносивших непонятные им речи, конфискацией земли и попытками передать ее испуганному крестьянину, а затем и принудительными мерами по осуществлению реформ.

НДПА не сумела оказать нужного воздействия на крестьянство и дело здесь, как нам представляется, не столько в ее ошибках, сколько в ее классовой сущности. Будучи по своему составу партией буржуазной интеллигенции и средних городских слоев, НДПА не смогла правильно определить характер совершенной ею революции, не имела научно обоснованной программы по аграрному вопросу, не обладала выдержкой и закалкой партии рабочего класса, переоценила свои возможности и не знала положения дел в афганской деревне. Действуя по отношению к крестьянству свысока, игнорируя его специфику как класса, НДПА скомпрометировала на этом этапе в глазах крестьянства идею национально-демократической революции и оттолкнула крестьянство от новой власти. Но идеологического вакуума в классовом обществе быть не может. Напуганное революцией крестьянство пыталось найти спасение и объяснение происходящему в привычной для него идеологии – исламской религии, носители которой быстро сформулировали доступные крестьянину стереотипы: власть в Кабуле захвачена безбожниками, коммунистами, они хотят уничтожить исламские ценности, они привели в Афганистан иностранцев. Долг каждого мусульманина встать на защиту своей религии, начать джихад против неверных и их афганских прислужников. Вот, собственно, и весь комплекс философско-политических взглядов, с которым контрреволюция обратилась к афганскому крестьянству, комплекс проверенный и испытанный,

доступный пониманию любого крестьянина в отличие от различных и многочисленных "измов", с которыми обращались к крестьянам наезжавшие из города уполномоченные НДПА.

«Распыленного мелкого производителя, крестьянина, – писал В.И. Ленин, – объединяет экономически и политически либо буржуазия, либо пролетариат... О "третьем" пути, о "третьей силе" могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»[19].

Таким образом, неумение и неспособность новой власти привлечь на свою сторону беднейшие слои крестьянства, неоправданное на данном этапе ущемление интересов сельской буржуазии, сначала форсирование, а затем прекращение осуществления аграрной реформы и самоустранение от работы в деревне – все это создало благоприятные возможности для усиления в деревне влияния контрреволюции. Начавшиеся вооруженные контрреволюцинные выступления в сельских районах страны по своему содержанию являлись буржуазными или феодально-монархическими в зависимости от того отряда контрреволюции, который руководил ими. Участие в этих выступлениях трудового крестьянства не определяло характера двух типов контрреволюции в Афганистане: феодально-монархической и буржуазной. Но в то же время это участие в контрреволюционной борьбе придавало и придает ей особый размах и масштабность. Афганская фундаменталистская контрреволюция, которая в 1975 г. не смогла повести крестьян за собой против республиканского режима М. Дауда, получила возможность увлечь часть афганского крестьянства, другая его часть, в основном пуштунские племена, пошла за традиционалистскими лидерами контрреволюции. Значительные массы крестьян под влиянием контрреволюционной пропаганды ушли в Пакистан и Иран, где превратились в неиссякаемый резерв и источник пополнения вооруженных отрядов контрреволюции. Та часть афганского крестьянства, которая осталась в стране, является объектом борьбы за влияние над ним между правительством ДРА и контрреволюцией. Борьба эта идет с переменным успехом и предвидеть ее конечный исход весьма затруднительно.

Однако уже сейчас можно выделить наиболее важное, объективное противоречие, связанное с участием крестьян в контрреволюции, – это антагонистическое противоречие между классовыми интересами руководителей афганской контрреволюции, ее кадрового состава и той части крестьянских масс, которая оказалась вовлеченной в вооруженную борьбу против народной власти и составила массовую основу контрреволюции. Это противоречие тщательно скрывается лидерами афганской контрреволюции под маской общемусульманской направленности контрреволюционной борьбы.

Та часть афганского крестьянства, которая пополнила ряды контрреволюции, воюет в настоящее время против своих собственных экономических и политических интересов, выразителями которых является народная власть. В этом и заключается основное, на наш взгляд, противоречие в стане контрреволюции, и от того, как оно будет разрешено, во многом зависит судьба революции. Вот почему важнейшая задача НДПА – привлечение крестьянства на сторону народной власти, приобщение его к строительству нового общества.

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ПАКИСТАНЕ – ЗАЛОЖНИКИ АФГАНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Борьба между НДПА и исламской контрреволюцией за привлечение на свою сторону крестьянских масс страны тесно связана с проблемой афганских беженцев, находящихся в Пакистане и Иране. Все, что относится к деятельности афганской контрреволюции с территории Ирана, рассматривается отдельно, в данном же разделе будет затронут вопрос об афганских беженцах, находящихся в Пакистане.

По данным официальных пакистанских властей, повторенных специализированными организациями ООН, в середине 1982 г. на территории Пакистана зарегистрировано примерно 2,7 млн афганских беженцев. В конце 1979 г. их численность составляла примерно 400 тыс. человек, летом 1980 г. – 932 тыс., летом 1981 г. – 2 млн[20].

Из этого числа беженцев 2,09 млн размещены в Северо-Западной пограничной провинции и 0,6 млн – в Белуджистане.

Нет необходимости оспаривать или уточнять приведенные здесь цифры, хотя даже западные исследователи считают их несколько завышенными. Ясно одно: численность афганских беженцев в Пакистане велика и их присутствие в этой стране не может не оказывать своего влияния на пути развития и судьбы апрельской революции.

Следует отметить, что понятие "беженцы" не совсем точно квалифицирует ту массу афганцев (в своем большинстве представители пуштунских и белуджских племен), которая под влиянием целого ряда факторов оказалось вне пределов своей страны. По вольному определению некоторых западных авторов, беженцы – это лица, покинувшие свои страны, опасаясь преследований[21]. Согласно международному праву, это "лица, добровольно или по распоряжению властей покинувшие во время войны места жительства, находившиеся под угрозой оккупации или занятия противником"[22]. Ни то, ни другое определение не отражает причин возникновения такого феномена, как афганские беженцы. Как уже говорилось, афганская контрреволюция называет беженцев мохаджерами, т.е. переселенцами, а сам процесс – хиджрой, что в переводе означает – переселение, исход. В исламе понятие хиджры конкретно и имеет историческую основу. В 622 г. Мухаммад, чье учение было встречено в Мекке враждебно, с группой своих последователей переселился из Мекки в Медину, чтобы собрать вокруг себя силы мусульман и вернуться с победой в Мекку. Жители Медины, ставшие последователями Мухаммада, отдали пришельцам в знак солидарности половину своего имущества.

Таким образом, понятие хиджры включает в себя не только уход, переселение, но и предполагает возвращение с победой, а также готовность мусульман принять у себя переселенцев из другой мусульманской страны.

Сезонная миграция афганцев в соседний Пакистан имела место и раньше. В Пакистан уходили и возвращались кочевые племена, шли на заработки безземельные крестьяне. Но уход в Пакистан и Иран после апрельской революции 1978 г. большого числа афганского населения – это процесс особый, требующий отдельного рассмотрения. Как уже отмечалось, если бы руководство ДРА не издало бы сразу после своего прихода к власти ряд неподготовленных и поспешных декретов, прямо затрагивающих ин-

тересы крестьянства, и не проводило бы в жизнь эти декреты принудительными методами, то афганское крестьянство, несмотря на настороженное или даже отрицательное отношение к "безбожному" режиму в Кабуле, в своей массе не пошло бы за организованной контрреволюцией. Вспомним лето 1975 г., когда вооруженные группы фундаменталистов из "Мусульманской молодежи" пытались поднять восстание в сельских районах страны. Крестьяне не пошли за ними главным образом потому, что режим М. Дауда не посягал на существовавший порядок землепользования. Попытка поднять крестьянское восстание тогда полностью провалилась. Поспешные и неподготовленные реформы руководства ДРА дали в руки афганской контрреволюции такой мощный социально-экономический рычаг, которого она еще никогда не имела. И контрреволюция не замедлила им воспользоваться. Вначале вспыхнули локальные вооруженные выступления крестьян против новой власти, инспирированные маликами, ханами и муллами, затем эти выступления стали направляться организованной контрреволюцией. Усилилась инфильтрация в деревню элементов организованной контрреволюции, при участии помещиков, маликов, ханов и мулл происходила обработка с использованием исламских догм крестьянского населения, его запугивание и склонение к участию в вооруженной борьбе против центрального правительства и к уходу в Пакистан и Иран. Процесс ухода крестьян происходил по нарастающей и приобретал все более массовый и "организованный", если можно так сказать, характер. Вот как описывает этот процесс один из афганских авторов, сам эмигрант: "Во время республики Дауда, а затем и в период правления Тараки руководители находившихся в эмиграции партий, стремясь поднять свой престиж и привлечь в свои партии большее число людей, прибегали к различного рода приемам, в частности распространяли среди народа в Афганистане слухи о том, что партии в эмиграции якобы имеют в своем распоряжении . . . достаточно денег и оружия и приветствуют в своих рядах новых борцов. Таким образом, эти партии стимулировали массовый выезд людей за пределы Афганистана . . . Но когда люди приходили в Пакистан, они убеждались в том, что не было ни оружия, ни денег (речь идет о начальном периоде процесса ухода части населения), все, что им говорили, оказалось неправдой, обманом, а отношение к ним было зачастую бесчеловечным, неисламским . . . Ответственность за все эти унижения, оскорбления, голод и скитания в значительной степени лежит на тех, кто призывал и поощрял народ становиться беженцами. Если бы не было этих фальшивых обещаний, если бы народ не подстрекали к бегству, то, возможно, не было бы такого числа беженцев из страны"[23].

Можно со всей определенностью утверждать, что массовый уход афганских крестьян в Пакистан (и Иран) явился прямым результатом целенаправленной деятельности контрреволюции при активной поддержке маликов, ханов и мулл.

Для афганских фундаменталистских контрреволюционных организаций – ИПА и ИОА, прозябавших после бегства в Пакистан в 1975–1976 гг. в бесславной эмиграции, приход после апрельской революции 1978 г. в Пакистан большого числа афганских беженцев явился событием, которое трудно переоценить. Возникновение в Пакистане института афганских беженцев открыло этим замкнутым, не имевшим никакой опоры в

массах контрреволюционным организациям, находящимся на содержании у арабских "Братьев-мусульман", "Джамаат-и-ислами" Пакистана и пакистанских спецслужб, прямую дорогу к многочисленной группе афганского крестьянства, оказавшейся на чужой земле, в полной экономической и политической зависимости как от местных властей, так и от своих маликов, ханов и мулл, сомкнувшихся с организованной контрреволюцией. Большое значение в деле обработки беженцев во враждебном по отношению к правительству ДРА духе и вовлечении их в прямое участие в вооруженной контрреволюционной борьбе имела, помимо экономической и политической зависимости, ликвидация такого важнейшего, оказывающего на крестьян мощное воздействие фактора, как привязка к земле, а также разобщенности крестьян (по выражению Ф. Энгельса – "распыленности на большом пространстве"[24]). Оторванные от родины, скученные в гигантских лагерях крестьяне попали под жесточайший контроль со стороны местных властей, своих собственных эксплуататоров – традиционных лидеров афганских контрреволюционных организаций, под контроль, который усугублялся враждебным отношением к ним местных жителей. "С началом притока беженцев, – говорится в докладе Института ООН по исследованиям социального развития, – партии моджахедов упрочили свои позиции в Пакистане как перед лицом местных провинциальных властей, так и среди самих беженцев. Правительственные власти, видимо, сотрудничают с ними в целях опознания беженцев и их регистрации. Агентства по оказанию благотворительной помощи тоже, очевидно, оказывают свою помощь через этот канал. Спустя некоторое время после начала притока беженцев партии моджахедов, видимо, успешно вовлекли в свои ряды лидеров общин беженцев, а эти лидеры, в свою очередь, привлекли рядовых беженцев-крестьян"[25].

Поскольку лагеря афганских беженцев в Пакистане при попустительстве, а иногда и прямом содействии пакистанских властей превратились в неиссякаемые источники пополнения вооруженных формирований афганской контрреволюции, целесообразно более подробно рассмотреть механизм функционирования этих лагерей.

Все беженцы (ориентировочно 2,7 млн) расселены в СЗПП и в Белуджистане примерно в 330 лагерях. Земля, на которой расположены лагеря, принадлежит или афганским помещикам из числа беженцев, или главам пакистанских племен, или местным землевладельцам, с которыми правительство заключает арендные договоры. В лагерях на территории Пакистана проживают беженцы из 13 провинций Афганистана: Бадахшана, Баглана, Газни, Гильменда, Кабульской провинции, Кандагара, Кунара, Кундуза, Лагмана, Логара, Нангархара, Пактии и Парвана[26]. Все эти провинции расположены в пределах до 200 км от афгано-пакистанской границы. Беженцы из двух провинций – Газни и Кандагар расселены в Белуджистане, остальные – в СЗПП.

Социальный состав беженцев представляет собой как бы срез, отражающий социальный состав афганской деревни, племени: от безземельных крестьян до крупных землевладельцев, от мелких торговцев до купцов, от рядовых членов племени до ханов. Но основную массу беженцев составляют крестьяне. Помещики, купцы, как правило, предпочитают селиться не в лагерях, а в городах. В пределах деревень беженцы группируются и

живут племенами. Национальный состав афганских беженцев в Пакистане – в основном пуштуны и белуджи. Главные языки – пушту, дари и белуджский.

Социальная структура лагеря-деревни подобна структуре деревни, племени в Афганистане. Существуют и действуют советы старейшин, избирающие маликов. Те, в свою очередь, являются связующим звеном между беженцами и пакистанской администрацией лагеря-деревни, а также между данной группой беженцев и другими их общинами. Свои обязанности в каждой группе беженцев выполняют деревенские муллы.

Основной вид международной помощи, оказываемой беженцам, – это снабжение их продовольствием. Бóльшая часть продовольствия поступает по линии Мировой продовольственной программы (МПП)[27], которая обеспечивает заготовку и поставку продовольствия, а также оплачивает расходы по техническим операциям в Пакистане и распределению продуктов питания в лагерях беженцев. Управление Верховного комисара ООН по делам беженцев (УВКБ) субсидирует отдельные программы помощи продовольствием. Правительство Пакистана обеспечивает беспошлинный ввоз продовольствия в страну, транспортные и технические средства, осуществляет распределение продовольствия по лагерям и руководит всеми операциями с момента прибытия продовольствия в порт до передачи его беженцам.

Продовольствие выдается раз в месяц из расчета дневного рациона для каждого беженца (в том числе ребенка) в 2200 кал. В дневной рацион входят 500 г зерна пшеницы, 30 г сухого молока, 30 г растительного масла, 20 г сахара и 3 г чая. Бывают частые перебои с поставкой продовольствия, рацион, как правило, обеспечивается не полностью.

Принцип прямого распределения продовольствия, предусмотренный программой, не выполняется: фактически распределение продовольствия монополизировано маликами. Доклад Института ООН по исследованиям социального развития свидетельствует о том, что продовольствие распределяется неравномерно и превращается в орудие оказания давления на рядовых беженцев. Авторы доклада сообщают, что, по их наблюдениям, беженцы условно делятся на три группы. Первая, куда входят примерно 5% беженцев, имеет большие запасы пшеницы из поставляемого продовольствия. В их дворах сложены по 5 или более мешков пшеницы (по 80 кг в каждом). Вторая группа (80–90% беженцев) имеет в запасе по одному или два мешка пшеницы. Третья группа (10% общего числа беженцев) имеет лишь по нескольку килограммов зерна или вообще не получает распределяемого продовольствия[28]. В других лагерях удельный вес третьей группы достигает 20% общего числа беженцев. Во всех лагерях первую группу составляют малики, а третью – вновь прибывшие, кочевники, а также лица, в силу тех или иных причин находящиеся в оппозиции к малику.

Авторы добавляют, что первая группа ежедневно докупает мясо и свежие овощи, вторая группа докупает овощи ежедневно, а мясо – 2–4 раза в месяц, а третья группа приобретает овощи 3–4 раза в неделю, а мясо раз в месяц, а то и реже.

Отношения между беженцами и маликами довольно напряженны. Некоторые беженцы недовольны своими племенными лидерами. В одной из деревень, отметили авторы доклада, местный малик не покидает своего жилища без оружия и охраны.

Даже обычно сдержанные в политических оценках западные эксперты ООН вынуждены признать, что афганские беженцы в Пакистане оказались в полной зависимости от пакистанских властей и афганских контрреволюционных организаций, которые используют продовольственную помощь по линии международных организаций и другие факторы для вовлечения беженцев в вооруженную борьбу против ДРА. Однако и этот уже сложившийся порядок не устраивает главарей контрреволюции. Лидер ИПА Г. Хекматьяр в одном из выступлений перед своими сторонниками в лагере Хазрат Осман заявил: "В Пакистане имеют место события, с которыми наша партия не согласна. Мы не согласны с тем, как живут беженцы, с системой их снабжения. Мы не согласны с характером деятельности благотворительных организаций, которые из чувства сострадания хотят помочь беженцам и моджахедам. Их помощь наносит большой вред нашей революции. По нашему мнению, этим благотворительным организациям нельзя давать разрешения напрямую помогать беженцам и моджахедам. . . Следует прекратить оказание прямой помощи . . . и решать трудности беженцев через исламские организации. Мы постараемся, чтобы этот вопрос был пересмотрен, мы будем настаивать на этом"[29].

Многие афганские беженцы вынуждены работать по найму в качестве сельскохозяйственных или строительных рабочих в пакистанских деревнях и городах. Зажиточные и богатые афганцы занимаются торговлей, транспортными перевозками, спекулятивными сделками, вкладывают свои средства в различные коммерческие предприятия.

Отношения между афганскими беженцами и местным населением варьируются от "вооруженного нейтралитета" до открытой вражды, иногда переходящей в столкновения с применением оружия. Вначале противоречия носили чисто экономический характер; местное население было недовольно выпасом скота, принадлежащего афганцам, на пастбищах местных деревень, сбором афганцами сушняка и заготовкой дров – этого основного средства обогрева жилищ. Затем экономические противоречия стали перерастать в социальные и политические. Местное население перестало чувствовать себя в безопасности из-за наличия по-соседству центров по подготовке вооруженных отрядов контрреволюции, из-за повторяющихся диверсий в расположении этих баз – взрывов, поджогов, из-за усиления военного контроля над этими районами со стороны пакистанских властей. Вооруженные группы афганских контрреволюционеров используют для проникновения на территорию ДРА тропы и проходы, которыми пользуются местные племена и которые традиционно контролировались ими. Недовольство местных пуштунских племен пребыванием на территориях их расселения лагерей беженцев и центров по подготовке вооруженных групп, засылаемых в Афганистан, все чаще принимает форму открытых выступлений этих племен против афганской контрреволюции и пакистанской администрации. Крупнейшими из них были выступления в конце 1985 г. – начале 1986 г. пуштунских племен африди и шинвари в районе Хайберского перевала. Племена требовали ликвидации расположенных на территории их расселения баз по подготовке вооруженных отрядов афганской контрреволюции, складов оружия и боеприпасов, выдвигали требование нормализации пакистано-афганских отношений. В ответ на эти требования против племен были использованы части регулярной пакистанской армии,

которые в ходе широкомасштабных операций уничтожали деревни, посевы, вытесняли племена в горы. В карательных операциях против пуштунских племен использовались отряды афганской контрреволюции.

В апреле 1986 г. в Кабуле состоялась джирга свободных пуштунских племен, которая осудила действия пакистанского правительства и потребовала прекратить подрывные действия против ДРА с территории Пакистана.

Представитель племени моманд Мунши Сахарголь в своем выступлении заявил: "С болью в сердце свободные племена видят, как их братья-афганцы, покинувшие родину под действием лживой вражеской пропаганды, влачат жалкое существование за рубежом. Их пытаются использовать против собственного народа, сделать послушным орудием в руках агрессоров. Пуштунские племена не намерены далее терпеть существования на территории своего проживания лагерей по подготовке афганских контрреволюционеров, превращения районов своего проживания в склады иностранного оружия, используемого против братского Афганистана". Джирга свободных племен приняла ряд документов – обращений, среди которых было послание афганским беженцам в Пакистане. В нем, в частности, говорилось: « Мы никогда не считали вас беженцами, ибо вы находитесь у себя дома... Наши сердца истекают кровью, когда мы видим, как общие враги торгуют вами, словно овцами или козами, охотятся за вами, строят козни против вас, извлекают выгоду из вашего существования . . . Так называемая "Джамаат-и-ислами" Пакистана. . . тянет вас в трясину внутренних разногласий и использует предназначенные вам деньги и оружие для уничтожения своих противников, истинных руководителей народа. Теперь вас направляют на войну против ваших пуштунских братьев в зоне свободных племен, чтобы закрыть перед вами двери братства, лишить вас братской помощи »[30].

Вернемся к вопросу оказания афганским беженцам продовольственной и иной помощи по линии ООН. Кто же они, эти щедрые доноры помощи, не останавливающиеся перед колоссальными затратами для того, чтобы "спасти" афганских беженцев от голодной смерти? Какими соображениями они руководствуются, направляя в Пакистан корабли с продовольствием?

В докладе Института ООН по исследованиям социального развития говорится: "Соединенные Штаты являются основным донором, покрывающим подавляющее большинство нужд. Остальные потребности обеспечивают Европейское экономическое сообщество, ОПЕК, Канада, Швейцария, Турция и некоторые другие"[31]. Итак, основной донор – это США. Что же побуждает США оказывать помощь обездоленным афганским крестьянам, оказавшимся на чужбине? В нашем распоряжении имеются интереснейшие секретные документы государственного департамента США по Афганистану, ставшие достоянием гласности после захвата посольства США в Иране в 1979 г.

Из документов следует, что администрация США, оказывающая афганской контрреволюции широкомасштабную помощь, начала проявлять интерес к проблеме афганских беженцев в августе 1979 г. В тот период государственный департамент США приступил к изучению этой проблемы с точки зрения возможности использования механизма Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев для оказания беженцам в Пакистане "гуманитарной" помощи. С этой целью в сентябре 1979 г. в Жене-

ву для получения необходимой информации и проведения переговоров с УВКБ выехал представитель госдепартамента Р. Давидсон[32]. Вся подготовительная работа по вовлечению УВКБ в афганские дела проводилась секретно, по линии госдепартамента (а не по линии представительства США в ООН), что свидетельствует о том, что США руководствовались прежде всего политическими мотивами.

Это был период, когда США еще пытались скрыть от международной общественности свою враждебную деятельность против ДРА и поддержку афганской контрреволюции. В ответ на запрос госдепартамента о целесообразности использования УВКБ временный поверенный в делах США в ДРА Амстутц писал в шифртелеграмме: « Хотя наше посольство одобряет идею участия УВКБ в дорогостоящей программе помощи беженцам в Пакистане, мы рекомендуем, чтобы правительство США, если это возможно, не играло бы видимую, активную роль в стимулировании участия УВКБ. Это только дало бы дополнительные "доказательства" тому, что ДРА считает враждебным отношением правительства США к халькистскому режиму. Для ДРА было бы труднее противостоять мусульманской или неприсоединившейся стране, такой, как Саудовская Аравия или Индия, если бы она выступила за оказание помощи по линии УВКБ»[33].

В сентябре 1979 г, госсекретарь С. Вэнс информировал посольства США в Москве, Кабуле и Исламабаде о результатах переговоров Давидсона в УВКБ. "Давидсон, – говорится в шифртелеграмме Вэнса, – обсудил с УВКБ вопрос о сроках, исходя из того, что наступление зимы говорит в пользу скорейшего, по возможности, развертывания программ. УВКБ называет середину октября, что совпадает с временем проведения заседания Исполнительного комитета УВКБ, назначенного на этот период. Тем не менее Давидсон настаивал и УВКБ согласилось, что следует посмотреть, что можно было бы сделать еще до этого срока".

Отдельный пункт телеграммы содержал рекомендации для посольства США в Исламабаде: "... мы разделяем озабоченность посольства в Кабуле в связи со слишком большой активностью официальных лиц США, посещающих лагеря беженцев в Пакистане. Мы считаем, что вы должны быть осторожны ..."[34].

Таким образом, администрация США, заинтересованная в укреплении сил афганской контрреволюции, приняла прямое участие в создании на территории Пакистана резерва людских ресурсов для афганских контрреволюционных организаций.

Продолжающееся пребывание на территории Пакистана массы афганских крестьян-беженцев ставит под угрозу дальнейшее развитие апрельской революции в Афганистане. Одна из основных задач руководства ДРА – добиться возвращения этих беженцев в Афганистан к мирному труду.

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ В ПАКИСТАНЕ ОТРЯДОВ АФГАНСКОЙ ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ И ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ АЛЬЯНСОВ

ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ОТРЯДОВ АФГАНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После апрельской революции 1978 г. в Афганистане на территории Пакистана, в районах, приграничных с ДРА, сосредоточилось большое количество суннитских афганских контрреволюционных организаций и групп. Их штаб-квартиры, или как их еще называют сами члены этих организаций – "конторы", "бюро", расположены в основном в Пешаваре.

К началу афганской революции в Пакистане уже находились и действовали центры двух основных фундаменталистских контрреволюционных организаций – Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Г. Хекматьяра и Исламского общества Афганистана (ИОА) под руководством Б. Раббани, идейно-политических наследников распавшейся в 1975 г. организации "Мусульманская молодежь", которую в нашей литературе по Афганистану обычно называли "филиалом" межарабской организации "Братья-мусульмане".

Руководство этих организаций еще в 1973 г. установило тесные контакты с пакистанской фундаменталистской организацией "Джамаат-и-ислами", с пакистанскими властями и спецслужбами, а также с фундаменталистскими деятелями и организациями некоторых арабских стран, от которых оно получало определенную помощь. После провала попытки вооруженного восстания в некоторых провинциях Афганистана руководство и актив этих организаций в 1975–1976 гг. бежали в Пакистан, обрели статус эмигрантов и продолжали подрывную деятельность, направленную против республиканского режима М. Дауда.

ИПА и ИОА располагали в Пакистане учебными центрами для подготовки членов диверсионных групп, предназначенных для засылки на территорию Афганистана. В самом Афганистане эти организации имели хорошо законспирированное подполье. Относительно высокий уровень организации, наличие финансовых средств и оружия, налаженных контактов с пакистанскими властями и другими фундаменталистскими организациями обеспечили ИПА и ИОА большие преимущества перед теми афганскими контрреволюционными организациями, которые начали возникать в Пакистане после апрельской революции 1978 г.[1]

К августу 1979 г., помимо ИПА и ИОА, в Пакистане возникли еще три афганские контрреволюционные организации: Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством Мухаммада Наби Мухаммади, отошедшая от ИПА фракция во главе с Ю. Халесом, сохранившая название ИПА, и Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди, прибывшего в Пакистан из США после расстрела в Кабуле по приказу Х. Амина членов клана Моджаддиди.

Состоялась первая попытка объединения афганских контрреволюционных организаций в единый фронт борьбы против ДРА. Этот первый на пакистанской территории афганский контрреволюционный альянс под названием Движение исламской революции Афганистана распался сразу после своего возникновения. Как напишет позже орган ИПА газета "Шахадат", это произошло из-за "нескольких факторов, в том числе фанатичной приверженности к групповщине и противоречий между группами"[2].

Немедленно возник новый альянс – Союз исламского единства Афганистана, в который вошли, как писала та же газета, "улемы, ученые, студенты и представители других сословий"[3], однако он тоже вскоре распался. Период существования этих двух альянсов был столь краток (с августа по ноябрь 1979 г.), что не осталось, по крайней мере в печати, сколько-нибудь подробных сведений об их деятельности.

27 декабря 1979 г. по просьбе афганского руководства и в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА, заключенном 5 декабря 1978 г., на территорию Афганистана был введен ограниченный контингент советских войск. Международный империализм во главе с США и мировая реакция развернули идеологическую, политическую и экономическую борьбу против ДРА, мобилизуя все реакционные силы против национально-демократического строя и открыто призывая эти силы к прямому экспорту контрреволюции в Афганистан.

Организация исламской конференции (ОИК) объявила о проведении в Исламабаде 26 января 1980 г. чрезвычайной конференции министров иностранных дел стран – членов ОИК, посвященной "проблеме Афганистана". К тому времени США и их союзники, а также исламская реакция оказывали на афганскую контрреволюцию в Пакистане давление с целью побудить ее прийти к единству накануне конференции. Это давление имело различные формы: реакционная пресса мусульманских стран использовала исламскую риторику, арабская реакция угрожала прекращением материальной помощи в случае, если контрреволюция не объединится, и сулила увеличение этой помощи в случае достижения единства.

Индийский исследователь Б.С. Гупта писал по этому поводу: ". . . представитель ОИК в Европе Салем Аззам вылетел в Пешавар и в течение 48 часов уговаривал лидеров шести групп согласиться на объединение в нечто называемое Исламским союзом для освобождения Афганистана . . . Им были обещаны миллионы долларов исламской помощи, если они добьются успеха в этом вопросе"[4].

Накануне открытия конференции афганская контрреволюция в Пакистане объявила об объединении и создании Исламского союза для освобождения Афганистана, в который вошли на этот раз шесть основных контрреволюционных организаций: к имевшимся пяти, которые были названы выше, добавился спешно провозгласивший свое существование Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с только что прибывшим из Кабула в Пакистан С.А. Гилани, у которого незадолго до этого было конфисковано его недвижимое имущество в Афганистане.

27 января 1980 г. на пресс-конференции в Исламабаде, в которой приняли участие руководители шести объединившихся контрреволюционных организаций, были объявлены основные цели альянса – освобождение Афганистана от власти "атеистического режима" и создание истинного

исламского государства в соответствии с положениями Корана и учением пророка. Альянс обязывался сотрудничать с теми исламскими организациями, которые в своих странах ведут борьбу за установление исламского правления, и призвал глав стран – членов ОИК оказать ему помощь, включая политическую поддержку, деньги и оружие. Одновременно члены альянса обратились к генеральному секретарю ОИК Хабибу Шатти (Тунис) с просьбой признать альянс в качестве единственного представителя афганского народа и предоставить ему статус наблюдателя.

Но "единство" продолжалось недолго. Уже 4 марта Г. Хекматьяр демонстративно отказался участвовать в очередной пресс-конференции руководителей альянса, заявив, что "у него есть более важные дела"[5]. Причины выхода ИПА из альянса заключались в том, что, по мнению Г. Хекматьяра, его партия, будучи наиболее сильной и влиятельной в объединении, не получила в нем должного представительства. Остальные участники альянса расценили притязания Г. Хекматьяра как неприемлемые, но заявили, что возможность присоединения к альянсу остается для ИПА.

10 марта 1980 г. созданный Высший совет союза избрал своим председателем А. Сайяфа, одного из ветеранов организации "Мусульманская молодежь", который тогда еще не имел своей собственной организации. Союз просуществовал до декабря 1980 г. и распался.

О взаимоотношениях контрреволюционных организаций и их лидеров, входивших в Исламский союз для освобождения Афганистана, свидетельствовал сам председатель союза А. Сайяф, отвечая на вопросы корреспондента журнала ИПА "Шафак" в 1980 г. Приведем несколько вопросов и ответов из этого необычно редкого интервью.

Вопрос: Какого мнения Вы были в начале движения (т.е. в организации "Мусульманская молодежь" – *В.С.*) о хазратах?

Ответ: Себгатулла Моджаддиди не раз просил принять его в члены движения, но его не приняли, так как я в то время категорически возражал против того, чтобы он вошел в движение.

Вопрос: Можно спросить, как же Вы приняли его в Исламский союз для освобождения Афганистана? Или теперь Ваши прежние взгляды изменились?

Ответ: Я и сейчас стою на той же точке зрения. Несколько раз я говорил членам союза, что наши ряды нужно очистить, но они приняли его в союз до моей эмиграции из Афганистана.

Вопрос: На конференциях в Женеве и Исламабаде, помимо Вас, руководителя союза, участвовали другие члены союза, руководители организаций. Не являются ли такие их действия нарушением принципов союза?

Ответ: Да, я должен признать, что они всегда пытались и будут пытаться выставить меня в глазах мировой общественности жалким и ничтожным. Они стремятся показать, что являются руководителями независимых групп. Они издают заявления за своими подписями. Надо сказать, что по вопросам союза они со мной не сотрудничали.

Вопрос: Разве Исламское общество тоже с Вами не сотрудничало?

Ответ: Да, как это ожидалось, оно со мной не сотрудничало.

Вопрос: Что, по Вашему мнению, привело профессора Раббани, амира ИОА, который является ветераном движения, к отказу от взаимодействия с вами?

Ответ: Профессор Раббани со мной не сотрудничал. Я не знаю его взглядов на это. Возможно, он хотел, чтобы я был под его руководством и действовал в интересах ИОА.

Вопрос: Ваше мнение о Движении исламской революции Афганистана?

Ответ: Оно не имело со мной никакого сотрудничества. Кроме того, могу сказать, что в последнее время 90% членов этой организации ориентируется на Национальный фронт спасения Афганистана.

Вопрос: Что вы можете сказать о руководстве ИПА?

Ответ: Г. Хекматьяр – мой брат по борьбе, с которым мы имеем чистые отношения. Если мы будем работать с ним вместе, в одном ряду, мы можем быть уверены в успехе нашей борьбы"[6].

В 1983 г. печатный орган фундаменталистов журнал "Кияме хак" следующим образом туманно определил причины развала союза: "Этот союз из-за участия в нем элементов, методы борьбы которых находились под вопросом, не привлек к себе силы, участвовавшие в джихаде. На него смотрели критически и не хотели становиться под его знамя: он распался из-за неспособности объединить различные силы, из-за внутренних противоречий и по некоторым другим причинам"[7].

Как уже говорилось, в течение 1978–1980 гг. в рассмотренных объединениях участвовали пять, а затем шесть контрреволюционных организаций, руководители которых признали право друг друга на существование в качестве "законных". Это признание находило свое отражение в подписываемых ими документах о единстве, в клятвах на Коране и т.д.

Все остальные организации, которые в большом количестве начали плодиться в Пакистане, были объявлены "незаконными".

Под давлением внешних реакционных сил, по требованию известных мусульманских, в том числе афганских, богословов снова начались переговоры о создании нового альянса. В переговорах активное участие принимал видный афганский богослов Мияголь Сахибзаде и несколько улемов, прибывших из Мекки. К июню 1981 г. эти переговоры завершились созданием Исламского союза моджахедов Афганистана (ИСМА) опять-таки в составе шести "законных" организаций: ИПА (лидер – Хекматьяр), ИОА (лидер – Раббани), ДИРА (лидер – Наби), НФСА (лидер – Моджаддиди), НИФА (лидер – Гилани), ИПА (лидер – Халес).

25 июня 1981 г. лидеры организаций и улемы, собравшиеся в мечети Махабат в Пешаваре, объявили о создании ИСМА, дали клятву на Коране и священной книге "Благородная Бухара" в верности новому союзу, приняли хартию единства союза. Этими церемониями и последующими заседаниями членов союза руководил афганский богослов Мияголь Сахибзаде, который заверил своей подписью все совместные документы, принятые и подписанные лидерами организации – членами союза.

Хартия единства союза включала в себя и программные политические статьи. Так, ст. 25 хартии предписывала: "В обязанности Высшего исламского совета после победы и до установления исламской власти входит осуществление контроля за всеми делами и недопущение любого деспотического, династического или неисламского режима"[8].

Согласно принятому уставу, все шесть организаций – членов союза должны самораспуститься, передать союзу все материальные средства, источники доходов, недвижимое имущество, оружие, после чего самостоя-

тельная деятельность всех шести организаций должна была прекратиться. Как в хартию о единстве, так и в устав было внесено специальное примечание: "Тот, кто изменит союзу, будет считаться врагом ислама и родины"[9].

Это было первое и последнее сборище лидеров всех шести организаций – основателей ИСМА. Уже следующее заседание членов союза в мечети медресе Ашрафия в Пешаваре в августе 1981 г. проходило без С.А. Гилани, который покинул союз, несмотря на клятву на Коране (Гилани и другие сумели выйти из этого щекотливого положения, о чем ниже). Вслед за С.А. Гилани "выехал за границу" и не вернулся М. Наби Мухаммади, а затем, не дав никому какого-либо объяснения, вышел из союза С. Моджаддиди.

Часть членов ДИРА и НФСА, изменив своим лидерам Наби и Моджаддиди, остались в союзе, сохранив названия своих прежних организаций.

В марте 1982 г. оставшиеся лидеры союза, кооптировав в состав ИСМА три группы, – две отколовшиеся от организации Наби и одну – от организации Моджаддиди, а также вновь созданную Сайяфом организацию – Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА), объявили о том, что ИСМА состоит теперь из семи организаций:

1. Исламская партия Афганистана (ИПА), амир Г. Хекматьяр.
2. Исламская партия Афганистана (ИПА), лидер Ю. Халес.
3. Исламское общество Афганистана (ИОА), амир Б. Раббани.
4. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА), лидер Мансур.
5. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) во главе с М. Миром.
6. Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом.
7. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) во главе с Музином.

Таким образом возник фундаменталистский "союз семи", или, как мы будем называть его далее, ИСМА-7. Первым амиром ИСМА-7 был избран А. Сайяф.

Вышедшие из первого ИСМА организации создали свой традиционалистский "союз трех", или ИСМА-3, в который вошли:

1. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди.
2. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) под руководством С.А. Гилани.
3. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством М. Наби Мухаммади.

Возникает вопрос, почему обе исламские контрреволюционные группировки сохранили одинаковые названия – ИСМА? Чтобы ответить на этот вопрос следует, видимо, вспомнить ту торжественную обстановку, при которой создавался в июне 1981 г. Исламский союз моджахедов Афганистана, клятвы на Коране, усилия улемов, в том числе прибывших из Саудовской Аравии, принятие хартии единства, в которой говорилось: "Тот, кто изменит союзу, будет считаться врагом ислама и родины". В лице афганской контрреволюции мы имеем дело с циничным противником, использующим исламскую риторику в своих политических интересах и демонстрирующим полное пренебрежение к интересам афганского народа, но все же клятвы на Коране в присутствии многих сотен афганских беженцев, улемов и бо-

гословов из Афганистана и даже из Мекки – это к чему-то обязывает, иначе можно растерять с таким трудом создавшийся образ "борцов за веру". Имея все это в виду, оба альянса решили сохранить принятое в ходе "исторических" церемоний название – ИСМА, обвинив в предательстве противную сторону.

С момента своего создания и до мая 1985 г. ИСМА-7 и ИСМА-3 были наиболее устойчивыми из существовавших ранее альянсов. Но ради сохранения этой "устойчивости" альянсы пожертвовали многими заложенными в их программных документах требованиями: отказались от роспуска организаций, входящих в союзы, сохранили относительную самостоятельность этих организаций, свои материальные средства, лагеря для военной подготовки и т.д. Альянс ИСМА-7 приобрел для входящих в его состав организаций значение как бы координационного органа или центра: издавались общие, от имени всего союза печатные издания, приказы и инструкции, делались попытки наладить взаимодействие между фронтами в Афганистане, организации – члены союза воздерживались от открытых взаимных нападок. Практически организации, входящие в "союз семи", сохраняли свою самостоятельность, а их лидеры – авторитарное руководство ими.

Что касается ИСМА-3, то этот союз с самого начала не отказывался от самостоятельности входящих в него организаций.

Некоторые исследователи полагают, что провалы попыток лидеров афганских контрреволюционных организаций прийти к единству объясняются их борьбой и соперничеством из-за карьерных, престижных, меркантильных и иных устремлений. Такие факторы действительно присутствуют и играют значительную роль. Но главное не в этом. Фундаменталисты и традиционалисты – не просто конкурирующие группировки. Их разделяют гораздо более серьезные противоречия, которые обусловили их взаимную ненависть и недоверие: это противоречия сословные. В.И. Ленин писал в свое время: "Одна из самых вопиющих политических ошибок . . . состоит в смешении контрреволюции царистской и вообще монархической с контрреволюцией буржуазной . . . Во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?"[10].

Именно с таких позиций следует подходить и к оценке различных отрядов афганской контрреволюции. Организации, составляющие основу фундаменталистской контрреволюции – ИПА под руководством Г. Хекматьяра, ИОА под руководством Б. Раббани, – это последователи религиозных, идеологических и политических идей арабских "Братьев-мусульман". Костяк ИПА и ИОА, их руководящий и кадровый состав составляют представители средних городских слоев: учителя, студенты, мелкие чиновники, военнослужащие, ремесленники, торговцы. До антимонархического переворота 1973 г. предшественники этих организаций под исламскими лозунгами боролись как против прогрессивных сил, так и против монархии, объективно защищая интересы буржуазии. С приходом к власти М. Дауда они продолжали бороться против прогрессивных сил, а в 1975 г. пытались, но неудачно, поднять вооруженное восстание крестьян против центрального правительства. После апрельской революции 1978 г. эти организации под знаменем ислама вступили в кровопролитную борьбу против народной власти, за создание исламского государства, объективно защищая опять-та-

ки интересы буржуазии. Таким образом, можно сделать вывод, что фундаменталистские контрреволюционные организации ИПА и ИОА, ИСОА и ИПА Ю. Халеса – это использующая исламские лозунги буржуазная контрреволюция.

Руководители традиционалистских контрреволюционных организаций, входящие в ИСМА-3, – это представители высшего слоя крайне правого мусульманского религиозного сословия, феодально-бюрократических слоев афганского общества и родоплеменной элиты, составлявшие опору монархического строя. После апрельской революции 1978 г. наиболее активные представители этих слоев – С. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби Мухаммади – создали свои организации, составившие впоследствии ИСМА-3, и начали борьбу против ДРА, за восстановление прежних, додаудовских порядков, за развитие афганского общества по традиционному пути, за восстановление позиций исламской религии, но без претензий с ее стороны на руководство государством, наконец, за реставрацию, если это окажется возможным, монархии. Это, пользуясь определением В.И. Ленина, контрреволюция монархическая, применительно к Афганистану – феодально-монархическая, контрреволюция правящих кругов периода монархии, выступающая также под исламскими лозунгами.

Оба эти отряда контрреволюции ставят перед собой одну и ту же ближайшую политическую цель – ликвидацию ДРА и уничтожение завоеваний национально-демократической революции. На этой основе они неоднократно пытались объединить свои усилия. Но логика классовой борьбы и сословные противоречия приводят их прежде всего к защите своих классовых и сословных интересов, что предопределяло провал попыток их объединения. Это, конечно, не означает, что на каком-то этапе, под давлением извне, со стороны США, региональной реакции, или изнутри, со стороны влиятельных улемов, а также под давлением снизу, со стороны рядовых членов, эти альянсы не смогут хотя бы временно преодолеть свои противоречия и объединиться в попытке сообща решить задачу ликвидации национально-демократического строя в Афганистане, но это объединение будет носить крайне неустойчивый характер, поскольку каждая из двух групп контрреволюций – буржуазная и феодально-монархическая – наверняка будет стремиться использовать это объединение прежде всего в своих собственных интересах. Этот вывод подтверждается всем последующим – начиная с 1984 г. – развитием событий, когда США предприняли прямую попытку объединить афганскую исламскую контрреволюцию.

В мае 1985 г. семь контрреволюционных организаций – четыре фундаменталистские (ИПА, ИОА, ИПА Ю. Халеса, ИСОА) и три традиционалистские (ДИРА, НФСА, НИФА) воссоединяются в альянс, снова принявший название Исламского союза моджахедов Афганистана.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОЗИЦИИ ОСНОВНЫХ ОТРЯДОВ АФГАНСКОЙ ИСЛАМСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Каждый из двух основных отрядов афганской исламской контрреволюции (фундаменталисты и традиционалисты) по-своему видит будущее Афганистана в случае свержения национально-демократического строя, что в значительной мере определяет подход каждого из этих отрядов и к

такой проблеме, как возможность политического урегулирования вокруг Афганистана. Фундаменталисты, ставящие перед собой наиболее далеко идущие цели – создание на территории Афганистана исламского государства, – скорее антикоммунистического, чем антизападного по своему характеру, придерживаются в вопросе политического урегулирования самой непримиримой линии, практически сводящей к нулю любую возможность такого урегулирования. Если быть точнее, то условия, которые они выдвигают, равнозначны капитуляции ДРА.

Традиционалисты, объявившие своей политической целью восстановление додаудовского афганского государства, не исключают возможности политического решения при наличии определенных условий, о которых будет сказано ниже.

Начавшиеся в 1982 г. в Женеве переговоры между Афганистаном и Пакистаном при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса не могли не вызвать реакции в рядах афганской контрреволюции, которая поспешила выработать и обнародовать свой подход, свое отношение к этим переговорам и в целом к вопросу о возможности политического урегулирования. При этом сформулированные двумя основными отрядами афганской исламской контрреволюции позиции по вопросам политического урегулирования отражают не только их отношение непосредственно к вопросам урегулирования, но и конечные политические цели их борьбы против ДРА, а также стратегию этой борьбы.

С учетом актуальности вопроса о политическом урегулировании вокруг Афганистана, видимо, целесообразно подробнее остановиться на концепциях афганских фундаменталистов и традиционалистов.

Позиции фундаменталистов по вопросу политического урегулирования сформулированы лидером Исламской партии Афганистана Г. Хекматьяром и руководителем Исламского общества Афганистана Б. Раббани. Остальные лидеры фундаменталистского альянса, будучи далекими от попыток какого бы то ни было теоретизирования, безоговорочно взяли на вооружение концепцию Г. Хекматьяра и Б. Раббани. Любопытный факт: при обосновании концепции политического урегулирования Г. Хекматьяр и Б. Раббани как бы поменялись местами: Г. Хекматьяр, не имеющий профессионального теологического образования, в своем подходе к вопросам политического урегулирования широко использует Коран, факты из истории войн, которые вел пророк Мухаммад, проводит исторические параллели с тем периодом истории, постоянно ссылается на послания Аллаха. Б. Раббани – профессиональный теолог, оперирует в основном политическими категориями. Здесь, правда, уместно заметить, что Г. Хекматьяр вообще стремится "обогатить" исламскую богословскую науку, он постоянно комментирует Коран со своих политических позиций сегодняшнего дня, выискивая в нем подкрепление своим политическим взглядам, в то время как Б. Раббани делает упор на перевод с арабского произведений основоположников исламского фундаментализма и на политические заявления, видимо, оставив исламские теоретические изыскания на будущее.

Г. Хекматьяр в своей основной работе по разбираемому вопросу "Политическое урегулирование проблемы Афганистана" полемизирует с те-

ми, кто считает, что ислам как религия, выступает в защиту мира и против войны, и приводят в подтверждение этой позиции следующий аят Корана: "И если они склонились к миру, ты тоже склонись к нему и уповай на Бога", а также ссылаются на факт заключения в Хабибие пророком Мухаммадом мирного договора на условиях врага как на подтверждение того, что политические компромиссы дозволены исламом. Г. Хекматьяр по этому поводу пишет: "В Коране в двух отдельных сурах, одна из которых относится к первоначальному периоду пребывания пророка в Медине, а вторая – к периоду после жизни пророка, содержатся два наставления о мире, полностью противоположные по смыслу. Один из призывов категорически запрещает заключение мира, а второй призывает в случае, если враг проявляет готовность к нему, идти на заключение мира. Эти два указания относятся к двум различным этапам движения (имеется в виду движение мусульман во главе с Мухаммадом в 610–632 гг. – *В.С.*), и их следует рассматривать применительно к каждой конкретной ситуации". Далее Г. Хекматьяр разъясняет, что первое указание, запрещающее идти на мир с противником, относилось к периоду слабости движения, когда противник превосходил движение в военном и политическом отношении. Идти на мир с врагом в такой ситуации – это значило принять условия врага. На том этапе, пишет Г. Хекматьяр, нельзя не только идти на мир, но и позволить, чтобы в ряды движения проникло чувство признания превосходства противника. В тот период слабости движения оно находилось в одиночестве, но с ним был Аллах, который через пророка учил участников движения, что одиночество и изоляция не должны стать причиной сделки с противником. « Нельзя думать, – пишет Г. Хекматьяр, – что ценой уступок и сделок с врагом движение преодолеет все трудности. Свидетельством этому является жизнь пророка. Еще до хиджрата пророка, в Мекке, когда его призвали к миру и взаимопониманию, он откровенно и прямо заявил: "Клянусь богом, что, если в одну руку (правую) мне дадут солнце, а в другую (левую) – луну, то и тогда я не сверну с пути, который выбрал...". Во время пребывания в Мекке, когда движение еще не созрело, пророк, несмотря на все трудности, с которыми сталкивалось движение, никогда не шел на соглашения и сделки. На этапе, когда движение еще не набрало сил и не превосходит врага в политическом и военном плане, великий Коран повелевает решительно противиться лести, чувству неполноценности, сделкам. Ибо пророк сказал: "Хоть вы слабы и подавлены, но если вы верите, то вы выше их ».

Таким образом, делает вывод Г. Хекматьяр, соглашение с противником в период, когда движение слабее противника, приведет к вырождению движения, изменению его сущности, к утрате им независимости, к его поражению. Вопрос о возможности мира с противником стал рассматриваться в тот исторический период, продолжал Г. Хекматьяр, только тогда, когда все попытки врага уничтожить движение оказались безрезультатными, когда город Медина, где жители приняли пророка и его сторонников, а также мусульманство, стал независимой политической силой, когда движение из оборонительного превратилось в наступательное, а противник был вынужден искать мира. Вот на этом этапе, пишет Г. Хекматьяр, Коран повелевает: "Если же они склоняются к миру, то ты тоже склонись к нему и уповай на Бога".

Переходя к современной действительности, Г. Хекматьяр заключает: «... На том этапе, на котором мы сейчас находимся, когда противник со своими дивизиями наносит удары по исламскому движению, ислам не разрешает мир и сделку с врагом. На этом этапе наши правоверные моджахеды должны исполнять следующее указание Корана: "Когда вы слабы, не зовите к миру... Бог на вашей стороне и да не пропадут ваши усилия!"... Нельзя думать о мире с врагом и надеяться на политическое решение. Оно будет в пользу русских... Это будет обман, нас отвлекут от джихада, используют переговоры для ослабления наших и усиления своих позиций »[11].

Таково теоретическое обоснование отрицательного отношения Г. Хекматьяра к политическому урегулированию на этапе, когда исламская контрреволюция не набрала по мнению Г. Хекматьяра, еще достаточной силы и не способна перейти в наступление. Из этого можно сделать вывод, что Г. Хекматьяр верит, что наступит такой этап, когда исламская контрреволюция в Афганистане будет диктовать свои условия заключения мира.

Об этом же говорит его заявление, сделанное им в 1984 г. Касаясь переговоров в Женеве, Г. Хекматьяр заявил: "Мы не верим в такого рода решение проблемы. Мы ищем пути решения афганского кризиса в победе нашей революции, в рамках джихада и в условиях продолжения сопротивления. Мы также не верим, что русские войска уйдут из Афганистана в результате переговоров в Женеве под эгидой ООН. Мы убеждены, что русские провозглашают возможность политического решения... для обмана и успокоения мировой общественности... Если джихад будет продолжен в той форме, как он происходит сегодня, то победа революции очень близка, близок также уход русских войск из Афганистана... Чем дольше длится война, тем больший опыт приобретают моджахеды, их вера крепнет, растет их уверенность в победе, да и средства ведения войны улучшаются. Продолжение войны на пользу нашему джихаду и революции"[12].

Подход Б. Раббани к возможности политического урегулирования, как уже говорилось, более политизирован и в то же время содержит несколько положений, которые выходят за рамки вопроса о политическом урегулировании, но они настолько важны, что на них следует остановиться.

В своей работе "Пути решения проблемы Афганистана"[13] Б. Раббани формулирует следующие позиции исламских фундаменталистов по рассматриваемому вопросу (дается в близком к тексту изложении):

никакой ценой нельзя оплатить наши жертвы в борьбе за исламское государство. Никакой нажим, откуда бы он ни исходил, не свернет нас с курса борьбы за это государство. Наш мусульманский народ будет вести борьбу за справедливый исламский строй до конца, поэтому политическое урегулирование не имеет никакого смысла и значения;

советские войска должны быть выведены из Афганистана без каких-либо условий, безоговорочно и полностью. Вопрос о выводе советских войск – это единственный вопрос, по которому мы готовы вести переговоры с русскими, и то в контексте графика вывода войск;

при любых условиях нынешнее руководство ДРА должно уйти. Мы не допустим, чтобы под видом политического урегулирования Афганиста-

ну было навязано какое-либо правительство. Вопрос о будущем мусульманском правительстве, его составе и программе будет обсужден после ухода русских войск только между моджахедами и при возможных консультациях с нашими друзьями в мусульманском мире;

джихад будет продолжаться до полного вывода советских войск с территории Афганистана. Нельзя допустить, чтобы наша исламская революция, подобно палестинской, была обманута посулами политического урегулирования. Нужно до полной победы революции держать окопы "горячими", не дать им остыть. Нельзя допустить, чтобы нашу проблему превратили в неодушевленный политический вопрос;

оружие не будет сложено до тех пор, пока не будет создано справедливое мусульманское государство. Нельзя допустить, чтобы политика заменила войну. Следует помнить, что как только ООП, поддавшись обману, ограничила свою борьбу постановкой политических целей, как только палестинцы покинули свои окопы, их революция стала терпеть поражение;

нельзя допустить, чтобы после ухода русских из Афганистана между нами началась братоубийственная война. Следует готовить правительство, программу его деятельности. Надо сделать так, чтобы наши друзья в исламском мире не опасались, что после ухода русских в Афганистане начнется гражданская война между моджахедами, тем более что такая война дала бы повод русским к новому вмешательству под предлогом обеспечения безопасности своих южных границ.

Афганская традиционалистская контрреволюция также сформулировала свою позицию по вопросу о возможном политическом урегулировании, значительно отличающуюся от позиции фундаменталистов. Основные ее положения нашли свое отражение в "Декларации Исламского союза моджахедов Афганистана по поводу посещения региона г-ном Кордовесом"[14].

"Мы, – говорится в декларации, – поддерживаем политическое урегулирование афганской проблемы в международном контексте на основе резолюций Организации исламской конференции, Движения неприсоединения и ООН.

Мы уже заявили о своей позиции в этом вопросе в июне 1982 г.

Сейчас мы снова подтверждаем, что продолжающиеся усилия ООН не принесут какого-либо результата в решении афганской проблемы, если они не будут опираться на эти резолюции.

1. Мы твердо намерены продолжать наш джихад... до окончательной победы и до момента, когда будут полностью восстановлены нижеследующие права нации моджахедов:

полный и безоговорочный вывод советских войск из Афганистана;

полное восстановление исламского национального суверенитета и территориальной целостности Афганистана;

восстановление исламского характера Афганистана;

восстановление права афганского народа определять свою собственную форму правления, свою экономическую, политическую и социальную систему, свободную от любого внешнего вмешательства.

2. Нынешний режим в Кабуле является марионеточным и навязанным извне, поэтому его участие в любых переговорах исключается.

3. Любое решение афганской проблемы без участия представителей нашего народа-моджахеда будет неприемлемым и бессмысленным".

В заключение авторы декларации заявляют, что участие в переговорах руководства ДРА исключает участие в них "народа Афганистана", т.е. афганской контрреволюции, что вызывает "глубокое сожаление", и что любое решение афганской проблемы "без представителей народа-моджахеда" будет неприемлемо.

Подходы фундаменталистской и традиционалистской контрреволюции к вопросу о политическом урегулировании, если отбросить антисоветскую риторику и исламскую словесную шелуху, значительно отличаются друг от друга. Как видно, наиболее непримиримую позицию в этом вопросе занимают фундаменталисты, главным образом, Г. Хекматьяр и Б. Раббани; их позиция настолько ультимативна, что создается впечатление о ее нарочитой жесткости, призванной сделать ее вообще неприемлемой. По существу, это – требование капитуляции со стороны ДРА, Советского Союза, международных прогрессивных сил. Фундаменталисты не настолько наивны, чтобы не понимать неприемлемости и нереальности своих требований. Создается впечатление – и это подтверждается анализом фундаменталистской позиции – что они вообще не хотят политического решения, боятся его, поскольку не готовы к нему, даже если четко предположить, что они были бы приглашены к участию в нем в какой-либо форме. Анализ фундаменталистской позиции дает возможность более четко представить их понимание обстановки вокруг Афганистана. Прежде всего они еще раз подтвердили свою основную политическую цель – создание исламского государства. Каким должно быть это государство – исламской республикой или, как утверждают некоторые, халифатом – ни в одном из программных документов фундаменталистов не уточняется. Этот вопрос, видимо, фундаменталистами еще не разработан, поэтому, как говорит Б. Раббани, они намерены обсудить его "между моджахедами", а также проконсультироваться с "друзьями в исламском мире". Друзья фундаменталистов в исламском мире – это прежде всего арабские "Братья-мусульмане", "Джамаат-и-ислами" Пакистана, хомейнистское руководство Ирана и отчасти – руководство Пакистана. Каждый из этих друзей по-своему видит будущее Афганистана.

Что касается обсуждения вопроса о будущем исламском правительстве "между моджахедами", то здесь содержится намек на то, что между различными отрядами афганской контрреволюции нет единого мнения о будущем исламском государстве. Более того, вопрос о том, каким быть исламскому государству в случае "ухода русских", – главный вопрос, вызывающий ожесточенную внутреннюю борьбу в стране контрреволюции. Логика фундаменталистов примерно такова. Если "русские уйдут", то судьбу ДРА можно считать решенной: национально-демократическая власть падет под напором контрреволюции. Но не известно, что последует потом, ведь к власти в стране, помимо фундаменталистов, которые и сами отнюдь не едины, рвутся традиционалисты (за которыми идет значительная часть лидеров пуштунских племен), имеют свои планы и питают какие-то политические надежды афганские шиитские контрреволюционные организации, осевшие в Иране (а вместе с ними эти надежды вынашивает и Иран), преследуют свои политические цели активные на се-

вере страны экстремистские и националистические группировки типа "Шоале-и джавид" и "Сетам-е мелли", выдвигают свои требования хазарейцы и т.д. Все эти силы вооружены, они воюют, у них есть свое видение центральной власти, не совпадающее с представлениями суннитских фундаменталистов. В этих условиях опасения фундаменталистов в отношении возможности возникновения "братоубийственной войны", т.е. гражданской войны между различными отрядами афганской контрреволюции, выглядят весьма обоснованными. Из заявления Б. Раббани, приведенного выше, видно, что возникновения "братоубийственной войны" между отрядами афганской контрреволюции опасаются и "друзья в исламском мире". Такая война страшит фундаменталистов не только из-за неясности ее исхода, но и потому, что они выступили бы в ней совершенно в ином качестве. Сейчас они выдают свою контрреволюционную борьбу против интересов афганского народа, против народной власти за "исламскую революцию", в глазах обманутой империалистической пропагандой части мировой общественности они – "борцы за свободу", в глазах исламской реакции они – "борцы за веру". В случае же возникновения между различными отрядами контрреволюции вооруженной борьбы за власть в стране они мгновенно утратили бы свой ореол борцов за свободу или веру и превратились бы в рядовых претендентов на захват власти в стране, в участников войны, которую уже не назовешь джихадом. Ни фундаменталисты, ни их зарубежные покровители не хотели бы такого исхода и опасаются его.

В этой связи особое значение приобретают теоретические изыскания Г. Хекматьяра о возможности мира только с позиции силы. Не исключено, что, рассуждая о том, на каком этапе возможен мир с врагом, а на каком недопустим, Г. Хекматьяр имеет в виду в качестве врага не только народную власть, но и своих соперников в стане контрреволюции. Фундаменталисты и лично Г. Хекматьяр еще не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы претендовать на монопольную власть, и, видимо, считают, что их борьба еще не достигла своей кульминации, что в их интересах продолжать, как они любят говорить, "разогревать окопы". Если перевести это на язык конкретной политики, то это означает, что фундаменталисты, и прежде всего Г. Хекматьяр, будут всячески стремиться расширить в стране контрреволюционное движение под фундаменталистскими знаменами, добиваясь не только ликвидации ДРА, но и параллельно с этим военного и политического превосходства над своими соперниками по борьбе за власть, чтобы быть в состоянии диктовать им свои условия.

Представляет интерес в заявлении фундаменталистов относительно политического урегулирования и ссылка на печальный опыт национально-освободительной борьбы палестинского народа. По мнению Б. Раббани (которое очень напоминает иранскую точку зрения), ООП потерпела последние поражения в результате того, что поддалась обману со стороны сверхдержав и преждевременно перешла от вооруженной борьбы к политической, оказавшись втянутой в политические переговоры и "покинув окопы".

Позиция афганских традиционалистов по вопросу возможности политического урегулирования не столь категорична и непримирима и оставляет ее авторам место для политических маневров. Исламское государ-

ство, как его понимают фундаменталисты, в их программе не фигурирует. Традиционалисты ведут речь только о процессе "восстановления": о восстановлении суверенитета, исламского характера Афганистана, права народа определять форму правления в стране. В позиции ИСМА-3 нет также категорического отказа от политического урегулирования, от переговоров с советской стороной. Можно предположить, что традиционалисты даже заинтересованы в политическом урегулировании при условии хотя бы частичной реставрации прежних, додаудовских порядков. При этом в их интересах, чтобы такое политическое урегулирование состоялось как можно скорее, пока в стране не разрушены окончательно традиционные основы их влияния и авторитета, а также пока фундаменталисты не превратились в ведущую контрреволюционную силу, способную претендовать на полноту политической власти.

Изложенные позиции двух контрреволюционных альянсов – фундаменталистского ИСМА-7 и традиционалистского ИСМА-3 по политическому урегулированию – были сформулированы в 1983 г., подтверждались ими и до последнего времени не пересматривались, хотя сами альянсы в организационном плане претерпели значительные изменения.

Разумеется, считать эти позиции окончательными и не подлежащими изменениям со стороны их авторов нельзя, это скорее максимальный запрос контрреволюции, попытка оказаться причастными к усилиям по политическому урегулированию, стремление заявить о себе с целью усилить свои позиции и позиции своих зарубежных покровителей на международном уровне.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ АФГАНСКИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ С ЦЕНТРАМИ В ПАКИСТАНЕ. ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АФГАНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ПЕШАВАРЕ

После апрельской революции 1978 года в Афганистане силы международного империализма и реакции превратили Пакистан в плацдарм для ведения необъявленной войны против соседнего государства. На его территории спешно создавались многочисленные афганские контрреволюционные организации самого различного толка. Их количество практически не поддавалось учету. Процесс создания враждебных ДРА организаций достиг своего апогея после декабря 1979 г., после того, как США, ФРГ, Англия, Франция, КНР, Япония, Иран, реакция ряда арабских стран, не только резко увеличили материальную и иную помощь афганской контрреволюции, но и стали делать это демонстративно открыто. В Пакистан со всех концов мира ринулись сотни афганских эмигрантов, в силу различных причин бежавших из Афганистана не только после апрельской революции, но и задолго до нее. Теперь они торопились объявить себя "бор-

цами за веру", использовать политическую ситуацию вокруг Афганистана, созданную международным империализмом и реакцией, в личных интересах, тем или иным способом выбиться на поверхность политической жизни, получить доступ к материальной и иной помощи, которая потоком хлынула в Пакистан для афганской контрреволюции.

Среди тех, кто оказался в Пакистане, были действительно идейные противники национально-демократической революции в Афганистане, ставившие перед собой определенные политические цели и боровшиеся за их достижение. Но подавляющее большинство тех, кто торопился принять участие в "пешаварском буме", как назвали на Западе процесс форсированного создания многочисленных контрреволюционных организаций, были политическими авантюристами, дельцами, маклерами, спекулянтами, "жуликами, летевшими в Пешавар и другие центры, где находились эмигранты, как пчелы на мед"[1].

Борьба за руководящие посты в организациях, за влияние на беженцев, за получение большего количества помощи, интриги, подкупы, убийства – все это стало характерными чертами обстановки в Пешаваре и других пунктах дислокации афганской контрреволюции. Западные авторы, за редким исключением, избегают описывать в своих работах атмосферу, царящую в лагере афганской контрреволюционной эмиграции в Пакистане, поскольку то, что там происходит, никак не совпадает с тем образом "борцов за веру", который они настойчиво создают для западного обывателя, выполняя "социальный заказ" своих хозяев. Поэтому в поисках нужной информации иногда приходится обращаться к контрреволюционной прессе, которая издается самими афганскими контрреволюционерами, находящимися в Пешаваре и являющимися прямыми свидетелями и непосредственными участниками происходящих там процессов.

Быстрый рост количества различных контрреволюционных организаций, подлинных и мнимых, "контор" и "дуканов", как их язвительно называют сами контрреволюционеры, вызвал тревогу у руководства "основных" контрреволюционных организаций, особенно фундаменталистских, поскольку этот процесс подрывал их влияние среди афганских беженцев, ставил под угрозу их монопольное право на получение и распределение зарубежной денежной и иной помощи, поставок оружия, снаряжения и т.д. Появление новых конкурентов заставило фундаменталистов начать жесткую борьбу против политических нуворишей. Одно из направлений этой борьбы – "теоретическое", пропагандистское. В своих выступлениях на митингах в лагерях беженцев, в мечетях, на страницах своей прессы лидеры "основных" контрреволюционных организаций, в том числе ИПА и ИОА, повели планомерную кампанию против новоявленных партий и групп, разоблачая подоплеку их создания, истинные цели их руководителей, методы их деятельности, тем самым в какой-то степени обнажая саму сущность афганской контрреволюции в целом.

Возглавили эту политическую кампанию фундаменталистские ИПА и ИОА. В одной из брошюр ИПА, посвященной вопросам единства в рядах афганской контрреволюции, говорилось: «С увеличением потока беженцев из Афганистана, с ростом их количества в Пакистане и Иране начался процесс создания партий и групп. Каждую неделю четыре-пять человек собираются вместе, рисуют герб организации, придумывают ее название,

рассылают бумаги, их рекомендующие, приводят аргументы, оправдывающие создание самостоятельной группы... и таким образом количество партий увеличивается еще на одну. Одни в качестве причины создания своей организации называют разногласия между партиями, в то время как сами усиливают эти разногласия и усложняют ситуацию, другие ссылаются на отсутствие единой стратегии борьбы, в то время как сами пребывают в состоянии разброда и не имеют перед собой ясной цели борьбы.

Ссылка на отсутствие единства в рядах моджахедов ни в коем случае не оправдывает их позиции, они сами усиливают противоречия, что приводит к ослаблению возможности единства... Третьи откалываются от своих организаций под предлогом, что в их прежних организациях существовали отношения, основанные на племенных и личных привязанностях, что не было конкретного и целеустремленного руководства. Но сами же они вновь создавали на основе племенных отношений группки под названиями Союз племен Кунара, Объединение Хугияна... или в форме корпоративных объединений, например Объединения офицеров, Общества улемов, создавали вокруг себя советы, в которые входили только члены их семейств – братья, племянники, дяди... Старший сын был председателем финансового комитета, брат – председателем комитетов военного и организационного, а некоторые из руководителей даже выбирали себе наследников.

При этом нет и речи о каких-либо принципах, это семейные партии, придворные, феодальные партии времени средневековья... Под видом джихада они развертывают деятельность, напоминающую базар, с участием воров и разбойников.. Эти группы так называемых моджахедов и мохаджеров являются орудием в руках врага, они фактически служат врагу, уводя наш благородный джихад с его пути »[2].

Этой брошюре вторит статья под саркастическим, но характерным названием – "От дукана до сазмана"*, в которой, в частности, говорится: "Для создания современной организации совершенно недостаточно выбрать подходящее название, составить программу, подготовить интересные и зажигательные лозунги, а также испачкать типографской краской несколько страниц бумаги с обеих сторон в виде газеты или журнала с помещенным в их верхней части названием организации и газеты. Нельзя сорганизовать людей на вооруженную борьбу с помощью только распределения денег и оружия. Распределение денег и благ в состоянии осуществить любая торговая компания, любая фабрика. Любой владелец магазина в своей торговой практике распределяет деньги, предоставляет в кредит различные товары, а для их продажи выпускает рекламу в красках и с привлекательными заголовками. Иногда даже дают соответствующие объявления по радио. Но в течение веков и до сих пор еще никто не называл эти торговые компании, эти магазины по продаже товаров теоретическими организациями. И, право, неуместно называть каждый политический дукан организацией, а каждый торговый дом по продаже крови и чести партией"[3].

Новоявленные партии и организации, их амиры настолько скомпрометировали себя и всю афганскую контрреволюцию, окопавшуюся в Пешаваре, что против них выступают даже "независимые", т.е. не принадлежащие

---

* "От торговой лавки до организации".

к какой-либо политической организации афганские эмигранты. Один из таких эмигрантов пишет: "Сегодня в Пакистане действуют несуществующие партии, имеющие только герб, флаг и несколько человек. Отпустив наспех бороду, арендовав комнату, поставив несколько стульев, разложив брошюры, украденные в штабах других партий, руководители этих партий объявляют, что их цель – это джихад, после чего приступают под этим прикрытием к сбору денежных средств. Во главе этих имеющих герб, но несуществующих партий стоят люди, называющие себя амирами. Число этих амиров исчисляется десятками. Они разные, эти амиры. Некоторые становятся ими только ради служения богу и спасения Афганистана, другие – не только для бога, спасения Афганистана, но и для достижения политической власти, третьи – только для достижения политической власти, а некоторые – для торговли, получения денег, дележа пособий, поступающих в адрес беженцев. Все они болтают о войне, борьбе, джихаде. Некоторые самозванные амиры целыми днями просиживают у дверей кабинетов корреспондентов в ожидании шанса дать интервью, чтобы их имя появилось в каком-либо сообщении"[4].

Наконец, точку над всем ставит сам Г. Хекматьяр. В качестве лидера одной из "основных" контрреволюционных организаций он не снисходит до брани и иронии и откровенно предупреждает инициаторов создания новых организаций. Выступая в октябре 1985 г. в пятничной мечети лагеря беженцев Хазрата Османа Разиуллы Ани в Пешаваре, Г. Хекматьяр угрожающе заявил: "Мы видим, как враг... создает противоречия, организует новые группы. Вы каждый день являетесь свидетелями открытия новых контор, основатели которых хотят создать свою партию... Тот, кто открывает контору, сам является орудием в руках других, средством, с помощью которого противник хочет нанести удар по движению... Поверьте мне, что это международный заговор..."[5].

Основные фундаменталистские организации не ограничиваются увещеваниями и призывами к прекращению создания новых групп, партий и организаций. В Пешаваре и других местах, где расположены штаб-квартиры афганских контрреволюционных организаций и их лагеря и склады, развернулась "минная война", как назвали это явление сами контрреволюционеры. Не проходит и недели, чтобы в какой-либо штаб-квартире, в центрах военной подготовки не раздались бы взрывы, уничтожающие людей, имущество, помещения.

Афганская контрреволюция и пакистанские власти пытаются возложить ответственность за эти взрывы на спецслужбы ДРА, но количество этих взрывов, сопровождающие их обстоятельства свидетельствуют, что "минная война" – это дело рук прежде всего самих контрреволюционеров. Недаром в Пешаваре после каждой серии взрывов проходят демонстрации местных жителей и различных пакистанских организаций, требующих прекратить деятельность афганской контрреволюции в Пакистане. "Во взрывах бомб повинны афганские контрреволюционеры", – заявил лидер пуштунского племени африди Вали Хан Кукихейль в интервью корреспонденту пакистанской газеты "Муслим" в январе 1986 г.[6]

Пешавар, где сосредоточены штаб-квартиры основных афганских контрреволюционных организаций, является мозговым, "теоретическим" центром афганской контрреволюции: здесь контрреволюция вырабатывает

свои военно-политические установки, здесь разрабатываются общие направления ведения вооруженной борьбы против ДРА, осуществляются контакты с официальными и неофициальными представителями США, Пакистана, Англии, ФРГ, КНР, Франции, Саудовской Аравии и других стран, оказывающих всестороннюю поддержку афганской контрреволюции. Здесь находятся редакции основных печатных органов контрреволюции, ее газет и журналов, здесь издаются листовки, воззвания, отправляемые на территорию ДРА.

Пресса афганской контрреволюции полностью отражает жестокий и беспощадный облик самой контрреволюции. Ее страницы заполнены садистскими фотографиями убитых и раненых, лживыми сообщениями о "зверствах" афганских правительственных войск и советских солдат, антисоветскими вымыслами. Эта пресса целиком направлена на разжигание ненависти к ДРА, к СССР и советскому народу, она нацелена на воспитание фанатиков-антикоммунистов. При этом журналы и газеты рассчитаны прежде всего на контрреволюционную элиту, что же касается обитателей лагерей беженцев, то для них изготавливаются примитивные воззвания, религиозные тексты, призывающие к борьбе против "безбожников", захвативших власть в Афганистане.

Публикуемые иногда в журналах "письма читателей" примитивны и фанатичны: так, автор одного из писем требует, чтобы журнал не использовал на своих страницах красную краску ("цвет коммунизма"), чтобы сам текст печатался не черной, а зеленой – цвета знамени ислама – краской. И появляются журналы и газеты, отпечатанные в зеленом, трудно читаемом цвете. Пресса афганской контрреволюции избегает называть Советский Союз принятым в персидском и дари языках словом "шоурави", т.е. "советский", поскольку-де оно созвучно арабскому слову "шура", "совет", которое в исламе означает один из основных принципов идеализированного исламского государства – совещательности при принятии решений. Отказываясь называть нашу страну ее официальным названием, афганская контрреволюция упоминает о ней только как о России с добавлением оскорбительных эпитетов, таких, как "варварская", "людоедская" и т.д.

Но среди всего этого убогого чтива изредка встречаются материалы двух-трех авторов, видимо "теоретиков" афганской контрреволюции, которые делают попытку, разумеется с враждебных нам позиций, проанализировать путь, пройденный контрреволюцией, выявить ее ошибки, подвести некоторые политические итоги и сделать "теоретические" обобщения.

Одним из этих авторов является некий Шарифулла Фагири, член Исламского общества Афганистана, опубликовавший в 1981–1982 гг. в фундаменталистских журналах "Мисак-е хун" и "Киям-е хак" серию статей под общим заголовком "Революция в революции". Содержание этих статей позволяет как бы заглянуть внутрь теоретических изысканий фундаменталистской контрреволюции, проследить, как сами теоретики афганских фундаменталистов оценивают происходящие события. Статьи написаны ярким и эмоциональным языком, поэтому познакомиться с ними лучше не в изложении, а предоставив слово самому автору.

Вот как описывает Ш. Фагири поведение тех афганцев, которые до

апрельской революции занимали видные посты, после революции эмигрировали из страны, а затем присоединились к контрреволюции, пополнив ее феодально-монархический отряд: "В нашем обществе на его высоком и очень высоком уровнях были люди, известные тем, что они имели политическое видение, научную подготовку и знания в области внутренней и внешней политики. Только они имели право обсуждать и анализировать политические проблемы! Только они считались специалистами в области истории и обществоведения! Имея дипломы знаменитых американских и европейских университетов, занимая посты в политических и дипломатических учреждениях, которые стали для них уже наследственными, они имели право и полномочия обсуждать и по-научному анализировать прошлое, настоящее и будущее страны! Да, они имели в своем распоряжении все средства и возможности, они могли стать всем и они были всем. После прихода к власти марионеточного режима они, опираясь на свои дипломы и блестящее прошлое, остались в стране и ждали любого знака со стороны коммунистических правителей, чтобы поспешить им на службу. Некоторые из них оказались на службе режиму, а другие, не дождавшись приглашения или испугавшись, покинули страну и вместо того, чтобы избрать путь хиджрата, пустились в бегство и укрылись в отелях Запада. Своим дипломатическим языком они утверждали, что страна, мол, потеряна и, подобно северному региону (т.е. советским среднеазиатским республикам. – *В.С.*), попала под красную оккупацию. При этом они могли лицемерно всплакнуть... но большинство из них пребывало в неизвестности, без родины, в состоянии полного безразличия.

И наоборот, весь наш мусульманский народ – крестьяне, рабочие и представители различных классов страны, в основном выходцы из неимущих и бедных слоев, те, которые не были знакомы ни с международными принципами, ни с Декларацией прав человека, – пришел в движение, руководимый борющейся мусульманской молодежью и улемами-моджахедами.

И поразительно, что те самые люди, которые после апрельского переворота считали сопротивление невозможным и бесполезным, кто после зарождения движения прятался в укромных местах... когда проблема Афганистана приобрела международный характер... вылезли из своих укрытий и стали называть себя теми, кто внес свой вклад в дело исламской революции. Это именно они снова стали увязывать со сверхдержавами возможность решения вопроса об Афганистане, поставили свободу Афганистана в зависимость от благожелательности русских, так как, по мнению этих господ, Россия – это сила, которую невозможно изгнать силой. Но наша война – это не война за газ Шибергана, за апельсины Джелалабада, за гранаты Кунара, за фисташки и миндаль Самангана... за нефть Персидского залива и теплые воды Индийского океана. Наша война – это война идеологическая"[7].

В другой своей статье из этой же серии Ш. Фагири обращается к истории афганского фундаменталистского движения до апрельской революции 1978 г. и, явно идеализируя первый этап движения, с грустью сравнивает его с тем, что происходит сейчас: "Что касается образа действий движения в годы, предшествующие революции, то следует сказать, что наше исламское движение не смогло достойно и организованно пройти этапы исламской борьбы и не оказалось на высоте с точки зрения организацион-

ной... Дух движения в самом его начале не был карьеристским, в движении не существовало барского отношения к людям. Мы хорошо понимали, что нельзя делать свой путь столь узким, чтобы другие не смогли стать рядом и двигаться вперед вместе с нами. В наших действиях не просматривался догматизм и ограниченность. Ошибки, конечно, были. Но, несмотря на это, светлая и голубая истина заключается в том, что наше единое исламское движение было в тот период, особенно в период монархии Захир-Шаха и в период правления М. Дауда, народным. Но, к сожалению, в середине правления угнетателя Дауда в нашем великом исламском движении возникли разногласия. Эти разногласия, помимо других тяжелых и опасных последствий, создали основу для появления в революции антиисламских элементов, которые в виде так называемых политических и религиозных групп использовали наши противоречия в своих личных и корыстных интересах"[8].

Автор сетует, что после апрельской революции в афганском фундаменталистском движении возникли карьеризм, стремление к обогащению, к власти: "После ухода в эмиграцию и скопления в эмиграции большого количества людей, а также в связи с созданием органов политического, экономического и военного управления в движении возникли тенденции использовать эти рычаги власти для получения материальных благ в качестве вознаграждения за годы борьбы и лишений. Эти тенденции превратились в погоню за властью, постами, привилегиями материальными и моральными..."[9]. И далее: "Самая горькая и болезненная истина заключается в том, что налицо яркий пример искажения нашего курса, т.е. возник разрыв между теми, кто с целью наживы и сладкой жизни прибегает к незаконному использованию финансовых средств, и теми, кто нуждается в куске хлеба, кто лишен самых элементарных жизненных средств к существованию..."[10].

С приходом в фундаменталистское движение большого количества новых людей, иногда далеких от фундаменталистских идей, у афганской фундаменталистской контрреволюции возникли трудности организационного характера, о которых Ш. Фагири пишет: "Другие трудности, с которыми сталкивается движение, носят организационный характер. Движение до сих пор не смогло создать правильного организационного построения. Особенно это проявилось после апрельской революции...

Положение еще более запуталось, когда к движению примкнули многие мусульмане, готовые принять участие в восстании. Перед движением стояла задача собрать вокруг себя все классы и слои народа и вовлечь их в русло нашей борьбы. В планах и программах движения не нашлось места для организационной работы, ей не уделялось должного внимания. Расширение масштабов деятельности движения, т.е. работа среди беженцев, ведение джихада, решение управленческих проблем требовали, чтобы на соответствующие посты назначались компетентные специалисты и лица, имеющие необходимый опыт, такие, как офицеры, чиновники и другие специалисты, которые, помимо веры, обладали бы профессиональными знаниями. Нужно было предоставить им ответственные посты, чтобы объединить партию, которая осуществляет общее руководство и управленческий аппарат, которые были разъединены. Кроме того, нужно было изменить систему партийной иерархии, разделив партийные, управленческие и исполнительские функции".

Ш. Фагири далее пишет, что фундаменталистская контрреволюция испытывает трудности в подготовке кадров для ведения вооруженной борьбы на территории ДРА: "Новые люди, не прошедшие курс идеологического воспитания и организационной подготовки, уступают прежним кадрам исламского движения в благочестии, знаниях, самоотверженности и жертвенности. Крупнейшей трудностью нашего исламского движения являются каждодневные жертвы и потери среди наших братьев и последователей, причем мы не успеваем готовить им достойную замену. Тот относительный застой, который имеет место на некоторых фронтах, как раз является результатом этой проблемы. Создание одного человека – моджахеда в полном смысле этого слова, придание ему революционного духа – это не простое дело, но, учитывая обстановку и политическую ситуацию, это не всегда зависит от нас"[11].

Вот в такой обстановке взаимного недоверия, соперничества, скрытой и открытой вражды создавались и действуют в Пакистане многочисленные группы и организации афганской контрреволюции.

Исламская партия Афганистана (ИПА)

Фундаменталистская Исламская партия Афганистана начала создаваться Гульбуддином Хекматьяром и его ближайшими сторонниками на основе экстремистского крыла "Мусульманской молодежи" в 1974 г. одновременно с подготовкой вооруженного восстания в провинциях Афганистана против режима М. Дауда. Полностью организационно ИПА оформилась уже в Пакистане после поражения ее попыток поднять крестьянское восстание летом 1975 г.

ИПА, основателем и амиром которой является Г. Хекматьяр, – единственная афганская контрреволюционная организация, именующая себя партией (все остальные называют себя организациями, обществами, фронтами, движениями). Вместе с тем в своих программных документах ИПА говорит о себе и как о движении, а иногда – как о военной организации. В одном из документов партии говорится: "Исламская партия – это не политическая партия, являющаяся орудием в руках влиятельных деятелей. Члены исламской партии – это не члены политических партий и организаций, которые в своей личной и общественной жизни не связаны какими-либо обязательствами и при достижении своих целей не останавливаются перед любыми преступлениями ... Исламская партия – это движение, это принципы, регулирующие различные стороны жизни ее членов и функционеров в рамках определенных положений..." И далее: "С точки зрения своей деятельности наша организация является полностью военной, основные элементы строительства которой составляют повиновение и порядок"[12].

Таким образом, ИПА, имея черты политической партии (наличие программы, устава, строго регламентированное членство), одновременно строит свою деятельность, по крайней мере в настоящее время, на принципах военной организации, являясь по существу военно-политической организацией. ИПА открыто претендует на ведущее место среди других организованных афганских контрреволюционных сил. В первых же строках программы ИПА говорится о том, что партия является "законным и революционным движением нашей родины"[13].

Программа декларирует, что основной целью ИПА и "единственным путем разрешения всех проблем и трудностей человечества" является "установление спасительного исламского строя", содействие "распространению во всем мире учения ислама и Аллаха". Утверждая, что любая "неисламская" политическая и культурная деятельность ведут к уничтожению существования Афганистана, ИПА в своей программе заявляет, что она будет бороться против подобной деятельности, что "политическая работа, направленная на разделение нашей страны по языковым, расовым и классовым признакам, встретит жесткий отпор нашей партии".

В пункте 31 программы прямо говорится, что "существующая система образования, при которой девочки и мальчики учатся вместе, будет полностью упразднена".

Программа изобилует радужными обещаниями практически всем слоям населения. Муллам и улемам она сулит увеличение помощи со стороны государства, строительство и ремонт мечетей, медресе и теологических школ, мусульманским правоведам – полный перевод судебной системы на принципы шариата, в области просвещения – создание научных центров (в первую очередь исламских), полную свободу студентам, повышение жалованья преподавателям и профессорам ("заработок профессоров будет определен таким образом, чтобы им был обеспечен высший уровень жизни в стране"), но при условии их полной приверженности исламу. Населению в целом программа обещает борьбу со взяточничеством, "неисламским" обогащением чиновников, улучшение обращения с "несчастными беззащитными", заключенными в тюрьмах. Крестьянам сулит все: от ликвидации незаконного землепользования представителями правящих режимов (имеются в виду прежние режимы) до беспроцентных ссуд на освоение земли, семян для посевов и т.д.

В области внешней политики программа ИПА декларирует, что организация является "сторонником мира и безопасности", поясняя при этом, что, с ее точки зрения,"отсутствие войн не означает мира и безопасности", что "когда мы говорим о мире и безопасности, то подразумеваем установление безопасности во всем мире". "Мы считаем, – заявляют авторы программы, – борьбу с колониализмом Востока и Запада основной задачей народов и направим все свои возможности и силы на ликвидацию этого колониализма". И далее программа утверждает, что "мы не допустим, чтобы наша страна стала членом военных блоков и принимала участие в гонке вооружений". "Нами не будут признаваться международные договоры и резолюции, – говорится далее, – противоречащие исламу".

Программа ИПА пронизана духом воинствующего ислама, политических установок "Братьев-мусульман", ненависти ко всему передовому и прогрессивному*. Исламская риторика программы ИПА вперемежку с такими распространенными терминами, как "справедливость", "угнетение", "колониализм" и т.д., не может скрыть ее мракобесия и мрачные деяния ИПА – террор по отношению к инакомыслящим, разрушение школ, убийства учителей, женщин, решивших получить образование, экономические дивер-

*О "Братьях-мусульманах" подробнее см. в сб.: Ислам, проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985. См. ст.: Тегин Ю.Л., Филоник А.О. Исламский экстремизм в Египте (70-е годы). С. 191–207.

сии и т.д. подтверждают это. Программа – не более чем идеологическое прикрытие оголтелого исламского буржуазного фанатизма.

С момента своего возникновения ИПА установила прочные связи с подобными себе исламскими фундаменталистскими движениями в арабских странах, Иране и Пакистане и получает от них денежные средства, оружие, литературу.

Среди многочисленных афганских исламских контрреволюционных организаций ИПА наиболее сильная, хорошо организованная и решительная. Ей присуще внутреннее единство, во многом опирающееся на авторитарные методы руководства Г. Хекматьяра, и относительно высокий уровень дисциплины.

В соответствии с исламскими фундаменталистскими установками принадлежность к той или иной национальности или народности, классу или сословию, а также цвет кожи или язык не являются для любого мусульманина препятствием для членства в исламской фундаменталистской партии, теоретически двери этой партии открыты для всех верующих мусульман, разделяющих ее устав и признающих программу, а также ведущих "праведный" образ жизни. В документах партии, ее печатных изданиях нет ссылок на национальность того или иного члена (даже в биографиях), социальное положение членов партии также замалчивается, что затрудняет анализ ее классового и национального состава. Выше уже приводились сведения, дающие представление о социальном составе довольно крупной кабульской организации партии.

Упомянутые данные – лишнее свидетельство тому, что ИПА является прежде всего партией городских средних слоев, интеллигенции, исповедующей ислам. Естественно, что в сельских местностях социальный состав несколько отличен, но в любом случае костяк ИПА, ее кадровый состав – это представители городских средних слоев. Об этом же свидетельствуют зарубежные авторы. "Организованное сопротивление, – пишет один из них, – для осуществления руководства вобрало в себя образованный средний класс, оно ищет поддержки в этнических группах, но в то же время выходит за этнические рамки"[14]. Эмигрировавший в Пакистан афганский автор пишет: "Хотя среди членов ИПА имеется некоторое количество улемов и мулл, но они не могут создать внутри партии свою другую партию"[15]. Он же отмечает, что члены ИПА – это "мусульманская молодежь, получившая образование не в религиозных школах"[16]. Как уже говорилось, руководство партии замалчивает ее национальный состав, поэтому определить его можно только весьма относительно, с помощью косвенных данных и источников. Так, названный выше афганский автор утверждает, что большинство членов ИПА являются выходцами из провинций Нангархар, Пактия, Кунар, Кабул, а также частично из северных районов страны, а основными языками, на которых говорит большинство членов ИПА – пушту и дари[17].

Автор настоящего исследования проанализировал журналы ИПА, издаваемые в Пакистане[18] и имеющие специальные разделы о "шахидах", т.е. погибших членах и сторонниках организации, и проделал некоторые простые расчеты. Оказалось, что из общего числа "шахидов" ИПА нет ни одного выходца из провинций Вардак, Каписа, Саманган, Бадгис, Гур, Фарах, Нимруз. В то же время число "шахидов" в процентах по ниспадаю-

щей распределяется следующим образом: уроженцев Кабульской провинции 18%, провинции Баглан–12, Пактии – 8,7, провинции Лагман – 8,6, провинции Тахар – 7, провинции Кандагар – 7,5, провинции Кундуз – 6, провинции Парван – 4,3, Фарьяб и Гильменд – по 4, Газни и Джаузджан – по 3,4, Кунар и Нангархар – по 2,8, Бадахшан и Балх – по 2, Герат – 1,3, Логар – 1,5, Бамиян – 0,8, Заболь – 0,3 и Пактика – 0,1%.

Приведенные данные, конечно, весьма условны, поскольку поступление информации о "шахидах" в редакции журналов ИПА вряд ли носит устойчивый характер, а сама информация не может являться исчерпывающей.

Таким образом, на основе имеющихся данных, а также информации, полученной в Кабуле, можно сделать вывод, что ИПА имеет наибольшее влияние прежде всего в Кабуле и Кабульской провинции, отчасти – в юго-восточных районах расселения пуштунских племен, также отчасти – на севере страны (по убывающей с востока на запад) и наименьшее влияние на западе, юго-западе страны. Конкретными районами наибольшей активности вооруженных отрядов ИПА являются Кабул и Кабульская провинция, районы Кундуза, Баглана, Кунара, Нуристана и Бадахшана.

Партия наиболее опасна в городских центрах страны, в первую очередь в Кабуле, и в районах, прилегающих к этим центрам. Национальный состав ИПА неоднороден, но преобладают в ней таджики и пуштуны (главным образом городские и переселенцы из основных районов расселения).

Что касается национального состава вооруженных отрядов ИПА, то они комплектуются соответственно из таджиков, пуштунов, узбеков, туркмен и нуристанцев, причем пуштуны не являются сколько-нибудь доминирующей силой, поскольку основная часть населения "зоны пуштунских племен" ориентируется на "традиционалистские" организации афганской контрреволюции, которые в отличие от ИПА не отрицают права племен иметь свои традиции, не всегда совпадающие с догмами ислама, сохранять племенной уклад жизни и т.д. Определенную роль здесь сыграл тот факт, что сам Г. Хекматьяр, будучи пуштуном, является уроженцем севера страны. Его семья в числе других несколько поколений тому назад переселилась (или была переселена) на север из основных районов проживания пуштунов. Поэтому ни он, ни его семья не имеют этнических или иных связей с основными пуштунскими племенами и сколько-нибудь значительного влияния среди этих племен.

Социальную базу вооруженных отрядов ИПА вне городов, как и других афганских контрреволюционных организаций, составляют обманутые контрреволюцией и пошедшие за ней афганские крестьяне.

Структура ИПА в целом идентична структуре других исламских фундаменталистских организаций (ИОА, "Джамаат-и-ислами" Пакистана, "Братьев мусульман"). Высшим руководящим органом партии является Центральный совет (шура), в который входят амир партии, его заместители, руководители исполнительного комитета партии и наиболее авторитетные богословы. В соответствии с директивным указанием ИПА "Обязанности члена" амира партии выбирает Центральный совет. В документе имеется даже такой пункт: "Если амир почувствует, что члены совета не готовы искренне сотрудничать с ним и он не может рассчитывать на их доверие

и привлечь их к сотрудничеству, то в этом случае он должен, заботясь о судьбе движения, подать в отставку со своего поста, чтобы совет смог, до того как партия столкнется с трудностями, избрать на этот пост другое лицо"[19].

Принято считать этот пункт документа о подчиненности амира Центральному совету чисто теоретическим, особенно с учетом авторитарных методов управления партией со стороны Г. Хекматьяра. Однако в истории партии имел место малоизвестный случай, о котором ныне редко кто знает, когда в апреле 1976 г., после разгрома авантюрной попытки поднять в сельских районах Афганистана антиправительственное восстание, Г. Хекматьяр сложил свои полномочия амира ИПА (а, возможно, был отстранен от руководства)" в связи с уходом в шариатское (читай – политическое – *В.С.*) убежище", т.е. после эмиграции в Пакистан, и был заменен на этом посту Кази Мухаммадом Амином и только в январе 1979 г. вновь был избран Центральным советом партии амиром ИПА[20].

Рабочий орган партии – исполнительный комитет ИПА состоит из руководителей функциональных комитетов, основными из которых являются: военный, финансовый, по делам культуры, административный, юридический, по вопросам образования, по вопросам здравоохранения, плановый, по вопросам беженцев.

Исполком ИПА через эти комитеты руководит деятельностью соответствующих исламских провинциальных комитетов на территории ДРА, а через провинциальные комитеты – деятельностью уездных, волостных и деревенских исламских комитетов.

Военный комитет исполкома ИПА, имеющий в своем составе штаб по руководству военными действиями на территории Афганистана, направляет, или пытается направлять деятельность вооруженных формирований, так называемых фронтов – объединений нескольких вооруженных отрядов ИПА на территории, как правило, одного уезда или волости.

Вопрос о численности ИПА, как и любой другой афганской контрреволюционной организации представляет особую трудность для исследователя. На этот счет отсутствует какая бы то ни было информация, кроме той, которая иногда проскальзывает в заявлениях самих руководителей афганской контрреволюции и которая, естественно, далека от истины. Соответствующие афганские ведомства пытаются иногда оценочным путем определить численность вооруженных отрядов контрреволюции, запрашивая данные об этом из провинций. Результаты этих оценок также ненадежны, они или слишком занижены (если надо показать успехи в борьбе против контрреволюции), или завышены (если хотят получить дополнительную помощь из Кабула).

Вопрос о численности той или иной контрреволюционной организации осложняется также тем, что фундаменталистские и традиционалистские контрреволюционные организации по-разному подходят к самому понятию членства. Фундаменталистские организации разработали (и позаимствовали у "Братьев-мусульман") строго регламентированную систему членства и следуют ей, в то время как традиционалистские организации используют принципы мюридизма, т.е. систему последователей без формально фиксируемого членства и официально закрепленных обязательств.

Фундаменталистские организации зачастую сознательно ограничивают количество своих кадровых членов, делая упор на степени их надежности и преданности организации и ее руководству. Кадровый состав фундаменталистских партий, т.е. их официальные члены, составляют лишь костяк организации, верхушку айсберга. Помимо этого костяка, имеется категория единомышленников, уже более широкая, члены которой принимают участие в вооруженной борьбе или выполняют в рамках партии иные функции, но еще не прошли все необходимые для принятия в члены организации стадии подготовки, а вернее, проверки и идеологической и психологической обработки. Так, в ИПА предусмотрены три стадии подготовки (в области "повиновения") к вступлению в организованные члены партии. Первая – "ознакомление". На этом этапе кандидат должен проявить себя в деле пропаганды идей партии путем индивидуальных бесед, выступлений перед населением, чтением проповедей, распространением литературы. На этом этапе не предусматривается полное соблюдение партийной дисциплины, но оговаривается, что" уважение к основополагающим принципам партии необходимо". Второй этап – "пробуждение". Содержание этого этапа – "самоочищение", выработка в себе умения повиноваться. На этом этапе вырабатывается также способность переносить тяготы участия в борьбе. Наконец, третий этап – "утверждение", в ходе которого все усилия испытуемого направлены на то, чтобы стать полноправным участником джихада. "Этот этап является настолько серьезным испытанием, – говорится в одном из партийных документов ИПА, – что только искренние и чистые элементы могут пройти его... На этом этапе только полное повиновение может явиться залогом успеха и победы"[21]. Прошедшие три этапа проверки и обработки принимаются в число организованных членов партии.

Вокруг костяка организации, т.е. ее полноправных членов и единомышленников, многие из которых намерены вступить в члены, группируется самая массовая часть организации – лица, находящиеся под идейным, религиозным влиянием партии или ее отдельных деятелей, в экономической или иной зависимости от нее. Это массовая база партии: в основном, крестьяне, оказавшиеся в эмиграции или ушедшие в банды под влиянием тех или иных факторов, ремесленники, люмпены, в большинстве это лица с крайне низким уровнем общественного сознания, неграмотные, забитые, обманутые. Носителями определенной политической или религиозной идеологии является лишь руководство партии и ее организованные члены. Основная масса участников вооруженных отрядов ИПА, как и других афганских контрреволюционных организаций, слепо следует за своими лидерами.

Один из зарубежных исследователей, ссылаясь на информацию, полученную им из бесед с пакистанскими журналистами, эмигрировавшими афганскими военнослужащими и чиновниками и с самим Г. Хекматьяром в декабре 1982 г., сообщает, что количество организованных членов ИПА составляет предположительно 30 тыс.чел., а число последователей – 67,5 тыс.чел.[22] Автор тут же оговаривается, что "эти числа субъективны и должны восприниматься как приблизительные". Нет сомнений в том, что названное число членов ИПА и ее последователей действительно завышено.

Лидер ИПА Г. Хекматьяр родился в 1944 г*. в уезде Имам Сахиб провинции Кундуз в семье земледельца[23]. По национальности – пуштун из племени харути, много лет назад переселенного на север страны из основных районов расселения пуштунских племен. Начальную школу окончил в Имам Сахибе, затем поступил в военный лицей в Кабуле, где окончил 8 классов. "Был вынужден покинуть лицей из-за предательства со стороны преподавателей" – говорится в одной из немногих опубликованных биографий Г. Хекматьяра[24]. Занятия в 9–12 классах Г. Хекматьяр продолжил в лицее Ширхан в Кундузе. По окончании лицея поступил на инженерный факультет Кабульского университета, где попал под влияние профессоров-богословов фундаменталистского толка, разделявших идеи арабских "Братьев-мусульман" и вступил в оппозиционный правительству исламский кружок.

В 1969 г. был одним из инициаторов объединения двух исламских фундаменталистских кружков – на богословском и инженерном факультетах и создания первой в стране исламской фундаменталистской организации "Мусульманская молодежь", последовательницы арабских "Братьев-мусульман". Став одним из руководителей "Мусульманской молодежи", Г. Хекматьяр возглавил ее военную секцию и принимал самое активное участие в организации уличных демонстраций, столкновений с представителями демократического крыла студенческой молодежи, избиений и, по некоторым данным, убийств прогрессивно настроенных студентов. Уже в тот период политические взгляды Хекматьяра отличались крайним экстремизмом, махровым антикоммунизмом и ненавистью к Советскому Союзу.

В 1972 г. Г. Хекматьяр избирается в состав исполкома Союза студентов Кабульского университета. В том же 1972 г., после особенно ожесточенного столкновения в университете с группой членов прокитайской организации "Шоалеи джавид" был арестован и осужден на полтора года тюремного заключения. После освобождения из тюрьмы в 1973 г. продолжал свою политическую деятельность теперь уже против режима М. Дауда, обвиняя его в связях с коммунизмом. Под руководством Г. Хекматьяра экстремистское крыло "Мусульманской молодежи" встало на путь подготовки в Афганистане вооруженного восстания. В течение 1973–1974 гг. руководители и активисты экстремистского крыла организации нелегально выезжали в Пакистан для прохождения военной подготовки, где устанавливали контакты с местной организацией "Джамаат-и-ислами" и спецслужбами этой страны, которые финансировали подготовку и осуществление восстания. Г. Хекматьяр в 1974 г. сам пробрался в Пакистан, где возглавил подготовку к восстанию и одновременно начал создание исламской партии Афганистана в качестве противовеса другому крылу этой организации во главе с Б. Раббани, которое выступило против вооруженной авантюры Г. Хекматьяра и образовало Исламское общество Афганистана. В партию в основном вошли сторонники Г. Хекматьяра из "Мусульманской молодежи", последовавшие за ним в Пакистан.

Летом 1975 г. вновь создаваемая ИПА предприняла попытку поднять крестьянское вооруженное восстание в Панджшире, Лагмане, Сорхруде,

---

* Иногда называются другие даты рождения Г. Хекматьяра.

Баррикоте, Ургуне, Мангале. Восстание не было поддержано крестьянством, боевые группы ИПА были быстро разгромлены правительственными войсками, оставшиеся в живых руководители и активисты ИПА снова бежали в Пакистан, где, получив статут политических эмигрантов, фактически превратились в орудие пакистанских властей в их антиафганской деятельности.

В апреле 1976 г. "в связи с уходом в шариатское убежище"[25], а точнее, как можно предположить, в связи с поражением попытки восстания, гибелью или арестом практически всех основоположников "исламского движения" и резким падением его авторитета, Г. Хекматьяр подает в отставку с поста амира ИПА. Период его деятельности с апреля 1976 г. до января 1979 г. остается вне поля зрения исследователей, хотя, по некоторым признакам, можно предположить, что он занимал в партии один из ответственных постов.

Таким образом, военные действия вооруженных отрядов и подполья ИПА на территории Афганистана после апрельской революции 1978 г. начались не под руководством Г. Хекматьяра, а под руководством избранного вместо него амиром ИПА Кази Мухаммада Амина, причем последний, как говорится в одном из изданий ИПА, "в результате больших усилий добился поднятия уровня вооруженной борьбы"[26]. Однако, как явствует из сообщения этого же издания, К.М. Амин не смог добиться единства в рядах ИПА (не борьба ли за власть с Г. Хекматьяром?) и с целью достижения этого единства "согласился уйти с поста амира". Во второй декаде января 1979 г. Г. Хекматьяр "на уровне всей партии" был избран ее амиром; а "историческое заседание центрального совета ИПА ... единогласно утвердило его кандидатуру в качестве амира партии". К.М. Амин был утвержден в должности заместителя амира.

С того времени Г. Хекматьяр остается неизменным руководителем ИПА, одним из наиболее влиятельных лидеров афганской контрреволюции. Вот что пишет о Г. Хекматьяре один из афганцев, противников апрельской революции, находящийся в эмиграции в Пакистане, А.Р. Ульфат: "Хекматьяр имеет мудрость анализировать события и быстро ставить на колени своих противников, используя доводы о необходимости единства. Пуская в ход различные средства, он получает секретную информацию о деятельности других партий. Он концентрирует усилия на нужном направлении... В этой партии вообще нет другой личности, которая после Хекматьяра могла бы руководить ею, если она сразу же не распадается на части"[27].

Исламское общество Афганистана (ИОА)

Фундаменталистская организация Исламское общество Афганистана (ИОА) возникло на основе исламской фундаменталистской организации "Мусульманская молодежь", созданной и действовавшей в Кабульском университете в 1969–1974 гг. Основатель ИОА профессор теологии Б. Раббани родился в 1941 г. в г. Файзабаде (центр провинции Бадахшан), по некоторым данным, в семье крупного скотовладельца, по национальности – таджик из племени яфтали.

Начальное образование Б. Раббани получил в г. Файзабаде, в 1957 г. поступил в кабульский теологический лицей Абу-Ханифа, после окончания

которого стал студентом теологического факультета Кабульского университета. Окончив университет, выехал для продолжения богословского образования в Египет, поступил в Каирский университет аль-Азхар.

Обучаясь в этом религиозном центре мусульманского мира, Б. Раббани попал под влияние и близко сошелся с членами экстремистской фундаменталистской организации "Братья-мусульмане", став последователем взглядов идеологов этой организации аль-Банны, аль-Котба и др.

После возвращения в Афганистан в 1968 г. (по другим данным, в 1969 г.) стал преподавать философию на факультетах теологии, литературы, политических наук Кабульского университета. Занимаясь преподавательской работой, Б. Раббани пропагандировал среди студентов фундаменталистские идеи, подвергал критике существовавший режим, допускавший "проникновение в страну коммунизма". Б. Раббани стал одним из "покровителей" первой в Афганистане фундаменталистской организации "Мусульманская молодежь", вошел в ее руководство, где отвечал за деятельность организации на периферии. Как уроженец Бадахшана наибольшее количество сторонников и последователей имел именно в этой провинции.

Б. Раббани является автором нескольких книг по теории ислама, он перевел с арабского языка на дари ряд произведений идеологов "Братьев-мусульман" аль-Банны, аль-Котба и др. Как профессор теологии и автор книг по исламской тематике Б. Раббани достаточно широко известен среди зарубежных мусульманских богословов, он поддерживает связи с арабскими мусульманскими деятелями в Египте, Саудовской Аравии, в княжествах Персидского залива, с хомейнистскими богословами в Иране, с руководством "Джамаат-и-ислами" и "Джамаат-и-улема" в Пакистане. Обращает на себя внимание тот факт, что Б. Раббани не на словах, как другие лидеры афганской контрреволюции, а на деле сумел привлечь в свою организацию некоторое количество шиитов. Его связи с шиитским руководством Ирана более тесны, чем, например, у Г. Хекматьяра. ИОА имеет свои представительства во многих крупных городах Ирана, печатная продукция ИОА – а надо отметить, что общество уделяет печатной пропаганде очень больше внимание – также издается в Иране. Некоторые авторы считают самого Б. Раббани шиитом[28]. Но нет никаких данных, которые могли бы подкрепить это утверждение. В то же время все документы ИОА, его печатные издания, вся практическая деятельность носят суннитский характер.

В 1973 г. Б. Раббани, входивший в руководство "Мусульманской молодежи", разошелся с Г. Хекматьяром во взглядах по вопросу вооруженного выступления против режима М. Дауда. Г. Хекматьяр повел за собой наиболее экстремистскую часть "Мусульманской молодежи", которая предприняла в 1975 г. неудавшуюся попытку вооруженного восстания. Опасаясь ареста, Б. Раббани выехал в Пакистан, а оттуда совершил поездку по арабским странам, где заручился со стороны фундаменталистских организаций обещаниями о помощи. Вернувшись в Пакистан, Б. Раббани приступил к созданию своей фундаменталистской организации, которая вобрала в себя его сторонников из "Мусульманской молодежи". Иногда утверждается, что ИОА была создана еще в 1957 г. Так печатный орган членов ИОА, находящихся в Европе, газета "Пайяме Афганистан" в № 2 от июня 1979 г. писала: "К сожалению, некоторые издания, в которых рассказывается

об истории ИОА, допускают отклонения от истины. ИОА основана в 1957 г". На гербе ИОА также имеется дата – 1957, видимо, в качестве даты основания общества. Однако, никаких данных, подтверждающих это, обнаружить не удалось. Не исключено, что руководители ИОА взяли за отсчет времени существования своей организации дату поступления Б. Раббани в теологическую школу Абу-Ханифа, где он, возможно, уже тогда начинал свою фундаменталистскую деятельность.

Программа и устав ИОА почти аналогичны, а в некоторых частях идентичны соответствующим документам ИПА вплоть до трех стадий повиновения, о которых говорилось в разделе об ИПА. Являясь второй по численности и организованности контрреволюционной организацией после ИПА, ИОА также осуществляет контроль за приемом в общество новых членов, хотя, видимо, и не столь строгий, как ИПА.

Основными районами вооруженной деятельности ИОА являются северные провинции страны: Герат, Бадгис, Фарьяб, Джаузджан, Балх, Саманган, Кундуз, Тахар, Баглан, Бадахшан, а также Панджширская долина. Национальный состав общества еще более разнороден, чем в ИПА, здесь в первую очередь представлены народности севера страны – таджики, туркмены, узбеки, а затем уже пуштуны. Социальная база кадрового и руководящего состава ИОА та же, что и ИПА, – это представители средних городских слоев: учителя, студенты, бывшие военнослужащие, мелкие чиновники, несколько большее, чем в ИПА, число религиозных деятелей. В списке 56 командиров "фронтов" ИОА, приведенном в одном из изданий общества (см. приложение), имеются 5 судей, 4 преподавателя, 2 врача, 3 военнослужащих, 5 инженеров, 5 моуляви, 1 мулла, 1 профессор. Остальные – без указания рода занятий.

Социальной базой вооруженных отрядов ИПА в сельских местностях является в основном крестьянство.

Структура ИОА идентична с ИПА и другими фундаменталистскими организациями. Данные о национальном составе, структуре, численности и т.д. держатся в секрете. По некоторым сведениям, явно завышенным, ИОА насчитывает в своих рядах ориентировочно 15 тыс. официальных членов и 25 тыс. последователей[29]. Некоторые относят Б. Раббани к числу более прагматичных и гибких по сравнению с Г. Хекматьяром руководителей афганской контрреволюции, готовым на компромиссы с традиционалистскими группами.

На территории Афганистана ИОА имеет сеть исламских комитетов, называемых амиратами и осуществляющими функции местной власти вплоть до сбора налогов с населения контролируемых ИОА районов.

Налоги взимаются с выдачей квитанции на официальном номерном бланке "центрального казначейства ИОА" с печатью организации. Единовременные поборы довольно значительны: от 500 до 3 тыс. афгани (или в иранских туманах, это говорит о том, что речь идет о районе, приграничном с Ираном), отбирают пшеницу, растительное масло, овец, домашнюю птицу и т.д. К сожалению, имеющаяся в распоряжении автора книжка квитанций не позволяет определить, за какой срок получен налог.

Провинциальные, уездные, волостные амираты, возглавляемые амирами соответствующих рангов, издают различные указания, инструкции, в том числе по хозяйственным вопросам, рассылаемые в деревни.

Помимо амиратов и амиров – гражданской структуры власти, существует структура военная – система "фронтов", объединяющих несколько вооруженных отрядов на территории одного уезда, волости. Руководство военными действиями в провинциях Тахар, Саманган, Кундуз, Баглан, Джаузджан, Бадахшан, Балх осуществляет "главное командование вооруженными силами на севере страны". В уже упоминавшемся списке командиров "фронтов" ИОА перечислены 40 командиров фронтов" в следующих провинциях: Герат 8 чел., Кабул – 6, Тахар – 6, Бадахшан 8, Саманган, Кундуз, Балх – по 3, Фарьяб, Бамиан по 2, Джаузджан, Пактия, Каписа, Бадгис, Фарах, Гильменд по 1. Не названы и, видимо, не существуют фронты ИОА в провинциях Кунар, Нангархар, Пактика, Газни, Заболь, Урузган, Гур, Кандагар, Нимруз. Видимо, в этих провинциях ИОА активности не проявляет.

Особое значение руководство ИОА придает деятельности своих вооруженных отрядов в провинции Герат и в центре провинции – городе Герате. На территории провинции создан главный амират. Главным амиром провинции в 1982 г. являлся бывший полковник Мухаммад Исмаил, он же главный амир северо-западных районов Афганистана, комитет информации главного амирата Герата возглавлял инженер Зияуддин Мухаммад Шариф. Анализ сообщений печатного органа главного амирата Герата ротаторного листка "Шахадат" показывает, что, например, в октябре–ноябре 1984 г. на территории провинции вели боевые действия 6 батальонов "дивизии Хазрата Хамзы (командир дивизии бывший полковник Алауддин) и 11 "фронтов". В другие месяцы состав батальонов и "фронтов" частично изменялся: появлялись новые и исчезали прежние названия (возможно, уходили на отдых или переформировывались). В марте 1985 г. назывались в качестве ведущих боевые операции 9 батальонов дивизии Хазрата Хамзы и 13 "фронтов".

Характерной особенностью ведения боевых операций отрядами ИОА в Гератской провинции является связь между военным и политическим руководством контрреволюционеров на территории провинции и официальным представительством ИОА в г. Мешхеде (Иран). Учитывая отдаленность этого района от Пешавара, где находится штаб-квартира ИОА, и тесные связи руководства ИОА с хомейнистским Ираном, нельзя исключать, что представительство ИОА в Мешхеде выполняет по отношению к деятельности ИОА в Гератской провинции функции штаб-квартиры общества.

Известной фигурой в военной структуре ИОА является Ахмад Шах Масуд, бывший ранее одним из командиров "фронтов", создавший в долине р. Панджшир укрепленный район. Западная пресса писала о Масуде как о примере выдвижения в рядах афганской контрреволюцией на первый план молодых и способных командиров, призванных постепенно заменить нынешнее руководство, отсиживающееся в Пешаваре. В силу целого ряда обстоятельств афганские вооруженные силы в течение некоторого периода не проводили операций по очистке Панджширской долины, что дало повод западной прессе и самой афганской контрреволюции объявить ее "неприступной", а самого Ахмад Шаха Масуда – чуть ли не военным гением. Во всяком случае, в упоминавшемся выше списке командиров "фронтов" ИОА он числится как "моджахед-победитель инженер Ахмад

Шах Масуд, главнокомандующий джихадом фронтов провинций Каписа и Парван, военный теоретик исламской революции Афганистана".

В 1985 г. группировка Ахмад Шаха Масуда была разгромлена, район Панджширской долины очищен от его отрядов. Самому Масуду удалось скрыться.

Уже говорилось о больших по сравнению с Г. Хекматьяром прагматизме и гибкости Б. Раббани. Эти качества проявились и в установках ИОА по решению афганского вопроса. До середины 1986 г. Б. Раббани занимал такую же жесткую позицию, как и Г. Хекматьяр, т.е. выступал за полный и безоговорочный вывод из Афганистана ограниченного контингента советских войск, установление в стране исламского правления, против афгано-пакистанских переговоров в Женеве. В июне 1986 г. довольно неожиданно для всех Б. Раббани во главе группы лидеров афганской контрреволюции (кроме него в группу вошли все три руководителя традиционалистского альянса ИСМА-3 – С. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби) вылетел в Вашингтон, где 16 июня 1986 г. группа имела встречу и вела переговоры с президентом Р. Рейганом. Г. Хекматьяр ехать в Вашингтон отказался, и поездку Б. Раббани осудил. Однако к 15 января 1987 г., когда началось осуществление программы национального примирения, объявленной руководством ДРА, обе крупнейшие фундаменталистские контрреволюционные организации – ИПА и ИОА – совместно с другими членами последнего контрреволюционного альянса из семи групп отвергли призыв ДРА.

Исламская партия Афганистана (М.Ю. Халеса)

Руководитель отколовшейся от ИПА Г. Хекматьяра фундаменталистской фракции под тем же названием – ИПА моуляви Мухаммад Юнус Халес родился в 1920 г. (по некоторым данным, в 1910 г) в деревне Вазир-Хугияни провинции Нангархар, по национальности пуштун из племени хугияни. В масштабах полосы расселения пуштунских племен известен как религиозный авторитет и пуштунский поэт. По роду занятий – учитель.

В 1963–1973 гг. имел в Кабуле узкую фундаменталистскую группу своих последователей "Тавабин" ("Последователи"), которая состояла из мулл и вела пропагандистскую работу в мечетях Кабула. Группа блокировалась с фундаменталистской организацией "Мусульманская молодежь", послужившей основой для создания в 1976 г. основных фундаменталистских организаций ИПА и ИОА. Ю. Халес и группа его сторонников вошли в состав ИПА. В 1979 г. группа Ю. Халеса вышла из ИПА Г. Хекматьяра и образовала самостоятельную организацию, сохранив название ИПА.

Причины выхода группы Ю. Халеса из состава ИПА Г. Хекматьяра неизвестны, но можно предположить следующее. Если ИПА Г. Хекматьяра не является чисто религиозной партией и ее руководящий состав укомплектован в основном за счет представителей городских средних слоев, в том числе интеллигенции, то руководящий состав организации Ю. Халеса – это гораздо более старшая в возрастном отношении группа улемов и мулл ("партия мулл и улемов", как отмечает один из афганских авторов за рубежом[30]), далеких от современной политики и цивилизации в целом, ориентированных не столько на политические идеи фундаменталистов,

сколько на примитивное и фанатичное служение исламу в средневековых формах.

Эта разница в социальном составе руководства и в уровнях мировоззрения могла быть терпимой и преодолевалась в условиях нелегальной работы в 1969–1973 гг. в столице Афганистана Кабуле, но в Пакистане, в эмиграции, эти различия привели к размежеванию. Это размежевание не было враждебным, о чем свидетельствует членство ИПА Ю. Халеса и ИСМА-7, где главным идеологом является Г. Хекматьяр. Утверждения некоторых авторов, что причина "раскола" – это "разногласия по вопросу сотрудничества с другими контрреволюционными организациями в борьбе против народной власти" и что ИПА Ю. Халеса "по своей программе, социальному составу и структуре практически не отличается от одноименной партии Г. Хекматьяра"[31], ничем не подкрепляются.

Ю. Халес – недалекий фанатичный мулла, его "партия" – это шовинистическая пуштунская группа[32]. Крайне низкий уровень социального сознания руководителей группы Ю. Халеса, их исламский фанатизм обусловили общий курс группы на террор, диверсии, самые низкие приемы борьбы против народной власти. Отряды именно этой "партии" предательски, нарушив законы племенного гостеприимства, пуштунский кодекс чести "пуштунвалай", убили в сентябре 1980 г. министра по делам племен и народностей ДРА Фаиз Мухаммада, похитили советского геолога Охримюка, пожилого человека, участника Великой Отечественной войны, выдавали его за советского генерала и отказались от обмена на захваченных членов своих банд.

Ю. Халес, пожалуй, единственный из лидеров афганской контрреволюции, который постоянно находится со своими отрядами на территории Афганистана. Его правой рукой, заместителем по военным вопросам является моуляви Джелалуддин.

Интересна позиция, занятая Ю. Халесом в вопросе поездки в США для встречи с Р. Рейганом группы лидеров афганской контрреволюции в июне 1986 г. Ю. Халес "одобрил" поездку, но сам не поехал из-за "ранее принятых обязательств". Таким образом, Ю. Халес вслед за Б. Раббани нанес удар по фундаменталистскому ИСМА-7 и по своему союзнику Г. Хекматьяру. Каких-либо "ранее принятых обязательств", которые могли помешать Ю. Халесу вылететь в Вашингтон по зову президента США, быть не могло: Ю. Халес за пределами Афганистана и Пакистана никому не известен и никуда не приглашается.

Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА)

Основателем и руководителем фундаменталистского ИСОА является ветеран организации "Мусульманская молодежь", один из зачинателей фундаменталистского движения в Афганистане профессор теологии Абдуррасул Сайяф. Родился в 1945 г. в уезде Пагман Кабульской провинции в бедной крестьянской семье[33]. По окончании местной начальной школы поступил в кабульский лицей Авиценна, а затем – в теологическую школу Абу-Ханифа. После получения степени бакалавра А. Сайяф становится студентом теологического факультета Кабульского университета. В 1964 г. под влиянием ректора факультета теологии профессора Гулам

Мухаммада Ниязи вступает в нелегальный фундаменталистский кружок, действовавший на факультете. "Они проводили еженедельные собрания, приступили к составлению устава движения и написанию некоторых программных документов. Обсуждали будущее движения и государственное устройство, для чего использовали арабские источники"[34]. В 1969 г. состоялось объединение фундаменталистских кружков теологического и инженерного факультетов в первую в Афганистане фундаменталистскую организацию "Мусульманская молодежь", в которую вошел и А. Сайяф.

К этому времени А. Сайяф уже закончил университет и был оформлен в качестве преподавателя на тот же теологический факультет. В 1970 г. он выезжает на учебу в Египет, в мусульманский университет аль-Азхар, затем возвращается в Афганистан и снова преподает на теологическом факультете. В конце 1973 г., когда режим М. Дауда предпринял меры по ограничению деятельности правых религиозных организаций, А. Сайяф по государственной стипендии выезжает в США для изучения исламского права. После возвращения в Афганистан был арестован и приговорен к тюремному заключению. Вышел из тюрьмы после апрельской революции 1978 г. и в 1979 г. эмигрировал в Пакистан.

В январе 1980 г. в Пакистане был создан Исламский союз для освобождения Афганистана, в который вошли шесть основных контрреволюционных организаций: ИПА, ИПА Халеса, ДИРА, НФСА, НИФА. В марте 1980 г. Высший совет союза избрал А. Сайяфа председателем союза, который в декабре того же года распался. Уже в этот период А. Сайяф зарекомендовал себя ярым фундаменталистом, сторонником Г. Хематьяра. А. Сайяф и далее избирался председателем создававшихся союзов контрреволюционных организаций. Это, видимо, объясняется не какими-то организационными талантами А. Сайяфа, поскольку он сам признался, что руководители организации – члены союзов с ним не считались, "пытались выставить меня в глазах мировой общественности жалким и ничтожным... и со мной по вопросам союза не сотрудничали"[35]. Скорее всего причина выдвижения А. Сайяфа на этот пост заключалась именно в том, что он не имел достаточного количества последователей, не имел своей организации, какого-либо влияния, т.е. был компромиссной фигурой, устраивавшей всех участников возникавших контрреволюционных альянсов.

Свою организацию – Исламский союз освобождения Афганистана А. Сайяф создал накануне образования в марте 1982 г. фундаменталистского альянса ИСМА-7.

Автору настоящего исследования не удалось найти каких-либо материалов о деятельности (самостоятельной) ИСОА или документов этой организации. Не исключено, что таковых вообще не существует. Видимо, А. Сайяф в афганской контрреволюции играет роль номинального лидера, не располагающего какой-либо реальной силой.

В биографии А. Сайяфа имеются темные места: присвоение денежных средств первого Исламского союза для освобождения Афганистана. Члены союза не сдали в его кассу ни одного афгани, но "пожертвования" со стороны международной исламской реакции делались, и все накопленные за счет этих пожертвований денежные суммы через А. Сайяфа ушли в лагерь фундаменталистов, что и послужило одной из причин распада первого контрреволюционного альянса.

Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА)

Фронт создан в Пакистане в начале 1979 г. представителем известного в мусульманском мире клана Моджаддиди Себгатуллой Моджаддиди после расстрела в январе 1979 г. в Кабуле по приказу Х. Амина всех находившихся в Кабуле членов клана (21 чел.), в том числе членов семьи С. Моджаддиди. Основой фронта послужило политическое и религиозное общество улемов Мухаммади, которое было основано С. Моджаддиди в 1971 г. и которое ставило перед собой задачу создания единой организации исламских политических партий, руководителей племен и родов. О деятельности общества каких-либо данных в доступных источниках не сказалось. После встреч и переговоров С. Моджаддиди с рядом улемов – участников общества было объявлено о создании НФСА. Высший совет НФСА избрал руководителем фронта С. Моджаддиди[36]. Уже 12 марта 1979 г. С. Моджаддиди издал фетву о начале джихада по всему Афганистану.

В программных документах фронта, которых, кстати, по сравнению с документами фундаменталистских организаций очень немного, говорится: "Фронт ставит своей задачей создание исламского общества на основах справедливости, равенства... соблюдения принципа шура (совета) при управлении страной, обеспечения личной и социальной свободы в соответствии с основами ислама. Фронт никому не позволит установить самодержавную власть, личную диктатуру или партийную диктатуру... Фронт стремится к хорошим отношениям с соседями Афганистана и к устранению причин имеющихся с ними противоречий... Фронт открыт для всех правоверных мусульман независимо от политических и религиозных взглядов и положения при прежних режимах"[37].

Традиционалистский характер фронта, его сравнительно умеренные политические установки, отсутствие ограничений для членства и авторитет самого С. Моджаддиди среди определенных слоев привлекли в его ряды представителей самых разнообразных слоев: улемов, интеллигенции, государственных деятелей прежних режимов, в том числе бывших министров, чиновников, руководителей некоторых племен. В зарубежной литературе НФСА иногда называют "партией чиновников прежнего правительственного аппарата"[38]. Там же отмечается, что члены фронта "совершенно разные люди, зачастую не имеющие между собой ничего общего: одни из них не имеют куска сухого хлеба, другие тратят по сто с лишним рупий в день на гостиницу".

Основными районами политического влияния и вооруженных действий отрядов НФСА являются провинции Кабул, Логар, Кунар, Нангархар, Пактия и приграничная полоса расселения пуштунских племен. Имеются отдельные вооруженные отряды фронта в некоторых северных провинциях: Фарьябе, Кундузе, Тахаре.

Фронт по своему национальному составу является пуштунским, а по религиозной принадлежности – суннитским, хотя в его программных документах декларируется возможность участия в нем мусульман всех национальностей, а также как суннитов, так и шиитов.

Численность фронта, по некоторым оценкам, составляет ориентировочно 8 тыс.чел. организованного состава и 15 тыс. последователей[39]. Данные, разумеется, завышены.

Структура фронта не столь четка и не так отлажена как у фундаменталистских ИПА и ИОА, здесь преобладает принцип личной преданности руководителю фронта или традиционная приверженность клану Моджаддиди. Сам. С. Моджаддиди основное внимание уделяет выполнению представительских функций: поддержанию связей и контактов с руководством и религиозными деятелями таких стран, как Египет, Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Пакистан, получению от них материальной помощи, пропаганде своих религиозных и политических взглядов на различных международных исламских форумах, выступлениям на различного рода конференциях и дискуссиях по Афганистану в США и в странах Западной Европы.

Практической стороной деятельности фронта занимается высший совет НФСА, его исполнительный совет и соответствующие комитеты.

На территории Афганистана действуют как "фронты", объединяющие по нескольку вооруженных отрядов, так и вооруженные племенные ополчения из состава племен, признающих С. Моджаддиди своим авторитетом.

С. Моджаддиди вместе с лидерами других организаций, входящих в ИСМА-3, – С.А. Гилани и М. Наби, поддерживает контакты и сотрудничает с бывшим королем Афганистана Захир-шахом, считая, что при определенной политической ситуации он может явиться той символической фигурой, вокруг которой состоится национальное примирение в Афганистане.

С. Моджаддиди и лидера ИПА Г. Хекматьяра разделяют глубокие противоречия по многим вопросам: по теории ислама, по целям и способам борьбы против ДРА, по планам будущего устройства страны (в случае победы контрреволюции). Такие же противоречия существовали у С. Моджаддиди и с руководителем ИОА Б. Раббани (хотя они воздерживались от прямых и личных оскорблений), но им удалось прийти к соглашению по некоторым вопросам, что позволило им выступить с общих позиций на переговорах с президентом Р. Рейганом 16 июня 1986 г.

В целом С. Моджаддиди является антикоммунистом и решительным противником Советского Союза, не говоря уже о ДРА, но в то же время более гибким политиком, нежели фундаменталистские лидеры.

Себгатулла Моджаддиди родился в Кабуле в 1925 г. в семье потомственных хазратов-святых в известном на Востоке клане основателей влиятельного исламского ордена Накшбандия. Клан Моджаддиди, арабский по происхождению, переселился в Афганистан из Индии и играл большую роль в политической, религиозной и идеологической жизни страны. Члены клана всегда стояли на реакционных и консервативных позициях, выступая против любых реформ и сколько-нибудь прогрессивных преобразований. "В Афганистане, – говорит один из пакистанских журналистов, – никогда не было прогрессивного религиозного движения. Наоборот, имели место события весьма реакционного характера, связанные с именем муллы Шур Базара, который руководил в 20-е годы восстанием против Амануллы с помощью англичан. Восставшие, организовав побоище, хотели уничтожить все реформы Амануллы, они даже выломали железнодорожные рельсы (при Аманулле-хане на окраине Кабула был проложен небольшой участок железной дороги. – *В.С.*), уничтожили типографии. Один из наследников муллы – Себгатулла Моджаддиди... Эти люди имеют традиции коллаборационизма с империализмом против модернизации и реформ"[40]. Издаваемые НФСА биографии С. Моджаддиди не упоминают об этих событиях,

зато они восхваляют патриотическую борьбу за независимость Афганистана против англичан его деда, крупного богослова Фазль Мухаммада Моджаддиди, которого Аманулла-хан за его заслуги наградил высшим афганским орденом и присвоил ему почитаемый в исламском мире титул "шамс-оль-машаех" ("солнце среди шейхов").

Отец С. Моджаддиди Мухаммад Мусум Моджаддиди в духе традиций семьи решил дать сыну религиозное образование. Закончив начальную школу, затем лицей Хабибия, С. Моджаддиди в 1950 г. был послан для продолжения образования в Египет, в Каирский мусульманский университет аль-Азхар.

Занимаясь в университете, С. Моджаддиди сблизился с членами реакционной арабской организации "Братья-мусульмане", а затем через своего родственника, посла Афганистана в Египте, познакомился с руководством "Братьев-мусульман", в том числе с основателем и руководителем организации аль-Банной. Под влиянием бесед с "братьями-мусульманами" С. Моджаддиди начинает разделять их идеи, знакомится с фундаменталистской литературой, изучает политическую и военную программу "братьев". В 1954 г. получает диплом с отличием и возвращается в Афганистан, преисполненный решимости "служить своей родине". В изданных биографиях С. Моджаддиди утверждается, что он отказался нанести положенный возвращающимся из-за границы визит королю Захир-шаху, в результате чего не получил правительственного назначения. Когда же премьер-министр того периода М. Дауд, говорится в биографии, попросил его "сотрудничать с ним", то С. Моджаддиди не только дал ему отрицательный ответ, но и направил в его адрес письменное предостережение об опасности роста советского влияния в Афганистане[41].

Основным занятием С. Моджаддиди стала преподавательская деятельность, в ходе которой он пропагандировал идеи "Братьев-мусульман", резко критиковал "неисламский" госаппарат Афганистана. Под давлением властей и, как говорится в биографиях С. Моджаддиди, "коммунистических агентов" руководство различных учебных заведений одно за другим отказывали ему в продолжении преподавательской работы. За короткий срок он сменил место преподавателя в Кабульском университете, лицеях Гази, Неджат, Эстекляль, высшем педагогическом училище, арабском педагогическом училище.

В 1960 г. С. Моджаддиди был арестован по обвинению в участии в попытке покушения на членов советской правительственной делегации, находившейся в Афганистане[42], был осужден и отбывал тюремное заключение в течение четырех с лишним лет, после чего был выслан из страны сроком на два года. Предположительно эти два года он провел в Саудовской Аравии.

По словам одного из сподвижников Г. Хекматьяра и руководителя фундаменталистского ИСМА-7 А. Сайяфа, в 1969 г. С. Моджаддиди обращался к руководству только что созданной первой в Афганистане фундаменталистской организации "Мусульманская молодежь" с просьбой принять его в ряды организации, но получил категорический отказ.

Возникает вопрос: почему еще университетская, фундаменталистская организация, взявшая на вооружение идеи "Братьев-мусульман", отвергла предложение о членстве в ней представителя влиятельного клана, тоже сто-

ронника и последователя идей "братьев", лично знакомого с их руководством, уже пострадавшего от режима?

Здесь могут быть две причины. С одной стороны, руководители "Мусульманской молодежи" не могли не понимать, что приход в их организацию в общем-то талантливого проповедника, представителя влиятельного клана, не стесненного к тому же в средствах, имеющего связи в арабских странах и среди "братьев", не мог не выдвинуть его на первые роли в организации, заставив потесниться более фанатичных, но менее теоретически подготовленных руководителей. С другой стороны, для разночинных руководителей "Мусульманской молодежи" С. Моджаддиди был воплощением как раз той прослойки мусульманских богословов, против которой они боролись или собирались бороться: это "хазраты" и "пиры", отвратившие мусульман от истинной религии, передавшие власть в руки светских властителей и поддерживающие и оправдывающие правление светских лиц. С. Моджаддиди был выходцем из иного социального слоя, враждебного тем, кого объединяла "Мусульманская молодежь".

В 1973 г. во время антимонархического переворота М. Дауда, С. Моджаддиди находился за рубежом, участвуя в работе одной из международных исламских конференций. Он принимает решение на родину не возвращаться и основывает в Копенгагене так называемый Исламский центр, которым сам и руководит до 1977 г., ведя пропаганду ислама среди мусульман, проживавших в Скандинавских странах и в странах северной Европы.

С. Моджаддиди довольно широко известен в исламских странах как видный ученый в области философии ислама, он регулярно принимает участие в различных исламских форумах. Принимал участие в работе Конференции исламской молодежи в Саудовской Аравии в 1972 г., в работе такой же конференции в Ливии в 1973 г., выступал на конференции "Ислам и сионизм" в Ливии в 1975 г., участвовал в международной исламской конференции в Англии в 1976 г., исламской экономической конференции в Англии в 1977 г., выступал на конференции "Исламское общество и медицина" в США в 1978 г., на теологической конференции в Катаре в 1979 г., на международной конференции Общества мусульман в Англии в 1979 г. и на многих последних международных форумах, направленных против ДРА и Советского Союза.

С. Моджаддиди, располагая широкими международными связями, имеет также своих родственников – членов клана в Пакистане, Саудовской Аравии, Ираке, Индии и некоторых западных странах, что значительно облегчает ему и руководимому им фронту осуществление антиафганских акций.

Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА)

НИФА основан в 1978 г. в Пакистане видным светским и религиозным деятелем "пиром" С.А. Гилани. По существу, фронт является не политической организацией с четкой программой, уставом, структурой, а конгломератом последователей, мюридов семьи Гилани, которые из поколения в поколение продолжают считать главу этой семьи потомком пророка и своим духовным вождем. С.А. Гилани и его ближайшие помощники, в основном его родственники, пытаются придать фронту форму организации: выработана довольно разветвленная структура с революционным советом

и штаб-квартирой в Пешаваре, функциональными комитетами, отделами, "фронтами" на территории ДРА, однако все это, за исключением вооруженных отрядов, принимающих участие в борьбе против ДРА, в основном остается только на бумаге. На практике фронт строится по принципу, в соответствии с которым лидером является С.А. Гилани или, как его зовут в окружении, "эфенди ага", а все остальные – его последователями, мюридами.

Национальный состав фронта исключительно пуштунский, в религиозном плане – суннитский, но фронт, точнее, его лидер С.А. Гилани, настойчиво укрепляет связи с шиитской хазарейской общиной в Пакистане, пытаясь укрепить в ней свое влияние и ограничить иранское.

Некоторые зарубежные исследователи, говоря о численности фронта, считают, что она может составлять 8 тыс. чел., организованных членов и до 15 тыс. чел. последователей[43]. Эти данные, как оговариваются сами исследователи, могут быть завышенными.

Районы деятельности фронта – приграничные с Пакистаном провинции Заболь, Пактика, Пактия, Нангархар, влияние фронта наиболее ощутимо в таких крупных пуштунских племенах, как сулеймanхейль и ахмадзаи.

Характерно, что созванная летом 1980 г. в Пешаваре джирга афганских пуштунских племен отвергла взгляды фундаменталистских партий на будущее Афганистана и в своем большинстве поддержала НИФА[44]. По сравнению с другими афганскими контрреволюционными организациями позиции фронта по многим вопросам более умеренны и прагматичны. Фронт выступает за восстановление в Афганистане прежних форм правления, не уточняя конкретно – монархического или республиканского, что объясняется, видимо, тем, что до сих пор не определена окончательно роль бывшего короля Захир-шаха, которую ему можно было бы отвести в планах фронта и ИСМА-3 на будущее. Фронт считает необходимым – и прямо говорит об этом – существование в будущем нормальных отношений между Афганистаном и СССР. В то же время, возможно, стараясь избежать обвинений со стороны фундаменталистов в недостаточной приверженности исламу, фронт отдает дань исламской риторике, хотя и не в таких масштабах, как фундаменталисты или даже союзники по ИСМА-3.

Фронт располагает значительными финансовыми средствами. Помимо помощи, получаемой от ЦРУ, США, различных фондов в США и странах Западной Европы, из арабских стран, фронт имеет прибыли от торговли наркотиками, сборов налогов с населения, поступлений от мюридов. Некоторую помощь фронту оказывает Захир-шах.

НИФА уделяет большое внимание поддержанию связей с внешним миром, с западными странами. При этом фронт как самостоятельно, так и в составе ИСМА-3 стремится создать о себе представление как о респектабельной, заслуживающей доверия умеренной политической силе. Так, в августе 1982 г. по предложению С.А. Гилани ИСМА-3 передал Международному Красному Кресту двух советских военнослужащих, захваченных на территории ДРА и вывезенных в Пакистан. Этот жест был, разумеется, призван создать на Западе впечатление, что ИСМА-3 и входящий в него НИФА, претендующие на руководство страной, соблюдают международные договоры, в данном случае – Женевскую конвенцию 1949 г. о защите жертв войны[45].

В ответ на просьбы руководства ИСМА-3 (инициатором этой акции был предположительно С.А. Гилани) Европейский совет в 1982 г. провозгласил 21 марта – первый день нового года по мусульманскому солнечному календарю – "днем Афганистана"[46].

Заместитель председателя политического комитета ИСМА-3 д-р Азизулла Лудин в интервью, опубликованном в 1982 г. заявлял: "В свободном мире наш союз уже сейчас признан в качестве представителя большинства народа Афганистана. Участие наших руководителей в работе Европейского парламента, Флорентийской конференции, их встречи с руководством большинства стран свободного мира и международных организаций привели к тому, что Европейский парламент, парламент ФРГ и ряд международных организаций подняли голос в пользу признания движения сопротивления народа Афганистана"[47].

Основатель и руководитель НИФА Сеид Ахмад Гилани родился в Кабуле в 1931 году в семье потомственных "хазратов" арабского происхождения, основателей мусульманского суфийского ордена Кадирия, до сих пор пользующегося большим влиянием в исламских суннитских кругах, особенно в Ираке и в странах Северной Африки.

Отец С.А. Гилани родился в Дамаске в 1901 г. после распада Оттоманской империи принял турецкое подданство, с 1920 по 1925 г. учился в Германии, где в 1929 г. женился на немке Марии Рихтер, которая стала матерью С.А. Гилани.

Будучи преемником руководителя ордена Кадирия, С.А. Гилани носит титул "пира", считается потомком пророка, имеет в Афганистане многочисленных последователей-мюридов, в первую очередь – среди пуштунских племен в приграничных с Пакистаном районах Пактии и Пактики.

Семья Гилани владела крупными земельными наделами в Нангархаре, Пактии, Лагмане, в городах Хост и Лашкаргах, а также недвижимостью в Кабуле. Накануне апрельской революции С.А. Гилани имел салон по продаже автомобилей фирмы "Пежо".

В период монархии С.А. Гилани был близок к королю Захир-шаху и фактически являлся его неофициальным советником. Тесная связь между ними поддерживается и в настоящее время, причем эта связь основана не просто на личных симпатиях и привязанностях (например, по некоторым данным, сестра жены С.А. Гилани была в свое время любовницей Захир-шаха), а на их совместных политических планах в отношении будущего страны.

С.А. Гилани располагает многочисленными деловыми и личными связями в США, Западной Европе, в арабских странах. Будучи полуевропейцем, владея несколькими языками, С.А. Гилани менее других лидеров афганской контрреволюции прибегает к исламской риторике, постоянно демонстрирует умеренность своих политических взглядов, завоевывая тем самым доверие руководящих кругов США и стран Западной Европы. Большую часть времени С.А. Гилани проводит в Европе, ведет светский образ жизни, питает слабость к женщинам, вину, роскоши, за что подвергается критике со стороны фундаменталистских лидеров афганской контрреволюции.

Один из афганцев, находящихся в Пакистане, пишет о С.А. Гилани: "Если бы эфенди-ага не увлекался охотой и интригами, а рядом с ним

находились бы несколько умных советников, если бы его политика не была карьеристской, то вполне возможно, что он смог бы собрать 100–200 тыс. последователей. Но ныне большинство его последователей отошли друг от друга, сейчас их количество ограничивается несколькими тысячами и продолжает уменьшаться. Сам эфенди, человек твердый и спокойный, не любит длинных и резких разговоров. Но если он будет действовать так и дальше, то он может растерять всех своих мюридов"[48].

В западных исследованиях отмечается, что политические взгляды С.А. Гилани на фоне радикализма и экстремизма фундаменталистских лидеров отличаются большим реализмом. "Гилани имеет сбалансированный подход к жизненно важной проблеме будущих афгано-советских отношений. В двух интервью со мной, – пишет один из западных исследователей, – в 1979 г. и снова в Пешаваре в марте 1980 г. Гилани подчеркивал, что сосуществование с Советским Союзом является неизбежной необходимостью, что русские имеют в Афганистане постоянные интересы, которые необходимо признать"[49].

По сведениям из афганских источников, после апрельской революции 1978 г. С.А. Гилани оставался в Кабуле и в течение двух месяцев занимал пост консультанта в одном из госучреждений ДРА.

Толчком к его эмиграции в Пакистан послужила прежде всего конфискация принадлежавших ему и его семье земель и недвижимости, а также давление, оказывавшееся на него со стороны враждебных по отношению к ДРА религиозных авторитетов.

Движение исламской революции Афганистана (ДИРА)

Афганская контрреволюционная организация Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) основана летом 1978 г. в пакистанской провинции Белуджистан Мухаммадом Наби Мухаммади. М. Наби родился в 1920 г. в дер. Шамзар уезда Баракибарак провинции Логар в семье моуляви Абдул Вахаба. По национальности пуштун из племени ахмадзай. Начальное образование получил дома под руководством отца, основы ислама изучал у улемов провинции. В 1946 г. закончил изучать теологию и получил разрешение высших шейхов религиозного ордена Кадирия, а затем и ордена Накшбандия на преподавание ислама и толкование священных текстов. Приобрел известность и авторитет в религиозных кругах. Стал мюридом Ибрагима Моджаддиди – члена клана Моджаддиди, руководителя исламской организации "Служители Корана" (расстрелян в январе 1979 г. по приказу Х. Амина). Зарекомендовал себя ярым националистом, антикоммунистом. Вел активную пропаганду против проникновения в Афганистан западной культуры. Создал кружок своих единомышленников, в который вошли известные в Афганистане религиозные деятели, такие, как хазрат Кале – и Джавад, Мир Абдул Саттар, моуляви Сеид Акбар, Дельавар и другие улемы. Кружок ставил задачу пропаганды исламского образа жизни, "разоблачения" коммунизма, борьбы против прогрессивных идей и веяний[50].

Члены кружка, в том числе сам М. Наби, выступали в мечетях с нападками на Советский Союз, на прогрессивные группы "Парчам", "Хальк", на другие "неисламские" организации. Не ограничиваясь пропагандистской

деятельностью в Кабуле, М. Наби совершил несколько поездок в провинции, где выступал с антикоммунистическими проповедями. В 1971 г. М. Наби был избран депутатом парламента 13 созыва от провинции Логар. Его выступления в парламенте носили шовинистический, резко антисоветский характер. "Коммунисты уверены, – говорил М. Наби в одном из своих выступлений в 1972 г., – что стоит мусульманам согласиться с экономической системой коммунизма, они уже не смогут оставаться мусульманами... они отойдут от исламской веры. К сожалению, мы видим, что большое количество молодежи уже поддалось обману, так как полагает, что принятие этой программы легко разрешит наши трудности"[51].

С приходом к власти М. Дауда М. Наби, опасаясь преследований, выехал на юг страны, где продолжал свою проповедническую деятельность.

После апрельской революции 1978 г. М. Наби перебрался в пакистанский Белуджистан, где приступил к созданию своей организации – ДИРА (второе официальное название организации – Общество улемов движения исламской революции. В течение мая–августа 1978 г. М. Наби сумел собрать вокруг себя бежавших в Пакистан членов организации "Служители Корана", которые составили основу руководства ДИРА, и установить связи с оставшимися в юго-западных районах Афганистана своими сторонниками и последователями.

ДИРА представляет собой крайне реакционную исламскую организацию. В отличие от некоторых других афганских контрреволюционных организаций, основу руководства которых составляет городская исламствующая интеллигенция (ИПА, ИОА), основной костяк высшего руководства ДИРА – это известные улемы и богословы преимущественно из юго-западных районов Афганистана, второй эшелон руководства – среднее и низшее звено улемов и мулл, имеющих большое влияние в сельских местностях. Недаром организацию иногда называют "партией мулл"[52].

По своим программным установкам ДИРА стоит ближе к фундаменталистам, чем к традиционалистскому альянсу ИСМА-3, в состав которого она входит.

Так, еще в период Захир–шаха М. Наби выступал за утверждение в стране исламского правления, исламской культуры. Ныне в программе ДИРА также говорится, что движение выступает за "создание в Афганистане истинной исламской республики", за "утверждение в народе Афганистана экономических отношений, соответствующих принципам исламской экономики, за уничтожение всех неисламских обычаев, чтобы спасти угнетенный мусульманский народ Афганистана, с одной стороны, от всепоглощающего человеконенавистнического огня капитализма, а с другой – от преисподней социализма"[53]. Как видим, эти положения программы полностью соответствуют фундаменталистским установкам. То же можно сказать и о других декларируемых целях движения. Даже герб ДИРА имеет атрибуты гербов "Братьев-мусульман", ИПА и ИОА: здесь присутствуют и Коран и скрещенные сабли. И тем не менее, несмотря на эти фундаменталистские симпатии, ДИРА в 1981 г. вместе с группами, возглавляемыми С. Моджаддиди и С.А. Гилани, вышла из только что образованного ИСМА с участием фундаменталистов и примкнула к традиционалистскому альянсу ИСМА-3.

Каковы возможные причины этой, казалось бы, непоследовательности? Таких причин может быть несколько. Во-первых, М. Наби, возможно, счи-

тает себя, и не без основания, более заслуженным ветераном исламского движения, чем, допустим, Г. Хекматьяр или Б. Раббани. Когда М. Наби был депутатом парламента (1971–1972 гг.) и произносил погромные речи в адрес демократических и прогрессивных сил, которые с охотой цитировались в прессе арабских стран, Хекматьяр и Раббани в своей исламской деятельности еще не вышли за рамки мало кому известной "Мусульманской молодежи". Во-вторых, вся исламская деятельность М. Наби до апреля 1978 г. была связана с влиятельными исламскими религиозными орденами Кадирия и Накшбандия. Именно руководители этих орденов благословили М. Наби на богословскую деятельность, а этими руководителями были представители кланов Гилани и Моджаддиди. Более того, М. Наби был мюридом известного исламского деятеля Ибрагима Моджаддиди, главы клана Моджаддиди того периода, руководителя исламской организации "Служители Корана", в которую входил и М. Наби. М. Наби так же, как и клан Моджаддиди, заигрывал с фундаменталистскими идеями "Братьев мусульман", но старался приспособить их к местным окраинным особенностям исламского вероучения в Афганистане, что не устраивало ортодоксальных фундаменталистов из "Мусульманской молодежи". В-третьих, социальное положение М. Наби – выходца из привилегированного сословия, депутата парламента – более соответствует социальному положению таких деятелей, как С. Моджаддиди и С.А. Гилани. И наконец, несмотря на свою фундаменталистскую исламскую риторику, М. Наби – пуштун и ярый пуштунский националист. Он призывает мусульман отбросить национальные различия, а в его движении участвуют только пуштуны, декларирует единство суннитов и шиитов, а все члены его организации – сунниты.

В то же время в программных установках ДИРА имеются положения, не укладывающиеся в прокрустово ложе фундаменталистских догм. Так, программа ДИРА говорит о необходимости сохранения географических границ Афганистана и проведения им "активной и позитивной политики нейтралитета"[54], об отношениях взаимопонимания с государствами и народами мира и особенно с исламским миром..." Это, конечно, не совсем отвечает фундаменталистским лозунгам: "ислам не знает границ", исламская революция перманентна, руководители Египта, Саудовской Аравии, Кувейта и т.д. – предатели ислама.

По данным одного зарубежного автора, сведениями которого мы уже пользовались[55], численность членов ДИРА к 1981 г. составляла 10 тыс. членов и ориентировочно – 25 тыс. последователей. Данные эти, думается, завышенные. Кроме того, позиции М. Наби и ДИРА в целом были ослаблены выходом из организации в 1981 г. двух групп под руководством заместителей М. Наби И. Мансура и Р. Моузина, которые вошли в фундаменталистский альянс ИСМА-7 также под названием ДИРА.

Районы наибольшей активности ДИРА – провинции Кабул, Логар, Газни, Кандагар, Пактия, Заболь. Национальный состав движения – пуштуны. В состав высшего руководства, помимо улемов, входят бывшие генералы и полковники афганской армии, в среднем и низшем руководящем звене много мулл и учащихся богословских школ. Массовую базу вооруженных отрядов составляет крестьянство юго-западных районов Афганистана.

Структура организации имеет много общего со структурой ИПА и ИОА, но не столь отлажена. Высший орган ДИРА – революционный совет, в ко-

торый, по утверждению ДИРА, входят "представители всего Афганистана"; основной рабочий орган – исполнительный совет. Сам М. Наби имеет титул главного амира, в организации существует пост генерального секретаря ДИРА, в 1982 г. его занимал Колебдин Логари.

Исполнительный совет руководит функциональными комитетами: административным – амир д-р моуляви Мухаммад Седик, юридическим – амир моуляви Амир Заде, кадров – амир полковник Хаджи Мир Заман, безопасности – амир моуляви Сеид Рахман[56].

Военным амиром ДИРА в 1982 г. был полковник Абдул Маджид.

На территории Афганистана действуют "фронты" ДИРА, объединяющие вооруженные отряды, как правило, уезда или волости. На одном из документов ДИРА, в котором выражается поддержка командиров "фронтов" решения революционного совета ДИРА о лишении доверия и исключении из организации бывшего заместителя М. Наби Насруллы Мансура (июнь 1981 г.), поставлены 58 подписей и личных печатей командиров "фронтов" движения[57].

Следует отметить особую непримиримость ДИРА к народной власти и жестокость членов организации по отношению к мирному населению и к попавшим в руки организации сторонникам апрельской революции. Отрядам ДИРА свойствен религиозный фанатизм, что объясняется наличием в рядах движения большого количества "мулл низшего разряда, которые совершенно не боятся смерти"[58].

М. Наби мало известен в религиозных мусульманских кругах других стран, он не имеет богословских трудов, не занимался вопросами теории ислама. Наиболее устойчивый контакт он поддерживал в Пакистане с моулана Муфтием Махмудом, руководителем "Джамат-и-улема" Пакистана, получая от этого общества помощь и поддержку.

Афганская исламская контрреволюция и Захир-шах

Одним из вопросов, вокруг которого кипят страсти в лагере афганской исламской контрреволюции, – это вопрос о бывшем короле Афганистана Захир-шахе, его роли в контрреволюционном движении и о его возможном возвращении в Афганистан.

Руководители традиционалистских контрреволюционных партий С. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби, особенно первые двое по своему социальному положению, по той общественно-политической роли, которую они сами и их семьи играли в период монархии, были прочно связаны с королевским двором. Они являлись видными представителями той феодально-бюрократической и богословской элиты, которая верно служила афганской монархии.

Лидеры традиционалистской контрреволюции понимают, что их альянс, состоящий из трех в основном пуштунских по своему этническому характеру организаций, не в состоянии претендовать на роль представителя всего населения Афганистана, не может привлечь к себе – что очень важно! – другие этнические группы населения Афганистана: хазарейцев, узбеков, туркмен, таджиков. В то же время поддержка со стороны противников революции из этих этнических групп придала бы альянсу ИСМА-3 как бы общенациональный характер.

Самым оптимальным, как видимо, считали лидеры ИСМА-3, способом привлечь к себе представителей непуштунских этнических групп, участвующих в контрреволюции или занимающих выжидательную позицию, могло бы послужить выдвижение на первый план в качестве лидера или политического символа известной в общенациональном масштабе фигуры, олицетворяющей единый Афганистан и стоящей над интересами политических партий. Наиболее подходящей для этого кандидатурой лидеры ИСМА-3 считают кандидатуру Захир-шаха. При этом лидеры ИСМА-3, видимо, учитывают также наличие у значительной части афганского крестьянства, составляющего большинство населения страны, определенного уважения к "законности" того или иного правления. В отношении "законности" монархии и правления Захир-шаха, в частности, крестьянство никаких сомнений не испытывало. Наоборот, в глазах части отсталого и неграмотного афганского крестьянства бывший король выглядит мучеником и "законным" правителем, насильно лишенным власти.

Лидеры ИСМА-3 также понимают, что США и их союзники заинтересованы в объединении контрреволюции, в том, чтобы контрреволюция приобрела респектабельный характер, чтобы ее возглавил деятель, хорошо известный на Западе и пользующийся доверием Запада.

Принимая во внимание все эти факторы, руководители альянса ИСМА-3 приступили к реализации плана использования бывшего короля в интересах афганской контрреволюции.

Вначале поступали сообщения о том, что Захир-шах отказывался принимать какое бы то ни было участие в контрреволюционном процессе, считая революцию в Афганистане необратимой. Затем появились сообщения, что под влиянием своего ближайшего окружения, а также в результате переговоров, которые вели с ним руководители традиционалистских организаций, он стал колебаться, и, наконец, дал согласие на то, чтобы его имя можно было бы использовать в качестве "объединительного" фактора, общенационального символа, без взятия им на себя обязательств организационного характера, т.е. чтобы его не избирали руководителем какой-либо организации или группы организаций, не провозглашали официальным лидером контрреволюционной борьбы. Эти условия Захир-шах подкрепил еще одним: контрреволюция должна объединиться.

Как только сообщения о согласии бывшего короля связать свое имя с контрреволюцией появились в прессе, фундаменталисты, и в первую очередь ИПА Г. Хекматьяра, обрушились на Захир-шаха и традиционалистов с потоками брани. Так, орган ИПА газета "Шахадат" в статье под заголовком "Мы единодушно согласны с предложением Захир-шаха о возвращении в Афганистан, но в наручниках и для суда, а не для правления" писала: «Захир-шах несет ответственность за все убийства и за несчастья, связанные с переворотом М. Дауда и с событиями в апреле 1978 г., за вторжение русских в Афганистан... Это он выпестовал банды "Хальк" и "Парчам", открыл ворота коррупции, порокам, тратил народные средства на себя и на свой двор, призвал культуру иностранную взамен культуры мусульманской. Народ разыскивает его после бегства, чтобы в наручниках предать его исламскому революционному суду. Раз он сам предложил вернуться, то пусть сам, своими ногами, идет на скамью подсудимых. Что касается тех, кто предложил ему вернуться, то афганский народ хорошо

знает эти группы, связанные с Западом. Это они от имени моджахедов болтают в передачах западных радиостанций, но они не играют ни малейшей роли в исламском джихаде против русских. Они не за ислам, не за свободу, они за возврат своих утраченных постов, разврата, наслаждений... и эта жажда толкает их на сделку с любой силой (Россией, Америкой, Израилем)... Любопытно, что Захир-шах, принимая в подарок руководство, ставит условием объединение групп. Но народ Афганистана уже не тот, каким был несколько лет назад, его не обмануть»[59].

Со своей стороны лидеры традиционалистов принимали меры по организации пропагандистской кампании в пользу Захир-шаха, имеющей целью представить дело таким образом, что это якобы сам афганский народ просит бывшего короля вернуться к нему в Афганистан. Так, на организованной в Пешаваре 6–7 апреля 1982 г. джирге некоторых пуштунских племен Захир-шах был назван в качестве их вождя. Старейшины приняли решение не допускать на территории своих племен отряды контрреволюционных организаций, не признающих бывшего короля своим общим руководителем.

В Пешаваре офицеры афганской королевской армии – сторонники Захир-шаха создали "Объединение офицеров", руководителем которого стал генерал Акрам.

Наконец 20 июля 1983 г. лидеры ИСМА-3 опубликовали совместное заявление, в котором призвали афганскую контрреволюцию к объединению вокруг бывшего короля. В заявлении говорилось: "...Исламский союз моджахедов Афганистана считает, что одним из важнейших условий спасения Афганистана от коммунистов и безбожных агрессоров является сплоченность и единство всех борющихся групп афганских моджахедов. Мы всегда защищали и поддерживали национальных борцов Афганистана за веру и считаем честью и обязанностью каждого мусульманина его участие в джихаде. ИСМА приветствует непосредственное участие в джихаде бывшего короля Афганистана Захир-шаха и поддерживает его усилия по объединению и сплочению всех групп моджахедов. ИСМА обращается ко всем моджахедам Афганистана с призывом объединиться вокруг Его величества Мухаммада Захир-шаха и создать единый фронт для достижения своей цели – победы над неверными[60]. Как видно из текста обращения, на этот раз традиционалисты апеллировали непосредственно к рядовым членам контрреволюционных организаций в том числе фундаменталистских, через головы их руководителей.

Лидеры ИСМА-3 начали скрытые переговоры и с руководством организаций, входивших в ИСМА-7, с целью убедить их в необходимости объединения вокруг Захир-шаха как самой подходящей фигуры, отвечающей интересам и афганской контрреволюции, и Запада. Это не могло не встревожить самого последовательного фундаменталиста и противника Захир-шаха – Г. Хекматьяра, который не очень-то полагался на твердость в этом вопросе Б. Раббани и других своих союзников. Он предпринимает новые и новые атаки против традиционалистов. «... Они нам говорили, – скажет несколько позднее Г. Хекматьяр, – что движение надо назвать национальным фронтом, освободительным фронтом. Что слово "ислам" использовать не следует, так как США и Запад болезненно реагируют на него. Они говорили, что в качестве руководителя революции надо избрать лицо, ко-

торое устроило бы Запад и которого бы Запад не опасался. Мы должны избрать Захир-шаха, – говорили они. Но мы сказали: те, кто садятся в руководящее кресло, перебравшись из теплой постели, становятся язычниками»[61].

Но борьба не ограничивалась перепалкой в прессе. Активную роль стала играть созданная в Европе в 1981 г. контрреволюционная организация афганских эмигрантов "Общество укрепления единства и борьбы за свободу Афганистана" (ОСУПА), состоящая из бывших политических деятелей и представителей интеллигенции времен Захир-шаха. С 1983 г. эту организацию возглавил бывший премьер-министр Афганистана Мухаммад Юсуф. ОСУПА заявляет, что не стремится к власти, а лишь хочет объединить все контрреволюционные силы в борьбе против "марксизма и иностранной оккупации". Не имея сколько-нибудь прочных связей с контрреволюцией в самом Афганистане, организация установила контакты с традиционалистскими группами и всеми силами способствовала сплочению контрреволюционных сил в Европе вокруг Захир-шаха, политическая активность которого все нарастала.

Г. Хекматьяр, основной и наиболее непримиримый противник какого бы то ни было союза или взаимодействия с бывшим королем, находясь в феврале 1984 г. в Иране во время празднования 5-й годовщины антишахской революции, в своем интервью заявил: «... Вы, конечно, обратили внимание, что в течение 5 лет и 9 месяцев Захир-шах хранил в отношении Афганистана полное молчание, он не произнес и слова в поддержку сопротивления и не осудил преступления русских. Но сегодня, получив заверения от русских, он решил принять участие в джихаде и стал выражать сочувствие народу Афганистана... Русские считают, что, вернув Захир-шаха, они смогут успокоить Запад и региональные реакционные режимы, которые не выносят существования в этом регионе исламского государства. Но мы уверены, что прежние времена миновали, и Афганистан – это не тот прошлый Афганистан, которым правил Захир-шах, и народ – уже не тот спящий народ, который терпел правление таких коррумпированных личностей, каким является Захир-шах. Те классы, которые символизировали правление Захир-шаха, утратили силу... и теперь в ходе революции возник новый класс, рожденный революцией, закаленный в окопах, завоевавший право руководить народом. Сегодня руководство народом находится в руках этого класса. Именно эти люди в течение долгого времени готовили народ к борьбе против русской агрессии... Мы не признаем "союза трех" в качестве союза и считаем их раскольниками... Их линия теперь полностью ясна. Они хотят вернуть Афганистан в то состояние, каким он был до революции, они хотят вновь навязать Афганистану прогнивший режим, который уже был свергнут. Наш народ этого не допустит, и поэтому единство между нами и той группой лиц полностью исключено, разве только они изменят свою линию, что вряд ли произойдет»[62].

Захир-шах и его окружение продолжали обработку общественного мнения Запада в пользу создания "умеренного" контрреволюционного объединения. Эмиссары бывшего короля зачастили в Пакистан и там с помощью посулов и уговоров склоняли руководителей многочисленных "неприсоединившихся" контрреволюционных группировок к поддержке Захир-шаха. Уже начинали прорисовываться контуры некоего нового "фронта", куда

должны были войти организации, состоящие в ИСМА-3 и другие группы, начались разговоры об организационных основах "фронта", его уставе и т.д.

В ноябре 1984 г. Захир-шах в интервью корреспонденту "Голоса Америки" по поводу своих усилий в вопросе создания "фронта" заявил: "Цель нашего движения – создание всеобъемлющего единого фронта для объединения не только моджахедов, но и афганцев в других странах. Для того чтобы этого достичь, необходимы время, усилия, переговоры. Кроме групп, входящих в ИСМА (ИСМА-3. – *В.С.*), свою заинтересованность в участии во фронте выразили несколько "фронтов", имеющих свои группы в Афганистане и вне его, многие беженцы в Пакистане и большинство общественных деятелей, находящихся в эмиграции в различных районах мира... Несогласие большинства руководителей "союза семи" принять предложение о создании единого фронта, не должно расцениваться как несогласие с самой идеей создания фронта. К сожалению, до сих пор имеются противоречия между организациями в Пакистане. Некоторые из руководителей этих организаций все еще требуют для себя особых заверений в отношении способа продвижения к цели – созданию фронта. Что касается лично меня, то я никогда не жалел и не пожалею усилий для создания атмосферы доверия. И я готов... без всяких условий, в качестве афганца предоставить себя в распоряжение дорогого мне и благородного афганского народа... Вопрос о создании правительства в эмиграции пока не обсуждался. Но если в будущем обстановка будет развиваться таким же образом, то наша точка зрения такова, что не только соседние исламские страны, но и другие свободные страны мира поддержат любую организацию, гарантирующую свободу и независимость Афганистана... Ясно, что силой нельзя уничтожить волю народа к свободе, к своему самосознанию. Народ ведет вооруженный джихад и другого пути у него пока нет. Но в случае, если окажется, что эту цель можно достичь мирным путем, то... нужно содействие всех миролюбивых стран и ООН"[63].

Таковы позиции фундаменталистских и традиционалистских контрреволюционных организаций, а также самого Захир-шаха по вопросу об участии бывшего короля и его окружения в контрреволюционной борьбе против ДРА и о его роли в "будущем" Афганистана.

16 июня 1986 г. в Вашингтоне состоялись переговоры трех лидеров традиционалистского альянса ИСМА-3 и одного из фундаменталистских лидеров – Б. Раббани с президентом Р. Рейганом, на которых шла речь о признании афганской контрреволюции со стороны США, и о необходимости объединения афганской контрреволюции. Был ли разговор о Захир-шахе, не известно. Но этого разговора не могло не быть. И не исключено, что именно Захир-шаху будет отведена роль лидера или политического символа нового, создаваемого теперь уже при прямом участии США, объединенного фронта афганской контрреволюции.

Глава 5

РЕЛИГИОЗНЫЙ, СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЙ, НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Афганская исламская контрреволюция неоднородна по целому ряду характеристик: религиозным, политическим, социальным, национально-этническим. Неоднородность отражает сложившуюся к концу 70-х годов нашего столетия структуру афганского общества, для которого были характерны низкий уровень производительных сил, неравномерность социального и экономического развития, влияние исламской религии, национально-этническая рознь, живучесть остатков феодальных и даже дофеодальных общественных отношений, сохранение влияния традиционных лидеров – помещиков, ханов, маликов, сардаров, улемов, хазратов, пиров, мулл.

Этим объясняется, почему контрреволюция в ДРА не составляет единого потока, движения, отражающего идентичные или хотя бы близкие социальные и политические интересы, а являет собой как бы множество очагов с широкой мозаикой социальных, политических, экономических, национально-этнических особенностей. Этим отчасти можно объяснить и то, что первые выступления контрреволюции носили локальный и разрозненный характер, не были скоординированы по времени и месту, не имели четко сформулированных долговременных целей. Однако постепенно, частично под влиянием традиционных лидеров, чьи интересы были ущемлены революцией и ее реформами, а в основном в результате целенаправленной деятельности контрреволюционных центров в Пакистане и Иране, имевших на территории Афганистана своих последователей, разрозненные очаги контрреволюции стали объединяться на основе религиозных, национально-этнических, политических и других особенностей в более крупные отряды, как правило, действующие в отдельных регионах.

Часть контрреволюции, так называемая "неорганизованная", т.е. не входящая в состав той или иной контрреволюционной организации, осталась в стороне от упомянутых центростремительных процессов, но и она вносит свой немалый вклад в подрывную деятельность афганской контрреволюции в целом.

К настоящему времени в исламской афганской контрреволюции сложились более или менее устойчивые контрреволюционные формации в виде организаций, обществ, партий, которые, в свою очередь, тяготеют к созданию на основе общности тех или иных характеристик различного рода альянсов. Образовавшиеся контрреволюционные формации еще могут перемешаться по горизонтали из одного альянса в другой, менять своих союзников, корректировать свою ориентацию на те или иные силы на Западе, в "исламском мире", но в целом их характерные особенности уже сложились и носят достаточно устойчивый характер. Это позволяет предпринять попытку классифицировать различные отряды афганской исламской контрреволюции по различным признакам: религиозным, политическим, национально-этническим, организационным. Насколько нам известно, такой классификации не делалось, а между тем она помогает лучше представить характер контрреволюции.

Суннитская и шиитская контрреволюции

По принадлежности из двух основных течений в исламе – суннизму или шиизму афганская исламская контрреволюция распадается на два отряда – контрреволюцию суннитскую и шиитскую. Суннитское направление ислама является в Афганистане преобладающим не только по количеству последователей (из 98% населения Афганистана, исповедующих ислам, примерно 80% являются суннитами и 18% – шиитами). Ислам суннитского направления ханифитского толка до апрельской революции 1978 г. был государственной религией страны, его исповедывало коренное население Афганистана – пуштуны, узбеки, большая часть таджиков, туркмены, белуджи и другие народности. На руководящих государственных постах могли находиться только сунниты, чиновничество и офицерский состав были суннитскими, высшее образование в стране могли получить, за редкими исключениями, только сунниты. Даже богословский факультет Кабульского университета готовил кадры теологов только суннитского толка.

Шиизм, который исповедовали хазарейцы, горные таджики и кизылбаши, находился в Афганистане на положении второстепенного, чуть ли не еретического направления в исламе. Многие шииты были вынуждены в результате прибегать к использованию так называемого принципа "такия", т.е. скрывать свою принадлежность к шиизму (применяющие "такию" шииты должны мысленно отречься от того, что говорят вслух, и проклясть врагов своей веры). Были запрещены некоторые шиитские обряды, в том числе связанные с ашурой – днем поминовения шиитского имама Хусейна (так называемый шахсей-вахсей), которые совершались тайно, в подвалах домов. Шииты всячески третировались и подвергались религиозной и иной дискриминации со стороны государственных властей, суннитских улемов, со стороны рядовой массы суннитов.

Если сопоставить отряды афганской шиитской контрреволюции с афганской суннитской контрреволюцией, то можно выделить целый ряд характерных для каждого из этих отрядов особенностей.

Все основные контрреволюционные организации, имеющие штаб-квартиры в Иране, являются шиитскими. Вся контрреволюция, обосновавшаяся в Пакистане, – суннитская. Декларативные заявления различных отрядов афганской контрреволюции об "общеисламском" характере контрреволюционного движения в Афганистане не имеют под собой каких-либо оснований. Лидеры суннитской контрреволюции, как правило, получили религиозную подготовку и образование в Египте, в знаменитом мусульманском суннитском университете аль-Азхар, где они и восприняли реформаторские идеи "Братьев-мусульман". Руководящие кадры шиитской афганской контрреволюции ориентированы на иранские (Кум, Мешхед) и иракские (Кербела, Неджеф) шиитские религиозные центры. Лидеры суннитской контрреволюции широко известны в Афганистане, а некоторые – и за его пределами. Руководители шиитской афганской контрреволюции известны в ограниченных кругах в основном в рамках проиранских организаций.

Афганская суннитская контрреволюция стремится вобрать в себя представителей большинства народностей страны. В ее организации входят

пуштуны, таджики-сунниты, узбеки, туркмены и представители других народностей. Они действуют или пытаются действовать на территории всего Афганистана.

Шиитская контрреволюция по своему национальному составу ограничена прежде всего таджиками-шиитами и хазарейцами, тоже шиитами. В ее рядах имеется некоторое количество представителей туркменов и белуджей. Она действует в основном в Герате и Гератской провинции, в Хазараджате и в значительно меньшей степени в провинциях Фарах и Нимруз, т.е. в районах с более или менее значительным шиитским населением. Отдельные шиитские организации имеются в Кабуле, Мазари-Шарифе.

Афганская суннитская контрреволюция, и в первую очередь фундаменталисты, в своей деятельности не признает над собой, по крайней мере открыто, руководящей или направляющей роли каких-либо авторитетов как со стороны государств и правительств, так и со стороны религиозных центров и движений. Она получает помощь и поддержку извне, но рвется к власти в Афганистане, что называется по собственной инициативе. Нет сомнений в том, что за спиной обоих отрядов суннитской афганской контрреволюции – ИСМА-7 и ИСМА-3 скрываются политические интересы империализма, его союзников и региональной реакции, но эти интересы не столь прямолинейны, как политические расчеты шиитского экстремистского руководства Ирана в отношении афганской шиитской контрреволюции. Последняя находится на полном содержании Ирана, полностью и достаточно откровенно подчинена его доктрине экспорта "исламской революции" в Афганистан вплоть до признания Хомейни своим религиозным и политическим вождем. Суннитская контрреволюция ставит перед собой задачу захвата власти и создания мусульманского государства во главе со своими лидерами.

Шиитская контрреволюция и стоящий за ее спиной Иран отдают себе отчет в ограниченности своих возможностей в этом плане и не претендуют на единоличный захват власти в стране. Как проиранская афганская контрреволюция, так и ее хозяева – шиитские руководители Ирана – рассчитывают или на долю участия в будущем предполагаемом ими дележе власти в Афганистане или на создание там каких-либо шиитских политических образований, зависимых от Ирана.

Шиитская контрреволюция с центрами в Иране не имеет собственных политических и идеологических взглядов, она взяла на вооружение навязанные ей шиитским руководством Ирана политические и идеологические установки имама Хомейни с их лозунгами "Ни Восток, ни Запад", "Ислам не знает границ", которые представляют собой теоретическое обоснование экспорта хомейнистским Ираном "исламской революции", т.е. открытого вмешательства во внутренние дела других стран, в том числе Афганистана.

Проиранская шиитская контрреволюция в Афганистане представляет собой военно-политический резерв в распоряжении шиитского руководства Ирана, предназначенный для претворения в жизнь его экспансионистских планов в отношении Афганистана. Эта часть афганской контрреволюции является наиболее беспринципной и продажной, вставшей на путь открытого предательства своего народа и страны ради политических интересов иностранного государства.

Фундаменталистская и традиционалистская контрреволюция

Контрреволюция с точки зрения различного подхода ее руководителей и участников к трактовке положений Корана и различных исламских догм в свою очередь состоит из двух отрядов: фундаменталистского и традиционалистского. Фундаменталистское течение, обращающееся непосредственно к истокам ислама и отвергающее его позднейшие интерпретации и наслоения, возникло в Афганистане, как и в других странах зарубежного Востока, в качестве реакции новых городских средних слоев на кризис политической власти и господствовавшей идеологии, а также на основе антикоммунизма, причем антикоммунизм в политических взглядах и практической деятельности афганских фундаменталистов (как, впрочем, и исламских фундаменталистов в других странах Востока) постепенно приобрел доминирующее значение. Духовными отцами афганских фундаменталистов являются основатели и идеологи реакционной межарабской организации "Братья-мусульмане" египтяне Хасан аль-Банна и Саид Котб. Идеологи и руководители исламского фундаментализма, как правило, не представляют традиционную религиозную верхушку исламского общества, многие из них не имели и не имеют базового религиозного образования. Так, Хасан аль-Банна был преподавателем средней школы в г. Исмаилия (Египет), сыном часовщика; основатель фундаменталистской организации "Джамаат-и-ислами" в Пакистане Маудуди был журналистом, выходцем из семьи адвоката. Наиболее радикальный, "чистый" афганский фундаментализм зародился и обрел организационные формы в Кабульском университете среди студентов и преподавателей богословского, инженерного, медицинского факультетов. Наиболее последовательным идеологом и практиком фундаментализма является бывший студент инженерного факультета Кабульского университета, ныне руководитель Исламской партии Афганистана Г. Хекматьяр. Фундаменталистские течения в различных странах распространения ислама, в том числе в Афганистане, возглавляется в основном не богословами (хотя некоторые из них принимают активное участие в этом движении), а богословствующей интеллигенцией.

Вот как описывается в одной из биографий Хасана аль-Банны его первая попытка получить необходимые ему наставления от традиционного исламского авторитета: "Это был его первый приезд в Каир (1944 г. – *В.С.*). Атмосфера разврата, коррупции, безбожия, характерная для египетского общества того времени, поразила его. Стремление к очищению влекло его к улемам. Он встретился с крупнейшим из улемов Каира шейхом Даджави и поделился с ним своими мыслями. Он призвал улемов Каира восстать против существующего положения, ликвидировать безбожие и разврат и выполнить свой долг улемов перед богом. Но он не получил от шейха желаемого ответа. Тогда он пришел к выводу, что с этими старцами нельзя поднять движение, что необходимо движение молодое и сильное (самому Хасану аль-Банне в это время было приблизительно 20 лет, – *В.С.*), что нужна верующая, сильная и самоотверженная молодежь"[1]. Ислам для фундаменталистов стал не столько религией, сколько идеологией, которую следует взять на вооружение для достижения определенных социальных и политических целей.

Обращение фундаменталистов к истокам ислама обусловило появление различного рода концепций, начиная от наиболее последовательных радикальных, крайне правых и кончая тоже правыми, но более прагматичными, готовыми при определенных обстоятельствах идти на сближение, на компромисс, наконец, на сделку с другими политическими силами – с традиционными исламскими лидерами или с правителями так называемых исламских стран.

Подобные политические вариации фундаменталистских течений можно встретить и среди афганской фундаменталистской контрреволюции, где Исламская партия Афганистана во главе с Г. Хекматьяром являет собой крайне правый фланг фундаменталистского движения, Б. Раббани и его Исламское общество Афганистана – середину этого движения, готовую в потенции на компромиссы и союзы как с традиционалистами, так и с проклинаемым им в своих "теоретических" трудах Западом. Движение во главе с М. Наби – старым махровым антикоммунистом и фундаменталистом, примкнувшим к традиционалистам, но сохранившим фундаменталистскую оболочку в виде набора фундаменталистских политических лозунгов, – самая беспринципная часть фундаменталистских течений. Проиранская афганская шиитская контрреволюция, стоящая особняком от суннитской контрреволюции, имеет также фундаменталистский характер.

В целом лозунг фундаменталистов "Ни Восток, ни Запад, а коранический ислам", декларирующий равноудаленность их концепций от капитализма и социализма и провозглашающий "третий", исламский, путь развития, прежде всего имеет антикоммунистическую направленность. Не случайно, что США и их союзники стремятся использовать исламский фактор в борьбе против прогрессивных режимов или течений в странах Востока.

Первая фундаменталистская организация в Афганистане – "Мусульманская молодежь", как уже отмечалось, была создана в Кабульском университете в 1969 г. из отдельных фундаменталистских кружков. Организация, костяк которой составляли студенты теологического и инженерного факультетов, ставила своей задачей борьбу против как королевского режима и правящих кругов страны, исказивших, по мнению членов организации, ислам и открывших двери проникновению в страну западной культуры и коммунистического влияния, так и против прогрессивных и леворадикальных сил.

Фундаменталисты обвиняли в неверии и невежестве традиционную исламскую элиту – улемов, как поддерживавших режим или интегрированных в его структуру, так и находившихся в оппозиции к режиму, противопоставляя их богословским концепциям "чистый" ислам, обращенный к периоду его зарождения и формирования, т.е. ислам эпохи пророка Мухаммада и первых четырех "праведных" халифов. Афганское фундаменталистское течение с самого момента своего зарождения выступало как контрреволюционное сначала по отношению к демократическим и прогрессивным силам страны, отражавшим интересы трудящихся масс, а затем как контрреволюционное по отношению к национально-демократической революции, которая привела к созданию ДРА.

Суннитская фундаменталистская контрреволюция до середины 1984 г. была объединена в альянс "Исламский союз моджахедов Афганистана"

(ИСМА-7), или "Союз семи" по количеству фундаменталистских организаций, в него входящих. Основными из них являются Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматьяром, Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Б. Раббани, Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Ю. Халесом и Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом, организация, известная не столько своими действиями, сколько скандальностью, ограниченностью своего лидера. Остальные три организации, входившие в ИСМА-7, самостоятельного значения не имели и представляли собой фракции, отколовшиеся от традиционалистских организаций, объединенных в ИСМА-3, и сохранивших их названия.

Шиитская фундаменталистская контрреволюция с центрами в Иране также объединена в различные альянсы.

Традиционалистская контрреволюция представлена в основном тремя организациями – Национальным фронтом спасения Афганистана (НФСА) во главе с С. Моджаддиди, Национальным исламским фронтом Афганистана (НИФА) под руководством С.А. Гилани и Движением исламской революции Афганистана (ДИРА) во главе с М. Наби Мухаммади. Она объединяет в своих рядах представителей правящей элиты времен монархии, высших эшелонов прежних госаппаратов, крупной феодальной буржуазии, бывшего генералитета, видных улемов, глав религиозных кланов – шейхов, пиров и хазратов, пуштунскую родоплеменную знать.

В борьбе против ДРА традиционалисты активно используют исламскую риторику, декларируют необходимость создания "исламского государства", но вкладывают в это понятие иной, нежели фундаменталисты, смысл. В своем варианте "исламского государства" традиционалистские лидеры отводят исламу и мусульманским богословам ведущую роль в идейно-политическом обеспечении деятельности правящего режима, который, в свою очередь, сохраняет все прерогативы управления государством, но обязан действовать в соответствии с положениями ислама, прежде всего шариата, и при наставнической роли традиционной мусульманской элиты – улемов. Традиционалистская контрреволюция в силу своей обращенности в прошлое не выдвинула и не может выдвинуть никаких сколько-нибудь новых или оригинальных исламских концепций, отвечающих происходящим в афганском обществе изменениям.

Контрреволюция буржуазная и феодально-монархическая

Исламские политические течения, в том числе контрреволюционные, всячески затушевывают свою классовую сущность, пытаясь предстать перед обществом как "надклассовые", объединяющие в своих рядах членов мусульманской общины – "уммы" и отстаивающие интересы всех членов этой общины. В условиях существования многоукладного общества, сословной, национально-этнической, религиозной дифференциации, специфических противоречий, свойственных вообще восточным обществам, для правильного определения типа той или иной контрреволюции необходимо прежде всего выделить классы или социальные группы, которые находятся во главе этой контрреволюции, определить их политические и экономические цели.

Видимо, такой подход необходим и в отношении двух основных отрядов афганской исламской контрреволюции – фундаменталистской и традиционалистской, тем более что в большинстве работ, касающихся афганской контрреволюции, какая-либо классификация ее отрядов по классовым и сословным признакам, по экономическим и политическим интересам отсутствует.

В.И. Ленин писал: "Одна из самых вопиющих политических ошибок... состоит в смешении контрреволюции царистской и вообще монархической с контрреволюцией буржуазной... Во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о классах: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?"[2]. Руководствуясь этим важнейшим методологическим указанием, попытаемся хотя бы коротко проанализировать ситуацию, возникшую в Афганистане.

В апреле 1978 г. в Афганистане началась национально-демократическая, антифеодальная, антиимпериалистическая революция, руководимая Народно-демократической партией Афганистана. У руководства НДПА находились и находятся выходцы из буржуазно-демократической и мелкобуржуазной революционной среды – представители передовой интеллигенции, прогрессивного офицерства и государственных служащих, которые взяли на вооружение научную теорию общественного развития и принимают, хотя и робко, меры к обеспечению ведущей роли рабочих и крестьян в продолжении революции.

Апрельская революция 1978 г. нанесла удар как по остаткам феодальных и дофеодальных структур, так и по помещичьей буржуазии, ее представителям в госаппарате, армии. Будучи национально-демократической, эта революция отражает интересы прежде всего широких трудящихся масс, и в первую очередь рабочего класса и крестьянства.

Апрельской революции противостоят два основных отряда исламской контрреволюции: контрреволюция фундаменталистская и контрреволюция традиционалистская. Первый отряд – фундаменталисты, последователи арабских "Братьев-мусульман" – это, как говорилось ранее, часть средних городских слоев афганского общества, вышедших на политическую арену в 60-х годах нынешнего столетия. Их возросшая роль, и особенно студенчества, в политических движениях стран Востока подвергнута в последнее время глубокому изучению в работах советских востоковедов[3].

Именно часть этих слоев составила костяк фундаменталистской контрреволюции. Причины этого явления были вскрыты и объяснены классиками марксизма-ленинизма. Неготовность рабочего класса или его политического авангарда повести за собой средние слои приводит во время революции к переходу этих слоев в лагерь контрреволюции. "Эту дорожку, – писал В.И. Ленин, – ряд революций проделал самым отчетливым образом, на эту дорожку мы всегда указывали"[4]. Будучи по своему классовому составу мелкобуржуазной, фундаменталистская контрреволюция особенно после апрельской революции 1978 г., встала на защиту интересов буржуазии. Иначе и быть не могло, так как мелкая буржуазия и средние городские слои, не являясь основным классом, не способны на самостоятельное политическое выступление. Они могут либо выступить на стороне рабочего класса, либо встать на защиту интересов буржуазии. Передовая, прогрессивная, часть средних городских слоев афганского общества, руковод-

ствуясь идеями научного коммунизма, совершила национально-демократическую революции в интересах трудящихся масс, рабочего класса и крестьянства, а другая, реакционная часть этих слоев, исламские фундаменталисты, встала на защиту интересов буржуазии.

Политические цели буржуазно-теократической фундаменталистской контрреволюции сформулированы основоположниками идеологии фундаментализма и развиты в программных документах и заявлениях ее лидеров. К числу этих целей относится прежде всего создание "исламского государства" вначале в пределах границ данной страны, затем в рамках мусульманского мира и в конце концов – во всемирном масштабе. Политический строй такого государства – Исламская республика, или халифат, руководимая выборным главой государства (принцип выборности главы государства характерен для суннитской ветви ислама). Законодательная власть в "исламском государстве" принадлежит Аллаху, который реализует ее через положения шариата. Исполнительная власть осуществляется выборными советами – шура. "Исламское государство, по замыслу его идеологов, обеспечивает своим гражданам социальную справедливость, равенство и т.д.

Идея "исламского государства" с его исламской культурой, исламской экономикой – не более чем утопия. Совершенно очевидно, что даже в случае победы буржуазной-теократической фундаменталистской контрреволюции в конце концов эта концепция "исламского государства" будет либо отброшена и заменена чисто капиталистическими отношениями, либо сохранится лишь в качестве прикрытия этих отношений. Здесь применима мысль В.И. Ленина о роли мелкобуржуазных партий – меньшевиков и эсэров как проводников идей лидеров российской буржуазии. Находившаяся в эмиграции верхушка российской буржуазии (1921 г.) стремилась использовать мелкобуржуазные партии в своих контрреволюционных целях, считая, что приход к власти этих мелкобуржуазных партий расчистит дорогу для буржуазии. После этого, считал В.И. Ленин, "этих мещанских Нарциссов – меньшевиков, эсэров" настоящая деловая буржуазия одурачит и прогонит "шлепками", как это она делала во всех революциях десятки раз[5].

Вторым отрядом исламской контрреволюции, противостоящим апрельской революции 1978 г., является исламская традиционалистская контрреволюция. Основу этой контрреволюции, как уже сказано, составляют представители высшего слоя реакционного мусульманского сословия, феодально-бюрократических слоев додаудовского афганского общества и родоплеменной элиты, служивших опорой монархического строя. Эта контрреволюция возникла только после апрельской революции 1978 г., когда наиболее активные представители из перечисленных выше слоев – М. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби создали свои организации, объединившиеся затем в контрреволюционный традиционалистский альянс ИСМА-3, и начали вооруженную борьбу против ДРА, за восстановление прежних, додаудовских порядков.

Традиционалистская контрреволюция не имеет каких-либо своих оригинальных концепций государства. Вот как отзывается А.Р. Ульфат, афганец, находящийся в эмиграции в Пакистане, о так называемых программах государственного устройства, вырабатываемых в рядах афганской контр-

революции: "Каждый раз, когда обращаешь внимание на программы некоторых групп, чтобы понять, каково будет в случае взятия ими власти в стране будущее страны, какие впереди преобразования, какие будут законы, какие имеются планы, эти программы в своем большинстве молчат об этом. Будущее 15 млн людей умещается в этих программах в 10–11 пунктах, написанных на одной странице. Например, один из этих пунктов гласит, что нашей конституцией является Коран. Только одно предложение. Нет сомнений, что чистый Коран является для каждого мусульманина основным законом... Но разве нельзя объяснить судьям, депутатам парламента, членам исполнительных органов, губернаторам, уездным руководителям их образ действий в соответствии с Кораном, ведь они не знают арабского языка и не в состоянии извлечь из Корана соответствующие наставления"[6].

В устах традиционалистов исламское государство – это восстановление прежних "традиционных" порядков, это, наконец, – реставрация, если это окажется возможным, монархии. Традиционалистская контрреволюция ведет вооруженную борьбу как против народно-демократической власти, так и политическую борьбу против контрреволюции буржуазной. Пользуясь определением В.И. Ленина, традиционалистская контрреволюция в политическом плане является контрреволюцией монархической. Применительно к Афганистану – феодально-монархической.

Оба отряда контрреволюции – буржуазный и феодально-монархический ставят перед собой одну и ту же ближайшую цель – ликвидацию ДРА и уничтожение завоеваний национально-демократической революции.

Пуштунская и непуштунская контрреволюция

Исламская контрреволюция не может не испытывать на себе большое влияние национально-этнического фактора. Афганистан – многонациональное государство, для которого характерны как национально-этническая неоднородность, так и полная нерешенность национального вопроса. К основным национальным группам, населяющим Афганистан, относятся пуштуны (более 8 млн человек), таджики (приблизительно 3 млн), узбеки (около 1,5 млн), хазарейцы (более 1 млн), туркмены (около 500 тыс.), белуджи (приблизительно 200 тыс.). Имеются немногочисленные группы других национальностей: чараймаков, нуристанцев, киргизов и т.д.

Единое афганское государство обрело свои нынешние границы к концу прошлого столетия, после вооруженного покорения хазарейцев, чараймаков, узбеков и туркмен левобережья Амударьи, нуристанцев. Основой государства, его военно-политической опорой являлось коренное население Афганистана – пуштуны с их вооруженными племенными ополчениями.

Правящие круги Афганистана целенаправленно проводили политику обеспечения доминирующей роли пуштунов во всех областях экономической и политической жизни страны. Это послужило одной из причин того, что многие районы расселения нацменьшинств значительно отставали в своем социально-экономическом развитии. Пуштуны имели многочисленные официально и неофициально закрепленные привилегии: из них и частично из таджиков комплектовались госаппарат и офицерский корпус, пуштунские племена освобождались от налогов, от призыва в армию,

им выделялись лучшие земли, в том числе в районах расселения нацменьшинств, наконец, правившие монархические династии были пуштунскими. Непуштунское население испытывало двойной гнет: как со стороны своих помещиков, ханов и беков, так и со стороны центральной власти, защищавшей прежде всего интересы пуштунов.

Как результат этой политики прежних правящих режимов между пуштунами и другими национальностями Афганистана существовала национальная рознь, взаимное недоверие, переходящие иногда в открытую вражду. На этот пласт национальных противоречий наслаивались противоречия между самими национальными меньшинствами. Вот как характеризовал национальные отношения в Афганистане известный русский советский афганист С.Е. Снесарев: "Подводя итог сказанному о народностях Афганистана, я позволю себе сделать тот политический вывод, что все они разобщены, не составляют одной общей и сплоченной семьи, что, например, между авганцами и узбеками пролегает такая пропасть, через которую нельзя перекинуть никакого моста. Если таким мостом и можно до некоторой степени считать ислам, то и только до некоторой степени. Что касается таджиков, то этот своеобразный и замкнутый народ живет своею изолированной жизнью. Газара и аймаки разобщены и уединены. К какому заключению тут можно прийти? По составу населения Авганистан не представляет одной сплоченной крепкой нации... Авганцы не любят узбеков, узбеки и газара ненавидят авганцев, таджики не доверяют всем, и им никто не верит"[7].

Эта гамма взаимоотношений между народностями, населяющими страну, не могла не привести к появлению различных националистических групп, выступавших с позиций защитников интересов национальных меньшинств. Наиболее известной из них является группа "Сетам-е-мелли" ("Национальный гнет"), стремившаяся объединить таджиков, узбеков и туркмен для борьбы против пуштунского засилья. Со своей стороны, пуштунская интеллигенция создала свою националистическую группу "Афган меллят" ("Афганская нация"), стоявшую на панафганских позициях.

По мнению некоторых зарубежных авторов, даже левые прогрессивные группы "Хальк" и "Парчам", объединившиеся впоследствии в НДПА, формировались на первом этапе своего существования отчасти по национальному признаку. Так, авторы предисловия к изданному в Тегеране сборнику документов американского посольства в Иране, иранские "студенты – последователи линии имама Хомейни"– писали: «...даже формирование групп и организаций имеет (в Афганистане. – *В.С.*) в качестве мотива расовую или языковую близость. Этот фактор проявляется также среди марксистских групп. Например, группа "Хальк" и группа "Парчам", обе марксистские... всегда противостояли друг другу... (в группе "Хальк" большинство марксистов – пуштуноговорящие, а в группе "Парчам" – чам" – персоязычные)»[8].

Американский ученый С. Гаррисон в одной из своих статей утверждал: «...идеологический конфликт между "Парчам" и более доктринальной "Хальк" маскировал то, что было основными социальными различиями между двумя группами. Большинство парчамистов являются выходцами из находящихся под персидским влиянием городских высших классов.

Даже те парчамисты, которые этнически были пуштунами, говорили на языке дари – афганском варианте персидского языка, и в культурном отношении были изолированы от пуштунского большинства страны. Наоборот, халькисты представляли собой восходящий, только что получивший образование средний класс пуштунов из небольших городов и сельских местностей, который хотел пуштунского доминирования в афганской жизни»[9]. С приведенными положениями можно спорить, они не совсем точны (например, бывший парчамист, а ныне Генеральный секретарь НДПА Наджиб – типичный пуштун, предпочитающий говорить на пушту), но какая-то доля истины в них есть.

НДПА, пришедшая к власти в Афганистане в апреле 1978 г., не имела разработанного плана решения в стране национального вопроса, хотя ее программа декларировала необходимость его демократического решения. Провозглашенное после апрельской революции 1978 г. равноправие всех народностей, населяющих Афганистан, не получило закрепления практическими шагами. Более того, по мере возвышения Х. Амина в руководстве партии и страны, в госаппарате и в армии все отчетливее проявились элементы пуштунского великодержавного шовинизма. Местные государственные и партийные органы, в том числе на национальных окраинах страны, комплектовались преимущественно из пуштунов, армейские офицеры-пуштуны пользовались неписанными привилегиями. Дело доходило до того, что в период, когда силы контрреволюции стали угрожать самому существованию ДРА (вторая половина 1979 г.), Х. Амин вынашивал идею формирования воинских частей, предназначенных для борьбы с вооруженными выступлениями контрреволюции, по национальному признаку (т.е. частей пуштунских, хазарейских и т.д.) с целью их использования в районах страны, населенных другими народностями.

Второй этап апрельской революции, начавшийся в декабре 1979 г., во многом скорректировал линию партии в отношении национальных меньшинств, по крайней мере в теоретическом и отчасти в практическом подходе к этой важнейшей проблеме, но какого-либо масштабного и комплексного решения национального вопроса пока не предложено. И это можно понять: для глубокого изучения и проработки этой жизненно важной для многонационального государства проблемы нужна спокойная политическая обстановка, возможность проведения всенародного и всестороннего обсуждения. Любое решение этого вопроса, предложенное и предпринятое в условиях нынешнего вооруженного противостояния народной власти и контрреволюции, было бы извращено контрреволюцией и международной реакцией и обращено против ДРА.

Рассмотрим роль национально-этнического фактора в исламском контрреволюционном движении в Афганистане. Одной из основных, а возможно, и основной, теоретических установок исламских фундаменталистов является отрицание географических, национальных, расовых, языковых барьеров внутри "уммы", мусульманской общины, провозглашение принципа "исламской солидарности" на основе принадлежности к исламской религии. Наиболее крайние направления исламского фундаментализма (это направление представляет Исламская партия Афганистана во главе с Г. Хекматьяром) отрицают даже возможность "исламской солидарности" с

такими традиционно исламскими странами, как Саудовская Аравия, Кувейт и др., считая, что правящие круги этих стран погрязли в "джахилии"*. Фундаменталисты отрицают национализм как порождение "западной культуры", они вообще отрицают существование понятия нации, считая ее порождением этой культуры. Наконец, фундаменталисты отрицают правомерность существования национальных государств вообще. Еще основоположник "Братьев-мусульман" Хасан аль-Банна сформулировал такое понятие, как "мусульманская нация", объединяющая всех мусульман в одно общество.

На основе этих фундаменталистских воззрений, порожденных идеологами египетских "Братьев-мусульман", а еще ранее – известным реформатором исламского учения, основоположником панисламизма афганским политическим и религиозным деятелем Джамалуддином Афгани, в Афганистане возникла первая, уже упоминавшаяся фундаменталистская организация "Мусульманская молодежь", которая пыталась в своей деятельности выйти за национально-этнические рамки, найти пути и распространить свое влияние на все народности, населяющие Афганистан. В национальном вопросе она разделяла идеи египетских "Братьев-мусульман" раннего периода их деятельности. Теоретически членство в организации было открыто для представителей всех национальностей.

Созданные на основе "Мусульманской молодежи" две основные фундаменталистские организации – Исламская партия Афганистана (ИПА) и Исламское общество Афганистана (ИОА), несмотря на идентичность их программных установок в национальном вопросе, не избежали некоторых нюансов, о чем свидетельствуют различные пропорции национально-этнического представительства среди членов этих организаций. Если в ИПА в городских организациях большинство составляют городские пуштуны, а в состав вооруженных отрядов в сельских местностях входят таджики, пуштуны, узбеки, нуристанцы и туркмены, причем пуштуны не являются сколько-нибудь доминирующей силой, то в ИОА преобладают национальные меньшинства северных районов Афганистана, прежде всего таджики, затем узбеки и туркмены и только потом – пуштуны. Видимо, тот факт, что Б. Раббани является таджиком, обеспечил ему более основательную базу в северных и особенно в северо-западных районах страны. Г. Хекматьяр – северный пуштун не пользовался сколько-нибудь серьезным авторитетом среди пуштунских племен в районах их основного расселения. Поэтому обе эти фундаменталистские организации нуждались в союзниках, имеющих влияние прежде всего среди коренного населения страны в районах его основного расселения.

Такими союзниками явились ИПА во главе с Ю. Халесом – организация по своему составу пуштунская и три "ренегата", изменившие в 1982 г. традиционалистам и обратившиеся в фундаменталистскую "веру" – фракции, отколовшиеся от пуштунских контрреволюционных организаций НИФА, НФСА и ДИРА, сохранившие за собой эти названия и занявшие в ИСМА-7 места своих бывших руководителей – соответственно С.А. Гилани, С. Моджаддиди и М. Наби Мухаммади. В этот же альянс вошел со своей никого не представляющей организацией ИСОА А. Сайяф. Таким образом,

---

* Безбожие и варварство.

создание фундаменталистского контрреволюционного альянса ИСМА-7 имело целью не просто увеличение числа организаций, придерживающихся фундаменталистских взглядов, и их объединение под фактическим руководством ИПА и ИОА, но было целенаправленным политическим шагом, цель которого – собрать под фундаменталистскими знаменами представителей как можно большего числа народностей страны, в первую очередь пуштунов, что позволило бы альянсу ИСМА-7 выступать якобы в качестве защитника всех народов Афганистана. Несмотря на все эти усилия, фундаменталистская контрреволюция в своей основе остается непуштунской.

На другом фланге афганской исламской контрреволюции – традиционалисты, объединенные в ИСМА-3, куда входят НИФА, НФСА и ДИРА; это пуштунская по своему национально-этническому составу контрреволюция, она ориентируется на основные районы расселения пуштунских племен, каждый из ее лидеров имеет влияние на те или иные племена, вернее, на глав племен: С.А. Гилани – на руководителей ахмадзаев и сулеймanхелей, М. Наби Мухаммади имеет влияние среди пуштунов юга и юго-запада страны, С. Моджаддиди – в приграничной с Пакистаном зоне расселения племен.

У этого отряда контрреволюции нет какой-либо программы по национальному вопросу. Он борется за реставрацию прежних додаудовских порядков, отрицая фундаменталистский подход к исламу, в том числе в вопросе о национализме. Он выступает за привычный ислам в его афганской интерпретации, за сохранение традиционных исламских и племенных "ценностей", он идет на открытое сотрудничество с Западом, с реакционными мусульманскими странами. Сила этого отряда контрреволюции в том, что она опирается на поддержку части коренного населения страны – пуштунов, в том, что его политические вэгляды и лозунги понятны этой части пуштунов и разделяются ими. Вот как описывает джиргу афганских пуштунских племен, созванную в Пешаваре в мае 1980 г., американский ученый С. Гаррисон: "Все лидеры существовавших групп выступили против майской встречи 961 лидера племен, кроме Гилани, который имеет более тесные связи с племенами, чем другие. Лоя Джирга решительно отвергла фундаменталистское направление ислама, идентифицирующееся с семью фундаменталистскими группами. Вместо этого она выступила за несектантский ислам, который может быть принят всеми религиозными элементами в стране. Она также отвергла фундаменталистский взгляд, заключающийся в том, что трайбализм должен быть ликвидирован, призвав к созданию в Афганистане свободной федеральной структуры, где уважалась бы племенная автономия"[10].

Слабая сторона этого отряда контрреволюции заключается, как это ни парадоксально, в том, что он пуштунский, вернее, только пуштунский и не охватывает представителей других национальностей, которые отнюдь не стремятся вернуться к временам, когда пуштуны были привилегированной частью населения.

Нам не известно, сознавала или сознает афганская традиционалистская контрреволюция эти свои сильные и слабые стороны. Но то, что их понимают американцы – это ясно. С одной стороны, США видят, что фундаменталистская контрреволюция более организованна и сильна, в том числе в военном отношении, но она не пользуется достаточно широкой поддерж-

кой пуштунов и не в состоянии "развить успех" и создать так называемые "освобожденные районы"[11]. США испытывают также сомнения в целесообразности идти на прямое сближение с фундаменталистами не столько из-за их антиамериканской риторики, сколько учитывая печальный для них опыт отношений с хомейнистским Ираном (исходя из того, что в случае прихода к власти в Афганистане фундаменталистов там возникает государство, во многих отношениях схожее с ИРИ)[12].

С другой стороны, несмотря на большую близость к Западу традиционалистов, США понимают, что те не имеют достаточных сил и возможностей для ведения вооруженной борьбы по всей территории Афганистана. США в этой ситуации нужен третий вариант, на котором они, видимо, и решили остановиться: в их интересах объединить оба отряда контрреволюции – фундаменталистский и традиционалистский, пуштунский и непуштунский, или, расколов фундаменталистский ИСМА-7, привлечь к сотрудничеству с прозападными традиционалистскими лидерами более гибкого и не столь догматичного фундаменталиста Б. Раббани. В мае 1985 г. под давлением исламской региональной реакции ИСМА-7 и ИСМА-3 вновь объединились в альянс, сохранивший название Исламский союз моджахедов Афганистана, а в июне 1986 г. лидеры бывшего альянса ИСМА-3 и примкнувший к ним Б. Раббани посетили США.

Таким образом, фундаменталистская часть ИСМА оказалась расколотой, Г. Хекматьяр и А.Р. Сайяр осудили поездку Б. Раббани в США, а американцы получили возможность оказывать большее влияние на непуштунскую фундаменталистскую часть афганской контрреволюции.

Разделение афганской контрреволюции по национально-этническому признаку, естественно, нашло свое отражение и на географических рамках деятельности различных ее отрядов. Практически нет ни одной контрреволюционной организации, которая могла бы претендовать на то, что она действует в масштабах всей страны. Наиболее близок к этому был альянс ИСМА-7, но он не охватывал целой горной страны – Хазараджата и глубинных районов расселения пуштунских племен и юго-западных провинций страны. Но ИСМА-7 – это не организация, а неустойчивое и весьма условное объединение различных организаций, каждая со своим руководством и планами.

Пуштунская традиционалистская контрреволюция – ИСМА-3 действует в районах расселения пуштунских племен на юге, части юго-запада и юго-востоке страны. Отдельные пуштунские отряды имеются на севере страны.

Фундаменталистская ИПА во главе с Г. Хекматьяром сильна в Кабуле и в Кабульской провинции, имеет влияние в провинциях Нангархаре, Пактии и Кунаре, а также частично в северных районах страны. ИОА Б. Раббани действует в долине р. Панджшир, в северо-восточных, северных и особенно северо-западных провинциях страны. ИПА Ю. Халеса действует в юго-восточных, приграничных с Пакистаном районах. Хазарейский СИМА во главе с Вали Бейгом ведет вооруженную борьбу на территории Хазараджата.

Различные отряды афганской контрреволюции пытаются выйти за пределы своих географических районов действия, направляя в другие районы эмиссаров и вооруженные группы для утверждения, иногда силой, своего влияния в них, для грабежа населения. Так, уроженец Герата инженер

Зияуддин, активный член среднего звена руководства ИОА, направлялся руководством организации в Кандагар для введения пропагандистской работы в пользу ИОА, затем в провинции Фарах и Нимруз для создания на их территории вооруженных отрядов (хотя Кандагар и тем более Фарах и Нимруз не относятся к районам влияния ИОА), а в 1984 г. снова был вызван в Герат и назначен руководителем комитета информации главного амирата ИОА в Герате[13].

В целом же "фронты" и вооруженные отряды контрреволюции действуют, как правило, в привязке к географическим районам своего расселения, где они располагают материальной базой, хорошо знают местность, пользуются поддержкой некоторой части населения.

Таким образом, национально-этническая принадлежность играет большую роль в деятельности афганской исламской контрреволюции, обрекая бóльшую ее часть на раздробленность по национальной принадлежности, хотя некоторые ее отряды пытаются выйти за пределы этнических рамок и заявить о себе как о факторе общенациональном.

Подводя итоги можно сделать вывод, что афганская исламская контрреволюция классифицируется по целому ряду признаков. По религиозным признакам она подразделяется на суннитскую и шиитскую контрреволюции, по социально-религиозным признакам – на фундаменталистскую и традиционалистскую, по классово-социальным – на буржуазную и феодально-монархическую, по национально-этническим – на пуштунскую и непуштунскую контрреволюции. Между этими категориями контрреволюции могут иметь место союзные, договорные и иные отношения, направленные на временное преодоление их противоречий и разобщенности, но в конечном итоге названные категории контрреволюции носят устойчивый, объективный характер.

Глава 6

МИРОВАЯ РЕАКЦИЯ И ЭКСПОРТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ДРА. ВОЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ

С первых же дней своего существования ДРА стала объектом военно-экономического и политического вмешательства реакционных сил извне во внутренние дела страны с целью ликвидации революционных завоеваний. США и другие страны стали оказывать помощь и политическую поддержку контрреволюционным силам, борющимся за уничтожение завоеваний апрельской революции.

Освещение вопроса об оказании иностранными государствами, международными организациями, политическими партиями, различными фондами, комитетами и т.д. помощи афганской контрреволюции сталкивается с трудностями, поскольку, как правило, те, кто предоставляет помощь, предпочитают действовать тайно, а приводимые в зарубежной прессе данные не всегда отражают действительное положение дел. Размеры помощи весьма впечатляющи. "Крупномасштабная и продолжительная партизан-

ская деятельность, – пишет один из индийских исследователей, – требует громадных ресурсов, и повстанцы никогда не смогли бы иметь ресурсы в таких масштабах, в каких они их имеют, без помощи извне"[1].

Зарубежные исследователи проблемы оказания иностранной помощи афганским контрреволюционным силам обычно делят процесс оказания этой помощи по времени на два периода. Первый, с апреля 1978 г. по декабрь 1979 г., т.е. до начала нового этапа апрельской революции или до ввода ограниченного контингента советских войск, второй – с 1980 г. и по настоящее время.

Сенатор США Джон Б. Ритч III, совершивший в январе-феврале 1984 г. официальную поездку в Пакистан и "неофициальную" – в Афганистан (т.е. нелегально проникал на территорию ДРА), в своем докладе Комитету сената США по международным отношениям писал: «Во время "первой фазы" ...революции – в период с апреля 1978 г. до декабря 1979 г. американское вовлечение (в дело помощи афганской контрреволюции. – *В.С.*) ограничивалось поставкой моджахедам медицинского оборудования и лекарств...»[2].

Автор доклада, возможно, не осведомлен, что еще в 1973 г., после антимонархического переворота М. Дауда, ЦРУ США создало на территории Пакистана, в районе Аттока, лагерь для военной подготовки афганских "потенциальных" партизан, руководство которым осуществлял Г. Хекматьяр[3]. Самую разнообразную помощь по содержанию этого лагеря (а он, возможно, был не один), по вооружению и обучению боевых групп афганских фундаменталистов оказывали пакистанское руководство, спецслужбы Пакистана, фундаменталистское "Джамаат-и-ислами" Пакистана и арабские "Братья-мусульмане".

После неудавшейся попытки поднять в 1975 г. крестьянское антиправительственное восстание в провинциях Афганистана фундаменталистские боевые группы снова ушли на территорию Пакистана. На их основе в 1976 г. возникли две фундаменталистские контрреволюционные организации – ИПА и ИОА, которые продолжали активную подрывную деятельность на территории Афганистана. Финансируемые из названных выше источников, они организовывали в городах страны разветвленные подпольные группы, привлекая к участию в них студенчество и учащихся, мелких государственных служащих, средний офицерский состав, торговцев, ремесленников, создавали законспирированную сеть агентуры, тайники с оружием, подпольные типографии, готовясь к новой попытке вооруженного захвата власти в стране. К моменту апрельской революции 1978 г. эти организации, находившиеся на службе и содержании мусульманской реакции, а через нее – в определенных, возможно, даже им не известных отношениях с ЦРУ США, уже имели в своем распоряжении плацдарм на территории Пакистана и сеть подпольных ячеек в городах Афганистана. Уже через две недели после начала апрельской 1978 г. революции началась заброска на территории ДРА отрядов афганской контрреволюции, подготовленных и вооруженных с помощью и за счет международной контрреволюции[4].

"Должны ли США вооружать мятежников? – задает вопрос сотрудник ЦРУ США Антони Арнольд, работавший до 1979 г. под дипломатическим прикрытием в посольстве США в Афганистане – ...Афганцы в любом случае будут воевать, если нужно, – то камнями, и мы не должны отказывать и в возможности быть более эффективными... Тем, кто не считает это нашим моральным долгом, приведем довод из области холодной логики: чем более дорогим мы сделаем для Советов сегодняшний день в Афганистане, тем менее шансов, что они предпримут аналогичные авантюры где-либо в будущем"[5].

С появлением первых беженцев из ДРА в приграничных с Афганистаном районах Пакистана начали активно действовать различные американские "частные" и "благотворительные" организации и фонды, такие, как Комитет помощи Афганистану, возглавляемый американцами, связанными с Азиатским фондом, Азиатское общество, которое финансируется семьей Рокфеллеров и в котором состоит в качестве члена бывший директор ЦРУ У. Колби, Организация Азиатского фонда, официальное американское Агентство по борьбе с наркотиками, за которым стоит ЦРУ[6].

Лидер ИОА Б. Раббани сразу же после апрельской революции 1978 г. совершил поездку по арабским странам, где заручился обещаниями о помощи как со стороны руководящих кругов некоторых стран, так и от арабских фундаменталистских организаций.

После победы в Иране антишахской революции лидеры ИПА и ИОА Г. Хекматьяр и Б. Раббани несколько раз выезжали в Иран и установили контакт с хомейнистским руководством и с его согласия открыли в нескольких иранских городах представительства своих организаций[7].

В октябре 1979 г. посол США в Саудовской Аравии сообщал госсекретарю США, что в беседе с директором МИД Саудовской Аравии по арабским делам Исмаилом аш-Шурой последний проинформировал его о том, что правительство Саудовской Аравии первоначально прекратило финансовую помощь афганским контрреволюционным группам во главе с С. Моджаддиди и С.А. Гилани, "в надежде, что это подтолкнет их к созданию какого-либо фронта". Но затем, отметил аш-Шура, правительство приняло решение о том, что афганским контрреволюционерам следует помогать даже в том случае, если Моджаддиди, Гилани и другие не смогут договориться между собой. "По словам аш-Шура, – сообщал американский дипломат, – цель правительства Саудовской Аравии – не дать слабеющему халькистскому режиму изменить баланс в свою пользу[8].

С первых же дней после апрельской революции враждебную по отношению к ДРА позицию заняла КНР. "Китай, видимо, играет эффективную роль в предоставлении необусловленной помощи основным группам сопротивления, – писал в своей работе по Афганистану пакистанский исследователь Тахир Амин. – Представляется, что Китай понял значение и потенциал движения сопротивления еще на начальном этапе. Как далеко готовы пойти китайцы – не ясно, хотя основные группы надеются, что Китай продолжит проявлять интерес"[9].

Отношение КНР к ДРА стало открыто враждебным, пишет автор статьи "Китай и развитие событий в Афганистане" профессор-китаист Гарджи Датт, преподающая в делийском центре изучения Восточной Азии. "Конечно, – говорится в статье, – Пекин знал, что повстанческое движение состоит из консервативных мусульманских элементов, настроенных муллами и выступающих против модернизации, земельной реформы, экономической и социальной справедливости... но стоял вопрос о борьбе против врага, Советского Союза"[10].

В первый период, т.е. до конца 1979 г., подлинные размеры помощи афганской контрреволюции, каналы ее поступления тщательно скрывались. "Полная картина каналов оказываемой помощи и количества оружия недоступна даже хорошо информированным разведывательным службам", – писал в своем докладе сенату США уже упомянутый Джон Ритч III[11].

Но еще до ввода ограниченного контингента советских войск американские официальные лица, предвкушая победу контрреволюции, цинично рассуждали о том, что "выгодно" для США. Временный поверенный в делах США в ДРА Б. Амстутц, докладывая в Вашингтон свои соображения по этому поводу, писал: «Победа оппозиции имела бы для США двоякие последствия, но, если взвесить все "за" и "против", то эта победа оказалась бы в интересах США... Режим, который возглавила бы оппозиция в случае ее победы, видимо, не будет включать в список первоочередных задач социальные и экономические реформы (столь необходимые для этой отсталой страны). Возможно, начнется сведение личных счетов на основе принципа мести с тысячами оставшихся в живых официальных лиц из числа халькистов, что запятнало бы репутацию нового, после ДРА, режима в области прав человека... Все же в наших высших интересах был бы уход режима Тараки и Амина, несмотря на то, что это создало бы препятствия для будущих социальных и экономических реформ в Афганистане"[12]. Поверенный в делах США очень точно выразил все политическое лицемерие администрации США, якобы пекущейся о правах человека.

С начала 1980 г. администрация США, а вслед за ней и руководство Египта, Саудовской Аравии, некоторых государств Персидского залива, Ирана и КНР посчитали возможным открыто заявить о своей поддержке и практической помощи афганской контрреволюции.

Бывший президент США Дж. Картер в интервью телекомпании Си-Эн-Эн в мае 1986 г. признал, что эскалация необъявленной войны США против демократического Афганистана берет начало в 1980 г. По заявлению Картера, США оказали контрреволюционерам самую полную военную и экономическую помощь, тайно действуя через посредничество соседних с Афганистаном государств.

В январе 1980 г. США подтвердили факт поставок афганским контрреволюционерам оружия в соответствии с "тайной" программой ЦРУ США[13].

В феврале 1980 г. в американской прессе появились сообщения, что ЦРУ США начало тайные операции по снабжению афганской контрреволюции оружием. Проведение операций было утверждено специальным координационным комитетом под председательством Бжезинского, а затем – и президентом Картером. "Это была крупнейшая операция ЦРУ после опе-

рации в Анголе в 1975 г., – писал в своей книге индийский исследователь Бхабани Сен Гупта. – Повстанцы сражались легким полевым оружием советской конструкции, полученным из Египта, Китая... Оружие доставлялось через Пакистан. По некоторым данным, Иран тоже предоставил повстанцам некоторое количество оружия. Египет объявил, что он обучает на своей территории афганских повстанцев и отправляет их обратно с оружием... Китай направил некоторое количество оружия через Каракорумский проход"[14].

В марте 1981 г. президент США Р. Рейган прямо заявил о своем намерении оказать помощь афганским контрреволюционерам. КНР и Саудовская Аравия также сделали подобные заявления. Французские "гуманитарные" организации "Доктора не признают границы" и другие с весны 1980 г. начали нелегально переправлять на территорию Афганистана группы медперсонала для оказания помощи вооруженным отрядам контрреволюции[15].

Если на первом этапе помощи афганские контрреволюционеры имели на вооружении в основном старые английские винтовки "БУР-303", реже – автоматы АК-47, то на втором, с начала 1980 г., на вооружение контрреволюционеров стали во все большем количестве поступать 82-мм безоткатные орудия В 10 и 75-мм безоткатные орудия TIPE 56 китайского производства, трехдюймовые английские минометы, 60 мм минометы TIPE 63 китайского производства, 12,7 мм зенитные пулеметы, китайские копии легких зенитных установок ЗПУ-2, зенитные ракеты САМ-7, ручные противотанковые гранатометы РПГ-7 египетского производства, автоматы АК-47 и АКМ, большое количество противотанковых мин, в том числе в пластиковых корпусах, в основном китайского и итальянского производства[16].

По свидетельству иностранных наблюдателей, летом 1980 г. в Пакистан еженедельно прибывали два самолета с оружием из США, Саудовской Аравии и некоторых других арабских стран, предназначенным для афганской контрреволюции[17].

Как же практически доставлялось американское оружие афганской контрреволюции и прежде всего непосредственно в Афганистан? Сами американцы предлагают следующую версию. По словам автора статьи, опубликованной в журнале "Тайм" в 1984 г., ручные гранатометы РПГ-7, гранаты, портативные зенитные ракеты, пулеметы, снайперские винтовки, боеприпасы и медикаменты доставляются на территорию ДРА отдельными партиями, чаще всего ночными караванами раз в несколько дней. Сумма перечисленного оружия составляет 75 млн долл. в год. Автор пишет, что одна из трудностей проведения подобных операций – это не допустить обвинений в адрес Пакистана в причастности к ним. "В идеале система доставки грузов должна быть невидимой и проходить через Пакистан без ведома пакистанцев", – заявил автору статьи неназвавшийся сотрудник ЦРУ. А сам бывший директор ЦРУ США Кейси, по словам автора статьи, в беседе со своим помощником уточнил: " Мы намерены сделать все так, чтобы руки Зия-уль-Хака оставались чистыми".

Исходя из этой установки, все операции по закупке оружия и доставке его в Пакистан осуществляются в основном через Саудовскую Аравию.

Система поставок оружия была отработана еще при Картере. После

прихода в Белый дом Рейгана, а к руководству ЦРУ Кейси эта система была усовершенствована и активизирована. Кейси дал указание в резидентуры ЦРУ в странах Западной Европы о вербовке афганцев, находящихся по тем или иным причинам в Европе: эмигрантов, студентов и т.д. Было завербовано до 50 человек. Такая же группа афганцев была привлечена к сотрудничеству с ФБР на территории США. Большинство из них – студенты. Завербованные 100 афганцев прошли 9-месячную подготовку в школах ЦРУ на территории США методам руководства туристическими компаниями и их представительствами, переправки за границу крупногабаритных грузов-контейнеров. Весной 1982 г. они получили псевдонимы, паспорта, изготовленные по легендированным биографическим данным, деньги и были направлены к местам предстоящей деятельности.

Примерно 30 чел. были устроены на работу в Саудовской Аравии в небольшие транспортные компании, занимавшиеся отправкой грузов за рубеж. Большинство же было послано в Пакистан, где ЦРУ, по словам автора, в течение 30 лет руководит великолепно отлаженной сетью агентов. Агентура в Саудовской Аравии обеспечивала отправку грузов, прием этих грузов осуществлялся другой агентурой в порту Карачи, причем разгрузка проходила без досмотра, в ускоренном порядке, содержимое контейнеров грузилось в машины и отправлялось к афганской границе, а оттуда – на территорию ДРА. Автор статьи приводит пример с доставкой в долину р. Панджшир по личной просьбе лидера контрреволюции в этом районе Ахмад-Шаха Масуда (военачальник ИОА) партии противопехотных и противотанковых мин.

Мины были взяты с военных складов армии США в ФРГ и после того, как с них убрали американскую маркировку, были отправлены на объект ЦРУ в районе Штутгарта. Там они были упакованы в специальную водонепроницаемую тару, укомплектованы проводами, батарейками и оформлены как груз-оборудование для телефонного коммутатора некой религиозной организации. Транспортный самолет, пилотируемый летчиками – сотрудниками ЦРУ, доставил груз на секретный аэродром в Омане, откуда морем груз был переправлен на пакистанское побережье. Груз был получен американской агентурой из числа афганцев, о которой готовилось выше, и передан контрреволюционерам в пустыне неподалеку от пакистано-афганской границы. Оттуда сначала на грузовике, а потом на верблюдах груз был доставлен в окрестности Кабула. Там каждая мина была обмазана смесью верблюжьего навоза, глины и соломы, используемой для изготовления саманных кирпичей и дувалов, после чего груз проследовал караваном в долину р. Панджир. Вся операция продолжалась две недели[18].

Думается, что приведенный здесь рассказ о "подвигах" ЦРУ предназначен в первую очередь для того, чтобы отвлечь внимание от пособнической роли Пакистана. На практике дело обстоит гораздо проще: пакистанские власти не остаются в стороне от переброски и оружия и вооруженных отрядов на территорию ДРА, причем не очень-то это скрывают. Но сам рассказ широко читаемого американского журнала об американском вмешательстве во внутренние дела суверенной страны сам по себе интересен.

Трудно, если не невозможно назвать в денежном выражении объем помощи, оказываемой США афганской контрреволюции. В западной прессе время от времени публикуются сообщения о выделении конгрессом США, американской администрацией, ЦРУ определенных денежных средств, предназначенных для закупки оружия, снаряжения, боеприпасов, для финансирования боевых операций на территории Афганистана, на содержание военных лагерей и баз по военной подготовке афганских контрреволюционеров. Назовем некоторые из этих цифр. С начала 1980 и до сентября 1984 г. ЦРУ США ассигновало на помощь афганской контрреволюции 325 млн долл. США[19]. В 1985 фин. году по линии ЦРУ планировалось израсходовать 250 млн долл. США[20]. Американские официальные лица заявляют, что в 1985 фин. году военная государственная помощь США афганской контрреволюции составила 280 млн долл. США, что вдвое превысило подобные расходы в 1984 г. Правительственная помощь США начиная с 1980 г. составила к октябрю 1984 г. 625 млн амер. долл.[21] В 1986 фин. году помощь США афганским контрреволюционерам составила 470 млн долл.

Генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб в интервью пакистанской газете "Муслим", говоря о помощи США афганской контрреволюции за период с апреля 1978 г., назвал 2 млрд долл. США[22].

По данным зарубежной прессы, Саудовская Аравия, другие арабские страны, КНР и Израиль выделили в 1983 г. 100 млн долл. США[23]. В 1985 г. Саудовская Аравия планировала выделить 200 млн амер. долл.[24]

Уместно заметить, что, по американским данным, за 25 лет, предшествовавшие апрельской революции 1978 г., в Афганистане, США принимали участие в программах помощи Афганистану общей стоимостью менее 500 млн долл. (СССР – более чем 1 млрд долл.)[25].

Приведены только некоторые из опубликованных чисел, относящихся к правительственным программам прямой военной помощи афганской контрреволюции. Эта помощь, как можно убедиться, носит огромные размеры.

Когда в сентябре 1985 г. корреспондент газеты "Араб ньюс" спросил в Джидде у президента Зия-уль-Хака, насколько "полезной" он находит "помощь Афганистану" со стороны исламских стран, Запада и КНР и нет ли у него каких-либо замечаний в адрес этих стран, генерал ответил: "Нет. Мы благодарим их всех в такой последовательности – мусульманские страны, Китай и государства Запада"[26].

Получаемая афганской контрреволюцией помощь не ограничивается ассигнованиями США и их союзников, некоторых арабских стран по правительственной линии. В штаб-квартиры афганской контрреволюции потоком идет помощь от различных фондов, партий, организаций. Прямую и значительную финансовую поддержку фундаменталистским организациям оказывает "Джамаат-и-ислами" Пакистана. Через это общество поступает помощь от "Братьев-мусульман" и других фундаменталистских организаций арабских стран. Например, саудовский комитет по сбору средств для афганской фундаменталистской контрреволюции в сентябре 1984 г. передал руководству ИСМА-7 52 млн саудовских риалов (15 млн долл. США). Помимо этого, комитет приобрел в Пакистане и также передал ИСМА-7 различного имущества на сумму 38 млн риалов.

Приведем список закупленных и переданных в 1984 г. вещей, предназначенных как непосредственно для моджахедов, так и для их семей, находящихся в лагерях, контролируемых ИСМА-7: жилых палаток размером 14 X 14 м – 35 тыс.; палаток для школ и мечетей размером 20 X 10 м – 100 шт.; одежда мужская, женская и детская – 133 080 комплектов; обувь для моджахедов – 230 000; обувь мужская, женская и детская – 388 279 пар; носков – 628 866 пар; накидок длинных – 48 752 шт; накидок коротких для моджахедов 210 000 шт.; одеял 46 600 шт.; нижнего белья для моджахедов 200 000 комплектов; шапок – 160 520 шт.; 7855 мешков риса по 100 кг.; 35 820 мешков риса по 20 кг. Кроме того, комитет оплатил строительство нескольких мечетей, пробурил несколько скважин, закупил в Пакистане на сумму в 21 млн пакистанских рупий медицинское оборудование и медикаменты, построил 22 школы[27].

Часть колоссальной военной помощи, которую США предоставляет Пакистану, несомненно, предназначена для афганской контрреволюции. В мае между США и Пакистаном было заключено и реализовано соглашение о поставке в течение пяти лет пакистанской армии оружия на сумму 3,5 млрд долл. Достигнута договоренность о новом соглашении по поставке оружия на сумму более 4 млрд долл. Официальные пакистанские власти пытаются отрицать, что часть американской помощи передается моджахедам. 2 февраля 1986 г. государственный министр по иностранным делам З. Нурани опроверг сообщения американской прессы о том, что часть военной помощи, оказываемой США Пакистану, передается афганской контрреволюции[28]. Позднее тот же министр, отвечая на запрос правительству в Национальной ассамблее Пакистана о подготовке на пакистанской территории афганских контрреволюционных формирований, также заявил, что никакой военной подготовки афганцев в Пакистане якобы не проводится[29].

Рассмотрим, каким образом распределяется многочисленная иностранная помощь среди основных отрядов контрреволюции – фундаменталистского и традиционалистского. Позиция фундаменталистов по отношению к американской помощи до поездки Б. Раббани в США в июне 1986 г. была сформулирована более или менее четко: афганская фундаменталистская контрреволюция не намерена принимать от США и стран Запада какую бы то ни было помощь, поскольку это не соответствовало бы основной стратегической линии фундаменталистов "Ни Восток, ни Запад". По этому поводу лидер ИПА Г. Хекматьяр в своем выступлении в феврале 1980 г. в Тегеране перед иностранными журналистами заявлял: "Мы не хотим, чтобы наша страна, подобно Вьетнаму, превратилась в арену сражений или гонки вооружений двух сверхдержав. Мы боремся за свободный, независимый и мусульманский Афганистан... и примем помощь только от тех, кто разделяет эти наши цели или согласен с ними... Что касается помощи США и зависимых от них государств, то дело обстоит таким образом, что они не только не помогают и не могут помочь чистому исламскому движению Афганистана, но их вмешательство в дела афганской революции служит только уничтожению чистоты исламского движения... Иран – единственная страна, которая может лучше любой другой страны поддержать исламскую революцию в Афганистане"[30].

Печатный орган фундаменталистов журнал "Киям-и-хак" в 1985 г. опубликовал статью д-ра Мухаммада Захир Садика "Победа содержится в отваге", в которой по поводу помощи говорится: "...Некоторые силы внешне выступают как сторонники нашего джихада, однако это оборачивается на пользу красному империализму. Например, утверждают, будто ЦРУ помогает нашей борьбе. По Би-Би-Си были переданы сообщения, что эта разведывательная организация выделила помощь в размере 250 млн долл. США, т.е. 80% своего годового бюджета для операций во всем мире.

Мы не отрицаем, что некоторые свободолюбивые страны помогают нашим эмигрантам. Мы не отрицаем, что некоторые исламские и гуманитарные организации помогают лечить раны моджахедов, мы не отрицаем, что моджахедам и беженцам передается некоторое количество продовольствия, одежды и лекарств. Но мы с гордостью говорим, что мы сами ведем свою борьбу... Публикация и передача таких сообщений – большой удар по джихаду, оскорбление крови наших шахидов"[31].

Пожалуй, наиболее развернуто и обоснованно (с точки зрения фундаменталистского ислама) этот подход нашел свое отражение в предисловии к изданной в Тегеране книге "Документы шпионского гнезда" вып. № 29, Афганистан 1, где говорилось: "Американцы пытаются представить движение афганских мусульман... как проамериканскую борьбу и движение... Это приводит к прекращению помощи со стороны неприсоединившихся стран и освободительных движений. В результате среди афганских борцов складывается убеждение, что США и их сателлиты являются сторонниками их свободы и независимости. Американская помощь оказывается в некоторых случаях по каналам стран – союзников США, таких, как Саудовская Аравия, Египет, Пакистан и т.д. Афганские борцы начинают верить, что эти страны являются действительно мусульманскими, и желают, чтобы Афганистаном управляли мусульмане. Это вера приводит к тому, что проникновение американских элементов в борющиеся афганские группы считается нормальным и естественным..."[39]

Руководствуясь этими принципами фундаменталисты до последнего времени декларировали свой отказ от принятия помощи от США и других западных стран, а также от правительств арабских стран, которых они не считали чисто мусульманскими. О помощи со стороны КНР руководители-фундаменталисты не упоминают ни в положительном, ни в негативном плане.

Западные исследователи считают, что основными источниками помощи афганским фундаменталистам являются реакционные круги арабских стран, в первую очередь межарабская организация "Братьев-мусульман" и различные связанные с ней комитеты и фонды, "Джамаат-и-ислами" Пакистана и другие неправительственные фундаменталистские организации. Внешне это так, и афганские фундаменталисты сами дают понять, что они получают помощь из этих источников. Однако за названными источниками, без сомнения, скрываются другие поставщики помощи, о которых руководители фундаменталистской контрреволюции, несомненно, знают, но не признаются, поскольку это подмочило бы "репутацию" контрреволюции как независимой, чисто исламской силы. В числе таких поставщиков – ЦРУ, Саудовская Аравия, Пакистан, т.е. те прави-

тельства, которые заинтересованы в продолжении гражданской войны в Афганистане. Обе стороны – поставщики помощи и ее получатели, прекрасно понимая цели и намерения друг друга, делают вид, что их ничто не связывает, а фундаменталисты даже позволяют себе "критиковать" своих благодетелей, США и ЦРУ – за все преступления Запада перед исламским миром, Саудовскую Аравию – за искажение принципов "чистого" ислама, Пакистан – также за отход от исламских принципов, но поскольку Пакистан – это давний союзник фундаменталистов в борьбе против их собственной страны, они в какой-то степени даже признают исламский характер этого государства, но делают это с различными оговорками.

Среди самих фундаменталистов существует различный подход к вопросу получения помощи от Запада. Так, некоторые западные исследователи считают, что если Г. Хекматьяр является категорическим противником получения помощи от США, то А. Сайяф и Ю. Халес признают необходимость получения такой помощи, но без каких-либо условий[33]. Б. Раббани также не разделяет внешне жесткую позицию своего союзника по ИСМА Г. Хекматьяра.

ИСМА-3, будучи открыто прозападным альянсом, использовал все возможности для получения помощи из любого источника. Двое из лидеров альянса – С. Моджаддиди и С.А. Гилани хорошо известны в определенных кругах и импонируют консервативным кругам США и стран Западной Европы. Они поддерживают контакты с руководителями Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, богословской верхушкой арабских стран. М. Наби Мухаммади имеет связи с Обществом улемов Пакистана.

Все перечисленные страны оказывают помощь афганским традиционалистским контрреволюционным организациям, входящим в ИСМА-3.

Между основными афганскими контрреволюционными альянсами ИСМА-7 и ИСМА-3 шла ожесточенная борьба за приобретение новых и удержание прежних источников помощи. В этой борьбе лидеры контрреволюции пускали в ход все средства, начиная от взаимных устных и печатных обвинений в коррупции, предательстве и т.д. и кончая вооруженными нападениями и захватом друг у друга караванов с оружием на территории Афганистана. Так, в уже упоминавшейся статье "Крик моджахедов" автор, член ИСМА-3, пишет: "ИСМА-3 имеет в Афганистане большее количество моджахедов, а в Пакистане – беженцев... но, к сожалению, арабские страны... направляли большую часть помощи в адрес другого просителя (читай – ИСМА-7. – *В.С.*)... Мы не против того, чтобы этим нашим братьям мусульманам и нашим соотечественникам оказывалась помощь. Мы жалуемся на то, что одной группе беженцев и моджахедов оказывается помощь, в несколько раз превышающая ее потребности, а моджахедам и беженцам союза не оказывается никакой помощи: ни одеждой, ни продовольствием, ни деньгами... Такая дискриминация ведет к расколу между моджахедами"[34].

Специальный корреспондент лондонского журнала в Исламабаде, сообщая о противоречиях и соперничестве между контрреволюционными группами в деле дележа оружия писал, что это соперничество заходит "столь далеко, что некоторые группы специально проводят пресс-конференции, чтобы объявить, что если их соперники получат от тех, кто им помогает, лучшее оружие, то оно будет силой захвачено по прибытии в Афгани-

стан"[35]. Сообщение корреспондента подтверждается приказом военного комитета ИПА от 1981 г., в пункте 4 которого говорится: "Братья-моджахеды ИПА должны прилагать усилия к обнаружению складов оружия, обмундирования и снаряжения других политических групп, при благоприятных обстоятельствах захватывать их и использовать в интересах мусульманского джихада. Помимо складов, они могут осуществлять операции по захвату оружия и продовольствия на дорогах"[36].

Помощь, оказываемая афганской контрреволюции, превратилась в объект противоречий и соперничества не только между штаб-квартирами в Пешаваре, но и между этими штабами и их вооруженными отрядами на территории Афганистана. Суть этих противоречий состоит в том, что вооруженные отряды контрреволюции на территории ДРА обвиняют штаб-квартиры своих организаций в сокрытии и присвоении поставляемого для них оружия, боеприпасов, продовольствия, в неравномерном их распределении или даже в перепродаже. «Бойцы "Союза трех", более умеренных партий, которые поддерживаются ЦРУ, – сообщал корреспондент лондонского журнала из Исламабада, – обвиняют своих лидеров в коррупции, непотизме, утаивании оружия, которое должно поступать на фронт... Такие же обвинения адресуются лидерам более сильных фундаменталистских групп, которые зависят от помощи в основном Саудовской Аравии и стран Персидского залива... Известно, что значительная часть военной помощи никогда не достигает бойцов внутри Афганистана, что она оседает в руках пакистанских фундаменталистских групп, появляется на "черном рынке" в Пешаваре. Часть этих поставок, называемых "фондами", определенно оказывается в руках пакистанских властей и лидеров афганских групп. Находящиеся здесь обозреватели уверены, что те, кто предоставляет помощь, мало разбираются в сложностях афганского общества и находят более удобным иметь дело с теми немногими лидерами, которые стараются действовать скорее в их интересах, чем в интересах Афганистана»[37].

Руководители вооруженных отрядов контрреволюции, действующих на территории ДРА, критикуя штаб-квартиры своих партий, называют своих руководителей "владельцами пешаварских дуканов". Командир одного из таких отрядов, действовавших в Нуристане, Анвар Амин, заявил западному обозревателю: "...они делают бизнес на нашей крови"[38].

В июне 1986 г. во время визита в Вашингтон делегации афганской контрреволюции во главе с Б. Раббани, прибывшей с целью просить помощи и которая была принята президентом Р. Рейганом, США дали ясно понять, что готовы идти по пути дальнейшего наращивания военной и политической помощи афганской контрреволюции, но при условии ее объединения и активизации вооруженной борьбы.

В числе просьб об увеличении помощи делегация афганских контрреволюционеров во время встречи с Рейганом добивалась передачи афганской контрреволюции современных средств ПВО для борьбы с авиацией, в частности портативных самонаводящихся ракет "Стингер".

Известно, что США приняли решение о передаче "Стингеров" афганской контрреволюции еще в конце 1985 г. Первая партия ракет по каналу ЦРУ была направлена в Пакистан в марте–апреле 1986 г., однако передача их афганским контрреволюционерам была задержана. По сообщени-

ям американской прессы, причины задержки с передачей ракет носили как технический, так и политический характер. С точки зрения технической требовалось время для обучения афганцев пользованию этими ракетами. Что касается политических мотивов, то здесь высказывались опасения, что ракеты могут попасть в руки международных террористов, что нужно обставить передачу ракет таким образом, чтобы Пакистан остался в стороне, что еще не решена проблема "прецедента", поскольку никарагуанским "контрас" этих ракет не дали[39].

Возможно, эти причины и имели место, но все же представляется, что США использовали ракеты "Стингер" в качестве одного из способов давления на афганскую контрреволюцию с целью побудить ее быть более послушной и следовать путем, определенным для нее США. В настоящее время "Стингеры" уже находятся на вооружении отрядов контрреволюции.

Не безынтересен состав делегации афганской контрреволюции, посетившей Вашингтон. Помимо Б. Раббани, в нее входили С. Моджаддиди, С.А. Гилани и М. Наби Мухаммади. Б. Раббани, лидер фундаменталистской группировки Исламское общество Афганистана (ИОА) и союзник Г. Хекматьяра – руководителя Исламской партии Афганистана (ИПА). Обе организации провозгласили лозунг "Ни Запад, ни Восток", обе выступают против сотрудничества с Западом. Остальные трое членов делегации являются лидерами традиционалистских организаций – Национального фронта спасения Афганистана (НФСА), Национального исламского фронта Афганистана (НИФА) и Движения исламской революции Афганистана (ДИРА). Г. Хекматьяр от участия в поездке отказался и осудил ее. Этот факт можно расценить как свидетельство раскола в фундаменталистском альянсе ИСМА-7.

Политическая контрреволюционная агрессия

Второй формой экспорта контрреволюции в ДРА является политическая контрреволюционная агрессия, предпринятая США и их союзниками, а также региональной реакцией. Цель политической контрреволюционной агрессии против ДРА заключается в подрыве политических основ национально-демократического строя ДРА, ослаблении НДПА, ее изоляции внутри страны, разжигании классовых, сословных и этнических противоречий и в конечном итоге – ликвидации существующего режима.

Для достижения этой цели империалисты, и прежде всего американские, всячески пытаются исказить в глазах мировой общественности смысл происходящих в Афганистане событий, представить их как составную часть советской глобальной стратегии, нацеленной на расширение политического и военного влияния Советского Союза в регионе, на выход СССР к Индийскому океану и Персидскому заливу.

Вооруженная борьба, которую ведет ДРА против контрреволюции, поддерживаемой США, их союзниками и региональной реакцией, выдается за войну против своего народа, а зверства и бесчинства, творимые контрреволюцией, именуются "борьбой за веру", "за свободу". Антисоветская и антиафганская политическая кампания, в которой участвуют десятки буржуазных правительств, многочисленные враждебные новому

Афганистану партии, организации, комитеты, фонды, приносят инициаторам политической интервенции определенные политические дивиденды: значительная часть мировой общественности дезориентирована этой политической кампанией и находится под влиянием искаженных представлений о том, что происходит на самом деле в Афганистане, о роли Советского Союза в этих событиях. Под влиянием злонамеренной пропаганды в общественном сознании формируется искаженная картина происходящего.

Западному обывателю внушается мысль о том, что вооруженная борьба афганской контрреволюции возникла как реакция на ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск, что афганская контрреволюция воюет против иностранных войск, и как только они покинут Афганистан, то все-де встанет на свои места и проблема вокруг Афганистана будет решена. При этом замалчивается тот факт, что к концу 1979 г., т.е. к моменту ввода ограниченного контингента советских войск по просьбе афганского руководства, афганская контрреволюция при тайной поддержке из-за рубежа уже подняла контрреволюционный мятеж по всей стране и угрожала Кабулу. Она подняла оружие не против советских воинских частей, их в Афганистане в то время не было, а против демократической власти.

Если попытаться выделить чисто политическую форму экспорта контрреволюции в ДРА (что будет носить достаточно условный характер, поскольку невозможно полностью отделить друг от друга различные формы экспорта контрреволюции), то окажется, что эта форма контрреволюции также занимает в политике США и их союзников приоритетное место. Руководствуясь доктриной "интернационализации" борьбы против прогрессивных режимов и национально-освободительных движений, США стремятся подключить к своим политическим маневрам против ДРА наибольшее количество стран, организаций, и в частности ООН. С этой целью была задействована разветвленная кабальная система экономической и иной зависимости большинства капиталистических и развивающихся стран от США и их основных союзников. В результате всестороннего нажима большинство стран – членов ООН вынужденно голосовали за резолюции, осуждающие Советский Союз и требующие вывод из Афганистана иностранных, т.е. советских, войск. Помимо стран социалистического содружества, только наиболее независимые от США страны не поддаются американскому нажиму и голосуют против подобных резолюций или воздерживаются от голосования. Но даже многие из тех, кто голосует в поддержку антисоветских и антиафганских резолюций в Генеральной Ассамблее ООН, информируют до или после советскую сторону о причинах, вынудивших их не по своей воле занять такую позицию. Но дело не ограничивается резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. В результате деятельности США и их союзников многие специализированные учреждения ООН подключаются к практической деятельности по оказанию помощи афганской контрреволюции.

Как правило, эта помощь, оказывается под видом "гуманной" помощи афганским беженцам в Пакистане и Иране. Если учесть тот факт, что афганские беженцы являются источником пополнения живой силы афганской контрреволюции, то окажется, что помощь специализированных

организаций ООН, нося по форме "гуманный" характер, на самом деле помогает афганской контрреволюции, обеспечивает материальное существование ее людских резервов. В октябре 1985 г. контрреволюционный альянс ИСМА направил в ООН свою делегацию во главе с Г. Хекматьяром. Делегация бесцеремонно требовала, чтобы место в ООН, которое по праву занимают представители ДРА, было передано афганской контрреволюции.

Другой международной организацией, вовлеченной в орбиту оказания всесторонней помощи экспорту политической контрреволюции в Афганистан, является Организация Исламской конференции (ОИК), объединяющая в своих рядах более 40 государств и Организацию освобождения Палестины (ООП). На своей чрезвычайной конференции министров иностранных дел в Исламабаде (Пакистан) в январе 1980 г., посвященной обстановке вокруг Афганистана, ОИК приостановила членство ДРА в организации. После этой конференции на всех форумах этой организации, в частности на 14-й конференции министров иностранных дел стран – членов ОИК в столице Бангладеш Дакке в декабре 1983 г. и на 4-м совещании глав государств и правительств стран – членов ОИК в Касабланке (Марокко) в январе 1984 г., принимались резолюции, призывающие к выводу иностранных войск из Афганистана. Следует отметить, что со стороны большинства стран – членов ОИК это требование носит также во многом формальный характер.

В нашем распоряжении имеется текст интервью лидера проиранской шиитской афганской контрреволюционной организации Исламское движение Афганистана (ИДА) аятоллы Мохсени журналу его организации "Эстегамат", по поводу 3-й конференции глав государств и правительств стран – членов ОИК в Саудовской Аравии в 1981 г. Приведем некоторые выдержки:

"Вопрос: Какие права предоставила эта конференция группам исламского сопротивления Афганистана?

Ответ: Во-первых, мы впервые участвовали в работе конференции в качестве афганцев. Как вы знаете, Пакистан не принял на конференции министров иностранных дел стран ОИК в Исламабаде в январе 1980 г. представителей исламского сопротивления Афганистана, и Иран привез их на конференцию в качестве членов своей делегации. Этот смелый шаг Ирана... вызвал замешательство у руководителей стран, выдающих себя за исламские, и, возможно, именно этот исламский поступок Ирана послужил причиной тому, что конференция в Таифе была вынуждена официально признать и пригласить нас в качестве афганцев. Во-вторых, мы получили возможность выступить на общей ассамблее конференции... в то время как в Исламабаде нам не дали возможности выступить за общей ассамблее и мы смогли выступить только на заседании политического комитета. В-третьих, выступление представителей исламского сопротивления Афганистана демонстрировалось по телевидению нескольких стран и произвело большое впечатление на мусульман всего мира. Но большинство государств – членов ОИК, даже членов Лиги арабских государств и Организации Африканского единства в своих выступлениях даже не упомянули об Афганистане.

Вопрос: Сколько афганцев и из каких групп было приглашено?

Ответ: Было приглашено 14 афганцев: 6 человек от Исламского союза освобождения Афганистана, состоящего из пяти групп, 1 человек от Исламской партии Афганистана, я и еще несколько человек, приглашенных персонально, в том числе доктор Юсуф, бывший премьер-министр Афганистана и два других бывших министра. Я заявил протест одному из устроителей конференции в связи с тем, что от афганских групп в Иране приглашен только один человек, в то время как Освободительный фронт исламской революции Афганистана, находящийся в Иране, освободил в Афганистане 42 уезда и волости...

Вопрос: Какие полезные решения по Афганистану приняла конференция? Каковы были ваши предложения?

Ответ: Мы предложили многое. Самое важное наше предложение – о разрыве дипломатических отношений исламских стран с Советским Союзом. Но конференция, многие из членов которой являются слугами русских, а другие – слугами США, не обратила на наши требования никакого внимания... Конференция в своем решении зафиксировала призыв к расширению помощи джихаду, который ведет народ Афганистана (какой помощи?)... и выразила озабоченность в связи с вмешательством иностранных войск в дела Афганистана (слава богу, что хоть обеспокоились!).

Таким образом, конференция с ее лживыми маневрами была даже шагом назад по сравнению с конференцией в Исламабаде в 1980 г... она даже не упомянула Советский Союз, она только высказалась за вывод из Афганистана иностранных войск... Я убежден, что большинство членов этой конференции не верит в истинный ислам»[40].

США и их союзники, исламская и региональная реакция, создавая для афганской контрреволюции реноме политической силы, претендующей на власть в Афганистане и якобы представляющей афганский народ, пытаются поднять официальный уровень отношений между руководством различных капиталистических государств и лидерами афганской контрреволюции, используя в этих целях поездки последних в эти страны и встречи с их руководством.

В этом плане большое значение имела поездка в Вашингтон в июне 1986 г. нескольких лидеров афганской контрреволюции во главе с Б. Раббани. Кстати, расходы по ее поездке и пребыванию были оплачены американской стороной, а точнее, из фондов ЦРУ, предназначенных для оказания помощи афганской контрреволюции[41]. К тому, что уже ранее сказано о поездке этой делегации, следует дополнить сообщениями американской прессы. Последняя, ссылаясь на заявления официальных представителей администрации США, писала, что лидеры афганской контрреволюции, кроме увеличения помощи, настойчиво добивались официального политического признания. Президент Р. Рейган поставил вопрос об официальном признании афганской контрреволюции в зависимость от ее сплочения и наличия в ее распоряжении так называемых "освобожденных районов" на территории ДРА. Одновременно президент рекомендовал лидерам афганской контрреволюции "добиваться, чтобы их действия стали заметнее для международного сообщества"[42].

Таким образом, США пытаются придать новый импульс своей политике "интернационализации" положения вокруг Афганистана, стремясь привлечь к участию в оказании поддержки – военной, финансовой, политической и иной – афганской контрреволюции наибольшего числа своих союзников. Этим можно объяснить тот факт, что перед лидерами афганской контрреволюции в последнее время открылись двери кабинетов руководителей ряда государств и правительств. В 1986 г. Б. Раббани был принят в ФРГ председателем Христианско-демократического союза, баварским премьер-министром Ф.-Й. Штраусом, который не преминул заверить афганскую контрреволюцию в своей поддержке. В том же году С. Моджаддиди встречался с председателем Национального собрания Франции Шабан-Дельмасом и премьер-министром Ж. Шираком. Состоялся ряд других встреч лидеров и представителей афганской контрреволюции с министрами и депутатами парламентов страны Западной Европы.

Для руководящих деятелей США, стран Западной Европы, реакционных арабских режимов и КНР стало как бы обязательным ритуалом посещение во время их визитов в Пакистан лагерей афганских беженцев, где эти деятели выступают с подстрекательскими антисоветскими и антиафганскими заявлениями и с обещаниями поддержки и помощи. Отмечено, что посещаются одни и те же лагеря, превращенные пакистанскими властями и афганской контрреволюцией в своего рода "образцово-показательные" объекты, где можно продемонстрировать как трудности, с которыми сталкиваются афганские беженцы, так и "достижения" самого Пакистана и других стран и организаций в деле оказания помощи контрреволюции. Программы встреч обитателей этих лагерей с высокопоставленными гостями тщательно отрепетированы, и эти встречи проходят по определенным сценариям. Лагеря афганских беженцев в Пакистане посетили вице-президент США Буш, министр юстиции США Мис, премьер-министры Англии, Малайзии, Японии, Турции, председатель госсовета КНР, наследный принц Саудовской Аравии, вице-президент Швейцарии Пьер Обер, английский министр иностранных дел Хау и другие политические деятели, причем наиболее воинственные из них выезжали в район Хайберского перевала и через бойницы пограничного форта обозревали афганскую территорию. Небезызвестный Эбигнев Бжезинский прикладывался при этом к тяжелому пулемету, а заместитель госсекретаря США Л. Иглберг на конференции по Афганистану, организованной университетом Крейтона в Омахе (штат Небраска) в 1983 г., вспоминал о подобной поездке на пакистано-афганскую границу, после чего он стал, по его словам, испытывать "личный интерес" к судьбе Афганистана и его народа.

Госсекретарь США Д. Шульц во время поездки в Пакистан в 1983 г., выступал перед несколькими тысячами афганских беженцев, заявил: "Вы отважно сражаетесь, и ваша отвага воодушевляет весь мир. Я хочу, чтобы вы знали, что вы сражаетесь не в одиночку. Могу вас заверить, что США были и остаются на вашей стороне. Так будет и впредь"[43].

Своеобразным итогом скоординированной деятельности по "интернационализации" проблемы вокруг Афганистана явилась поездка по странам Западной Европы и в США в июле 1986 г., т.е. сразу после поездки в США и страны Европы лидеров афганской контрреволюции, премьер-министра Пакистана Джунеджо. Его беседа с канцлером ФРГ Г. Колем,

посвященная в основном положению вокруг Афганистана, носила откровенно антиафганский и антисоветский характер. Премьер-министр Франции Ж. Ширак, принимая Джунеджо, вновь заявил о намерении увеличить "гуманитарную" помощь афганским беженцам, а также призвал все страны Западной Европы последовать примеру Франции.

"Венцом" дипломатических усилий США и Пакистана по "интернационализации" "афганской проблемы" явилось совместное американо-пакистанское заявление об итогах официального визита Джунеджо в США 15–22 июля 1986 г. В заявлении говорилось, что президент США выразил восхищение мужеством Пакистана, противостоящего советскому нажиму через Афганистан, и его бескорыстной гуманной помощью почти 3 млн афганцев, бежавших в Пакистан за последние 7 лет... Президент напомнил о своей недавней встрече с мужественными руководителями афганского альянса. Рейган и Джунеджо выразили надежду, что этот альянс будет играть все более активную роль в укреплении международной поддержки делу свободы Афганистана.

Активная роль в "интернационализации" проблемы вокруг Афганистана отводится многочисленным комитетам, фондам, созданным в США и Западной Европе, а также проводимым в этих странах форумах, коллоквиумах и т.д. Некоторые из этих организаций постоянно действующие (см. приложение), другие собираются регулярно или от случая к случаю. Участники организаций и форумов, как правило, придерживаются архиправых, антикоммунистических взглядов, являются выразителями интересов реакционных кругов.

В 1980 г. в Париже создано так называемое Международное бюро по Афганистану (президент бюро – французский математик Л. Шварц), которое регулярно проводит коллоквиумы по Афганистану с участием афганских контрреволюционеров и государственных и общественных деятелей западноевропейских стран. Так, в ноябре 1983 г. по инициативе бюро в здании Женевского университета состоялся "международный коллоквиум" по проблеме афганских беженцев. В его работе приняли участие "представители" беженцев, так называемые свидетели и эксперты. В качестве последних выступали бывший посол Великобритании в Афганистане Л. Картер, бывший председатель Европейского парламента С. Вей, основатель общества "Медицина без границ" Б. Кушер, депутат швейцарского парламента Ж. Зиглер и др.

Некоторые участники коллоквиума и "эксперты" в своих выступлениях договорились до такого абсурда, что обвинили афганское руководство в преднамеренной организации массового ухода населения Афганистана в Иран и Пакистан, чтобы "избавиться от противника". Участники коллоквиума создали три комиссии по проблеме афганских беженцев: две из участников коллоквиума и третью – международную, по вопросам оказания помощи беженцам.

В мае 1986 г. Международное бюро по Афганистану провело коллоквиум в Париже. На этот раз он был посвящен "поиску условий политического решения проблемы Афганистана". Лейтмотивом докладов и решений коллоквиума были призывы к политическому признанию афганской контрреволюции и к обеспечению ее участия в любых переговорах вокруг Афганистана. В работе коллоквиума принял участие С. Моджаддиди, кото-

рый именно вскоре после его окончания, совместно с другими лидерами афганской контрреволюции (во время визита в Вашингтон в июне 1986 г.) просил у президента США политического признания афганской контрреволюции со стороны США. Через месяц после этой встречи госсекретарь по правам человека при премьер-министре Франции Клод Малюре объявил, что французское правительство выделило 2 млн франков в качестве дотации на деятельность французских благотворительных организаций, действующих в Афганистане (речь идет прежде всего о французских врачах, находящихся в составе отрядов афганской контрреволюции на территории ДРА).

Такого рода провокационные "дотации", предназначенные уже не беженцам, а определенным силам на территории ДРА, представляют собой не просто прямую финансовую помощь афганской контрреволюции, прикрытую "гуманным" флером, но и прямым подталкиванием контрреволюции на расширение и усиление борьбы. За неделю до прибытия лидеров афганской контрреволюции в Вашингтон американские ястребы настойчиво советовали им создавать на территории ДРА "освобожденные районы", что-де облегчит официальное признание и предоставление помощи со стороны США и западных стран. 10 июня 1986 г. газета "Вашингтон пост" сообщала, что Управление международного развития (УМР) США выделило 15 млн долл. для реализации первой программы на территории Афганистана, в районах, удерживаемых контрреволюцией, "но подвергающихся бомбардировкам". В программу входят проекты в области здравоохранения и сельского хозяйства. Газета писала, что руководить осуществлением программ могли бы сами афганские контрреволюционные организации "или европейские частные организации, которые уже работают в удерживаемых мятежниками районах". Таким образом, речь идет о финансовой помощи афганской контрреволюции, увязанной с прямыми рекомендациями создавать "удерживаемые ею районы". Через неделю эти же рекомендации будут официально высказаны лидерам афганской контрреволюции президентом США и другими представителями американской администрации.

Идеологическая контрреволюционная агрессия

Третьей формой экспорта контрреволюции в ДРА является идеологическая контрреволюционная агрессия США и их западных союзников, исламской и региональной реакции. Эта форма экспорта контрреволюции тесно переплетается с политической контрреволюционной агрессией. Попытаемся выделить наиболее характерные для этой формы особенности, не претендуя на исчерпывающее разграничение этих двух данных форм контрреволюционного вмешательства. Помимо прямой материальной и военнополитической поддержки афганской контрреволюции, а также попыток "интернационализации" проблемы вокруг Афганистана, США и их союзники разработали и осуществляют широкомасштабную программу идеологической обработки населения Афганистана, афганских беженцев в Пакистане и Иране. Основное место в этой программе отведено радиовещанию на Афганистан на языках дари и пушту. Передачи ведутся радиостанциями "Голос Америки", Би-Би-Си, "Свобода", "Свободная

Европа", "Немецкая волна", "Радио Пекина", "Радио Израиля", "Радио Карачи", "Радио Тегерана", "Радио Пешавара", "Радио Мешхеда", "Радио Заболя", "Радио свободного Кабула". Подсчитано, что за пять лет с 1980 по 1985 г. объем враждебного ДРА радиовещания увеличился в 30 раз и составил 110 часов в сутки[44]. К настоящему времени количество часов радиовещания еще более увеличилось, в том числе за счет создания в Пакистане еще одной, западногерманской радиостанции "Голос свободного Афганистана".

В 1986 г. конгресс США одобрил выделение 500 тыс. долл. на создание в Пешаваре (Пакистан) так называемого афганского информационного центра.

В настоящее время распространением информации о деятельности афганской контрреволюции на территории Афганистана, среди западных корреспондентов и журналистов занимается сама афганская контрреволюция, а также посольства США в Исламабаде и Дели. Что касается информации, предоставляемой в распоряжение иностранных корреспондентов штаб-квартирами афганских контрреволюционных организаций, то она даже с точки зрения привычных ко всему западных корреспондентов выходит за всякие рамки элементарного правдоподобия. Информация же, поставляемая посольствами США, которая затем передается по радио и телевидению со ссылкой на "западные дипломатические круги", как пишет пакистанская газета "Муслим', "не вызывает доверия, поскольку она искажена и преувеличена"[45].

По замыслу США, создание в Пешаваре афганского информационного центра должно обеспечить западные и региональные средства массовой информации широким и скоординированным потоком целенаправленной и выгодной США информации по ДРА. Нет сомнения в том, что ЦРУ США не останется в стороне от участия в создании и работе этого информационного центра, если только создание его вообще не является затеей ЦРУ. Недаром правительство Пакистана, которому американцы официально предложили участвовать в создании центра, уклоняется от согласия как на создание центра на территории Пакистана, так и на свое участие в проекте.

Идеологические диверсии США против ДРА порой приобретают самые извращенные формы. Некий "Национальный фонд в поддержку демократии", сколоченный Вашингтоном для идеологических диверсий за рубежом, потратил 180 тыс. долл. (из федерального бюджета США) на издание учебника истории для афганской молодежи, в котором содержится клевета в адрес ДРА и политики СССР в отношении Афганистана[46].

Экономическая контрреволюционная агрессия

Не последнюю роль в контрреволюционной интервенции играет экономическая агрессия против ДРА. Она представляет собой одну из форм контрреволюционного вмешательства сил империализма и реакции в дела других государств с целью подрыва и ликвидации завоеваний революции с помощью экономической блокады, хозяйственной изоляции страны от ее традиционных рынков сбыта и импорта, нарушения его торговых связей, дезорганизации экономики с целью провоцирования населения

страны на антиправительственные выступления. Надо отметить, что и здесь границы между политической, военной, идеологической, а также экономической агрессией размыты и весьма условны, поскольку все эти формы контрреволюционной интервенции переплетаются одна с другой.

Применительно к ДРА экономическая контрреволюционная агрессия пытается затормозить развитие экономики ДРА, подорвать ее финансовую систему, сорвать осуществление экономических планов и реформ, вызвать в стране экономический кризис, разруху, голод и вызвать на этой основе недовольство населения страны демократической властью. США, Англия, Япония и другие страны создали искусственные препятствия на пути экспорта афганских товаров. США вывели ДРА из списка стран, пользующихся режимом наибольшего благоприятствования в торговле, хотя практически все развивающиеся страны пользуются условиями этого режима. Англия значительно повысила таможенные пошлины на афганский изюм – одну из главных статей афганского экспорта, сделав его малоконкурентным, что привело к сокращению валютных поступлений в экономику ДРА. Жесткий контроль над ввозом афганских товаров ввела Япония, в результате чего сократился экспорт афганских товаров в Японию при увеличении импорта товаров японских.

Особая роль в экономической контрреволюционной агрессии против Афганистана отведена Пакистану. В нарушение существующего афгано-пакистанского торгового соглашения Афганистану под различными предлогами создаются препятствия для торговли морем (Афганистан не имеет прямого выхода к морским путям торговли).

Афганским купцам не предоставляются склады для товаров в порту Карачи, вместо полагающихся по соглашению ежедневно для афганских товаров 30 железнодорожных вагонов выделяются только 10–15 по расценкам в 4 раза дороже, обусловленных соглашением. В результате не только снижается товарооборот между двумя странами, но и ущемляются интересы Афганистана как страны, не имеющей выхода к морям и океанам, в торговле с другими странами.

Находящиеся под влиянием США и их союзников специализированные учреждения ООН, имеющие своих представителей в ДРА, фактически прекратили свою деятельность в стране, но упорно сохраняют свои представительства в Кабуле. По имеющимся данным, большинство этих представителей – граждан стран Западной Европы, враждебно настроены по отношению к национально-демократическому режиму и противятся возобновлению практической деятельности учреждений ООН, которые они представляют в Афганистане.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что США и их союзники, а также исламская и региональная реакция на протяжении всего периода после апрельской революции 1978 г. в Афганистане ведут необъявленную войну против ДРА в форме военного, политического, идеологического и экономического вмешательства во внутренние дела страны с целью ликвидации завоеваний апрельской революции и самого демократического строя.

Афганская исламская контрреволюция без иностранной помощи не в состоянии вести вооруженную борьбу против национально-демократической власти.

Глава 7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСЛАМСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ АФГАНИСТАНА

На территории Афганистана вооруженную борьбу против народной власти ведут несколько исламских контрреволюционных отрядов, каждый из которых имеет свои особенности, характерные черты. Однако в целом практическая деятельность всех отрядов афганской контрреволюции имеет столь много общего, что нет никакого смысла анализировать контрреволюционную деятельность каждой организации отдельно. Поэтому целесообразно выделить общие, присущие всем организациям черты их контрреволюционной деятельности против ДРА, отмечая, в случае необходимости, специфику, характерную для того или иного отряда контрреволюции.

Действующую непосредственно в стране исламскую контрреволюцию с точки зрения ее связей с зарубежными центрами и другими формированиями на территории ДРА можно разделить на организованную и неорганизованную контрреволюцию.

ОРГАНИЗОВАННАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Организованная контрреволюция на территории ДРА является основным отрядом контрреволюции, наиболее опасным для народной власти.

Ее основой служит военно-политическая структура, созданная на территории ДРА исламскими контрреволюционными организациями с центрами в Пакистане и Иране. Эти организации имеют или пытаются иметь районы своего политического и военного влияния, которое основывается на религиозном, национально-этническом факторах, на родственных или традиционных связях лидеров и личного состава организаций с населением района, на их принадлежности к племени или группе племен, населяющих данный район. Так, ИОА под руководством Б. Раббани в силу названных причин пользуется относительно большим влиянием на севере страны и именно там сосредоточивает свои военно-политические усилия, район действий ДИРА под руководством М. Наби Мухаммади по этим же причинам ограничен территорией южнее Газни.

Исламские комитеты

Каждая из основных контрреволюционных организаций со штаб-квартирами в Пакистане и Иране создает на территории зоны своего действия военно-политическую структуру: так называемые органы местной власти и вооруженные формирования. Главной ячейкой такой структуры является исламский комитет. В сельских районах страны исламские комитеты создаются по территориальному признаку, т.е. в деревнях, уездах и волостях, провинциях, со строгим подчинением низшего комитета вышестоящему (об особенностях деятельности контрреволюции в городе будет сказано ниже).

Исламский комитет деревни – это низший орган насаждаемой контрреволюцией "местной власти', избираемый или назначаемый, как правило,

при участии вооруженного отряда контрреволюции, действующего в данном районе. Такой комитет обычно состоит из председателя (амира) комитета (зачастую это малик или староста деревни), его заместителей, муллы (он же судья), сборщика налогов.

Лидеры контрреволюции стараются придать комитетам отличительные черты власти на местах: для них изготавливаются флаги, вывески с названием комитета, заказываются официальные типографские бланки, печати, различного рода удостоверения. Сборщики налогов имеют изготовленные типографским способом налоговые книжки, страницы которых пронумерованы и числятся документами строгой отчетности. За полученный налог крестьянину выдается квитания с указанием его фамилии, даты сдачи налога и его размера. Квитанция подписывается сборщиком налогов. Корешок квитанции с такими же данными остается в книжке, которая подлежит последующей сдаче в финансовый комитет организации. Так, из имеющейся в распоряжении автора книжки корешков сборщика налогов от ИОА видно, что, например, в феврале 1983 г. некий Абдул Мухаммад сдал налог в размере 1 тыс. афгани, а Мухаммад Анвар Дарабат в тот же день сдал в качестве налога 400 туманов (половина денежных сборов была выплачена в туманах, что свидетельствует о том, что деревня расположена скорее всего где-то вблизи иранской границы), некий Хаджи Джелал-хан сдал в виде налога маленького верблюжонка, Ниях Мухаммад Оскар ухитрился сдать налогосборщику 50 патронов, Мухаммад Хаман Джамаль сдал овцу, Мухаммад Сорур и Мухаммад Асирани сдали "русский мотоцикл", Фаиз Голь сдал 18 манов (мера веса неодинаковая в различных районах страны, в Кабуле 1 ман равен 565 кг) муки. К сожалению, приведенные в книжке данные не дают возможности более подробно ознакомиться с налоговой практикой контрреволюции, но большие размеры налогов (если даже это был налог за год) заставляют предположить, что это налог с "добычи", с грабежей на дорогах, налог организованной контрреволюции с неорганизованной.

Исламский комитет уезда, волости имеет уже более сложную структуру: в нем в обязательном порядке имеются отделы культуры, финансов, юридический (он же судебный), информации. Если комитет выполняет и функции военного органа, руководящего деятельностью вооруженных отрядов, сформированных на территории уезда, волости, то в нем имеется военный отдел, иногда медицинский (если на контролируемой комитетом территории создан госпиталь для раненых).

Исламский комитет провинции подчиняется непосредственно штаб-квартире организации в Пакистане или Иране, отчитывается перед нею, передает ей собранные налоги, в свою очередь, получает и распределяет поступающее из-за рубежа в адрес своей организации оружие, боеприпасы, снаряжение.

Структура провинциального исламского комитета довольно сложна, в его состав входит ряд отделов, каждый из которых замкнут на соответствующий отдел в центральном органе партии (общества) за рубежом.

Основными отделами являются следующие:

а) военный отдел – разрабатывает планы проведения военных операций на основе указаний военного отдела организации, осуществляет общий

контроль за проведением операций, руководит деятельностью курсов по военной подготовке, разрабатывает тактические приемы ведения боя применительно к особенностям данного района;

б) отдел финансов – отвечает за сбор налогов с населения, членских взносов с членов партии (общества), организует сбор трофеев, оказывает материальную помощь родственникам погибших или ушедших в Пакистан (Иран) активных контрреволюционеров;

в) отдел информации – занимается разведывательной работой (создание сети осведомителей в государственных учреждениях ДРА, в частях афганской армии, в городах и деревнях, получение военно-политической информации, в том числе по ограниченному контингенту советских войск, передача полученной информации в Пакистан Иран), а также контрразведывательной деятельностью (изучение членов организации, особенно новых, наблюдение за поведением членов организации на всех уровнях, включая аппарат провинциального исламского комитета, с целью возможного выявления засланных сотрудников и агентов органов безопасности ДРА);

г) отдел культуры – готовит, печатает и распространяет исламские пропагандистские материалы, листовки, воззвания, брошюры, организует и проводит встречи с населением, пропагандирует цели партии (общества), принимает новых членов, занимается выдачей членских карточек, различных пропусков;

д) юридический отдел – разрешает различные конфликтные ситуации среди населения, между населением и официальными представителями контрреволюционных организаций, в среде самих контрреволюционеров, выявляет и привлекает к ответственности уголовников, строит свою деятельность на основе принципов шариата.

Исламские комитеты или военное командование пытаются направлять хозяйственную деятельность сельского населения на территориях, контролируемых контрреволюцией.

Ниже приводятся тексты двух указаний, одного – по линии ИСМА, а другого – ИОА, дающие представление о "хозяйственной" деятельности контрреволюции. Текст указания Г. Хекматьяра гласит:

"Командующему фронтами провинции Гильменд.

В большинстве освобожденных районов остались незасеянными посевные площади, принадлежащие лицам, которые, опасаясь зверских нападений со стороны русских, ушли из страны в качестве беженцев. Некоторые командиры с целью облегчить положение моджахедов используют эти земли, засевая их и затем распределяя урожай между моджахедами района.

1. Основным условием использования земли является наличие согласия ее владельца. Без разрешения владельца земли любое посягательство на нее считается незаконным.

2. В случае, если владелец земли является коммунистом и состоит на службе у врага или является плохим мусульманином, то разрешается использовать эту землю до следующего указания.

3. Вынужденно эмигрировавший землевладелец, безусловно, считается владельцем своей земли. Командиры соответствующего района не имеют права вмешиваться в вопросы пользования этой землей.

Всем правоверным командирам, которые встали на путь восстания ради защиты ислама, соблюдения шариата и установления справедливости, приказывается строго соблюдать положения этого документа в своих отношениях с землевладельцами.

Не позволяйте, чтобы над угнетенным утвердился гнет.

Заместитель руководителя ИСМА Хекматьяр

№ 215 10.I 1362".

В июне 1984 г. за подписью руководителя комитета по делам культуры главного амирата ИОА Герата в амираты ИОА уездов и волостей было направлено указание, в котором предписывалось следующее:

"1. Поскольку основу нашей народной экономики составляет земледелие, наши крестьяне и землевладельцы должны обрабатывать землю и уделять посевам должное внимание.

2. Поскольку леса и сады считаются вторым важным богатством нашего мусульманского народа, наше мусульманское население должно уделять большое внимание их сохранению и уходу за лесами и садами, как фруктовыми, так и обычными, категорически воздерживаться от спиливания плодоносящих и неплодоносящих деревьев.

3. Всем моджахедам и мусульманскому населению категорически рекомендуется воздерживаться от рубки леса и деревьев общественного владения, таких, как посадки вдоль дорог. Те, кто будут игнорировать данное распоряжение, будут считаться приспешниками и помощниками русских и их местными агентами. Они будут признаны контрреволюционерами, врагами ислама и мусульман и в случае подтверждения такой их деятельности будут приговариваться к тяжелым наказаниям".

В зависимости от особенностей региона, степени влияния в нем правительства ДРА, наличия вооруженных формирований контрреволюционных сил, их активности в деятельности исламских комитетов может на первый план выступать гражданская или военная функции. В последнее время отмечается тенденция создания так называемых "зон влияния" (очевидно, по примеру создания 8 зон, на которые была в июле 1981 г. разделена руководством ДРА вся территория страны в целях активизации борьбы с контрреволюцией) во главе с "главнокомандующими" и главными амирами. Так, известно, что в 1985 г. главнокомандующим контрреволюционными силами в северо-западном регионе страны со стороны ИОА являлся старший капитан Алауддин, главным амиром этого региона – старший капитан Мухаммад Исмаил. Усилилась роль "фронтов" – объединений вооруженных отрядов уезда, волости, которые, в свою очередь, могут объединяться во "фронты" провинций. Эти военные объединения зачастую начинают осуществлять функции исламских комитетов или руководить уже имеющимися комитетами на уровне деревни, уезда, волости, отводя им роль чисто гражданских органов местного управления.

Руководители гражданских органов власти именуются амирами: амир комитета, амир отдела комитета, руководители исламского комитета провинции, крупного города – главный амир, исламский комитет ИОА Герата называется главным амиратом. Амир – это не титул, не звание, а нечто схожее по смыслу с председателем, руководителем.

Вооруженные формирования

Основной военной единицей организованной контрреволюции на территории ДРА является боевая группа, состоящая из 15–20 человек (это количество весьма условно: в зависимости от задачи могут создаваться более крупные или меньшие группы). Помимо командира, в такой группе, как правило, имеются прошедшие специальную подготовку специалисты по стрельбе из РПГ, миномета, пулемета, по минированию. Один из членов группы выполняет обязанности муллы. Характерная особенность боевой группы – хорошее знание местности и способность быстро и скрыто перемещаться по местности (в том числе труднопроходимой) в ночное время. В одном из наставлений по военному делу для афганских контрреволюционеров, в частности, говорится, что каждый боец должен быть в состоянии идти в течение 24 часов через горы и пустыни, имея груз весом 36 кг, куда входит оружие, боеприпасы, продовольствие.

Основные виды военных операций боевой группы: ночные засады и нападения на мелкие населенные пункты и гарнизоны, засады на дорогах и нападения на небольшие и слабо охраняемые автоколонны и одиночные средства транспорта, подрыв опорных мачт ЛЭП, минирование дорог, проникновение на окраины городов, террористические акции в отношении советских граждан, в том числе военнослужащих, активистов НДПА, должностных лиц народной власти, сочувствующих ей афганцев, в первую очередь учителей, мулл, активисток-женщин, акты диверсий – обстрел общественных зданий, экономических объектов, электростанций, уничтожение школ... Перечень бандитских акций этих групп можно продолжить.

Несколько групп (8–10, иногда более) объединяются в отряд, несколько отрядов составляют "фронт". Как правило, в масштабах провинции действуют 3–4 "фронта". В некоторых районах страны вооруженные формирования контрреволюции носят названия "батальонов" и даже "дивизий" (например, "дивизия Хазрата Хамзы" от ИОА в Гератской провинции), но это все те же мелкие боевые группы, действующие, как правило, самостоятельно и лишь изредка объединяющиеся в более крупные формирования.

Практикуется создание укрепленных баз в труднодоступных горных местностях, которые служат долговременными опорными пунктами для вооруженных формирований контрреволюции. На этих базах накапливается оружие, боеприпасы, снаряжение, медикаменты, продовольствие. На склады свозится все, что доставляется из Пакистана или Ирана, и все, что захватывается на дорогах. Как правило, на базах в качестве жилых и складских помещений служат пещеры, вырытые в отвесных скалах, что делает их почти неуязвимыми от ударов с воздуха. Пещеры имеют разветвленные ходы сообщения, вертикальные стволы иногда с примитивными подъемниками, телефонной связью. Район такой базы окружен эшелонированной обороной, активно используется минирование всех подходов, завалы, засеки, пристрелянные огневые точки. Особое внимание уделяется противовоздушной обороне.

На таких базах размещается командование (обычно на уровне командующего "фронтами" провинции), госпитали, средневековые тюрьмы-застенки. Здесь разрабатываются планы операций на территории провин-

ции, отсюда уходят на операции боевые группы и отряды. Такие базы существуют (или существовали) в Нангархарской провинции в районе Тура бура, где обосновался бывший учитель географии командующий "фронтами" провинции Абдул Каюм, в округе Хост, в районе границы с Ираном.

Контрреволюция пыталась создать "освобожденный район" в стратегически важной долине реки Панджшир. Используя отсутствие активности афганской армии в этом районе, популярный среди контрреволюционеров военный руководитель вооруженных отрядов ИОА в этом районе Ахмад Шах Масуд насадил в плодородной долине, протянувшейся приблизительно на 70 км при ширине до 12 км, местные контрреволюционные органы власти со всеми соответствующими внешними атрибутами: мечетями, школами, тюрьмами. В военном отношении территория долины была разделена на 16 зон, в каждой имелась своя "группа обороны" численностью до 50 человек. Задачи "групп обороны" – принять на себя первый удар правительственных войск, поэтому они были не мобильными, находились в хорошо оборудованных укрытиях, имели на вооружении крупнокалиберные пулеметы, в том числе зенитные... Предусматривалось, что после первого удара, принятого на себя "группами обороны", в бой должны были вступить многочисленные "ударные группы" (по 30–35 чел.), которые, как планировалось, наносили фланговые удары по колоннам правительственных войск, втягивавшихся в долину. На вооружении этих групп были противотанковые безоткатные орудия, ручные гранатометы, пулеметы, гранаты. По замыслам контрреволюционеров, эти группы должны были задержать продвижение головной колонны правительственных войск, оставить ее и по воэможности рассеять. После этого планировалось вступление в бой остальных сил[1].

Пользуясь передышкой в военных действиях в районе самой долины и стремясь продлить эту передышку, А.Ш. Масуд стал активно распространять свое влияние в других провинциях страны, сохраняя видимость миролюбия в районе Панджширской длины. Мобильные отряды А.Ш. Масуда проникали в другие провинции, устанавливали связи с местной контрреволюцией, склоняли к взаимодействию вооруженные формирования других контрреволюционных организаций (что вызывало беспокойство и недовольство в штаб-квартирах в Пешаваре). Что самое опасное – эти отряды стали выходить на автомагистраль Кабул-Термез, основную дорогу, связывающую ДРА с Советским Союзом. В планы А.Ш. Масуда входило создание трех основных "зон сопротивления": первая – район от дороги Кабул–Джелалабад на север к провинции Бадахшан, вторая – район от Бадахшана на запад вдоль границы с СССР до г. Мазари-Шариф и третья – центральный район между Паджширской долиной и Кабулом[2].

Надо отметить, что в лице Ахмад Шаха Масуда, таджика по национальности (долина р. Панджшир заселена горными таджиками), бывшего учителя, молодого и энергичного военного руководителя афганская исламская контрреволюция обрела представителя нового поколения, новой молодой плеяды военных и политических руководителей, которые, набираясь опыта ведения вооруженной контрреволюционной борьбы непосредственно на территории Афганистана, стали критически относиться к своим теоретическим наставникам в Пешаваре, погрязшим в междоусобной борьбе за власть, за получение зарубежных подачек. Эта неприязнь

сохраняется и усиливается. Впрочем, история знает немало примеров таких противоречий между теоретиками в эмиграции и практиками, действующими в стране.

В адрес А.Ш. Масуда из Пешавара посыпались обвинения в предательстве, отходе от джихада. Потом, видимо, ему удалось убедить свое руководство в Пешаваре, что его передышка в джихаде носила тактический характер, и он был прощен. Более того, ему был присвоен титул "главнокомандующего" фронтами провинций Каписа и Парван, "военного теоретика исламской революции в Афганистане" (такая надпись была под его портретом, изданном ИОА). Западная пресса на все лады превозносила военные таланты А.Ш. Масуда и неприступность Панджширской долины. В 1985 г. части афганской армии провели широкомасштабную операцию по ликвидации группировки А.Ш. Масуда в Панджширской долине. Самому А.Ш. Масуду удалось в тот период скрыться, но созданная ему западными средствами массовой информации репутация непобедимого военачальника была полностью развеяна.

На вооружении боевых отрядов афганской контрреволюции, действующей на территории ДРА, имеются самые разнообразные виды оружия: автоматы АК-47 и АКМ, 82 мм и 75 мм безоткатные орудия, 82 мм и 60 мм минометы, 12,7 мм пулеметы, спаренные зенитные пулеметные установки ЗПУ-2, спаренные зенитные пушки калибра 14,5, ракетные зенитные системы САМ-7 ("Стрела"), ручные противотанковые гранатометы РПГ-7, гранаты, противотанковые и противопехотные мины. Начали поступать портативные зенитные ракеты "Стингер".

Основная часть оружия поступает через Пакистан из США, Египта, Саудовской Аравии и других арабских стран, КНР и стран западной Европы.

Имеется оружие, изготовленное в знаменитой "кузнице оружия" – местечке Дарра юго-восточнее Пешавара, где все население с прошлого века специализируется на изготовлении легкого стрелкового оружия. В примитивных мастерских изготавливаются револьверы, ружья, винтовки, боеприпасы к ним и даже автоматы АК Калашникова. Цена такого автомата, внешне неотличимого от заводского, 300–400 долл. (цена автомата заводского производства – 1 тыс. и более долларов). Недостаток этого кустарного оружия – качество металла, уступающее заводскому, что приводит к сокращению срока эксплуатации оружия. Тем не менее Дарра переполнена покупателями оружия, основную часть которых составляют афганцы.

Личный состав. Тактика

Руководители провинциальных, уездных и волостных исламских комитетов, командиры и амиры "фронтов" и наиболее крупных отрядов – это в своей основе убежденные противники народной власти, носители реакционной исламской идеологии, что, конечно, не исключает наличия у них таких мотивов поведения, как личная преданность вышестоящему руководителю, ориентация на определенного религиозного деятеля, феодала, главу племени. Эта категория лиц является носителями идеологии антикоммунизма, активного, противостоящего марксизму-ленинизму[3], это сознательные распространители антикоммунистических идей, активные

враги этих идей. Основную массу рядовых участников вооруженной контрреволюции составляют простые афганские крестьяне с примитивным мировоззрением, слепой верой в ислам, причем не столько в содержание ислама, сколько в незыблемость и обязательность свода правил, определяющих раз и навсегда все поведение мусульманина в любых жизненных ситуациях. Среди этой массы крестьян предельно сильны такие мотивы поведения, как безусловное подчинение лидеру: командиру отряда, главе племени, рода, малику, мулле и т.д. Идеологические установки той или иной исламской контрреволюционной организации попросту недоступны пониманию рядовых участников контрреволюционных отрядов из числа крестьян. Поэтому лидеры контрреволюции апеллируют к сознанию и эмоциям крестьянина, используя самые примитивные понятия, противопоставляя ислам коммунизму, Коран – Коммунистическому манифесту. Таким образом у неграмотного крестьянина возникает комплекс антикоммунизма, базирующийся на предубеждениях и предрассудках, на слухах и клевете.

Личный состав боевых групп и отрядов организованной контрреволюции вербуется из афганских беженцев, находящихся в лагерях в Пакистане или Иране, и из крестьян, проживающих в районах Афганистана, находящихся под влиянием той или иной контрреволюционной организации. В Пакистане в каждый лагерь беженцев (как правило, лагерь находится под опекой какой-либо одной контрреволюционной организации) направляется директива руководства организации о выделении очередной партии молодых мужчин и юношей, которых затем направляют в военные учебные центры обычно сроком на один месяц. Имеются центры общей военной подготовки и специализированные, где готовят применению мин, ВВ, РПГ, обучают стрельбе по воздушным целям, сооружению оборонительных укреплений[4].

Из беженцев формируются мобильные группы и диверсионно-подрывные отряды – наиболее опасные вооруженные формирования, забрасываемые на территорию ДРА для выполнения целевых заданий: установления контрреволюционной власти в каком-либо районе, осуществления диверсий на экономических объектах, подрыва мостов, опор ЛЭП, плотин и ирригационных сооружений, совершения террористических актов. Командиры диверсионных групп имеют связи с руководителями исламских комитетов или вооруженных отрядов на территории ДРА, принадлежащих к данной контрреволюционной организации, которые обеспечивают проведение операции, снабжение группы, ее укрытие. На маршрутах следования таких групп могут заранее закладываться тайники с оружием, боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

После проведения операции группа возвращается в Пакистан "на отдых". Задание группе ставится из расчета ее пребывания на территории ДРА в течение 2–3 недель. Надежность личного состава подобных групп обеспечивается тщательным подбором ее членов и их индивидуальной психологической обработкой во время нахождения в лагере для беженцев и в военно-учебном центре, а также тем, что семья члена группы, по существу, является заложником контрреволюционной организации, что почти гарантирует его возвращение в Пакистан (за исключением случаев гибели или пленения).

Формирование вооруженных отрядов из местных крестьян на территории непосредственно ДРА происходит по-иному. Такие отряды могут создаваться местными исламскими комитетами, боевыми группами, прибывающими из Пакистана, политическими эмиссарами контрреволюционных организаций из крестьян районов, находящихся под влиянием данной организации. Иногда прибывший из Пакистана или Ирана эмиссар передает исламскому комитету указания подобрать и направить в Пакистан или в Иран для прохождения военной подготовки определенное количество мужчин, которые после прохождения учебы должны вернуться в свою деревню и пополнить местный вооруженный отряд контрреволюции.

Местные отряды могут выполнять функции охраны деревни от мелких подразделений афганской армии, от отрядов других контрреволюционных организаций или неорганизованной контрреволюции. При появлении частей афганской армии местные отряды, как правило, уходят из деревни и располагаются поблизости, обычно в горах, наблюдая за обстановкой в своей деревне, а после ухода воинских частей возвращаются по домам. Зачастую местные отряды занимаются обычным грабежом на дорогах, нападая на отдельные автомашины и автоколонны, перевозящие государственное имущество. С частных торговцев обычно собирают "налог" за пропуск их товара. Награбленное имущество доставляется в деревню, распределяется между жителями или прячется в тайники. Из опасения возмездия засады на дорогах устанавливаются по возможности вне района расположения своей деревни.

Вооруженная борьба контрреволюции в районах расселения пуштунских племен имеет свои особенности. Здесь в качестве основной боевой единицы выступает отряд племенного ополчения, возглавляемый главой племени или, если он слишком стар, его сыновьями. Ополчение действует строго на территории расселения племени, помимо случаев объединения с отрядами других племен. Основная форма деятельности – контроль за дорогами, организация засад, нападения на "караваны" автомашин. Имели место попытки блокады крупных населенных пунктов, например Хоста, отрядами нескольких племен, но эти попытки, хотя и не без труда, были нейтрализованы действиями частей афганской армии. Такой формы "местной власти", как исламские комитеты, в зоне рассеяния пуштунских племен не существует, руководители племен просто не допустили бы их создания на своей территории.

В некоторых работах по Афганистану проводится мысль, что именно пуштунская контрреволюция оказывает наиболее ожесточенное сопротивление национально-демократической власти, что "основной противник апрельской революции имеет пуштунский этнический облик"[5].

К таким оценкам следует подходить осторожно. Попытаемся коротко разобраться в ситуации. Фундаменталистская контрреволюция – а именно она является наиболее опасной и непримиримой – значительного влияния в зоне пуштунских племен не имеет. Это подтвердила еще джирга пуштунских племен, созданная в Пакистане в 1980 г., когда ее участники полностью отвергли фундаменталистские идеи о государственном устройстве Афганистана. Исламский фундаментализм по своей сути противоречит племенному образу жизни. Основные районы действия фундаменталист-

ской контрреволюции – это Кабульская провинция, северо-восток, север, северо-запад страны, т.е. районы расселения национальных меньшинств и пуштунских анклавов, утративших связи со своей этнической родиной – зоной пуштунских племен. Именно в этих районах вооруженная борьба носит особо ожесточенный характер.

Парадоксально, но факт: наибольшее сопротивление национально-демократической революции оказывают контрреволюционные отряды хазарейцев, узбеков, таджиков и туркмен, т.е. нацменьшинств, угнетавшихся пуштунскими правителями Афганистана. При ближайшем рассмотрении парадокс этот вполне объясним. Причин здесь несколько. Среди них можно указать на тот факт, что, помимо исламской контрреволюции, на севере страны действуют различные националистические контрреволюционные организации, чье влияние на население сравнительно велико.

Некоторые западные исследователи считают, что активные действия контрреволюции у границ с СССР частично объясняются тем, что здесь проживают потомки мигрировавших в 20-е годы таджиков, узбеков и туркмен[6], т.е. басмачей. К числу факторов, оказывающих влияние на степень активности контрреволюции на севере страны, можно отнести также и то, что нацменьшинства севера Афганистана более привержены исламским догмам, влияние ислама здесь намного сильнее, чем в пуштунских районах, исламский фанатизм проявляется гораздо чаще.

Есть еще одна причина, которая, на наш взгляд, является важным фактором, сдерживающим размах пуштунской контрреволюции. С началом второго этапа апрельской революции, т.е. с 1980 года, руководство ДРА проводит политику налаживания нормальных отношений с пуштунскими племенами. Лидеры многих племен, в том числе проживающих за линией Дюранда, посещают Кабул, встречаются с руководителями ДРА. Правительство сохраняет традиционные льготы приграничных пуштунских племен. Они освобождены от службы в армии, государство оплачивает содержание малишей – племенных отрядов, создающихся для охраны границы и дорог, в районы расселения племен доставляются, хотя и нерегулярно, предметы первой необходимости: соль, спички, сахар, керосин и т.д. Несколько групп племенной молодежи посланы на учебу в Кабул и в Советский Союз. На территории расселения племен не проводятся военные операции, кроме случаев крайней необходимости – военного обеспечения, проводки "караванов" автоколонн с грузами, разблокирования г. Хоста, ликвидации укрепленных баз в районе границы с Пакистаном. "Советская политика в отношении племен, – пишет зарубежный автор – . . . очевидно, имеет шансы на успех в долгосрочном плане, поскольку некоторые племена, видимо, оказались неравнодушными к советским увертюрам"[7]. Ко всему этому следует добавить и своеобразное чувство признательности, которое не может не испытывать значительная часть пуштунской интеллигенции к ДРА и Советскому Союзу за их последовательную позицию в пуштунском вопросе. Таким образом, деятельность контрреволюции в зоне расселения пуштунских племен носит весьма своеобразный характер, что, кстати, отмечается и западными наблюдателями.

"Пуштуны, основной элемент, – пишет один из западных авторов, – несмотря на успешное проявление своей традиционной активности против режима, представляют собой гораздо менее эффективно скоординирован-

ное сопротивление, будучи зачастую занятыми своими внутренними (племенными) конфликтами"[8].

"Не духовное спасение, а перспективы грабежа вдохновили многих пуштунов из племен на их партизанскую войну... Добыча принимает разнообразные формы, берут все, начиная от нового Калашникова (АК или АКМ), стоящего, вероятно, 1000 долл., и кончая грудами металла... после бомбежки... Грабеж на дорогах, особенно между Газни, Кандагаром и Гератом стал обычным делом"[9], – писал американский обозреватель.

"Племена в приграничных провинциях были привлечены (контрреволюцией – *В.С.*) не с помощью идеологии, а обещаниями поставок оружия и денег для ведения партизанской войны, что побудило их начать сражение, – добавляет тот же автор – ... Отношения между политическими партиями и племенами с самого начала были заражены деньгами".

Все сказанное совершенно не означает, что пуштунская контрреволюция "лучше" или менее опасна, чем непуштунская. Именно пуштунская контрреволюция (традиционно враждебное к центральным правительствам племя джадран) в сентябре 1980 г. убила министра по делам племен ДРА Фаиза Махаммада, приглашенного пуштунами же на переговоры. Именно боевики пуштунской контрреволюции похитили в Кабуле и увезли в зону племен, где видимо, убили, несмотря на предложения об обмене, гражданского советского советника по геологии Охримюка, участника Великой Отечественной войны, имевшего многочисленные государственные награды, что было расценено пуштунской контрреволюцией как свидетельство его высокого положения. На счету пуштунской контрреволюции много кровавых преступлений. Но утверждать, что именно она является ведущей контрреволюционной силой в стране и что контрреволюция в ДРА имеет "пуштунский этнический облик", было бы не совсем точно.

Командные кадры

Выше уже затрагивался вопрос о командирах вооруженных формирований афганской исламской контрреволюции на территории ДРА. Остановимся на нем несколько подробнее. Первые нескоординированные контрреволюционные выступления против народной власти происходили под руководством традиционных лидеров-маликов, помещиков, мулл, других религиозных и иных авторитетов. Однако с проникновением в очаги этих локальных контрреволюционных выступлений все большего числа функционеров фундаменталистских партий и организаций социальный состав командного состава фундаменталистской контрреволюции претерпел значительные изменения. Постепенно на первый план стали выдвигаться представители средних городских слоев и образованной части мелкой городской буржуазии. Это, как правило, получившая среднее и высшее образование молодежь, преданная идеям исламского фундаментализма или преследующая свои честолюбивые цели.

Этому обстоятельству большое значение придают американские политологи, видимо, полагающие, что будущее афганской контрреволюции в руках этих молодых военных руководителей. Так, в докладе комитету

сената США по иностранным делам побывавшей в Афганистане и Пакистане Дж. Ритч (этот доклад был впоследствии утвержден в качестве доклада сената президенту) писал: "В ходе войны, на поле боя, вокруг некоторых командиров образовались группы их последователей. Эти командиры составляют сейчас... элемент политического руководства сопротивления"[10].

Далее автор доклада называет наиболее известных из них: А.Ш. Масуд (ИОА), командовавший вооруженной контрреволюцией в Панджшире, Исмаил-хан – руководитель вооруженных отрядов в районе Герата, Забиулла (ИОА) – руководитель военной группировки в районе Мазари-Шарифа, Абдулхак (ИПА Ю. Халеса), чей отряд действует в окрестностях Кабула, Джеладуддин и Джаглан, один из которых действует в центральных, а другой – в восточных районах Афганистана. В июле 1986 г. суд в Кабуле приговорил за зверства и преступления к смертной казни заочно А.Ш. Масуда, Исмаил-хана, Джеладуддина в числе еще нескольких преступников из числа военных руководителей контрреволюции.

"Надежды на создание какого-либо единства между фракциями моджахедов фокусируются на широко популярном Масуде, который создал себе репутацию наиболее способного командира афганского сопротивления", – говорилось в докладе Дж. Ритча сенату США.

Приведем типичную биографию одного из таких молодых фундаменталистских командиров ИОА, инженера Зияуддина, сына Мухаммада Шарифа, который в марте 1985 г. являлся амиром комитета информации (разведка и контрразведка) главного амирата ИОА г. Герата. Родился Зияуддин в Герате (социальную принадлежность фундаменталисты в своих биографиях не указывают), учился в начальной школе Джабели, среднее образование получил в гератском лицее Джами, высшее образование – в Политехническом институте в Кабуле.

В 1970 г., когда он учился в лицее, Зияуддин установил связь с организацией "Мусульманская молодежь" в Кабульском университете и по заданию этой организации создал первую в Герате фундаменталистскую ячейку этой организации. Ячейка вначале была малочисленна, в нее входили ставшие впоследствии шахидами Мухаммад Осман Динпорур, Мулламаран Ханиф, Насар Ахмад Мохаджер, а также Кари Салек, Сеид Мухаммад Хейрхах, Голам Сорур и еще несколько человек, все – учащаяся молодежь.

Ячейка быстро разрасталась и набирала силу, ее члены вели активную пропагандистскую работу не столько против режима, сколько против ячеек организаций "Хальк", "Парчам", "Шоалеи джавид". К 1973 г. организация была настолько сильна, что сумела провести несколько массовых демонстраций под фундаменталистскими лозунгами. После антимонархического переворота в 1973 г. Зияуддин, опасаясь ареста, покинул Герат и по заданию ИОА "начал исламскую деятельность" в районах Шураб и Оргестан Кандагарской провинции. Принимал участие в контрреволюционных выступлениях в Кандагаре в 1978 г., затем был направлен организацией в провинции Фарах и Нимруз для создания вооруженных групп ИОА. В 1982 г. по приказу руководства ИОА прибыл в Гератскую провинцию и приступил к созданию "фронта", который сам возглавил. Через некоторое время был назначен на нынешний пост[11]. Биография Зияуддина типична

для той категории контрреволюционеров, о которой докладывал сенату США Дж. Ритч.

Между штаб-квартирами фундаменталистских организаций в Пакистане и руководителями вооруженных формирований на территории ДРА существуют далеко не простые отношения, на которых, видимо, стоит остановиться.

Политическая борьба в стане афганской контрреволюции, взаимные обвинения в предательстве, соперничество между лидерами из-за влияния на афганских беженцев, из-за получения финансовой и иной помощи от своих зарубежных покровителей, при дележе поступающего по этим же каналам оружия – все это в еще более уродливом виде переносилось и переносится на территорию ДРА, где вооруженные отряды враждующих и соперничающих контрреволюционных групп, в свою очередь, вели и ведут друг против друга непрекращающуюся борьбу – за влияние в регионе, уезде, волости, деревне, за контроль над дорогами. Вооруженные столкновения, убийства руководителей "чужих" комитетов и отрядов, захваты "караванов" с оружием и складов других организаций, взаимные обвинения в связях с правительством ДРА стали обычными нормами отношений между вооруженными формированиями различных отрядов исламской контрреволюции на территории ДРА. "В окровавленные окопы революции пришла групповая и партийная разобщенность, которая настолько ослепила многих, что они были уже не в состоянии понять величия этой революции, и вместо того, чтобы острие пропаганды направить против врага, они начали пропаганду друг против друга, причем довели дело до того, что . . .сторонники одной группы считали своим долгом покончить с противостоящей группой. Поэтому началось размежевание, стволы ружей моджахедов стали целиться в сердце своих товарищей и сотни людей из-за борьбы за влияние. . . были повергнуты в землю и кровь", – писал фундаменталистский журнал[12].

Авторитет политических лидеров в Пакистане, "тыловиков" в глазах "окопников" – командиров вооруженных отрядов, действующих в Афганистане, еще более падал от неспособности первых преодолеть свои разногласия и создать сколько-нибудь стойкие политические альянсы. В адрес лидеров выдвигались обвинения в присвоении части финансовой помощи, поступающей из-за рубежа, в перепродаже оружия, в несоблюдении "исламских норм" в личной жизни.

"Отношения между партизанскими группами, – вынужден признать З. Халилзад, политолог, противник ДРА, – иногда характеризуются конфликтами, включая вооруженные столкновения, в которых сотни партизан уже потеряли свои жизни. Хотя здесь имеют место и идеологические разногласия, в основе конфликтов лежит соперничество и борьба за власть среди семи лидеров в Пешаваре"[13].

Успешные операции афганской армии против сил контрреволюции заставляли руководителей вооруженной контрреволюции самостоятельно, без указаний из Пешавара искать пути координации своих действий, объединения своих усилий в отдельных операциях. Так, во время ликвидации группировки А.Ш. Масуда в Панджширской долине ему на помощь без всяких указаний из Пешавара прибыли отряды других, в том числе соперничающих контрреволюционных организаций.

Лидеры контрреволюционных организаций в Пакистане стали прибегать к подкупу и переманиванию на свою сторону наиболее способных военных руководителей других организаций, что еще более осложняло отношения между политическим и военным руководством, а также между соперничающими организациями. Постепенно между политическим руководством в Пешаваре и военным руководством на территории ДРА возникали и укреплялись отношения недоверия и взаимной подозрительности. Такие отношения, хотя и в скрытой форме, существуют и поныне.

"... Из различных кругов в Пешаваре, – заявлял по этому поводу лидер ИПА Г. Хекматьяр в своем выступлении в пятничной мечети лагеря Хазрата Османа Разиуллы Ани в Пешаваре в 1985 г., – поступают данные о том, что кое-кто переманивает командиров действующих отрядов. По нашим сведениям, противник специально посылает своих опытных людей, чтобы сманить на свою сторону моджахедов... Это создает среди моджахедов и беженцев мнение, что организация в Пешаваре – это одно, а внутренние фронты – это другое"[14].

Растущее недоверие руководителей и рядовых членов вооруженных контрреволюционных отрядов к своим политическим лидерам не могло не встревожить последних. С их стороны принимались административные и пропагандистские меры, направленные на наведение порядка и укрепление дисциплины в вооруженных отрядах. Из имеющихся документов можно видеть, какие именно проблемы волновали и волнуют политических руководителей контрреволюции в их отношениях с вооруженными отрядами на территории ДРА. Так, в одном из материалов ИОА говорится: "Повиновение амирам и командирам, выполнение их приказов является требованием джихада и условием его победы. На большинстве фронтов имеются примеры несоблюдения этого требования. К сожалению, в истекшем году некоторые из наших братьев игнорировали свой основной долг – участие в джихаде ... и как только им в руки попадало оружие, они забывали о всех своих обязанностях на фронте и вместо того, чтобы действовать в определенном подразделении, под руководством командира и в соответствии с планом амира или регионального командующего, отказывались подчиняться и вступали в конфликт с амиратом"[15].

После перечисления других претензий к вооруженным отрядам, таких, как "отсутствие духа единства и согласия", "несоблюдение исламских норм поведения" (так дипломатично авторы документа называют убийства и грабежи мирного населения), отсутствие планирования операций, самовольный уход в Пакистан, авторы документа в заключение пишут: "Факты, о которых мы говорили выше, в целом негативно повлияли на настроения народа и некоторых моджахедов, изменили отношение народа к джихаду, ослабили сопротивление в большинстве районов ... приостановили развитие джихада"[16].

Таким образом, между военно-политическим руководством афганской исламской контрреволюции в Пешаваре и вооруженной контрреволюцией на территории ДРА существуют взаимное недоверие и неприязнь. Выдвижение на первый план новых военных руководителей, продолжение конфликтов между политическими лидерами контрреволюции могут способствовать определенному росту самостоятельности этих руководителей вооруженных отрядов, действующих на территории ДРА. Однако было бы неверным

считать, что конфликты могут привести к разрыву между этими силами, по крайней мере, на современном этапе развития событий. Обе стороны слишком нуждаются друг в друге, чтобы довести дело до разрыва. Лидеры контрреволюции в Пешаваре сознают, что без связи с внутренней контрреволюцией и ее поддержки их ожидает политическая смерть. США и международная реакция нуждаются в них постольку, поскольку они имеют возможность непосредственно воздействовать на обстановку в ДРА. С другой стороны, руководители внутренней контрреволюции зависят от политических лидеров в Пешаваре во многих отношениях: они обеспечивают в Пакистане подготовку все новых контингентов для ведения военных действий, осуществляют поставки и распределение оружия, снаряжения, боеприпасов и всего необходимого имущества, в Пакистане лечат раненых и содержат семьи контрреволюционеров, наконец, лидеры в Пешаваре представляют афганскую исламскую контрреволюцию за рубежом. Обе стороны могут ссориться, обижаться друг на друга, но они, подобно сиамским близнецам, обречены быть вместе, по крайней мере, в настоящее время. Их связывает общая цель – борьба против народной власти.

Вот как недвусмысленно и с долей угрозы сказал об этом Г. Хекматьяр в одном из своих выступлений в Пешаваре в 1985 г.: "Мы уверены, что тот, кто хочет участвовать в сопротивлении в Афганистане, не может этого сделать без партии. И соответственно если партия покинет сопротивление, то оно не просуществует и нескольких дней"[17].

Командный состав вооруженных формирований традиционалистской контрреволюции в своей основе пуштунской, племенной прочно связан со своей национально-этнической базой. Руководители племенных вооруженных формирований, отрядов племенного ополчения, обязательно принадлежат к племени, из представителей которого состоит отряд, и, как правило, – к руководящей племенной элите. Исключение могут составлять бывшие офицеры афганской армии, перешедшие на сторону контрреволюции. Они могут возглавлять вооруженные племенные отряды, хотя их семьи и они сами, возможно, не относились к племенной элите, но естественно являются пуштунами.

Контрреволюция в городе

Крупные города Афганистана являлись средоточием контрреволюции. Именно в них, и прежде всего в Кабуле, еще во времена монархии возникло исламское фундаменталистское течение, взявшее на вооружение панисламистские идеи арабских "Братьев-мусульман" и "Джамаат-и-ислами" Пакистана. Именно в городах вышедшие на политическую арену средние городские слои и мелкая городская буржуазия заявили о себе как о политической силе. В городах шел процесс создания религиозных, религиозно-политических, националистических и других организаций, как правило, нелегальных. Особой склонностью к конспиративной деятельности отличались исламские фундаменталисты, видимо, унаследовавшие эту склонность от своих идейных наставников – арабских "Братьев-мусульман", чье наиболее правое, террористическое, крыло действует в подполье уже более тридцати лет.

Приход к власти М. Дауда в 1973 г., последовавшие аресты реакционных религиозных деятелей, подавление попытки фундаменталистов поднять восстание в 1975 г., гибель одних и бегство за пределы страны других лидеров фундаменталистского движения, – все это способствовало возникновению в городах Афганистана глубоко законспирированного контрреволюционного подполья. Основные фундаменталистские организации ИПА и ИОА к моменту апрельской революции 1978 г. имели в своем распоряжении разветвленное, хорошо законспирированное городское подполье, которое немедленно начало борьбу против народной власти.

До апрельской революции 1978 г. фундаменталистское контрреволюционное подполье в своей работе делало упор на привлечение новых членов и сочувствовавших из числа ремесленников, торговцев, представителей низших слоев религиозных деятелей, студентов, учащихся лицеев, служащих компаний, рядовых и сержантов афганской армии и полиции. Оно избегало вербовать государственных служащих, средних и старших офицеров, состоятельных лиц, якобы опасаясь предательства с их стороны. На самом деле была другая, более реальная причина. Дело в том, что лидеры и члены фундаменталистских организаций по своему социальному положению, возрасту, отсутствию жизненного опыта не могли рассчитывать на влияние в этих кругах, поскольку представители последних просто не доверились бы молодым муллам, или студентам, или преподавателям, уговаривающим их войти в подпольную организацию. Позднее, уже после апрельской революции 1978 г., один из фундаменталистских теоретиков Ш. Фагири, обращаясь к тому периоду, напишет: "Нельзя повторять ошибок прошлого. Например, в прошлом, во времена монархии, мы не шли на контакты с армейскими офицерами, высокопоставленными государственными чиновниками, с аристократическими семьями и религиозными кланами. Мы считали их своими противниками. . . в то время как следовало параллельно готовить к принятию призыва бога и эти слои"[18].

В действительности это не было ошибкой. Во-первых, фундаменталисты в тот период были более принципиальны, чем ныне, в подборе кадров для своих организаций, и во-вторых, они сознавали свою неспособность оказать воздействие на перечисленные слои афганского общества. Это потом, после апрельской революции, которая так или иначе затронула интересы многих представителей этих слоев, и когда фундаменталистам удалось возглавить и повести за собой часть населения, они стали действовать смелее. Они начали проникать в армию, органы безопасности, правительственные учреждения, что облегчалось приходом после революции в армию и государственные учреждения представителей тех же социальных слоев и той же возрастной группы, что и фундаменталисты.

Деятельность городского контрреволюционного подполья имеет свои особенности, на которых необходимо остановиться. Борьба городского контрреволюционного подполья против национально-демократической власти ведется по следующим направлениям:

наиболее опасное направление – это осуществление террористических актов против руководящих деятелей, работников и активистов НДПА и госаппарата. Нападения на дома этих работников, засады во время следования на работу и возвращения домой, угрозы расправы – все это имеет

целью посеять неуверенность в своей безопасности среди руководящего звена партийного и государственного аппарата;

диверсионно-террористическая деятельность, призванная запугать население и тем самым вызвать у него неверие в способность правительства контролировать обстановку. В этом плане широко используются обстрелы государственных учреждений, военных гарнизонов, постов царандоя, взрывы в кинотеатрах, магазинах, троллейбусах. Сюда же можно отнести чудовищное по своей жестокости и бессмысленности массовое отравление учениц кабульских женских лицеев 1980 г., убийства активных членов НДПА, учителей, мулл, сотрудничающих с национально-демократической властью;

экономические диверсии и саботаж, организация перебоев в снабжении мукой, хлебом, дровами, бензином, диверсии на электростанциях, в котельных, на элеваторах, промышленных предприятиях, в автохозяйствах и т.д.;

подпольное издание и распространение контрреволюционной литературы, листовок, воззваний. Особое внимание этому виду подрывной деятельности уделяется в университетах, лицеях, военных гарнизонах, мечетях. Сюда же относятся попытки проведения антиправительственных сборищ в мечетях, распространение ложных слухов;

проникновение в правительственные учреждения, органы безопасности, в армию с целью получения информации о положении в руководстве, в стране, в партии, в армии, о планах проведения военных операций против контрреволюции, передача этих сведений в штаб-квартиры своих организаций или использование их на месте с целью срыва правительственных мероприятий;

подрывная работа в армии и царандое с целью срыва призыва в армию, побуждение солдат и офицеров к дезертирству, переходу на сторону контрреволюции, разложение воинской дисциплины в казармах и гарнизонах, запугивание военнослужащих угрозами расправы с семьями и родными.

Большое внимание уделяется привлечению в свои ряды новых членов. В рекомендациях ИПА по этому вопросу обращается внимание прежде всего на приверженность изучаемого кандидата исламской религии. Идеологическую обработку кандидата рекомендуется также начинать с "исламского воспитания", проводя и развивая идею о том, что "ислам – это не религия застоя, а религия бунта и революции". Рекомендуется привлекать к сотрудничеству прежде всего грамотных (а "не людей из низших классов") и молодежь – государственных служащих, студентов и учащихся, "так как молодежь находится в стадии выработки жизненной позиции и легче впитывает исламское учение".

Членам организации, занимающимся привлечением в организацию новых людей, рекомендуется по окончании обязательной проверки новичка не раскрывать перед ним других членов организации и их фамилии, в течение минимум месячного срока держать его под наблюдением, но не вводить в ячейку, снабжать его партийными пропагандистскими изданиями. При вербовке государственных служащих рекомендуется придавать значение не высокому служебному положению кандидата, а его набожности и готовности к самопожертвованию, "если даже он находится на низшей ступени государственной службы".

Что касается "неграмотных и простых людей", то им отводится роль "моджахедов и исполнителей", с ними не следует говорить о высоких материях, надо делать упор на ислам, избегать в разговорах с ними критики в адрес других контрреволюционных организаций и групп. Из "неграмотных и простых" создаются отдельные ячейки организации во главе с опытными руководителями. Далее в инструкции выражается сомнение в целесообразности привлечения к сотрудничеству состоятельных людей, причем делается это в любопытной форме: "Поскольку класс бедняков составляет большинство города и его окрестностей и в сегодняшней исламской революции основной вклад принадлежит обездоленным, нет необходимости тратить свои усилия на привлечение к сотрудничеству аристократов и богачей города и деревни. Члены нашей организации, с другой стороны, должны опасаться, чтобы не попасть в сети этих богачей. Не дай бог, если члены организации станут известны как защитники местных богачей, а не местных бедняков"[19].

Контрреволюционная деятельность в городах шиитской контрреволюции также отличается высокой степенью конспирации, унаследованной от тех времен, когда шиитам значительную часть своей обрядности приходилось отправлять скрытно от окружающих или даже скрывать свою принадлежность к шиитской ветви ислама.

Исламские традиционалисты имеют в городах свое подполье, но по сравнению с подпольем фундаменталистским оно гораздо менее организовано и опирается на местных улемов, представителей оставшихся в Афганистане аристократических и высокопоставленных семей.

Городское контрреволюционное подполье может представить при определенных обстоятельствах опасность для национально-демократической власти, поэтому за деятельностью этого подполья требуется постоянный контроль. Нельзя забывать, что первые широкомасштабные выступления контрреволюции состоялись именно в городах – в Герате (март 1979 г.), в Кабуле (февраль 1980 г.).

"Неорганизованная" контрреволюция.

К неорганизованной (локальной) контрреволюции относятся разрозненные отряды, выступающие с оружием в руках против национально-демократической власти, но не связавшие себя членством в той или иной контрреволюционной организации с центрами в Пакистане или Иране.

Вооруженные отряды неорганизованной контрреволюции действуют в пределах границ района своего проживания, формируются из жителей одной, реже – нескольких деревень, возглавляются местными традиционными авторитетами, помещиками, маликами, религиозными деятелями. Являясь составной частью структуры самоуправления деревни, района, эти отряды выполняют функции охраны и обороны деревни, района или места своей дислокации. Другой функцией, которая отводится отрядам локальной контрреволюции, является обеспечение своей деревни, района "трофейными" продовольствием, горючим, промышленными товарами, всем, что может быть захвачено на дорогах, проходящих в зоне действия отряда.

Упомянутая функция отрядов локальной контрреволюции зачастую является основной, превалирующей над всеми иными мотивами участия в вооруженной борьбе против центральной власти. "Существует романтический облик членов афганских племен . . . но есть и другой аспект. Традиция бандитизма давно пустила корни в Афганистане, трудно провести линию между боевыми действиями и актами разбоя"[20], – писала английская газета.

Контроль за продвижением по дорогам, поборы с проезжающих, их ограбление издавна считались среди жителей многих районов занятием, достойным и нисколько не зазорным. Возрожденная в новом качестве и подкрепляемая и оправдываемая исламскими лозунгами, эта традиция полностью вписалась в структуру контрреволюционного движения, составив ее важный элемент – войну на дорогах. То, что ранее называлось разбоем и грабежом, стало называться джихадом, войной за веру. В целом иногда складывается впечатление (этот вопрос требует более тщательного изучения в силу своей политической деликатности), что определяющими мотивами участия значительной части крестьянства в локальной контрреволюции являются материальные стимулы.

Вооруженные группы местной контрреволюции не постоянны по своему составу, после проведения "операции" их члены расходятся по домам и продолжают работу в своих крестьянских хозяйствах.

Организованная контрреволюция с центрами в Пакистане и Иране рассматривает местную, т.е. действующую в том или ином районе Афганистана, контрреволюцию в качестве своего резерва, каждая из основных контрреволюционных организаций прилагает усилия к подчинению своему влиянию таких отрядов. При этом используются подкуп местных лидеров и авторитетов, посулы оружия, угрозы и запугивания. Иногда эти усилия достигают цели. Но, как правило, местная контрреволюция не связывает себя долгосрочными обязательствами, а идет на временное соглашение о совместных действиях или координации действий при проведении конкретных операций.

Локальная контрреволюция представляет собой наиболее уязвимое звено среди основных отрядов афганской исламской контрреволюции. Эффективная социально-экономическая политика руководства ДРА в деревне могла бы нейтрализовать этот отряд контрреволюции.

* * *

Нельзя закончить раздел о деятельности афганской исламской контрреволюции на территории Афганистана, не остановившись на тех преступлениях, актах жестокости, которые каждодневно совершает контрреволюция по отношению к народу Афганистана. "Борцы за свободу", как величает их западная пресса, попирают все нормы человеческого поведения. Изощренные казни и пытки, отсечение голов, рук у захваченных ими людей, в том числе мирных жителей, убийства стариков, детей, женщин, уничтожение всего и вся, при этом невиданный цинизм и ссылки на ислам и бога. Это признается и некоторыми противниками ДРА.

"Мы видим, – пишет один из таких авторов, – как каждый день под прикрытием партийных противоречий люди в корыстных целях, из-за

племенной вражды, прибегают к сведению счетов, это развращает людей... Хорошо ли вы, руководители партий и организаций, знаете, какие беззакония творят над народом в районах, находящихся под вашим влиянием, ваши представители под видом исламских партизан? Вы не боитесь, что однажды этот же народ-борец восстанет против вас?"[21]

По опубликованным в афганской прессе данным, на июнь 1985 г. контрреволюцией на территории Афганистана взорвано и сожжено 1864 школы, 33 больницы, 11 медпунктов, уничтожено 906 крестьянских кооперативов, 14 тыс. км линий связи, сотни мостов, плотин, ирригационных сооружений, опор ЛЭП, сбиты пассажирские самолеты гражданской авиакомпании "Ариана"[22].

Лидеры и руководители афганских контрреволюционных организаций, вызвавшие к жизни все эти преступления, творимые контрреволюцией на афганской земле, пытаются уйти от личной ответственности за все содеянное. Время от времени они как бы урезонивают своих подчиненных, призывая их к соблюдению "исламских норм поведения". Даже такой непримиримый и наиболее жестокий фундаменталистский лидер, как Г. Хекматьяр, в своем выступлении на "семинаре" командиров вооруженных отрядов ИПА в 1981 г. заявил: "Мы являемся очевидцами зла и насилия, когда моджахед, человек, который взял оружие, чтобы бороться за веру в бога, обижает сироту, обижает вдову, творит зло, прибегает к разорительным поборам . . . занимается грабежом, обижает беззащитных людей . . . Если мы перед лицом всех этих нарушений и зла останемся безразличными, то тогда значит мы подняли оружие не во имя бога, тогда мы воюем за что-то другое"[23].

Примерно в том же духе говорится и в одном из документов ИОА: "Примерами поведения, несовместимыми с джихадом, могут служить многочисленные случаи грабежа имущества людей, насилия, унижения и оскорбления невиновных . . . Это вызывает общий гнев у народа, отрицательное отношение к нам, доверие народа уменьшается. В результате одни бегут от нас, другие отказываются сотрудничать с нами"[24].

Если даже лидеры фундаменталистской контрреволюции заговорили о преступлениях контрреволюции на территории ДРА, то можно себе представить, что происходит в жизни. История и афганский народ предъявят афганской контрреволюции большой счет.

Глава 8

АФГАНСКАЯ ИСЛАМСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ С ЦЕНТРАМИ В ИРАНЕ – ОРУДИЕ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ХОМЕЙНИСТСКОГО РУКОВОДСТВА ИРАНА

АПРЕЛЬСКАЯ 1978 г. РЕВОЛЮЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ИРАН

Основные зарубежные центры афганской контрреволюции находятся на территории Пакистана, в Пешаваре, где расположены штаб-квартиры наиболее крупных и активных контрреволюционных организаций, где сосредоточены практически неограниченные людские ресурсы в виде афганской эмиграции и беженцев, позволяющие этим организациям при пособничестве пакистанских властей готовить пополнение для вооруженных отрядов, действующих на территории Афганистана, и тем самым поддерживать в стране огонь гражданской войны.

Обосновавшаяся в Пакистане афганская контрреволюция стремится выйти на международную арену, она активно устанавливает контакты и поддерживает связи с различными политическими организациями, в первую очередь антикоммунистическими и антисоветскими, в разных странах.

В Пешавар слетаются десятки корреспондентов различных агентств, газет и журналов, авторы уже написанных и будущих книг о "священной войне" в Афганистане.

Этот "пешаварский бум" в значительной степени отвлекает политиков и исследователей от другой страны, предоставляющей афганской контрреволюции значительную помощь и поддержку, – от Исламской Республики Иран, на территории которой действует более десяти афганских контрреволюционных организаций, ведущих вооруженную и политическую борьбу против ДРА.

Эти организации, их программные установки и цели, а также их лидеры мало известны и мало изучены. Тем не менее они представляют собой определенный военно-политический резерв, находящийся, по существу, в распоряжении исламского режима в Иране, резерв, который может заявить о себе более активно на каком-либо этапе развития событий в Афганистане.

В связи с этим целесообразно на основе имеющихся немногочисленных материалов попытаться рассмотреть некоторые аспекты деятельности афганской контрреволюции в Иране, цели, которые она перед собой ставит, пути достижения этих целей, ее взаимоотношения с шиитским руководством ИРИ, с другими отрядами афганской контрреволюции.

При этом основное внимание, видимо, следует уделить не столько детальной информации по каждой из афганских контрреволюционных организаций, сколько рассмотрению основных политических аспектов деятельности этих организаций, которые в той или иной степени практически влияют на положение в Афганистане.

Поскольку данная тема в определенной степени затрагивает отношения между соседними странами – Ираном и Афганистаном, – представляется уместным сделать предварительно несколько замечаний об отношении Ирана к своим соседям – странам традиционного распространения ислама.

Еще задолго до антишахской революции 1978–1979 гг. исследователям Ирана был знаком исторически сложившийся у персов комплекс превосходства над другими народностями, населяющими Иран, и над народами соседних стран. В формировании этого комплекса, видимо, в различное время сыграли роль историческое прошлое Ирана, шиизм как религиозно-политическое течение, официальная шахская пропаганда исключительности иранской монархии и судеб иранского народа, колоссальные прибыли от нефти, породившие несбыточные планы гигантского рывка отсталой страны до уровня наиболее развитых государств мира.

С отдаленных времен персы воспринимали своих соседей арабов как "босяков", "пожирателей саранчи", афганцев – как "разбойников".

Уже накануне антишахской революции 1978–1979 гг. Иран превратился в жандарма для стран Персидского залива. Шах вынашивал планы распространения своего влияния на Афганистан и Пакистан. Антишахская революция 1978–1979 гг. способствовала чрезвычайно пышному расцвету этого комплекса, который, по нашему мнению, является не чем иным, как великодержавным персидским шовинизмом.

Единственный в мире феномен успешной "исламской революции", помноженный на этот великодержавный шовинизм, породил экстремистскую внешнеполитическую доктрину экспорта "исламской революции" в другие страны. В развитие этой доктрины шиитское иранское руководство, не признающее общепринятых норм межгосударственных отношений, в настоящее время ведет открытую войну против Ирака с целью ликвидации баасистского и установления шиитского правления, необъявленную войну в Ливане, используя для экспорта "исламской революции" сложившуюся в этом районе обстановку, вызванную политикой США и Израиля, а также наличие наиболее угнетавшейся многочисленной шиитской общины, организует и направляет деятельность одного из отрядов афганской контрреволюции, открыто выступает за свержение правительства ДРА. На очереди – экспорт "исламской революции" в Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Пакистан, и все это через посредство шиитских общин в этих странах.

Таким образом, декларируемая Ираном внешнеполитическая доктрина "Ни Восток, ни Запад", "Ислам не знает границ", базирующаяся на принципе экспорта "исламской революции", на практике оборачивается воинствующей великодержавной шиитской идеологией, стремящейся распространить верховную власть имама на как можно большее число стран.

Эти особенности экспансионистской политики Ирана целесообразно учитывать при рассмотрении его позиции по отношению к апрельской революции в Афганистане. Эти же особенности определяют отношение иранского шиитского руководства к противникам этой революции – к афганским контрреволюционным организациям.

* * *

Шиитское руководство Ирана с первых же дней своего прихода к власти враждебно отнеслось к ДРА, хотя правительство ДРА, несмотря на свои внутренние трудности, оказывало антишахской революции в Иране посильную политическую поддержку. Эта враждебность не случайна. Иранская

экспансионистская доктрина экспорта "исламской революции" сама по себе уже исключала какие бы то ни было добрососедские отношения с новым Афганистаном. Иранское руководство вообще отрицало тот факт, что в апреле 1978 г. в Афганистане произошла революция. Оно упорно настаивало и продолжает настаивать сейчас, что апрельские события 1978 г. были не более чем переворотом, осуществленным кучкой просоветски настроенных офицеров в интересах Советского Союза.

Свою враждебную по отношению к ДРА позицию иранское руководство подкрепляло самыми различными, иногда примитивными доводами. Так, в одном официальном издании говорилось: "Мы против режима в ДРА не потому, что он марксистский и не потому, что он выдвигает лозунги в защиту трудящихся и угнетенных. Наша вражда к режиму ДРА объясняется только тем, что его действия носят античеловеческий, угнетательский характер и прикрываются обманными и лживыми лозунгами"[1].

Всячески маскируя, по крайней мере в начале, тот факт, что враждебное отношение к афганской революции вызвано прежде всего ее национально-демократическим характером и ориентацией на помощь и поддержку со стороны Советского Союза, стран социалистического содружества и всех прогрессивных сил, иранское руководство пытается протащить мысль, что Афганистан – это поле соперничества двух сверхдержав, СССР и США. "С победой революции в Иране, – говорилось в том же издании, – встал вопрос: что должна делать эта революция, какую позицию она должна занять по отношению к правящему режиму в Афганистане? . . . Исламская революция в Иране . . . избрала полностью новую позицию, которая не совпадает с расчетами Америки и России. Иран продемонстрировал, что одновременно с борьбой против американского империализма он может встать на защиту угнетенного народа Афганистана от Советского Союза . . . Исламская революция не только не считает режим ДРА законным, но и поддерживает восстание народа Афганистана"[2].

До марта 1979 г. враждебность иранского руководства к ДРА в основном выражалась в различного рода недружественных актах и заявлениях, в широкой антиафганской пропагандистской кампании в иранской прессе, по радио и телевидению, в расширении программ радио- и телепередач на Герат и Гератскую провинцию, в засылке на территорию Афганистана своих политических эмиссаров и агентуры.

Следует иметь в виду, что Герат исторически являлся объектом притязаний Ирана, который задолго до апрельской революции постоянно, годами, используя радио, телевидение, религию, обрабатывал жителей этого города, среди которых много шиитов, в проиранском духе. В результате постоянного политического и пропагандистского давления, близости к иранской границе и крупному шиитскому религиозному центру – Мешхеду, наличия устойчивых торговых, в том числе контрабандных, связей Гератской провинции с Ираном, регулярного отхода мужского населения провинции на заработки в Иран, наличия в Герате консульства Ирана – в результате всего этого бóльшая часть населения города ощущала или считала себя в большей степени иранцами, чем афганцами.

Все это сыграло решающую роль в том, что первое на территории ДРА крупное выступление афганской контрреволюции произошло именно в Герате в марте 1979 г., когда подстрекаемые радиопередачами, листовками,

заготовленными в Иране, иранскими эмиссарами, шиитскими муллами, гератские торговцы, ремесленники, пауперы начали под антиправительственными лозунгами погром государственных и партийных учреждений, убийства членов НДПА, учинили охоту за советскими специалистами, находившимися в Герате.

Вот как уже в наше время описывает этот напоминающий времена средневековья мятеж издающийся в Герате подпольный листок "Шахадат": ". . . нападали и уничтожали все и везде, где находили следы ереси и коммунизма. Бесчисленное количество пособников неверных и еретиков было отправлено в вечный ад"[3]. Мятеж был подавлен. Но Герат надолго остался и остается до сих пор основным объектом подрывной деятельности иранских спецслужб и афганской контрреволюции.

С апреля 1979 г. начался новый этап иранского вмешательства во внутренние дела афганской республики. На территории ИРИ началось форсированное организационное оформление различных афганских контрреволюционных групп. Их руководящий состав комплектовался из более или менее авторитетных афганцев, ранее проживавших в Иране, или бежавших в Иран после апрельской 1978 г. революции. Недостатка в рядовых членах не было: по иранским данным, до апреля 1978 г. в Иране на заработках постоянно находились до 600 тыс. афганцев. Их положение в Иране всегда было бесправным, это был наиболее угнетаемый, используемый на самой тяжелой работе, лишенный каких-либо гражданских прав отряд дешевой рабочей силы. Соответствующая обработка, посулы заработка, угроза выдворения из страны делали афганцев послушными и готовыми на все.

Эта база людских ресурсов для контрреволюции резко увеличилась с 1980 г., когда после ввода в Афганистан по просьбе правительства ДРА ограниченного контингента советских войск под влиянием враждебной пропаганды, запугивания и угроз начали нелегально переходить в Иран, как правило, с семьями, тысячи неграмотных афганских крестьян, земледельцев и скотоводов, общее число которых вместе с находившимися ранее на заработках в Иране к 1986 г. составило, по данным иранской прессы, около 1,8 млн чел.[5]

Афганские контрреволюционные организации на территории ИРИ создавались быстро, в сжатые сроки, хотя и не без трудностей. Между их лидерами сразу же возникли, что характерно вообще для афганской контрреволюции, противоречия и соперничество, основная причина которых сводилась к стремлению снискать покровительство того или иного шиитского деятеля ИРИ, к получению оружия, денежных средств, разрешения на создание вооруженных отрядов из пришедших в Иран афганских беженцев.

Возможность использовать в своих политических и иных интересах эту в целом немалую и послушную силу заинтересовала и различных видных шиитских деятелей Ирана. Между ними началось своего рода соперничество из-за влияния на различные афганские организации. В конце концов руководство ИРИ приняло решение о передаче всех дел, связанных с нахождением на территории ИРИ афганских контрреволюционных организаций и в целом всех афганцев трем ведомствам – Корпусу стражей исламской революции (КСИР) во главе с Рафикдустом, министерству информации, т.е. основной спецслужбе Ирана во главе с Рейшахри, пришедшей на смену печально известной САВАК, и министерству внутренних дел.

Формирование афганских контрреволюционных организаций на территории Ирана

Шиитское руководство Ирана, стремящееся экспортировать "исламскую революцию", рассматривает созданные в Иране афганские контрреволюционные организации и группы как военно-политическую силу, способную дестабилизировать обстановку в ДРА, ослабить там национально-демократический строй, способствовать его свержению, а в перспективе – создать "Исламскую республику Афганистан" по образу и подобию Ирана и под эгидой имама Хомейни или его преемника.

В отличие от Пакистана, руководство которого из политических соображений как бы дистанцируется от афганских контрреволюционных организаций на своей территории, делая вид, что оно не имеет к их подрывной деятельности никакого отношения, иранское шиитское руководство, верное своему принципу игнорирования общепринятых норм международных отношений, наоборот, активно принялось "наводить порядок" в афганском эмигрантском хозяйстве. В 1980 г. количество афганских эмигрантских организаций в Иране достигало нескольких десятков. Создавались организации и группы на основе национальной или клановой принадлежности их членов, личной преданности тем или иным афганским религиозным авторитетам или старейшинам, а также на основе ориентации на того или иного представителя иранского шиитского руководства.

Единственное, что объединяло эти организации, – это ненависть их руководства к афганской апрельской революции, к народной республике. Во всем остальном эти многочисленные и еще не сформировавшиеся окончательно группировки соперничали между собой, стараясь заполучить за счет других как можно больше средств, выделяемых иранцами на их содержание, привлечь к себе внимание иранского руководства, установить связи с контрреволюционными бандами, действующими на территории Афганистана, и навязать им свои услуги в качестве штаб-квартир на территории Ирана, давая обещания поставок оружия и оказания другой помощи.

Общее руководство этими многочисленными организациями со стороны иранцев в тот период осуществлял сын аятоллы Монтазери ныне покойный Мохаммад Монтазери, иранский идеолог экспорта "исламской революции" в Афганистан и Ливан (погиб во время взрыва в штаб-квартире Исламской республиканской партии в июне 1981 г.)[6].

Активное вмешательство иранских властей в деятельность афганских контрреволюционных организаций в Иране встретило сопротивление части из них. Некоторые группы не желали служить орудием экспорта проиранской "исламской революции" в Афганистан, другие ориентировались на контрреволюционные организации, обосновавшиеся в Пакистане, третьи пытались установить контакты с арабскими странами, возникли даже левацкие группы. ". . . Некоторое количество афганцев, – с левыми взглядами, обманутых в свое время марксистской пропагандой, разочаровались в марксизме и предпочли бегство... Часть из них прибыла в Иран и стремится испортить отношения между Ираном и мусульманами Афганистана . . . Мы призываем афганских мусульман, находящихся в Иране, не симпатизировать этим левым и не читать их листки, распространяемые под различными

названиями", – говорится в журнале "Эстегамат", органе "Исламского движения Афганистана"[7].

Премьер-министр Ирана того времени М.А. Раджаи говорил: ". . . мы различаем несколько групп беженцев из Афганистана. Одна группа – это лица, которые покинули свои места проживания и ищут убежища в соседних странах под влиянием военной обстановки. Другая группа – лица, использующие военную обстановку в своих корыстных целях и прибывающие в Иран под видом беженцев. Это нежелательные лица. И третья группа – это моджахеды, которые переходят нашу границу, чтобы восстановить свои силы. . . и продолжить борьбу . . . По-моему, этой группе необходимо уделять внимание и им надо предоставлять убежище"[8].

Говоря об этом этапе деятельности в Иране афганских контрреволюционных организаций, одна из иранских газет писала: ". . . в ряды афганских эмигрантов проникли иностранные агенты, которые рядились в одежды революционеров (читай – контрреволюционеров. – В.С.), а на деле . . . вели подрывную деятельность, выполняя указания из-за рубежа . . . чем был подорван авторитет афганской эмиграции"[9].

Конечно, шпионы и агенты тут были ни при чем. Речь идет о стремлении иранского руководства поставить под свой полный контроль массу афганцев, подчинить себе афганские контрреволюционные организации, избавиться от неугодных лидеров и превратить эти организации в послушное орудие в руках шиитской верхушки Ирана, а многочисленную армию эмигрантов и беженцев – в источник пополнения вооруженной контрреволюции, действующей на территории Афганистана.

С 1982 г. начался процесс перестройки афганских контрреволюционных организаций в Иране, а также выработка принципов руководства этими организациями со стороны ведомств ИРИ. В число мер, осуществленных в этот период, входили следующие:

была усилена охрана ирано-афганской границы. До апрельской революции в Афганистане на ирано-афганской границе с той и другой стороны имелось лишь несколько пограничных жандармских и таможенных постов на пересечениях с границей основных дорог, связывающих две страны;

после контрреволюционного мятежа в Герате в марте 1979 г. и с ростом активности контрреволюции в западных провинциях Афганистана при поддержке с территории Ирана правительство ДРА было вынуждено пойти на создание пограничных войск и дислокацию их подразделений вдоль границы с Ираном. В свою очередь, Иран выдвинул к афганской границе свои пограничные жандармские подразделения, а затем и специальные подразделения КСИР, перед которыми стояла задача предотвратить проникновение в Иран "советского влияния" из Афганистана путем ужесточения контроля за транспортными перевозками, передвижениями паломников, эмигрантов, кочевников, лиц, прибывающих в Иран на заработки, а также воспрепятствовать возвращению на родину афганских беженцев. Наличие вдоль границы с ДРА опорных пограничных пунктов обеспечивало также иранцам возможность организовывать переход через границу в Афганистан и возвращение в Иран диверсионных отрядов афганских контрреволюционных организаций в Иране, поддерживать связь с ними через границу, доставлять в Афганистан оружие и снаряжение;

в восточных районах Ирана была создана сеть лагерей для афганских беженцев, а также 14 центров по военной подготовке отрядов афганской контрреволюции. В этих центрах инструктора из числа бывших афганских военнослужащих обучают личный состав отрядов, навербованный в лагерях для беженцев, и участников уже действующих вооруженных отрядов, специально прибывших для прохождения военной подготовки из Афганистана, способам и методам ведения партизанской войны. Одновременно проходящие в этих центрах военное обучение подвергаются соответствующей идеологической обработке. Были приняты меры по ликвидации неугодных и объединению остальных афганских контрреволюционных организаций в так называемые "союзы".

Работой непосредственно с лидерами организаций занялся сам великий аятолла Монтазери, который позже был объявлен официальным преемником имама Хомейни.

В ходе регулярных встреч с руководителями афганских контрреволюционных организаций и групп Монтазери настойчиво призывал покончить с разногласиями и встать на путь решительной вооруженной борьбы против ДРА. "Сегодня, – заявлял он на очередной встрече с руководителями афганской контрреволюции, – надежды Афганистана обращены к вам, улемы и борцы-моджахеды. Ваш долг – отбросить все групповые противоречия, сплотить все борющиеся силы Афганистана, как шиитов, так и суннитов, вокруг единого национального религиозного центра и направить их на борьбу с неверными для спасения своей родины. Сегодня таким центром, самым идеальным, самым сильным и самым вдохновляющим, который в состоянии мобилизовать народы, является Иран под руководством великого вождя революции имама Хомейни!"[10]

Шиитское руководство приняло также ряд мер по централизации управления делами афганских контрреволюционных организаций. Помимо основной задачи – включения этой военно-политической силы в структуру исламского государства с его экспансионистскими устремлениями, эти меры были призваны ликвидировать приверженность афганских групп к тем или иным шиитским деятелям Ирана и не допустить усиления позиций упомянутых деятелей за счет афганской контрреволюции. В результате общий надзор за деятельностью афганских контрреволюционных организаций и беженцев был поручен, как уже говорилось, трем иранским ведомствам: Корпусу стражей исламской революции – военно-политической опоре шиитского руководства Ирана и непосредственному исполнителю программы экспорта "исламской революции" в другие страны, министерству внутренних дел, на которое возлагалась задача создания и содержания лагерей беженцев, и министерству информации – объединенной разведывательной и контрразведывательной организации, которой поручалось руководство и координация деятельности афганской контрреволюции, в том числе на территории ДРА.

В Куме был создан афганский теологический центр под общим руководством Монтазери. Этот второй после иракского иностранный теологический центр в Куме призван осуществлять подготовку афганского духовенства в духе преданности идеям "исламской революции" во главе с имамом Хомейни, изучать опыт борьбы иранского шиитского духовенства

против шахских властей. Сам факт существования в Куме, этой теологической столице Ирана, двух учебных центров для иностранцев – иракского и афганского духовенства – многозначительно свидетельствует о далеко идущих замыслах иранских шиитских экспортеров "исламской революции".

Все афганцы-беженцы, эмигранты и члены контрреволюционных организаций должны были пройти специальную регистрацию с выдачей удостоверений личности, в которых, помимо фамилии и имени владельца, указаны место его приписки в Иране и род занятий. Лица, не прошедшие регистрации, лишались всех прав и подлежали высылке из Ирана.

Создан так называемый Афганский совет, действующий по территории всей страны. В состав совета входят представители КСИР, МВД, канцелярии президента, премьер-министерства и личный представитель аятоллы Монтазери. Члены совета поддерживают постоянный контакт с представителями афганских контрреволюционных организаций. Совет имеет несколько комитетов, каждый из которых занимается определенной группой вопросов, имеющих отношение к пребыванию афганцев на территории Ирана. С афганской стороны, для сотрудничества с этим советом учрежден совместный штаб мусульманских моджахедов и эмигрантов Афганистана в ИРИ. Иранскому шиитскому руководству удалось в значительной мере взять под свой контроль деятельность афганских контрреволюционных групп и афганской эмиграции в целом.

Некоторые группы, отказавшиеся следовать в фарватере политики экспорта "исламской революции" и не признавшие Хомейни лидером всех мусульман, были распущены или изгнаны из страны.

Но противоречия между оставшимися организациями были все еще сильны. Особенно остро они проявлялись на территории Афганистана, в его западных районах и в Хазараджате, где действуют проиранские вооруженные отряды, представляющие ту или иную афганскую контрреволюционную организацию, обосновавшуюся в Иране. Соперничество из-за контроля над населенными пунктами, отдельными районами, из-за дележа награбленного и захваченного имущества, из-за распределения поступающего из Ирана оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов приводило к вооруженным стычкам между отрядами различных организаций, к сведению счетов между ними. Иранское руководство, расценивая ситуацию как нетерпимую, готовилось прибегнуть к новым мерам по укреплению своего контроля над подопечными афганскими контрреволюционными организациями.

К 1985 г. в Иране обосновались и действовали следующие афганские контрреволюционные группы и организации:

Организация НАСР, иногда именуется Организаций борющегося духовенства Афганистана (ОБДА);

Объединенный фронт исламской революции Афганистана (ОФИРА), созданный усилиями иранского руководства в 1983 г. с целью объединения относительно мелких шиитских афганских контрреволюционных организаций. В состав фронта входят 3 организации и так называемая Школа единства;

Организация Исламская сила (иногда – Исламские силы);

Организация Исламское движение Афганистана (ИДА). Это соперничающая с Организацией НАСР за влияние на территории Афганистана груп-

па, возглавляемая аятоллой Мохаммадом Асефом Мохсени, который одновременно возглавляет Объединенный фронт "исламской революции" Афганистана и входящую в этот фронт организацию РААД;

Партия аллаха. Создана в 1980 г. по образу и подобию иранской Партии аллаха;

Организация стражей исламского джихада Афганистана. Создана КСИРом в 1983 г.

Руководство Кумского теологического центра и Корпуса стражей исламской революции (КСИР), стремясь покончить с противоречиями в стане контрреволюции, усилили нажим на афганские группы. С 1984 г. в Иране начал выходить ежемесячный политический журнал "Хабльулла", рассчитанный на афганских эмигрантов, принимающих участие в борьбе против ДРА. Этот антиафганский, антисоветский журнал выдает себя за печатный орган, как бы стоящий выше интересов той или иной контрреволюционной афганской группировки и ставящий своей целью их объединение. Содержание журнала и даже его техническое оформление* не оставляет сомнения в том, что он издается непосредственно иранцами. Любопытная деталь: журнал заявил, что из "принципиальных соображений" он не будет называть авторов теоретических и политических статей, публикуемых в нем. В адрес журнала стали поступать письма афганцев, находящихся в Иране, в которых высказывались обоснованные подозрения в том, что журнал издается иранцами, так как его материалы даются на чистом персидском, а не дари языке. Это давало основание предположить, что материалы, публиковавшиеся в журнале, принадлежали перу иранских авторов. После критики со стороны афганских читателей стиль публикуемых материалов изменился, появились подписные статьи. Видимо, со временем иранцам удалось сколотить коллектив авторов из числа афганцев.

Аятолла Монтазери ввел в практику регулярные приемы у себя руководителей афганских групп. В ходе этих встреч он настойчиво рекомендовал, если это можно назвать рекомендациями, отбросить противоречия, покончить с враждой и направить свою энергию на борьбу против ДРА. По некоторым намекам, имеющимся в сообщениях об этих встречах в иранской прессе, можно сделать вывод, что Монтазери не гнушался и прямых угроз в адрес тех, кто не следует его рекомендациям, а тот факт, что упоминания о некоторых афганских контрреволюционных организациях вдруг исчезали со страниц иранской прессы, позволяет предположить, что они были высланы из страны или распущены. В этой связи уместно отметить, что иранская пресса редко и предельно лаконично сообщает об афганской контрреволюции на своей территории, поэтому получение информации о ней весьма затруднительно.

Наконец, в начале 1985 г. на встрече Монтазери с руководителями основных афганских контрреволюционных групп и организаций перед ними было выдвинуто ультимативное требование: или объединяйтесь и подписывайте соглашение о "прекращении огня" между собой, или закрывайте свои "конторы" в Иране и прекращайте здесь свою деятельность[11]. В этих усло-

---

* Каждый номер открывается портретом Хомейни и его цитатами по той или иной международной проблеме, затем обычно следуют поучения и рекомендации Монтазери в адрес афганской контрреволюции.

виях афганские контрреволюционные организации пошли еще на одно объединение: в марте 1985 г. было подписано соглашение о "прекращении огня" и был создан альянс Объединенные исламские организации Афганистана, в который вошли Организация НАСР, Организация стражей исламского джихада Афганистана, Организация Исламское движение Афганистана и Объединенный фронт исламской революции , состоящий, как об этом говорилось выше, из нескольких групп.

В мае 1985 г. альянс выступил с заявлением о своей решимости продолжать борьбу за "освобождение" Афганистана, объявил себя "частью мирового движения исламской революции", заклеймил сторонников политических переговоров с Советским Союзом и закончил лозунгом "Да здравствует всемирная исламская революция под руководством имама Хомейни"[12].

Под этим заявлением альянса отсутствуют подписи таких крупных шиитских афганских контрреволюционных организаций, как Исламское движение Афганистана ("харакят"), Исламская сила и Партия аллаха, но уже в июле 1985 г. эти организации фигурировали в числе подписавших соглашение о единстве. Все тот же "афганский" журнал "Хабльулла" отреагировал на эти события следующим образом: «Мы по праву считаем, что своевременные рекомендации аятоллы Монтазери оказали на участников исламской борьбы большое влияние. Вслед за этой встречей и высказанными на ней наставлениями все исламские группы, находящиеся в Иране, имеющие или не имеющие военное присутствие (в Афганистане. – *В.С.*), выступили с заявлениями, в которых с различными нюансами, но поддержали рекомендации аятоллы. Это историческое событие, заложившее основу всестороннего взаимопонимания, испугало высокомерных (по шиитской исламской терминологии – США и СССР. – *В.С.*) и до того вывело их из равновесия, что они разработали план и в качестве ответной меры закрыли в Пакистане представительства Объединенных исламских организаций... Интересно, что представительства Исламского движения Афганистана и Совета согласия (Революционный совет исламского согласия Афганистана – афганская контрреволюционная организация Хазараджата, см. о Хазараджате. – *В.С.*) в Пакистане продолжают действовать. В отношении Совета согласия это понятно, поскольку прекращена деятельность его представительства в Иране. Но вопрос с Исламским движением остается открытым, тем более что эта организация вместе с другими подписала соглашение о "прекращении огня" и принимала участие во встрече с аятоллой Монтазери, которая привела к закрытию представительств в Пакистане. Если на практике исламские группы будут действовать честно и в соответствии с указаниями и наставлениями аятоллы, то вскоре в освобожденных районах Афганистана утвердится атмосфера безопасности и спокойствия. Но если избранная этими организациями позиция объясняется только их стремлением остаться на территории Ирана (а это просматривается в некоторых из их заявлений), то они не достигнут своей цели»[13].

В середине декабря 1985 г. иранская пресса сообщила, что из тайного вояжа на территорию ДРА в Иран вернулись 160 (!) афганских теологов Кумского теологического центра во главе с афганским ходжат-оль-эсламом Голам Хосейном Арефи, которые в течение семи месяцев нелегально находились в Афганистане среди афганских контрреволюционеров, склоняя их к объединению в борьбе против национально-демократического строя.

Арефи в интервью корреспондентам иранских газет заявил: "Наставления великого аятоллы Монтазери, которые привели к подписанию заявления о единстве между семью исламскими группами Афганистана, сыграли бесценную роль для сражающихся афганских групп"[14].

По срокам выходит, что эта группа афганских теологов пересекла афганскую границу в мае 1985 г. Но все это время нажим со стороны аятоллы не прекращался. 27 июля 1985 г. состоялось еще одно "историческое" совещание руководителей афганской контрреволюции у Монтазери. На встрече присутствовали лидеры Организации НАСР, Стражей исламского джихада, Исламского движения Афганистана, Объединенного фронта исламской революции и Исламской силы, т.е. организации, которые "недавно подписали декларацию о единстве, после того как аятолла призвал их к объединению перед лицом советской агрессии в их стране".

Монтазери на этой встрече сделал следующий шаг на пути к превращению этих контрреволюционных групп в послушное в руках Ирана военно-политическое орудие, нацеленное на свержение национально-демократического строя в ДРА и на создание еще одного плацдарма "исламской революции" под эгидой иранских шиитских экстремистов. Он заявил присутствовавшим руководителям контрреволюционных групп, которые "попросили его наставлений", что "если их борьба имеет своей целью приведение к власти (в Афганистане. – *В.С.*) какой-то одной группы, то они должны прекратить эту борьбу... Если исламское движение одержит победу в Афганистане, – заявил аятолла, – то потребуется большое количество людей, чтобы руководить страной, и группы не должны думать, что каждая из них сможет взять на себя всю эту работу"[15].

Есть все основания предположить, что именно на этом совещании лидерам афганской контрреволюции было объявлено решение иранского шиитского руководства о проведении еще одной беспрецедентной военно-политической подрывной акции против ДРА – нелегальном направлении из Ирана в Афганистан через ирано-афганскую границу "делегации" представителей основных афганских контрреволюционных групп в Иране: Организации НАСР, Стражей исламского джихада, Исламского движения Афганистана, Объединенного фронта исламской революции и Исламской силы.

Об отбытии этой "делегации", естественно, не сообщалось. О ее возвращении в Иран стало известно из кратких сообщений иранской прессы 5 февраля 1986 г. Иранский ходжат-оль-эслам Джавахери, являвшийся "попечителем" делегации, в интервью корреспондентам заявил: "... после решительного указания великого аятоллы Монтазери об устранении внутренних разногласий и столкновений между группами в Афганистане, а также о необходимости создания единого исламского фронта всех афганских мусульманских групп, делегация, состоявшая из афганских улемов, богословов и представителей афганских групп, перешла на территорию Афганистана с главной целью, которая была отражена в нескольких пунктах инструкции: призвать мусульманские группы Афганистана к единству, к прекращению внутренних враждебных действий...". По заявлению Джавахери, во всех районах Афганистана, где смогла побывать "делегация", ее члены зачитывали послание аятоллы Монтазери о единстве, которое встречалось "с энтузиазмом". Когда "делегация" доложила результаты своего проникновения в ДРА аятолле, то он, отметив положительные

результаты ее работы, "посоветовал улемам и богословам чаще, при каждом удобном случае переходить в Афганистан, чтобы поднимать народ на борьбу"[16].

Очевидно, что иранские шиитские экспортеры "исламской революции" встали на путь серьезной подготовки своих сил для борьбы за свое будущее влияние в Афганистане.

Все афганские контрреволюционные организации и группы на территории Ирана, о которых говорилось выше, являются шиитскими. В то же время иранские религиозные лидеры, в том числе аятолла Монтазери, настойчиво твердят о том, что в борьбе против ДРА должны участвовать совместно как шииты, так и сунниты. Возникает вопрос, имеются ли на территории Ирана афганские контрреволюционные организации суннитского толка? Западная пресса иногда утверждает, что такие организации существуют, однако каких-либо конкретных данных не приводит.

Анализ иранской прессы позволяет с высокой степенью достоверности предположить, что на территории Ирана в 1984 г. появилась только одна суннитская контрреволюционная группа, отколовшаяся от находящейся в Пакистане организации Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) во главе с М. Наби Мухаммади – группировка, именующая себя теперь Обществом улемов Афганистана. Во главе группировки стоит некий моуляви Мохиэддин Хаддам, который, по его словам, не смог мириться с действиями своего прежнего лидера, выступающего за возвращение в Афганистан бывшего короля Захир-шаха.

"Это единственная в Иране группа братьев-суннитов, она не имеет штабквартиры и представительств ни в Пакистане, ни в какой-либо еще исламской или западной стране. Ее центр деятельности находится в Иране", – писала одна из иранских газет.

По заявлению самого Хаддама, его общество имеет под своим командованием на территории Афганистана "фронты" в провинциях Бадгис, Фарьяб, Герат и Нимруз. Фронтами в Бадгисе и Фарьябе командует сын Хаддама. Каких-либо дополнительных данных об этой организации нет[17].

Деятельность проиранской афганской контрреволюции на территории ДРА

Экспорт "исламской революции" в другие страны, прежде всего в страны традиционного распространения ислама, являющийся краеугольным камнем внешней политики Ирана, на практике подразумевает мобилизацию на борьбу против правительств своих стран шиитской части населения. Для иранского шиитского руководства эта задача облегчается тем, что Иран – это единственное в мире государство, где ислам шиитского толка объявлен государственной религией. К тому же Иран в своем регионе представляет собой наибольшую военно-политическую силу. Этот фактор, разумеется, ни в коей мере не зависит от усердия иранских шиитских экстремистов, это результат процесса исторического развития региона. В остальных странах традиционного распространения ислама шииты представляют собой религиозные меньшинства и относятся к наиболее эксплуатируемым слоям общества. Отсюда и выбор первых целей экспансионистской политики ИРИ: это прежде всего Ирак с его шиитскими религиозны-

ми центрами Кербелой и Неджефом и с 50% шиитского населения, это Ливан с его наиболее угнетенной в прошлом шиитской общиной и Афганистан, где 18% населения исповедует ислам шиитского толка. Далее, в планах иранского шиитского руководства числятся: Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ, страны Магриба и даже Филиппины.

Что касается Афганистана, то иранское шиитское руководство, видимо, отдает себе отчет в том, что оно не в состоянии поставить под свой контроль все отряды афганской контрреволюции как шиитского, так и суннитского толка. Поэтому оно пошло по пути создания на территории Ирана своей, проиранской афганской контрреволюции, послушных себе организаций и групп, поставив перед ними задачу выхода на разрозненные контрреволюционные отряды, действующие в западных и центральных районах Афганистана, населенных в основном шиитами, проникновения в них, подчинения тем или иным организациям, центры которых находились в Иране.

По мере становления афганских контрреволюционных центров в ИРИ, комплектации их надежными, с точки зрения иранского руководства, кадрами перед центрами ставятся более сложные задачи: создание и обучение боевых отрядов и групп в Иране для засылки на территорию ДРА, объединение мелких контрреволюционных групп и отрядов в более крупные, установление военно-политического контроля над отдельными, как их называют контрреволюционеры, "освобожденными" районами страны.

Проиранская ориентация шиитской части афганской контрреволюции обусловили и территориальные границы ее деятельности в Афганистане. Это Герат и Гератская провинция, горная область Хазараджат, на территории которой находятся провинции Гур, Урузган, Бамиян и север провинции Газни, т.е. районы наиболее компактного расселения шиитов.

Герат – крупный город с населением приблизительно в 150 тыс. жителей, окруженный многочисленными деревнями, составляющими обширную зеленую зону. Здесь благоприятные возможности для действий контрреволюционеров – засад, внезапных нападений, терактов.

"Старый город" в Герате, это расположенный в центре лабиринт глинобитных домов с узкими проходами между ними, с общими крышами, переходами, практически не доступен для контроля со стороны правительственных сил и служит надежным убежищем для контрреволюционеров.

Герат и Гератская провинция являются постоянными объектами подрывной деятельности как проиранской контрреволюции, так и афганских контрреволюционных организаций со штабами в Пакистане. Из "пакистанских" организаций здесь наиболее активно действует Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Б. Раббани, который из всех лидеров суннитских афганских контрреволюционных организаций поддерживает наиболее тесные связи с иранским шиитским руководством. ИОА с помощью своих эмиссаров и подготовленных в Иране и Пакистане боевых групп создало в Герате и Гератской провинции подпольные военно-политические органы власти: в самом Герате – "Главный амират ИОА в Герате", в уездах и волостях – просто "амираты". На основе боевых групп, засланных из Ирана и Пакистана, создана так называемая "дивизия Хазрата Хамзы", в состав которой входят до десяти "батальонов".

Говоря о Хазараджате, следует иметь в виду, что эта горная область в

центральной части Афганистана населена народностью тюркской группы – хазарейцами, мусульманами-шиитами, говорящими на персидском языке.

Труднодоступная, отрезанная горами от более развитых районов страны, почти не имеющая дорог, плохо пригодная для земледелия (зима длится шесть месяцев), с крайне низким уровнем экономического и социального развития область всегда считалась отсталой, а хазарейцы – наиболее угнетенной частью населения страны. Правившие режимы не принимали мер для развития Хазараджата, пуштунские кочевые племена наносили невосполнимые потери сельскохозяйственным угодьям региона, пересекая его во время сезонных кочевок. Помимо гнета и дискриминации со стороны бывших кабульских правителей, народ Хазараджата подвергался чудовищной эксплуатации со стороны собственных помещиков. Достаточно сказать, что рабство и работорговля в Хазараджате исчезли только в начале нынешнего века.

Апрельская революция 1978 г., провозгласившая равноправие всех народов страны, в силу ряда причин не успела и не смогла осуществить в Хазараджате какие-либо социальные или экономические преобразования, которые могли бы привлечь симпатии населения к новой власти. Более того, в то время как армия ДРА имела гарнизоны в центрах большинства провинций, что позволяло в какой-то степени контролировать обстановку, в центрах провинций Хазараджата – в Чагчаране (провинция Гур), в Тиринкоте (провинция Урузган) правительственных войск, а следовательно, и органов власти не было. Руководство ДРА почти не проводило военных операций по ликвидации отрядов контрреволюции на территории Хазараджата со ссылкой на то, что этот регион не имеет экономического значения, что нет смысла идти в эти отсталые районы страны и терять там людей и что после ликвидации контрреволюции в основных районах страны контрреволюция в Хазараджате сама сложит оружие.

В результате в Хазараджате возникли органы самоуправления, враждебные по отношению к правительству ДРА. Летом 1979 г. в Хазараджате состоялось учредительное собрание делегатов из 42 волостей и уездов региона, на котором было объявлено о создании высшего органа региона – Революционного совета исламского согласия Афганистана во главе с президентом Ревсовета Сеидом Али Бешехти (однофамилец иранского шиитского деятеля). Командующим вооруженными отрядами был избран бывший майор афганской армии Сеид Хасан Джагран. Была создана хазарейская партия – Союз исламских моджахедов Афганистана во главе с бывшим депутатом афганского парламента хазарейским авторитетом Вали Бейгом. Столицей Хазараджата было названо местечко Варас (провинция Бамиян).

В регионе созданы 42 комитета, взявшие на себя функции местной государственной власти. Учрежден порядок прохождения службы в вооруженных отрядах: из каждой семьи в отряд данного района выделялся один мужчина на срок в 15 суток. Оружие выдается бойцу отряда непосредственно перед выходом на операцию и сдается в комитет по возвращении. Вооруженные группы хазарейцев спускаются с гор и действуют в основном на дорогах в провинциях Гератской, Кандагарской, в Балхе и Газни. Помимо военно-политических целей, эти рейды преследуют и чисто

практические – грабеж колонн автомашин с продовольствием, медикаментами и другими хозяйственными грузами. Грабеж зачастую является основным побудительным мотивом участия в вооруженной борьбе.

Совет согласия имеет представительства в Пакистане (Кветта) и в нескольких иранских городах. Богатая хазарейская колония в Пакистане, существующая там с конца прошлого века, регулярно направляет в Хазараджат в виде помощи сахар, чай, лекарства и т.п., доставляемые пешими носильщиками[18].

На первом этапе своего существования руководителя Совета согласия рассчитывали на помощь со стороны Ирана. Иран, в свою очередь, рассматривал этот район в качестве плацдарма для экспорта своей "исламской революции". Но руководители региона не поднимали вопроса ни об отделении Хазараджата от Афганистана, ни даже об автономии и уходили от обсуждения этих вопросов. Более того, появились признаки того, что руководители Совета согласия стали сближаться с афганским суннитским контрреволюционным альянсом – Исламским союзом моджахедов Афганистана (ИСМА) под руководством С. Моджаддиди и С.А. Гилани, т.е. с исламскими традиционалистами, выступающими за восстановление в стране прежних порядков, за развитие страны по капиталистическому пути. Так, на новогоднем сборище членов этого альянса 21 марта 1984 г. в Пакистане присутствовала делегация Совета согласия во главе с ходжат-оль-эсламом шейхом Надером Али Махдави, который в своем выступлении перед собравшимися заявил: "Вы знаете, как угнетали ваших братьев-хазарейцев, как их презирали и вообще ни во что не ставили. Но эти же хазарейцы всегда самоотверженно служили Афганистану, они никогда не шли на предательство, они всегда выступали за единый и независимый Афганистан, были против его раздела..."[19]

Все это не могло не сказаться на отношении Ирана к Совету согласия, в результате иранские шиитские руководители в своих притязаниях на Хазараджат сделали ставку на послушные им проиранские афганские шиитские организации со штаб-квартирами на своей территории, в первую очередь на Организацию НАСР, Движение исламской революции во главе с Мохсени, Стражей исламского джихада. Вооруженные отряды этих организаций засылались из Ирана в Хазараджат не столько с целью борьбы против ДРА, сколько для установления своего контроля над территорией и населением Хазараджата. Более того, по некоторым данным, эти отряды имели указание избегать столкновений с правительственными войсками.

Если противоречия между проиранскими афганскими контрреволюционными группировками в самом Иране проявлялись в основном во взаимных оскорблениях и обвинениях в измене, то на территории ДРА между ними развернулась настоящая война. Отряды различных организаций дрались между собой за влияние над той или иной деревней, долиной, дорогой и т.д. Особенно жестокий характер приняла борьба между отрядами проиранских организаций за контроль над Бехсудом (провинция Вардак). Дело в том, что караванные пути с юга на север, которыми пользуются караваны с оружием, снаряжением, идущие из Пакистана в северные районы страны для отрядов афганской контрреволюции, неизбежно проходят район Бехсуда, и тот, кто контролирует Бехсуд, имеет возможность осуществлять контроль

за прохождением этих караванов, досматривать их, взимать "налоги" и "пошлины" или даже "конфисковывать" грузы.

Здесь в 1984 г. столкнулись отряды проиранских организаций НАСР и Движение исламской революции. На помощь последней подоспел отряд организации Исламское движение Афганистана, а затем в бой тоже против Организации НАСР вступил отряд хазарейцев из Совета согласия[20].

Как уже говорилось, иранское шиитское руководство пошло на далеко идущие шаги вплоть до незаконного направления на территорию ДРА своих представителей и руководителей афганских контрреволюционных групп для ликвидации этих противоречий и создания на территории ДРА единого фронта проиранских вооруженных отрядов афганской контрреволюции.

В результате иранской экспансии многие районы Хазараджата оказались под контролем прохомейнистских контрреволюционных сил. В частности, Организация НАСР имеет свои базы в районах Бехсуда, в провинциях Бамиян и Урузган. Помимо Хазараджата, эта организация, как заявляют ее руководители, имеет своих людей в Мазари-Шарифе, Ханабаде (провинция Кундуз), Пули-Хумри (провинция Баглан), в Пагмане и в самом Кабуле[21].

Иранское шиитское руководство пытается также утвердить свое влияние в приграничных с Ираном юго-западных провинциях ДРА – в Фарахе и Нимрузе. Однако эти попытки иранцев сталкиваются в этих провинциях с большими трудностями. Открытая равнинная местность и малонаселенность провинций значительно облегчают подразделениям афганской армии борьбу с вооруженными отрядами контрреволюционеров. Большинство жителей этих провинций являются суннитами, что также значительно ограничивает возможности проиранской шиитской контрреволюции. "Нужно сказать, – говорилось в печатном органе Исламского движения Афганистана, – что военные действия, которые ведут моджахеды в Нимрузе, ослабли, и там нет заслуживающих внимания операций; причина этого заключается в том, что советские войска вышли на линию границы и перекрыли ее"[22].

Тем не менее время от времени иранское руководство пытается активизировать контрреволюционную деятельность в Фарахе и Нимрузе, используя в этих целях беженцев из числа афганских белуджей и других афганских суннитов.

Взаимоотношения проиранской афганской контрреволюции и афганской контрреволюции в Пакистане

Хотя Иран предоставил свою территорию и оказывает помощь только шиитским афганским контрреволюционным организациям, взяв их под свой полный контроль и превратив в своего рода контрреволюционное военно-политическое ополчение, нацеленное на захват власти в западных и центральных районах Афганистана, иранское шиитское руководство поддерживает отношения с лидерами фундаменталистских, в своей основе – суннитских контрреволюционных организаций с центрами в Пешаваре, и

прежде всего с лидером Исламской партии Афганистана Г. Хекматьяром и лидером Исламского общества Афганистана Б. Раббани.

Отношения эти непростые, они переживали периоды взлетов и падений, иногда свертывались до минимума, но продолжают существовать, что дает основание считать их взаимовыгодными.

Какие цели может преследовать Иран, поддерживая связи и оказывая помощь афганским фундаменталистам-суннитам? Они могут быть дальними, на перспективу, и непосредственными, сиюминутными. В перспективе шиитское руководство Ирана намерено продолжать экспортировать "исламскую революцию", причем ближайшим объектом этого экспорта после Ирака и Ливана является Афганистан. Иранские экспортеры "исламской революции" отдают себе отчет в том, что афганские контрреволюционные организации, которые нашли себе прибежище на территории Ирана, являясь шиитскими, не могут рассчитывать на приход к власти в масштабах всего Афганистана, большинство населения которого исповедует ислам суннитского толка. Стало быть, в случае победы контрреволюции, считают иранцы, к власти в Кабуле придут сунниты, а именно наиболее организованные и экстремистские фундаменталистские организации, объединенные в Исламский союз моджахедов Афганистана (ИСМА-7) с такими лидерами, как Г. Хекматьяр и Б. Раббани. Считаясь с такой возможностью и в то же время стремясь реализовать свою идею утвердиться идеологически и политически в западных районах Афганистана, где преобладает шиитское население, а также в Хазараджате, руководители Ирана вынашивают в отношении названных районов далеко идущие планы, в частности создание в Афганистане так называемого Союза федеративных суннитской и шиитской исламских республик. При этом, само собой разумеется, что шиитская "федеративная республика" оказалась бы под влиянием Ирана. Но осуществить такой план в случае победы контрреволюции можно было бы, только заручившись согласием афганских суннитских фундаменталистов, т.е. тех же Г. Хекматьяра и Б. Раббани.

Что касается целей сиюминутных, то здесь и возможность оказания на афганских фундаменталистских лидеров выгодного ИРИ политического влияния, и координация деятельности вооруженных групп на территории Афганистана, и, наконец, оказание афганским фундаменталистам поддержки в их борьбе против своих соперников – исламских традиционалистских организаций, входивших в ИСМА-3.

Руководители афганских фундаменталистских организаций, и в первую очередь Г. Хекматьяр и Б. Раббани, со своей стороны также заинтересованы в поддержании отношений с руководством ИРИ.

Среди причин такой заинтересованности можно назвать следующие. Во-первых, Иран – это единственная мусульманская страна, провозгласившая основной внешнеполитический лозунг исламских фундаменталистов "Ни Восток, ни Запад". Поэтому с точки зрения "чистоты" основополагающих внешнеполитических принципов афганские фундаменталисты близки именно к Ирану. Во-вторых, в Иране сосредоточена вторая по численности афганская колония – эмигранты и беженцы, за счет которой, несмотря на сопротивление проиранских афганских контрреволюционных групп, суннитские контрреволюционные организации могут пополнять вооруженные

отряды своих партий, действующие в западных провинциях Афганистана. В-третьих, функционирование в Тегеране, Мешхеде и других городах Ирана официальных представительств ИПА и ИОА дает возможность заниматься пропагандистской и издательской деятельностью, а также сбором сведений об афганской колонии, вербовкой сторонников, получением информации от отрядов, действующих в Афганистане, направлением туда печатных изданий, инструкций и указаний. Так, гератский центр ("амират") ИОА поддерживает регулярную связь с представительством ИОА в Мешхеде. Основные печатные органы ИПА и ИОА издаются в Иране.

Г. Хекматьяр и Б. Раббани – частые гости в Иране. Их приезды сюда не всегда приятны как для хозяев, так и для гостей, поскольку между сторонами постоянно существуют различного рода разногласия и взаимное недоверие. Афганские фундаменталистские лидеры прекрасно понимают далеко идущие замыслы шиитского руководства Ирана в отношении Афганистана, и это заставляет их быть настороже.

В ходе одной из своих поездок в Иран в марте 1984 г. Г. Хекматьяр в интервью своему же печатному органу, издающемуся в Иране, заявил, что он приехал в ИРИ для участия в праздновании годовщины победы революции, но что "основная цель его приезда – создание атмосферы согласованности и взаимопонимания между двумя нашими революциями (все контрреволюционеры, в том числе афганские, предпочитают называть себя революционерами, а контрреволюцию – революцией. – *В.С.*). Враг старается разобщить эти две революции... Иранцы должны иметь в виду, что победа исламской революции в Афганистане явится надежной опорой для продолжения "исламской революции" в Иране... Афганская проблема, несмотря на ее величие, рассматривается в Иране как второстепенная, а то и третьестепенная". Г. Хекматьяр подчеркнул, что положение афганских беженцев в Иране, "несмотря на эаверения иранских официальных лиц в обратном, очень тяжелое: им запрещается вступать в браки, торговать, получать высшее образование, свободно перемещаться по стране... мы обратили внимание ответственных лиц на то, что враг, создавая трудности для афганских беженцев, стремится создать пропасть между нашими двумя народами... Некоторые люди сознательно, а некоторые – не преследуя каких-либо целей... создают в Иране антиафганские настроения. Мы выслушали замечания некоторых лиц, которые было бы лучше отнести на счет их неосведомленности. Они говорили – мы предоставили убежище афганским беженцам, а многие из них занимаются разбоем... Мы подняли эти вопросы перед ответственными лицами и попросили их принять меры к ликвидации антиафганских настроений"[2 3].

Как видно из интервью, Г. Хекматьяр, в отличие от руководителей проиранских афганских контрреволюционных групп, пресмыкающихся перед иранскими властями, ведет себя как лидер самостоятельной, независимой от Ирана политической силы. Примечательно, что в своем интервью он ни разу не упомянул Хомейни, хотя, казалось бы, должен был это сделать – и сам он находился в Иране, и газета издается в Иране. Впрочем, это характерная особенность Г. Хекматьяра – не ссылаться ни на какие авторитеты. Они для него просто не существуют.

Были свои трудности в отношениях с Ираном и у Б. Раббани. В 1982 г. иранские власти закрыли представительство ИОА в Мешхеде, обвинив

ИОА в связях с ЦРУ США. По некоторым данным, поводом для таких обвинений послужила связь, которую Б. Раббани тайно поддерживал с руководством АРЕ. Конфликт был улажен. Представительство ИОА снова возобновило свою деятельность, но обе стороны затаили недоверие друг к другу.

Таким образом, творцы шиитской "исламской революции" в Иране и фундаменталистские лидеры суннитской контрреволюции в Афганистане, придерживающиеся программного внешнеполитического принципа "Ни Восток, ни Запад", поддерживают, каждые в своих собственных интересах, пока это им выгодно, взаимоотношения на определенном уровне, стараясь сохранить этот уровень без изменений: не дать этим отношениям зайти слишком далеко и в то же время не допустить их полного свертывания.

Иранское шиитское руководство категорически отвергает любые формы сотрудничества с традиционалистскими суннитскими афганскими контрреволюционными организациями. Эти организации – Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди, Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) под руководством А. Гилани и Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством М. Наби Мухаммади – выступают за возвращение Афганистана на прежний, додаудовский путь развития, за мусульманское по своему характеру государство, но где религия и ее деятели не претендуют на руководство страной и обществом, за возвращение из изгнания и участие в борьбе бывшего короля Афганистана Захир-шаха.

Будучи более пуштунскими по своему составу, чем фундаменталистские, эти организации выступают также за сохранение таких понятий, как патриотизм, национализм, родина, племя, в то время как фундаменталисты, взявшие на вооружение теорию египетских "братьев-мусульман", отвергают все эти понятия как противоречащие "чистому" исламу и пропагандируют "исламскую революцию", отрицающую национальные границы. Наконец, руководители традиционалистов тесно связаны с Западом (С.А. Гилани) и с консервативными арабскими странами (С.А. Гилани, С. Моджаддиди), чего не могут им простить иранские шиитские руководители и проповедники лозунга "Ни Восток, ни Запад".

Руководители афганских традиционалистских организаций, несмотря на открытые нападки со стороны иранского шиитского руководства, занимают по отношению к Ирану более гибкую позицию. Они, по крайней мере внешне, терпеливо сносят нападки иранского руководства, выступают за "объединение" всех сил, борющихся против ДРА. Такая позиция во многом объясняется политикой США и консервативных арабских стран, настаивающих на объединении всех афганских контрреволюционных сил.

Один из лидеров традиционалистов С. Моджаддиди на сборище своих сторонников по случаю Ноуруза (21 марта 1984 г.), заявил: "Наша политика такова: каждый, кто в Афганистане воюет против врагов религии и родины, из какой бы группы или партии он ни был, – это наш брат и мы готовы находиться с ним в одном ряду". Правда, затем он не преминул добавить: "Но с теми, кто пробирается в ряды борцов под именем моджахедов, а затем направляет оружие против наших мусульман, сжигает их дома и поднимает руку на моджахедов, с теми, кто в течение этих нескольких лет нанес сильный ущерб делу джихада, с этими лицами мы не

можем быть в одном союзе"[24]. Под "этими лицами" С. Моджаддиди имел в виду своих соперников фундаменталистов, и прежде всего ИПА, известную своею жестокостью по отношению к населению и непримиримостью к другим контрреволюционным группам и отрядам.

Говоря об отношениях с Ираном, представитель ИСМА-3 д-р Аэизулла Лудин заявлял: "В Иране, соседней и братской стране, под влиянием злонамеренной пропаганды соперников (читай – ИСМА-7. – *В.С.*) для нас созданы трудности, которые, как мы надеемся, вскоре будут устранены, и мы прилагаем большие усилия к этому"[25].

Эти "трудности", за устранение которых ратовал Лудин, пока что не только не устранены, но еще более возросли.

Представляют интерес отношения, существующие между проиранскими шиитскими афганскими контрреволюционными организациями со штабквартирами в Иране и суннитскими афганскими контрреволюционными организациями, обосновавшимися в Пакистане. Эти отношения неоднозначны. Со стороны проиранских организаций они определяются прежде всего отношением их иранских покровителей. Так, проиранские организации стараются воздерживаться от критических высказываний в адрес афганских фундаменталистских групп, входивших в ИСМА-7, учитывая наличие между ними и иранским руководством определенного рода взаимодействия.

Вместе с тем в отдельных случаях, когда высокомерие афганских фундаменталистов заходит, с точки зрения проиранских организаций и самих иранцев, слишком далеко, они не выдерживают и срываются на ругань. Так, когда один из руководителей ИСМА-7 Ю. Халес в июне 1985 г. в интервью корреспонденту Би-Би-Си заявил, что он ничего не знает об объединении в Иране шиитских афганских контрреволюционных организаций, это вызвало в Иране бурю, нашедшую свое отражение на страницах все того же иранского ежемесячника "Хабльулла". Безымянный, как обычно в этом журнале, автор заявил, что интервью Ю. Халеса "вызвало удивление", так как "на вопрос, как он оценивает объединение шиитских групп в Иране, он с полным нахальством ответил, что ничего не знает об этом. Это вызывает удивление и тревогу, поскольку руководитель политической партии и спикер нескольких политических партий, претендующих на руководство нашим обществом, не осведомлен о важном политическом событии, касающемся своей страны".

Комментируя далее высказывание Ю. Халеса о том, что он признает только те афганские группы, которые "присутствуют" на всей территории Афганистана, журнал пишет: "Известно, что ... одну третью часть населения этой страны составляют шииты. Заявления Ю. Халеса вызывают тревогу и стыд, поскольку любой осведомленный человек может спросить: как смеет руководитель группы закрывать глаза на существование 6 млн. мусульман-шиитов, которые, имеют военное присутствие во всех точках страны и воюют против русских? Если цель этого заявления – непризнание тех групп, которые не присутствуют по всему Афганистану или присутствуют только в ограниченном числе районов, то в этом случае такой подход можно отнести и к самому этому господину, поскольку, кроме как в долинах Котале Шибар и Панджшир, его самого никто нигде не знает"[26].

Что касается отношения проиранских шиитских афганских контрре-

волюционных организаций к традиционалистской афганской контрреволюции, то здесь, подпевая своим иранским хозяевам, они дают себе полную свободу в выборе выражений! Приведем наиболее сдержанное и "научно" обоснованное определение этой группы афганских контрреволюционных организаций, содержавшееся в одном из заявлений проиранских Объединенных исламских организаций Афганистана, опубликованное в мае 1985 г. Характеризуя состав участников одного из отрядов афганской контрреволюции к ИСМА-3, заявление гласит: "Либералы, демократы, националисты, монархисты и все реакционные силы, которые утратили свое положение, политические и племенные посты, снова хотят половить рыбу в мутной воде. Они играют на чистых чувствах нашего народа, они хотят путем переговоров и сделок вернуть империализм и его реакционных приспешников и посадить их на шею нашему обездоленному народу. Но наш народ не забыл, как те же демократы и монархисты готовили почву для нападения России. Они сами стали жертвой этого нападения и ушли. И теперь – хватит с них"[27].

Со стороны афганских суннитских контрреволюционных организаций базирующихся в Пакистане, в отношении проиранских шиитских группировок хранится презрительное молчание; их игнорируют, по крайней мере на станциях прессы и в выступлениях. Примером такого игнорирования может служить и приведенный выше случай с ответом Ю. Халеса корреспонденту Би-Би-Си о его "неведении" о процессах, происходящих в рядах афганской контрреволюции в Иране. Впрочем, ответ мог быть и искренний, ведь Ю. Халес не тот "политический деятель" как его называют проиранские конкуренты, чтобы следить за событиями, выходящими за пределы его собственных, довольно узких интересов. Во всяком случае, совершенно очевидно, что афганские суннитские контрреволюционные группы в Пакистане не намерены ни сотрудничать, ни тем более делить с ними еще не завоеванную власть, за которую они ожесточенно борются.

* * *

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Афганские контрреволюционные организации, центры которых находятся в Иране, по своему национальному составу являются непуштунскими, а по религиозной окраске – шиитскими. Это означает, что проиранская афганская контрреволюция как по национальному составу, так и по религиозной окраске, не может претендовать на то, чтобы "представлять" весь афганский народ; более того, она не может претендовать даже на то, что она "представляет" большую часть этого народа.

Непуштунский национальный состав и шиитская религиозная окраска этого отряда афганской контрреволюции ограничивают его деятельность локальными выступлениями в основном вЕратской провинции и в Хазараджате.

2. Афганская шиитская контрреволюция с центрами в Иране не имеет своих собственных политических и идеологических взглядов, она взяла на вооружение навязанные ей иранским шиитским руководством политические и идеологические установки имама Хомейни с их лозунгами "Ни Восток, ни Запад", "Ислам не знает границ", которые представляют собой

теоретическое обоснование экспорта "исламской революции", т.е. открытого вмешательства во внутренние дела других стран, в том числе Афганистана. Эта часть афганской контрреволюции является наиболее беспринципной и продажной, вставшей на путь открытого предательства своего народа и страны ради политических интересов иностранного государства – Ирана.

3. Иран выступает по отношению к ДРА в качестве экспортера контрреволюции. Проиранская афганская контрреволюция представляет собой военно-политический резерв в распоряжении шиитского руководства Ирана, предназначенный для претворения в жизнь его экспансионистских планов в отношении Афганистана. Руководство Ирана будет стремиться использовать этот резерв в целях распространения своего политического влияния или даже господства прежде всего в западных районах Афганистана. Можно предвидеть, что в случае благополучного для Ирана исхода ирано-иракской войны или ее прекращения по тем или иным причинам, иранское шиитское руководство активизирует свою экспансионистсткую политику в отношении Афганистана, причем главным инструментом этой политики явится афганская шиитская контрреволюция, находящаяся под контролем иранских экстремистов.

Глава 9

УСИЛИЯ США ПО СРЫВУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВОКРУГ АФГАНИСТАНА И ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ ДРА

Политические и военные успехи ДРА в борьбе против контрреволюции, курс афганского руководства на расширение социальной базы режима, медленное, но все же движение вперед непрямых афгано-пакистанских переговоров в Женеве об урегулировании положения вокруг Афганистана под эгидой ООН, неустойчивая обстановка в Пакистане, отход так называемого "афганского вопроса" на международной арене на задний план под натиском иных международных событий – все это начиная уже с 1984 г. беспокоило США, подталкивало их к выработке новых "решений" по Афганистану. Авторы таких "решений" ставят две задачи. Первая – затянуть политическое урегулирование "афганской проблемы" на возможно более долгий срок, нанести Советскому Союзу максимальный политический, идеологический и экономический ущерб. Вторая задача – подготовить условия, которые в случае если возможности достижения первой задачи будут исчерпаны, позволили бы США играть прямую и активную роль в процессе политического урегулирования, направить этот процесс в выгодное для США русло – создание на территории Афганистана дружественного США и по возможности враждебного Советскому Союзу или, в крайнем случае, нейтрального государства.

Заинтересованность США в затягивании политического решения очевидна и не скрывается самой американской стороной. "... Чем более дорогим мы сделаем для Советов сегодняшний день в Афганистане, тем менее

шансов на то, что они не предпримут аналогичные авантюры где-либо в будущем"[1].

Что касается второй задачи, т.е. создания условий, при которых администрация США имела бы возможность направлять процесс политического урегулирования в выгодном для нее направлении, то на этом важном моменте следует остановиться особо.

В январе–феврале 1984 г. эксперт комитета сената США по иностранным делам Дж.Б. Ритч III по поручению председателя этого комитета сенатора-демократа (от штата Иллинойс) Ч. Перси и влиятельного члена этого комитета сенатора К. Пелла (от штата Род-Айленда) совершил двухнедельную поездку в Пакистан (с нелегальным переходом на территорию Афганистана), после чего представил комитету доклад об обстановке в афганских контрреволюционных организациях, о противоречиях в стане контрреволюции, о степени ее вооруженности и т.д.[2] Доклад содержал некоторые выводы и предложения по закреплению влияния США на афганскую исламскую контрреволюцию и о политике администрации США в отношении афганской проблемы в целом.

8 апреля 1984 г. тот же комитет опубликовал доклад Дж. Ритча уже от своего имени и призвал администрацию США заявить о своей готовности признать афганское правительство, если оно будет сформировано в эмиграции, что оказало бы, по мнению сенатского комитета, "давление на Советский Союз с целью побудить его вывести из Афганистана своих военнослужащих и согласиться на создание там некоммунистического правительства"[3] Однако авторы доклада считают, что признанию такого правительства со стороны США должно предшествовать объединение контрреволюции, создание "единого и представительного органа". Сенатский комитет призвал конгресс заявить о готовности признать в будущем правительство в эмиграции, что "создало бы мощный стимул для процесса объединения"[4].

Судя по последовавшим событиям, именно доклад Дж. Ритча лег в основу целого ряда политических шагов США в отношении вопроса вокруг Афганистана. Поэтому, видимо, следовало бы несколько подробнее остановиться на содержащихся в докладе рекомендациях о целесообразности выработки нового подхода США к вопросу вокруг Афганистана.

В докладе моделируется два возможных исхода афганской ситуации. Первый – разгром афганской контрреволюции, окончательная победа нынешнего кабульского режима и "ассимиляция Афганистана в советскую империю". Второй – создание на территории Афганистана некоммунистического государства на условиях, устраивающих Советский Союз, вывод из Афганистана советских войск и объявления нейтралитета страны. Первый вариант "исхода" не устраивает ни автора, ни администрацию, и он нигде более не упоминается. Во втором варианте будущего страны подчеркивается, что надежды на второе решение связаны с созданием условий, которые заставили бы Советский Союз изменить свою политику в отношении Афганистана. Какие же это условия? Их три:

1. Усиление военного давления (на Советский Союз. – *В.С.*) через растущие мощь и единство контрреволюции.

2. Усиление политического давления через акции, демонстрирующие решимость международного сообщества (читай – США и их союзников – *В.С.*) оказывать помощь афганской контрреволюции, поддерживая ее

существование и противостояние правительству ДРА в течение требуемого периода времени.

3. Создание ясной альтернативы поддерживаемому Советским Союзом режиму в Кабуле[5].

Другими словами, США должны увеличить военную и иную помощь афганской исламской контрреволюции, побуждать ее к единству и активизации военных действий, интернационализировать афганскую проблему путем вовлечения в нее западных стран, союзников США, ООН, ОИК, других стран и движений и, наконец, создать альтернативу руководству ДРА.

"Цель политики США, – заявит в 1985 г. координатор программы международных исследований американского института Гувера П. Дьюгнан, – должна заключаться в интернационализации афганской борьбы, чтобы добиться поддержки моджахедов в ООН, Лондоне, Париже, Бонне, Каире и других местах. Нужно усилить давление на Советский Союз. Администрация Рейгана выделила из бюджета 280 млн долл для афганского сопротивления, и эта активная поддержка оружием и деньгами должна продолжаться, если мы хотим, чтобы Афганистан был освобожден... Афганцы должны объединиться, их следует лучше подготовить к применению противотанковых и зенитных ракет, чтобы поднять цену нахождения Советов в Кабуле"[6].

Таким образом, на этом этапе выработки программы своих политических действий в отношении Афганистана США уже не могли мириться с существованием двух основных и враждебных друг другу отрядов афганской исламской контрреволюции – фундаменталистского, внешне враждебно настроенного к США, и традиционалистского, с которым США поддерживали прямые и постоянные связи. Им нужна была одна, единая, как можно более сплоченная афганская контрреволюция, которой можно руководить, которую можно было бы представить мировому общественному мнению в качестве представителя всего афганского народа. Такая единая контрреволюция была необходима США и как альтернатива руководству ДРА в связи с афгано-пакистанскими переговорами в Женеве. Американцам нужна была политическая сила, хотя бы искусственно созданная, но внешне единая, которую можно было выдвинуть на роль "законного" претендента на право руководить Афганистаном.

Нет сомнения в том, что США, и их западные союзники и исламская реакция не ограничивались только призывами к единству. В нашем распоряжении пока нет конкретных и документальных данных, подтверждающих прямое участие США и их пособников в сколачивании единого контрреволюционного блока или попыток на каком-то этапе ввести в процесс переговоров в Женеве представителей такого блока в качестве самостоятельной юридической величины. Но весь ход событий свидетельствует об этом. Начиная с 1984 г. американцы и их союзники ведут работу по размыванию основ фундаменталистского альянса ИСМА-7, по изоляции наиболее радикального его крыла во главе с Г. Хекматьяром, не идущего на открытое сотрудничество с США, по привлечению к такому сотрудничеству более прагматичного лидера ИОА Б. Раббани.

Уже в феврале 1985 г. ИСМА-7 окончательно распадается на две группировки: в одну из них входят четыре основные фундаменталистские орга-

низации – Исламская партия Афганистана во главе с Г. Хекматьяром, Исламская партия Афганистана во главе с Ю. Халесом, Исламское общество Афганистана во главе с Б. Раббани и Исламский союз освобождения Афганистана во главе с мятежным и скандальным А. Сайяфом, в другую – покинувшие в свое время традиционалистов, но сохранившие свои названия – Движение исламской революции Афганистана во главе с Мансуром, Движение исламской революции Афганистана во главе с Музином и Национальный фронт спасения Афганистана во главе с М. Миром.

Один из этих прежних традиционалистов, предавший своих бывших хозяев, а теперь оказавшийся ненужным и фундаменталистам, Насрулла Мансур, заявил, что Сайяф, Халес, Хекматьяр и Раббани саботируют решения ИСМА-7 и проводят свой независимый военно-политический курс, и обратился к президенту Пакистана Зия-уль-Хаку с призывом вмешаться в дела альянса с целью укрепления его единства![7] Эти три группы, видимо, сыграли отведенную им роль "довеска" к четырем основным фундаменталистским группам, чтобы сохранить ИСМА, созданный в 1981 г. под давлением Саудовской Аравии и при непосредственном участии ее улемов, помогли сохранить фундаменталистам свое лицо, соблюсти клятвы, данные на Коране и "Святой Бухаре" в июне 1981 г. в мечети Махабат в Пешаваре, когда был провозглашен альянс ИСМА.

Теперь эти три группы оказались ненужными. Наступила очередь следующего шага – воссоединения семи "законных" групп – четырех фундаменталистских (ИПА, ИОА, ИПА Халеса, ИСОА Сайяфа) и трех традиционалистских (НФСА, НИФА и ДИРА) во внешне прежний (плюс ИСОА) альянс – Исламский союз моджахедов Афганистана (ИСМА), что и произошло в мае 1985 г. На этот раз не было столь пышных церемоний и торжественных клятв в верности, которые уже столько раз нарушались.

Новые старые союзники не доверяли друг другу, ненавидели друг друга. Их толкали на объединение давление со стороны США, Запада, исламской реакции, угрозы о прекращении политической и финансовой поддержки, страх перед переговорами в Женеве, перед угрозами военных контрреволюционных предводителей на территории самого Афганистана (выросло и такое поколение контрреволюционеров) объединиться и отказаться от услуг и руководства грызущихся в Пешаваре теоретиков и политических лидеров. «В пределах Афганистана, – писала по этому поводу западногерманская газета "Вельт", – сейчас предпринимаются усиленные попытки сформировать единый фронт без привлечения к участию в нем лидеров различных партий, пребывающих в Пешаваре. На практике такой единый фронт уже давно существует»[8].

Новосозданный ИСМА не смог явиться тем единым контрреволюционным альянсом, который был нужен США.

Корреспондент "Вашингтон пост" Д. Руперт сообщал из Пешавара: "Более чем через три месяца после создания официального альянса семь основных групп не добились прогресса в деле обеспечения подлинного политического и военного единства ... Под нажимом Пакистана, Саудовской Аравии они создали альянс ИСМА, но ожесточенные споры по-прежнему препятствуют сотрудничеству между ними ...". Подобно своему американскому коллеге, журналист из западногерманской "Вельт" также отметил признаки недовольства военных руководителей отрядов, ведущих

вооруженную борьбу на территории самого Афганистана, своими политическими лидерами. "Многие руководители моджахедов в Афганистане проявляют все большую нетерпимость в отношении ссор политических лидеров своих групп в Пешаваре. Возможно, это и способствовало их формальному объединению в мае 1985 г."[9] "Отсутствие координации между сторонами, – дипломатично заявлял в этот период лидер НИФА С.А. Гилани, – до сих пор создает определенные проблемы; нам необходимо работать над этим вопросом". Представитель ИОА Масуд Халили был более откровенен: "Мы и не надеялись, что альянс будет успешным, поскольку в него входят многие соперничающие группы, в нем налицо столкновение интересов Однако малая толика координации лучше, чем совсем ничего"[10].

В августе 1985 г. новый, а точнее, возрожденный альянс после долгих споров выработал единую политическую позицию лишь по одному вопросу и поспешил закрепить ее в коммюнике: это было требование о том, чтобы афганская контрреволюция "играла определенную роль в любых переговорах по Афганистану"[11]. Администрация США нуждалась не только в формальном альянсе афганской контрреволюции, а в едином и послушном союзнике, якобы представляющем большинство афганского народа.

Переговоры в Женеве между Афганистаном и Пакистаном при участии представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса значительно продвинулись. По неофициальным данным, исходившим из западных политических кругов (переговоры в Женеве носят закрытый характер), отработаны все афгано-пакистанские документы, кроме одного – графика предполагаемого вывода из Афганистана ограниченного контингента советских войск. По тем же сведениям, Пакистан настаивает на скорейшем выводе войск в течение нескольких месяцев после подписания документов и гарантирует прекращение вооруженной интервенции афганской контрреволюции на своей территории. Что касается афганской стороны, то она вначале хотела бы убедиться, насколько действенны меры Пакистана по прекращению агрессии и только после этого просить Советский Союз о выводе своих воинских частей.

Между прекращением контрреволюционной интервенции, т.е. перекрытием пакистанцами своей границы и установлением контроля над лагерями беженцев и военными центрами афганской контрреволюции, и моментом полного вывода советских войск неизбежен какой-то промежуток времени. Это беспокоит противников ДРА, в том числе США, Пакистан, исламскую реакцию, но прежде всего афганскую контрреволюцию. Последняя опасается не нанесет ли ДРА решающего удара по контрреволюции именно в этот период? "Моджахеды выступают против переговоров в Женеве, – пишет в одной из своих статей, опубликованной в журнале "Проблемы коммунизма", Залмай Халилзад, – так как в этих переговорах не участвуют их представители, а также потому, что они боятся, что Пакистан согласится на что-либо неприемлемое, хотя пакистанцы консультируются с ними.

Опасность раскола между Пакистаном и сопротивлением по вопросу политического урегулирования серьезна. Моджахеды могут отвергнуть соглашение, так как их основная цель – устранение коммунистического правительства. Некоторые моджахеды продолжат сопротивление и без

помощи со стороны Пакистана, но без этой помощи сопротивление моджахедов драматически утратит действенность"[12].

Все это объясняет заинтересованность США иметь в своем распоряжении политический рычаг для вмешательства в процессе политического урегулирования вокруг Афганистана. Таким рычагом, по мнению Вашингтона, должна была явиться единая и послушная ей афганская контрреволюция, признанная на Западе и в "третьем мире", по возможности, хотя бы внешне, респектабельная, имеющая единую политическую и военную структуру, отказавшаяся от своих антиамериканских выходок и пугающего фундаменталистского лозунга "Ни Запад, ни Восток". Одним словом, американцам нужна альтернатива нынешнему руководству ДРА.

Наличие единой и послушной афганской контрреволюции давало бы США возможность иметь партнера и союзника, с которым можно было бы налаживать прямые политические и иные связи, открыто оказывать ему прямую помощь и спекулировать угрозой официального признания этого союзника. Единый лагерь афганской контрреволюции нужен Вашингтону и для того, чтобы используя его наличие, подталкивать Советский Союз на переговоры с этим лагерем по достижению возможного компромисса в вопросе о будущем государственном устройстве Афганистана. Нельзя исключать, что на каком-то этапе женевских переговоров США или Пакистан выдвинут предложение об участии на заключительной стадии этих переговоров представителей объединившейся афганской контрреволюции.

Традиционалистские контрреволюционные организации и ранее были практически в распоряжении Вашингтона, но они, как правильно рассчитали американцы, имеют влияние и военно-политические возможности только в некоторых районах расселения пуштунских племен и не могут претендовать на "признание" со стороны северных и западных районов страны, т.е. со стороны нацменьшинств. Вашингтону нужна контрреволюция, которая как бы представляла всю территорию Афганистана и все населяющие его народности. Поэтому Вашингтон поставил перед собой задачу вовлечь в единый альянс афганской контрреволюции всех или какую-то часть исламских фундаменталистов.

Работа по дальнейшему сплочению афганской контрреволюции набирала темпы. Активизировались союзники США: лидеров контрреволюционных организаций стали принимать на государственном уровне, участилось проведение в различных странах коллоквиумов, симпозиумов и прочего по "афганскому вопросу". «Афганистан снова в потоке новостей, – писала американская "Телеграф"[13], – президент удвоил выделенные ЦРУ средства для вооружения афганских повстанцев, – теперь они достигают четверти миллиарда долларов». Как теперь ясно, шла лихорадочная подготовка к визиту в США и к беспрецедентной не какой-то частной, а официальной встрече президента США с лидерами афганской контрреволюции, причем инициатива проведения встречи исходила от американской стороны. С этой целью в марте 1986 г. в Пакистан в качестве личного представителя президента США выезжал министр юстиции США и доверенное лицо Р. Рейгана Э. Миз, имевший при себе послание президента лидерам афганской контрреволюции. В апреле там же побывал заместитель госсекретаря США по политическим вопросам М. Армакост. Наконец, к июню 1986 г. встреча

вчерне была подготовлена. Одна из американских газет накануне вашингтонской встречи писала: "Лучшая по сравнению с нынешней организация движения сопротивления и выдвижение его руководителей, которые были бы приемлемы в качестве национальных представителей, может ознаменовать собой существенную перемену как в плане завоевания признания целей партизан, так и в плане предоставления им возможности иметь дело с Москвой. Важно, чтобы повстанцам удалось не только продолжать свое сопротивление, но и создать у себя политическое руководство... По словам американского эксперта Селига Гаррисона, США склонны поддерживать мусульманских фундаменталистов, группировки которых располагают наилучшим военным командованием, представляя в их распоряжение деньги и агентов. Но эти группировки не пользуются поддержкой местных народностей и не в состоянии развить достигнутые успехи, доведя дело до создания мятежниками освобожденных зон... США должны сделать все, что в их силах, чтобы стимулировать появление сплоченного руководства в лагере сопротивления и убедить русских в том, что движение сопротивления – необходимый партнер в деле достижения договоренности о выводе советских войск и установления мира"[14].

Можно предположить, что при подготовке поездки в США делегации лидеров афганской контрреволюции в Исламабаде и Пешаваре происходила упорнейшая борьба. Американцы, видимо, ставили перед собой задачу заполучить делегацию в составе представителей или лидеров всех семи организаций, вошедших в сколоченный с их помощью контрреволюционный альянс ИСМА. Но добиться этого они не смогли. Вечером 13 июня 1986 г. из Исламабада в Вашингтон отправилась делегация, состоявшая из лидеров только четырех организаций, входивших в ИСМА, о которых сказано ранее.

Участие Б. Раббани в делегации и его приезд в Вашингтон в какой-то степени явились политическим успехом США. Ведь ИОА, которую он возглавляет, – вторая по значению после ИПА фундаменталистская организация, а сам Б. Раббани ранее заявлял, что он никогда не поедет в США.

Напомним еще раз, что, как сказал представитель Белого дома Лэрри Спикс после встречи журналистам, президент в ходе переговоров заявил, что официальное признание "афганских сил сопротивления" со стороны США в данный момент "было бы преждевременным"[15]. Однако сразу же после встречи президента с лидерами афганской контрреволюции была организована так называемая "утечка" информации через прессу. Печать сообщала, что президент Рейган оставляет открытой возможность дипломатического признания афганских мятежников на тот случай, если им удастся создать орган, обладающий отличительными признаками правительства[16]. Сотрудник администрации, на которого ссылалась печать, назвал несколько таких отличительных "черт правительства". Одной из таких черт должно стать укрепление сотрудничества между мятежниками. Второй – распространение их контроля над большей частью территории Афганистана. По словам анонимного сотрудника, Рейган поддержал требование контрреволюционеров о том, чтобы переговоры о выводе советских войск из Афганистана велись между "воюющими группировками", т.е. между афганской контрреволюцией и Советским Союзом. Он же привел слова Рейгана о том, что афганской контрреволюции следует добиваться, чтобы

ее действия стали заметнее для международного сообщества, что для США было бы легче пойти на дипломатическое признание мятежников, если бы их коалиция приобрела более широкую поддержку и не выступала в роли сателлита Вашингтона. Должностные лица, с которыми встречались афганцы, рекомендовали им активизировать усилия в ООН, в Организации исламской конференции, чтобы привлечь к себе симпатии неприсоединившихся стран.

В целом визит "делегации" афганских контрреволюционеров в Вашингтон в июне 1986 г. и их встреча с Рейганом не оправдали надежд ни одной из сторон. Б. Раббани, касаясь резко отрицательной реакции Г. Хекматьяра и А. Сайяфа на поездку "делегации" в США, заявил, что "это точка зрения меньшинства, так бывает в любом правительстве"[17], и что к зиме 1986–1987 гг. афганская контрреволюция выполнит требования, выдвинутые американцами в качестве условия их дипломатического признания.

Но похоже, оптимизм Б. Раббани был не совсем оправдан. Его вояж в США во главе делегации афганских контрреволюционеров привел почти к фактическому распаду созданного в мае 1985 г. альянса ИСМА. "Лидеры афганской контрреволюции не способны преодолеть разногласия, возникшие после визита этим летом в Вашингтон некоторых из них, что привело к открытому расколу"[18], – писала влиятельная американская газета "Вашингтон пост". "Это приглашение моджахедов было для нас опаснее, чем взрыв бомбы, – заявил помощник А. Сайяфа. – Разве американцы не знали, что это опасно? Почему они не поступают так, как Китай или Пакистан? Пакистан сделал для нас больше все, в тысячу раз больше, чем американская администрация. Однако мы никогда не слышали, чтобы Зия-уль-Хак хоть что-нибудь сказал об этом. США позируют перед русскими, и нам это совсем не помогает...". Теперь, после своего визита в США и открытого раскола, Б. Раббани бóльшую часть своего времени тратит на то, чтобы убедить своих сторонников из лагеря беженцев в том, что его усилия оправданы и что Афганистан не должен бояться принимать любую помощь до тех пор, пока связанные с ней условия не станут неприемлемыми[19].

Встреча афганских контрреволюционеров с Рейганом 16 июля 1986 г. ознаменовала начало нового ужесточения политической линии США в вопросе об Афганистане. Администрация США четко обозначила свое намерение вести дело не к политическому урегулированию, идея которого заложена в самом содержании афгано-пакистанских переговоров в Женеве под эгидой ООН, а к срыву этих переговоров, если их не удастся использовать как инструмент для достижения своих целей: ликвидации ДРА и приведения к власти реакционных сил, составляющих становой хребет афганской исламской контрреволюции.

Администрация США впервые открыто дала понять мировому общественному мнению, что афганская исламская контрреволюция рассматривается как альтернатива народной власти в ДРА. Если раньше на официальном уровне США в вопросе о будущем Афганистана ограничивались общими рассуждениями на тему о "правой" борьбе "повстанцев" против "коммунистического" режима, не связывая себя заявлениями, кого же они хотели бы видеть во главе афганского государства, то теперь все стало на свои места. В качестве основы альтернативного руководства Афганиста-

на выбрана афганская исламская контрреволюция, причем не только ее традиционистское крыло, с которым у США были налажены давние и устойчивые связи, но и фундаменталисты, прихода к власти которых США прежде опасались, памятуя свое политическое фиаско в Иране с приходом там к власти Хомейни. Теперь оказалось, что исламские фундаменталисты со своим лозунгом "Ни Запад, ни Восток" и нападками на США не столь страшны и с ними можно иметь дело, используя прежде всего их злобный антикоммунизм в своих интересах. В Иране США нашли лазейку к шиитскому фундаменталистскому руководству путем продажи оружия ("ирангейт"), афганские фундаменталисты или их значительная часть были куплены посулами их официального признания.

В лагере афганской контрреволюции июньский 1986 г. визит Б. Раббани и его спутников в США вызвал замешательство. Вновь рушились сложившиеся в мае 1985 г. и еще весьма неустойчивые связи внутри самой контрреволюции, обострились отношения между ее лидерами, с одной стороны, а также между лидерами и членами возглавляемых ими организаций – с другой.

Вот как характеризовала сложившуюся после визита Б. Раббани в США обстановку в лагере афганской исламской контрреволюции иранская газета "Кейхан": «Б. Раббани, спикер "группы семи" и глава делегации, встретившейся с Рейганом, после возвращения из поездки в ходе интервью, которое он дал в Джидде, заявил, что "без участия афганских моджахедов и представителя Советского Союза на мирных переговорах возможности установления мира не существует»». Это высказывание прежде всего свидетельствует о капитуляции семи групп перед совместной политикой США и Советского Союза в вопросе о мирном урегулировании проблемы Афганистана путем переговоров. Это и другое его высказывание о том, что "афганские моджахеды думают о создании правительства в изгнании, которое сможет претендовать на то, чтобы быть представленным в ООН", явились попыткой прикрыть глубокую трещину, которая возникла между руководителями союза семи групп и силами афганских моджахедов, даже тех, которые находятся под командованием четырех лидеров, ездивших к Рейгану.

Сообщения из Пешавара свидетельствуют, что Б. Раббани чувствует теперь себя среди моджахедов полностью одиноким, что он столкнулся с протестами даже в своей группе. В таком же положении находятся и остальные шесть групп. Хекматьяр, с особой хитростью уклонившийся от встречи с Рейганом, тоже подвергается критике за то, что решительно не воспрепятствовал этой поездке. В этой ситуации представляется, что афганский джихад стоит на пороге исторической ликвидации. Последние заявления Раббани являются образцом попытки избежать этого[20].

Таким образом, поездка афганского фундаменталистского лидера в США привела к расколу ИСМА, и хотя официально "союз семи" пока не распался, предсказать последствия этой поездки для дальнейших судеб союза затруднительно.

Реакция Ирана на поездку Б. Раббани и его спутников в Вашингтон была крайне отрицательной и болезненной. Хомейнистское руководство инспирировало осуждение этой поездки афганскими контрреволюционными организациями, имеющими штаб-квартиры в Иране, и само выступило с резки-

ми нападками прежде всего на Б. Раббани, причем эти нападки, прикрытые исламской фундаменталистской риторикой, зачастую не скрывали чисто политических опасений хомейнистского руководства ИРИ оказаться в стороне от процесса урегулирования вокруг Афганистана, они стремились сорвать любые попытки политического решения проблемы, признавая только продолжение вооруженной борьбы.

Немедленно после поездки Б. Раббани в США президент Ирана Хосейни-Хаменеи провел встречу с шиитскими и суннитскими богословами и с представителями афганской контрреволюции в Иране. В своем выступлении президент ИРИ изложил суть нынешней экспансионистской политики Ирана, в том числе по отношению к Афганистану в свете сближения афганской фундаменталистской контрреволюции с США.

Президент, в частности, заявил: «Афганистан — соседняя с нами страна, которая имеет общую с нашей культуру, смешанную с нашей историю и одинаковую судьбу. Мы не можем быть безразличными по отношению к стране с такими историческими, культурными, географическими и религиозными характеристиками, особенно сейчас, когда наша страна, исламская страна, стала матерью исламских режимов, которые возникнут в исламском мире... Мы знаем, что народ Афганистана ведет справедливую борьбу... Где бы в исламском мире мы ни наблюдали такую борьбу, мы считаем себя ответственными за нее. Это относится к проблемам Ливана, Палестины, народным движениям, существующим в исламском мире и направленным против деспотических режимов и сверхдержав. ИРИ на стороне этих народов, весь мир знает об этом, мы не скрываем помощи, которую мы оказываем этим народам... Мы верим в то, что народ Афганистана со своей верой в ислам и приверженностью к Корану выберет не что иное, как исламский строй... Исламские борцы в Афганистане должны соблюдать принцип "Ни Запад, ни Восток". Сделка с одной из этих сил так же позорна и неприемлема как сделка с другой... Если революция стала зависима и опирается то на одну силу, то на другую, то это уже не революция и не борьба, а конъюнктурщина и политическая игра... Революция, которая захочет воевать, опираясь на США или на Советский Союз, — это уже не революция»[21]. Президент ИРИ поучал афганскую контрреволюцию в тот момент, когда мир еще не знал об "ирангейте" — ирано-американских и ирано-израильских сделках в торговле оружием! Речь Хосейни-Хаменеи, произнесенная перед афганцами, — типичный образец экспансионистских устремлений хомейнистского руководства, его двуличности и особого, шиитского макиавеллизма.

В некоторых критических выступлениях иранской прессы по поводу поездки в США представителей афганской контрреволюции делался упор на иные, возможно, любопытные для советского читателя акценты в связи с тем, что произошло в Белом доме. "Встреча моджахедов с Рейганом, — говорилось в одной из статей иранского официоза, — имела одну уродливую и отвратительную сторону — на церемонии встречи присутствовали около 450 никарагуанских контрреволюционеров. Контрас и враги сандинистского правительства, в своем большинстве гвардейцы бывшего диктатора Сомосы, ведут подрывную войну против законного правительства Никарагуа под покровительством ЦРУ, с его финансовой и военной помощью. Совместное присутствие с ними моджахедов, — это, конечно,

рубец, шрам на облике афганского джихада. Но самый явный удар – это обнародование того факта, что 80% всего бюджета ЦРУ на тайные операции тратятся внутри движения афганского сопротивления. Мусульманам всего мира, особенно афганским борцам, было неприятно видеть, как представители мусульман Афганистана пожимают руку Рейгану, этому заклятому врагу мусульманского мира, как они склоняли перед ним свои головы. Для мусульман было также обидно слышать, когда Рейган, обращаясь к афганцам, говорил: "Ваша цель – наша цель. Наша цель – свобода Афганистана, мы не позволим, чтобы вы оказались побежденными". Но самое большое оскорбление, нанесенное этим визитом джихаду Афганистана, – это пропагандистское подтверждение заявлений Москвы, которая годами твердила, будто афганское движение сопротивления – это американское детище. Эта встреча усилит позиции русских на предстоящих переговорах между Пакистаном и Афганистаном в Женеве. Разумеется, соблазнили моджахедов позвонить в дверь дома Рейгана друзья и Саудовская Аравия с Пакистаном. Если руководство моджахедов позволило себе доруководиться до того, что само поехало в Белый дом, то это крупнейшая ошибка современности и удар по основам афганского мусульманского движения"[22].

Иранская пресса выступила с подстрекательскими призывами непосредственно к рядовым членам афганских контрреволюционных организаций в Пакистане через голову руководителей этих организаций. Так, на страницах одного из тегеранских журналов можно было прочесть следующее: «Теперь задача честных и благородных моджахедов исламского движения Афганистана, особенно внутри тех групп, чьи лидеры посещают дворцы угнетателей, заключается в том, чтобы отомстить сатанинским заговорам и дать зубодробительный ответ предательствам. Одновременно моджахеды должны осудить поездку этой делегации в Вашингтон и Европу в июне 1986 г. и отмежеваться от ... скандального так называемого "союза семи", ... который, как об этом знают сами моджахеды, состоящие в нем, является не организацией единства, а каким-то подобием штаба для проведения в жизнь политики США и региональной реакции»[23].

Иранцы предупредили о недопустимости политического решения вокруг Афганистана не только афганскую контрреволюцию, но и руководство Пакистана. В конце июня – начале июля 1986 г. в Тегеране находился заместитель министра иностранных дел Пакистана Шахрияр-хан, которому с иранской стороны были сделаны свойственные хомейнистам бесцеремонные внушения. В переговорах с Шахрияр-ханом премьер-министр ИРИ Мусави, сославшись на визит Б. Раббани в США и на афгано-пакистанские переговоры в Женеве, заявил: "Мы убеждены, что проблема Афганистана может быть решена без вмешательства сил вне этого региона. Мы хотим независимого исламского государства в Афганистане, которое имело бы хорошие отношения со всеми соседями"[24].

Как всегда в подобных случаях, роль глашатая хомейнистского курса была отведена прессе. «Для ИРИ категорически неприемлемо, – писал иранский официоз "Джомхури-е эслами" в дни пребывания Шахрияр-хана в Тегеране, – когда политика некоторых стран рекламирует себя, как располагающая какими-то правами в отношении проблемы Афганистана. Так, Пакистан хотел бы играть в отношении народа Афганистана

роль как бы старшего брата. Но на афгано-пакистанских переговорах должны обязательно присутствовать представители афганского народа»[25].

Несколькими днями позже иранская пресса еще более ужесточила свои нападки на Пакистан в связи с переговорами об урегулировании положения вокруг Афганистана. На этот раз иранская официальная пропаганда встала "на защиту" прав афганских беженцев в Пакистане. Теперь иранцы уже ссылались на заявления представителя Б. Раббани, который после поездки своего патрона в США заявил в интервью, что его заставило пойти на встречу с Рейганом непрекращающееся давление со стороны Пакистана: "... Усилилось негативное отношение к афганским беженцам, что приводит к их столкновениям с пакистанской полицией. В различных приграничных городах и районах в последнее время в стычках погибло около 50 афганцев. Это подтвердило, что встреча с Рейганом не только не изменила статуса афганских беженцев в Пакистане, но и подорвала доверие мусульманских масс к лидерам групп. Новая стратегия Пакистана по отношению к афганским беженцам должна послужить им уроком, их лидеры должны понять, что ключ к успеху афганского джихада находится не в Вашингтоне, не в Лондоне, не в Париже и не в Рияде"[26].

Руководители и законодатели США, средства массовой информации страны открыто, беззастенчиво излагают свои цели в отношении ДРА. Процесс обнажения политических целей США в Афганистане и средств достижения этих целей активизировался после того, как в начале января 1987 г. руководство ДРА объявило свою программу национального примирения и отдало команду об одностороннем прекращении огня со стороны вооруженных сил ДРА с 15 января 1987 г.

Поскольку никакое национальное примирение не входит в планы США, смелый политический шаг руководства ДРА был отвергнут, как говорится, с порога и превратно истолкован как признак слабости народной власти. Позиция США еще более ужесточилась. Особенно агрессивны и бескомпромиссны позиции ультраправых сил США, обретших в период президентства Рейгана господствующее влияние в Белом доме и вокруг него. Своеобразной программой этих сил в отношении Афганистана явился доклад влиятельной ультраправой организации "Херитидж фаундейшн", озаглавленный "Обновление американской стратегии оказания помощи афганским борцам за свободу", опубликованный вслед за объявленной руководством ДРА программой национального примирения[27]. Доклад подготовлен неправительственной организацией, но, как показывает опыт последних лет, именно взгляды и предложения наиболее правого толка ложатся, как правило, в основу политического курса США на внешней арене. Это тем более очевидно, что многие положения доклада уже на практике осуществляются администрацией США. Именно поэтому положения доклада "Херитидж фаундейшн" заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Один из основных пунктов доклада гласит, что США должны "повысить дипломатические и политические издержки Москвы в этой войне" (в Афганистане. – *В.С.*). Формула, уже знакомая по докладу американского эксперта Ритча сенату США и легшая в основу политики США в вопросе об урегулировании вокруг Афганистана. Но далее следуют конкретные рекомендации:" ... американские дипломаты должны вносить афганский вопрос в повестку дня любой международной конференции, международ-

ного форума и двусторонней встречи с участием представителей советского блока. США должны сотрудничать с другими странами, чтобы лишить кабульский режим его места в ООН и заменить его представителями сопротивления".

Упомянутое положение доклада не так уж ново, оно в несколько иной форме повторяет высказанные Рейганом во время встречи с представителями афганской контрреволюции в июне 1986 г. мысли о необходимости интернационализации конфликта. Далее доклад также повторяет высказанную в тот же период рекомендацию о создании не правительства Афганистана в изгнании, а правительства на территории Афганистана, после чего США должны разорвать отношения с ДРА и признать это контрреволюционное правительство.

В докладе содержится нечто новое об отношении США к процессу урегулирования, но о чем пока не принято говорить публично: "США должны периодически испытывать готовность Советского Союза договориться о политическом урегулировании в Афганистане. Однако США не могут позволить Москве получить за столом переговоров то, чего она не сумела добиться за семь лет вооруженной борьбы. Нельзя соглашаться ни на что, кроме полного вывода советских войск в установленные и короткие сроки при безоговорочном публичном обязательстве об отказе от будущего вмешательства и с запретом на присутствие советских баз. Необходимо также поставить вопрос о значительных военных репарациях". И уж совсем вызывающе: "Любая коалиция сил сопротивления, достаточно сильная и единая, чтобы вынудить Советы согласиться мирным путем на полный вывод своих сил, должна быть достаточно могущественной, чтобы расправиться с афганскими коммунистами после того, как Советы уйдут".

В этих злобных в своем пещерном антикоммунизме словах есть сходство с американскими оценками, сформулированными посольством США в Афганистане еще в августе 1978 г., т.е. задолго до ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Тогда не стоял вопрос о выводе советских войск, поскольку в Афганистане их не было, но уже тогда посольство США, предсказывая возможное поражение ДРА в борьбе против фундаменталистской контрреволюции, докладывало в Вашингтон: "Возможно, начнется сведение личных счетов на основе кровной мести с тысячами уцелевших официальных лиц из числа халькистов, что запятнало бы репутацию нового режима в сфере прав человека независимо от того, насколько были бы оправданы эти карательные акции... Все же в наших высших интересах был бы уход режима Тараки и Амина, несмотря на то, что это создало бы препятствия для будущих социальных и экономических реформ в Афганистане"[28].

Как видим главная идея одна – афганских коммунистов следует физически уничтожить. Содержание телеграммы посольства США в Кабуле было секретным и специальным указанием госдепартамента США, эта оценка посольства не подлежала передаче союзникам по НАТО[29], а доклад "Херитидж фаундейшн" и его рекомендации физической расправы над афганскими патриотами были открыто изложены в 1987 г. и никого, в том числе союзников США по НАТО, не смутили. Можно определенно утверждать, что рекомендации "Херитидж фаундейшн" – это и есть программа-максимум Соединенных Штатов по отношению к Афганистану.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контрреволюция в Афганистане, противостоящая национально-демократическому строю, возникшему в стране в результате апрельской 1978 г. национально-демократической антифеодальной антиимпериалистической революции, явилась неизбежным порождением этой революции. "Революции без контрреволюции не бывает и быть не может"[1] – это ленинское положение, относящееся к любой социальной революции, полностью применимо к апрельской революции в Афганистане. Такие факторы, как общая отсталость афганского общества, многовековое влияние в этом обществе исламской религии, ошибки и перегибы, а зачастую и просто преступления, допущенные прошлыми руководителями ДРА на первом этапе революции, привели к устойчивым и повсеместно распространенным контрреволюционным выступлениям, а активная поддержка внутренней афганской контрреволюции извне, со стороны США и их союзников, региональной реакции и КНР, обеспечила ей масштабность действий, придала ей определенную веру в свою силу.

Основным фактором, который помог создать контрреволюции массовую базу и тем самым придал ей характер движения, угрожающего самому существованию ДРА, явилась проигранная на данном этапе НДПА битва за влияние на афганское крестьянство, которое по целому ряду причин, о которых говорится в этой работе, в своей массе не пошло за революцией. Вместе с тем участие афганского крестьянства в контрреволюционном движении, несомненно, его усилив, породило внутри контрреволюции важное антагонистическое противоречие между классовыми интересами руководителей афганской контрреволюции и ее кадрового состава, с одной стороны, и политическими и экономическими интересами крестьянских масс, которые оказались вовлеченными в вооруженную борьбу на стороне контрреволюции, – с другой. Та часть афганского крестьянства, которая воюет против народной власти на стороне контрреволюции или в какой-то форме поддерживает контрреволюцию, выступает против своих собственных классовых интересов.

Марксистско-ленинское учение четко определило место и роль массового крестьянства в ходе социальных революций. В.И. Ленин писал, что "всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение; с одной стороны, это довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, объединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это – обособленные мелкие хозяева, собствен-

ники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, не изменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, повороты, неуверенность и т.д."[2].

Эта ленинская характеристика неустойчивости крестьянства и мелкой буржуазии в целом тем более применима к ситуации, когда рабочий класс страны еще не превратился в класс "для себя", когда его интересы выражают, и не всегда должным образом, национально-демократические партии, как это имеет место в ДРА. Эта особенность рабочего класса Афганистана и неподготовленность НДПА к тому, чтобы повести за собой крестьянство, привели к переходу во время революции и в ходе ее развития части крестьянства в лагерь контрреволюции. Поддержка в той или иной форме контрреволюции со стороны значительной части афганского крестьянства не определяет характера афганской контрреволюции, но эта поддержка придала контрреволюции ее нынешний размах и масштабность. Это основное, антагонистическое, противоречие, существующее в лагере афганской контрреволюции, пока еще четко не проявило себя, однако можно предполагать, что оно будет усиливаться по мере роста понимания того факта, что главари контрреволюции защищают отнюдь не интересы крестьян, а свои собственные сословные интересы, и задача национально-демократической революции – ускорить этот процесс.

Существующие различные по своему составу контрреволюционные организации, противостоящие друг другу или сосуществующие друг с другом, позволяют сформулировать и противоречия, им присущие.

Важное, можно сказать, первостепенной важности противоречие в лагере афганской контрреволюции – это противоречие между двумя ее основными отрядами: феодально-монархическим (традиционалистским) и буржуазно-теократическим (фундаменталистским). Противоречия между ними носят, по существу, классовый и сословный характер, что всячески скрывается и маскируется борьбой за различный подход к исламскому учению. Эти противоречия находят свое выражение и в различии политических целей, которые ставят перед собой эти отряды контрреволюции. Если традиционалисты выступают за создание в Афганистане традиционного буржуазного государства, возможно, монархического, то фундаменталисты ратуют за чисто исламское государство, прообразом которого послужил бы исламский халифат или, что ближе по времени и понятнее по форме и содержанию, нынешний теократический хомейнистский Иран. Какие бы формы объединения, единства или сотрудничества ни возникали между этими двумя типами контрреволюции, они останутся враждебными друг другу, а их конъюнктурные альянсы обречены, в конце концов, на распад.

Другой группой противоречий, разъедающей лагерь афганской исламской контрреволюции, являются противоречия национально-этнического характера. Фундаменталистская контрреволюция, взявшая на вооружение экстремистские идеи арабских "Братьев-мусульман", отрицающих национальную, расовую принадлежность перед лицом веры в единого бога,

не имеет и принципиально не желает иметь никакой программы по национальному вопросу, фундаменталисты вообще отрицают существование в исламском обществе такого вопроса и яростно борются против национализма.

Традиционалистская контрреволюция, взявшая, помимо ислама, на вооружение лозунги защиты родины, сохранения национальных, племенных особенностей, традиций и не всегда мусульманских обычаев, своим идеалом политического устройства тоже считает исламское государство, но вкладывают в это понятие иное содержание. По их представлению, это государство буржуазное, возможно, монархия, в котором исламу отводится важное, но не господствующее место. Фундаменталистская контрреволюция вобрала в себя враждебную революции часть городских пуштунов, а также выходцев из пуштунских анклавов вне границ компактного расселения пуштунских племен. Основу контрреволюции все же составляют нацменьшинства: таджики, узбеки, туркмены; традиционалистская контрреволюция — это прежде всего контрреволюция пуштунских племен Кандагара, Газни, Пактии, Пактики, Нангархара и других районов. Если узбеки, таджики, туркмены и другие нацменьшинства не желают более оставаться угнетенными народностями, то пуштуны не готовы отказаться от доминирующей роли в государственном и политическом устройстве страны. Эти противоречия могут быть решены только на путях дальнейшего развития революции, исламская контрреволюция решить их не в состоянии.

Объединению исламской контрреволюции мешают также противоречия религиозного характера, а именно деление контрреволюции на суннитскую и шиитскую. Шиитская полностью или частично ориентируется на хомейнистский Иран. Суннитская — на фундаменталистские отряды в странах Ближнего и Среднего Востока с преобладающим суннитским населением. Суннитская контрреволюция претендует на захват власти на территории всего Афганистана, в то время как шиитская носит локальный характер и фактически находится на службе Ирана и его экспансионистской политики.

Состав афганской исламской контрреволюции по различным признакам, разумеется, не имеет совершенно четких и застывших границ, но тем не менее, несмотря на возможные подвижки, пределы этих подвижек останутся достаточно жесткими.

Помимо перечисленных объективных противоречий, свойственных афганской исламской контрреволюции, следует назвать и ряд противоречий производных, субъективных, которые значительно ослабляют контрреволюцию. К числу таких противоречий относятся следующие:

конкурентная борьба за приобретение источников иностранной помощи, борьба за контроль над распределением этой помощи;

борьба за политическое влияние в масштабах всего контрреволюционного движения, за политическое влияние внутри каждой из организаций;

за политические симпатии и покровительство со стороны лидеров и руководящих деятелей капиталистических стран, партий, организаций;

за установление и упрочение влияния над афганскими беженцами, находящимися в лагерях, с целью приобретения источников комплектования и пополнения вооруженных отрядов контрреволюции, действующих на территории ДРА;

за контроль над захваченными на территории ДРА районами, населенными пунктами, на дорогах. Помимо политических дивидендов, такой контроль дает контрреволюции немалые экономические выгоды от сбора налогов, пошлин, грабежа караванов с грузами, в том числе оружием для других контрреволюционных групп;

за привлечение на свою сторону командиров отрядов, "фронтов", конкурирующих групп и организаций путем подкупа, политической обработки и т.д. Переманивание отрядов, соперничающих групп и организаций;

противоречия между руководством контрреволюционных организаций за рубежом и руководителями вооруженных отрядов на территории ДРА. Эти противоречия касаются не только вопросов материального снабжения, но и политики организации в целом или тактики и стратегии ведения вооруженной борьбы.

Выше отмечалось, что относительно длительное существование афганской исламской контрреволюции в значительной мере, если не полностью, обеспечивается ее активной поддержкой со стороны США и их союзников, региональной реакции и КНР. Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что в случае прекращения оказания контрреволюции помощи извне, она уже прекратила бы свое существование или выродились бы в локальный политический бандитизм. Понятно, что только наивные люди могут полагать, что помощь афганской контрреволюции со стороны США и их союзников, а также региональной реакции объясняется гуманными или иными соображениями высшего порядка. Империализм превратил Афганистан в "кровоточащую рану", как было сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза[3], с очевидной целью нанести ущерб Советскому Союзу, всем прогрессивным и национально-освободительным движениям, ослабить социалистическое содружество.

Отсюда заинтересованность империализама и его союзников в стане реакции в затяжке политического урегулирования вокруг Афганистана, в срыве мирных инициатив Советского Союза и руководства ДРА, в продолжении необъявленной войны против Афганистана.

Данная работа ограничивается временными рамками с 1963 по 1986 г., начало 1987 г. Начало этого года ознаменовалось провозглашением ДРА программы национального примерения, продолжением афгано-пакистанских переговоров под эгидой ООН. Как известно, организованная афганская исламская контрреволюция с центрами в Пакистане и Иране отвергла предложения руководства ДРА участвовать в программе национального примирения и заявила о продолжении вооруженной борьбы. С позиций сегодняшнего дня трудно предвидеть дальнейшее развитие и ход противоборства сил национально-демократической революции и сил исламской контрреволюции, но можно с уверенностью сказать, что годы борьбы национально-демократической революции в Афганистане против контрреволюции, поддерживаемой империализмом и мировой реакцией, явятся большой политической школой для всего афганского народа и что контрреволюция в конечном итоге обречена на поражение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРОГРАММА ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ АФГАНИСТАНА (ИПА)*

Введение

Исламская партия Афганистана в качестве истинного движения нашей родины ставит своей целью полностью и без каких-либо отклонений претворить в жизнь всестороннюю и всеобъемлющую генеральную линию, которую выработал ислам для здорового руководства человеческой жизнью. Наша партия убеждена, что единственный путь устранения всех трудностей и несчастий человеческой жизни – только и только установление спасительного исламского режима.

До тех пор пока исламский шариат не проникнет в различные стороны социальной жизни народа, человеческий мир будет всегда сталкиваться с мучительными трудностями и будет лишен возможности всестороннего развития социальной жизни.

История является живым свидетелем той истины, что каждый раз, когда порок проникал в одну из сторон жизни человечества, важную роль в распространении и ускорении этого порока играли следующие основные факторы:

а) отход от признания наставления религии, Бога;

б) непризнание в качестве основы жизненного порядка бесценных наставлений избранных пророков Бога;

в) уничтожение в сердцах людей ожидания дня страшного суда.

В любом обществе, где названные выше принципы не являются осью общественной жизни, где жизнь вращается вокруг воли, страстей и вожделений правителей сегодняшнего дня, там вольно или невольно справедливость уступает свое место силе и гнету.

Да! До тех пор пока повиновение Аллаху, вера в день страшного суда и следование бесценным наставлениям пророков не станут основой человеческой жизни, упрочение справедливости невозможно. Без полного соблюдения вышеназванных принципиальных основ в формировании любых мнений и взглядов, стремящихся к установлению справедливости, это стремление не приведет ни к каким иным результатам, кроме гнета и порабощения в новой форме.

---

* Перевод с дари.

Несмотря на то что в нашей стране много людей, верящих в эти принципы, эта вера в тот порядок, в который верит подавляющее большинство, практически не проникла в жизнь, и образ жизни народа не соответствует его убеждениям. Поэтому несмотря на то, что наша страна является исламской, ее народ не осведомлен о захватывающих преимуществах исламского строя, лишен этих преимуществ. Он не может пользоваться ими сам и не может оказать в этом помощью другим.

Исламская партия Афганистана полна решимости добиться того, чтобы в различных областях общественной жизни мусульман жизненно важные исламские ценности обрели практическую значимость, чтобы жизненные отношения людей строились на основе исламских принципов и наставлений, чтобы исламский образ мышления распространился как можно шире, чтобы шла постоянная и решительная борьба против пороков и зла, против заблуждений прошлого язычества и нового безбожия. В этом заключаются принципиальные цели нашей партии.

Но наша партия убеждена, что до тех пор, пока не будут изменены правительства и правители, никакие программы реформ не смогут найти претворения в жизнь, порочные правительства всегда будут великим препятствием на пути осуществления исламских программ, они встают на защиту порока и заблуждений в качестве основных покровителей. Без полного изменения господствующего строя не возможны ни индивидуальная перестройка, ни полное господство принципов справедливости.

Наша партия, используя все возможные средства, всеми необходимыми способами будет стремиться сделать положительные шаги по пути изменения господствующего строя и создать основу для исламских преобразований.

Если коротко, в нескольких предложениях изложить цели нашей партии, то получится следующее:

1. Приверженность исламским принципам, следование поступкам праведных халифов, полное выполнение всех исламских наставлений.

2. Полная ликвидация гнета и эксплуатации, уничтожение зла и порока, построение общественной жизни на основе исламских принципов, утверждение справедливости в различных областях жизни народа.

3. Способствование распространению добра, практическая борьба против зла и несчастий.

4. Ликвидация деспотических режимов, утверждение режимов законных, создание основ режима на принципе служения народу.

5. Распространение исламского образа мышления, возрождение исламских чувств у народа, процветание его религиозных воззрений.

6. Усилия в области распространения исламского призыва, способствование тому, чтобы весь мир обратился к Аллаху.

Общие положения

1. Неоспоримой и окончательной истиной является то, что Афганистан – это исламская страна, существование которой обеспечено ценой крови верующих: тысячи правоверных моджахедов отдали свои жизни, защищая ее благоденствие. Поэтому та деятельность в области политики и культуры, которая привела к распространению неисламских взглядов и способствова-

ла превращению исламского общества в Афганистане в неисламское, является на деле деятельностью, способствующей уничтожению исторического существования нашей страны.

Исламская партия Афганистана в качестве принципиального защитника существования и процветания родины встает на борьбу против такого рода действий.

2. Благородное дело защиты территориальной целостности, независимости и полного единства страны является важной обязанностью исламского движения страны. Политическая деятельность, направленная на расчленение нашей родины и взявшая за основу нетерпимость в области языковых, географических, расовых и классовых различий, натолкнется на жесткое сопротивление нашей партии.

С нашей точки зрения, независимость и существование страны, процветание народа могут быть обеспечены только в том случае, если в рядах народа возродятся чувства единства, братства и ихванизма*, если социальный строй будет опираться на справедливость, с тем чтобы все люди без дискриминации и каких-либо привилегий – расовых, языковых, географических и классовых – жили с полной уверенностью, пользовались всеми закрепленными человеческими правами. Только степень приверженности Богу и благочестие могут быть мерилом превосходства.

3. Мы убеждены, что в нашей стране не будет возможности установления прочного строя до тех пор, пока не будут сознательно и искренне приняты следующие принципы:

а) поскольку подавляющее большинство населения страны требует полного установления исламского строя, следует на деле признать необходимость установления господства этого строя, а тех лиц, которые не согласны с этой очевидной истиной и которые действуют в направлении господства неисламского строя, объявить истинными врагами народа, а необходимость борьбы против них закрепить в качестве узаконенной обязанности всего населения;

б) наша территория является общей для всех верующих, это не частная собственность какой-либо определенной династии, рода, поэтому отдельное лицо не имеет права прибегать к недозволенным действиям с целью установления своего личного господства, деспотического строя, лишать народ права участия в решении общенародных проблем и рассматривать право руководить как принадлежащее кому-либо или наследованное кем-либо;

в) политическое руководство народом должно осуществляться в рамках исламских принципов и в соответствии с направляющими рекомендациями истинных представителей народа. Те политические деятели, которые не завоевали доверия законных представителей народа и которые несут ответственность руководства режимом не в соответствии с законами исламского шариата, никогда не смогут предотвратить внутренние противоречия и сделать положительные шаги в направлении прогресса и здоворого руководства страной;

г) мусульманин, член нашего общества, имеет полное право иметь свое мнение в отношении народных проблем и доводить его до сведения других, используя законные средства. Лишение народа этого права недопустимо

---

* Ихван (братья, араб.) – самоназвание членов "Братьев-мусульман".

и приводит к тому, что народ вынужден прибегать к другим средствам, что в конечном итоге дорого обходится нашему народу;

д) категорическое воспрепятствование подрывной деятельности политических групп и отрядов, которые не согласны с исламским характером Афганистана, или имеют своей целью утверждение в нашей стране неисламского строя, выступают против ее единства и процветания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В области судопроизводства

1. Великий Коран и бесценные хадисы пророка ислама с их прямым и ясным языком будут закреплены в качестве истоков первых законов, общественные вопросы будут решаться в соответствии с ханифитской юрисдикцией.

2. Будет создано умелое и ответственное правление, которое в самые сжатые сроки приведет все официальные законы государства в соответствие с духом ислама.

3. Шариатскому суду будут даны достаточные полномочия, будет обеспечена полная независимость судебных органов. Должности судей будут предоставляться только тем улемам, чье благочестие и набожность полностью подтверждены.

4. Все существующие законы и законопроекты будут в кратчайшее время приведены в соответствие с исламскими законами.

5. Все деспотические и тиранические положения законов, с помощью которых правящие круги попирают шариатское и человеческое право народа, отнимая у него свободу, являются препятствием для осуществления народом своего права – выражения мнения, создают преграды на пути ведения законной пропаганды и, в конце концов, должны быть ликвидированы.

6. Будут утверждены такие законы и положения, которые в кратчайшие сроки воспрепятствуют употреблению алкоголя, картежничеству, проституции, моральным порокам, прекратят издание порочных книг, журналов и газет, запретят демонстрацию развратных и аморальных фильмов.

7. Вопрос о шариатском закрытии женщинами своих лиц будет приведен в исполнение по всей стране, будут восстановлены права женщин в соответствии с шариатом и законом.

8. Будут приняты необходимые законы для исправления и улучшения общественной жизни народа и для здорового общения между людьми.

9. Будет положен конец существованию деспотических военных режимов.

10. В отношении объявления в случае необходимости военного положения и продолжения существования военной власти будут созданы условия для контроля за разумными пределами полномочий военной власти.

11. Будут полностью упразднены закрытые и военные суды, суды над офицерами и всеми военнослужащими будут происходить только в рамках общей юрисдикции.

12. Парламент страны будет создан на основе прямых и свободных выборов. Его депутатами будут благочестивые люди страны.

13. В законопроекты по вопросам юрисдикции будут внесены исправле-

ния, которые устранят трудности для народа, в кратчайшие сроки будут приняты меры к созданию справедливого судопроизводства.

14. В отношении тех лиц, которым предоставляются государственные посты, должно соблюдаться условие, что они будут выполнять свои обязанности с полным благочестием и что в своей личной жизни они будут соблюдать принципы ислама. Совершение греховного проступка должно отражаться на положении правительственных чиновников как при решении вопроса об их продвижении по службе, так и, в случае необходимости, в вопросе их увольнения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В области религиозных преобразований

Программы Исламской партии Афганистана, касающиеся изменений в области религии и нравственности народа, заключаются в следующем:

15. Будут приняты все необходимые меры к тому, чтобы не допускались небрежность и нерадивость при исполнении намаза. Для госслужащих в этом вопросе будут обеспечены необходимые условия. Усердию при исполнении религиозных обрядов будет придаваться такое же значение, как усердию при исполнении официальных обязанностей.

16. В целях выполнения наставлений шариата будут обеспечены условия для полного уважения и соблюдения священного месяца рамазана.

17. Будут созданы условия для совершения хаджа, все надуманные препятствия, искусственно созданные для народа в этом вопросе, будут полностью устранены.

18. Будет вновь восстановлена роль мечети в жизни мусульман. Будут созданы благоприятные условия для обеспечения жизни хатибов и попечителей мечетей.

19. С целью содействия высшему исламскому образованию и для просвещения народа в области религии будут предприняты все возможные усилия, будут приняты меры, чтобы каждый член нашего мусульманского общества обязательно знал хотя бы часть религиозных наставлений, понимание которых является настоятельной необходимостью в каждодневной жизни каждого мусульманина.

20. Расширение сети религиозных медресе будет осуществлено таким образом, чтобы в стране были устранены все трудности в вопросе подготовки улемов и хранителей Корана и чтобы в каждой провинции исламское обучение осуществлялось бесплатно.

21. Используя все законные пути и способы, все возможности и средства правительства, будут приняты меры по ликвидации зла и порока, будут уничтожены все причины, которые ведут к распространению преступлений в области морали.

22. С целью всеобщего морального воспитания людей будут приняты меры, в рамках которых будут возрождены чаяния правоверных и богобоязненных людей и чувство повиновения и приверженности Богу. Эти меры будут учитывать религиозные обязанности верующих, воспитывать у них уважение к наставлениям шариата, и в результате наше исламское общество достигнет такого морального уровня, что воздержание от зла

и плохих поступков, а также выполнение религиозных обязанностей станет потребностью, а не будет только основываться на положениях закона.

23. Ремонт мечетей, воспитание улемов и хафизов, облегчение положения имамов мечетей и устранение экономических трудностей в их жизни будут постоянной обязанностью правительства. Обеспечение материальных потребностей имамов и муэдзинов за счет народа считается грехом и неуважением к религии и ее взглядам.

24. Немусульманские меньшинства в соответствии с положениями мусульманского шариата пользуются всеми разрешенными и шариатскими правами, в отношении их полностью соблюдаются все исламские ограничения.

25. Правительство будет обязано судить и наказывать в соответствии с положениями шариата всех вероотступников.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В области обучения и воспитания

Поскольку проблемы обучения и воспитания, с нашей точки зрения, имеют жизненно важное значение, программы Исламской партии Афганистана в этой области коротко сводятся к следующему:

26. Нынешняя структура учебных и просветительских учреждений страны, а также их программы полностью устарели и будут изменены. Так как в этих заведениях готовятся только специалисты-профессионалы (и то совершенно неправильно), а задача воспитания у учащихся религиозности предана забвению, то в результате в сегодняшних учебных заведениях страны существуют глубокие внутренние изъяны, что приводит к возникновению и развитию среди учащихся различных безбожных идей.

Этапы учебного процесса будут разработаны таким образом, что с самого начала обучения и до конечных его стадий учебные заведения будут готовить для общества таких специалистов, которые наряду со знаниями в своей конкретной области будут на уверенном уровне владеть исламскими познаниями, применять религиозные наставления к своей профессии.

На различных этапах этой программы будет воспитываться чувство повиновения указаниям Всевышнего. Обучение и воспитание не будут ограничиваться изучением наук, в каждой отрасли науки будет происходить воспитание духовное и моральное, с тем чтобы специалисты, которых готовят для общества учебные заведения, строили свою практическую деятельность на основе благочестия и страха перед божьим наказанием.

27. Каждый учащийся мусульманин в период своего обучения должен постепенно освоить исламские идеи, соответствующие наставления, относящиеся к каждодневной жизни правоверных, и от этапа умения читать Коран перейти к этапу понимания и осознания его жизненного смысла.

28. В области научных изысканий будут созданы высшие и научно-исследовательские заведения, особенно в области исламских наук, которым будет уделяться самое большое внимание.

29. Будут приняты меры для облегчения положения учащихся, чтобы недостаток средств не помешал продолжению учебы.

30. Учебные и воспитательные заведения будут открыты во всех районах страны.

31. Существующая система совместного обучения, когда девочки и мальчики учатся вместе, будет полностью упразднена.

32. В учебных заведениях страны будет создана свободная научная атмосфера, университеты в соответствии с проводимой политикой будут пользоваться полной свободой.

33. Будут сделаны шаги в области улучшения жизненных условий для преподавателей, с целью поощрения система оплаты труда профессоров будет такова, чтобы их уровень жизни был самым высоким в стране.

34. Будет уделяться особое внимание подготовке и воспитанию преподавателей. Будут приниматься меры к тому, чтобы общество получало преподавателей, полностью владеющих своей специальностью и способных успешно воспитывать в своих учениках исламскую мораль.

35. В вопросе оценки преподавателей основой доверия к ним является не только их научная работа; особое значение придается тому, чтобы они не были противниками основополагающих принципов исламского Афганистана, чтобы их моральный облик лежал в основе воспитательной деятельности.

36. В учебных программах будет предусмотрена военная подготовка, чтобы молодое поколение было готово к обороне родины.

37. Учебные программы на различных этапах составляются на официальных языках страны. Будут приняты меры, чтобы каждый мог учиться на своем родном языке. Особое внимание будет уделяться изучению арабского языка.

38. Руководство делами научных заведений будет поручено тем специалистам, которые овладели религиозными науками и являются примером благочестия и религиозности.

39. Офицеры и личный состав армии получат упорядоченные уроки по исламскому джихаду. Им будет внушаться преданность и чувство привязанности к своему народу. Одновременно с военным снаряжением они получат бесценные наставления ислама, с тем чтобы армия нашей страны была действенной силой, хранительницей религиозных и народных ценностей, чтобы не появилась вновь рука деспотизма.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В области административной

С нашей точки зрения, до тех пор, пока не будут созданы здоровые учреждения для проведения в жизнь исламских программ, где будут работать верующие, компетентные и с чувством ответственности чиновники, никогда никакие самые полезные программы реформ не будут осуществлены. Исламская партия Афганистана имеет следующую программу реформ в административной области:

40. Необходимо принять эффективные меры для предотвращения взяточничества, обмана, нарушения закона. Необходимо использовать все средства, чтобы воспрепятствовать распространению губительной заразы взяточничества особенно на уровне правительственных чиновников.

41. Во время назначения на ответственную должность высокопоставленного правительственного чиновника следует определить его материальное положение, а впоследствии в ходе работы осуществлять в какой-то форме

контроль с тем, чтобы рост его благосостояния был естественным и его масштабы не превосходили соответствующих шариатских размеров.

42. Те правительственные чиновники, чей образ жизни свидетельствует, что их доходы не соответствуют их заработку, или их состояние и богатство не подтверждается шариатскими и другими документами, подвергаются шариатской проверке.

43. Для контроля за возможными злоупотреблениями со стороны государственных чиновников своим служебным положением будет создано специальное независимое учреждение. Это учреждение будет призвано заслушивать жалобы и протесты представителей народа на правительственных чиновников. Детали деятельности этого учреждения будут определены специальным законом.

44. Ненужные и бессмысленные траты со стороны государственных учреждений, разбазаривание народного достояния будут решительно пресекаться.

45. Для государственных служащих на период их нахождения на работе будет учреждена униформа национального характера. Ордена и знаки, распространившиеся под западным влиянием, будут упразднены.

46. В области расследования преступлений будут полностью отменены жестокие способы допросов преступников, которые используются сейчас полицией.

47. Будут полностью ликвидированы злоупотребления при использовании шпионской сети, особенно ее использование в целях создания атмосферы страха. Эта сеть будет использована для выявления взяточничества правительственных чиновников и для предотвращения преступлений.

48. Будет положен конец зверскому и недозволенному обращению с несчастными и беззащитными заключенными, которое имеет сейчас место в тюрьмах страны. Тюрьмы будут превращены в центры исправления и воспитания преступных элементов в соответствии с исламскими принципами. В тюрьмах должно быть обеспечено достаточное содержание и сохранение достоинства заключенного.

49. Будет осуществлено соответствующее увеличение денежного содержания государственных чиновников и служащих. Денежное содержание будет увеличено в размерах, которые позволят в значительной мере устранить их материальные трудности. Этим будет положен конец выезду способных специалистов за границу.

50. Правительство будет обязано установить справедливое денежное содержание военнослужащим. На военную службу будут приниматься в первую очередь лица, которые поступаются своим благополучием ради священного исламского джихада. Но к работе в области военного образования могут привлекаться и другие лица.

51. Вооруженные силы страны будут строиться таким образом, чтобы стать крепкой силой, способной защитить страну. Будут приняты все меры к тому, чтобы армия не попала под влияние какой-либо колонизаторской силы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

В области экономики

Существующие экономические отношения, которые объединяют экономику страны в одно целое, полностью основаны на гнете и несправедливости. Этот строй является отражением всех пороков неисламских систем и особенно порочной экономической политики неисламских государств. До тех пор в экономической системе не будет осуществлены глубокие и коренные преобразования, невозможно утверждение принципов справедливости. Необходимо, чтобы эти коренные преобразования были проведены на основе жизнеутверждающих принципов ислама и в их рамках.

Жизнеполагающие наставления ислама в области экономики включают в себя ясные и понятные указания. Мусульманская юрисдикция в этой области имеет четкие толкования. Экономическая система, которую мы хотим установить, будет основываться на ясных принципах ислама и их четком толковании. Экономическая политика при исламском порядке будет основываться на следующих принципах:

а) соблюдение справедливости в различных областях экономической системы;

б) полное уничтожение различных проявлений гнета, неправедливости и эксплуатации;

в) создание благоприятных условий, соблюдение принципов равенства, помощи и пользы для всего народа;

г) неустанная и последовательная борьба с нищетой, голодом, постоянные усилия на пути создания таких условий, чтобы ни на йоту не ущемлялись естественные и определенные исламом права;

д) справедливое пользование национальными и общественными богатствами.

С целью достижения вышеназванных целей программа Исламской партии Афганистана в области экономики будет заключаться в следующем:

1. *Сельское хозяйство*

С давних пор и до настоящего времени в стране в результате гнета неисламского порядка существует недостойное неравенство в области землевладения, обработки и аренды земли. С целью полного уничтожения этого несправедливого порядка будут срочно осуществлены следующие меры:

52. В соответствии с принципами ислама будет полностью уничтожено недозволенное пользование землей, которая в результате несправедливых захватов со стороны правящих кругов поступила в распоряжение власть имущих. Земля будет вновь передана нуждающимся в ней.

53. Государственные земли, пригодные к обработке, будут безвозмездно или со льготной рассрочкой распределены между безземельными крестьянами и землевладельцами, которые не имеют достаточного количества земли. При распределении земли преимущественное право имеют нуждающиеся данного района. Земля в первую очередь выделяется им, а не обеспеченным лицам.

54. Будут тщательно соблюдаться законы шариата о землепользовании, о сделках, связанных с землей, будут решительно пресекаться неисламские сделки и отношения.

55. Распределение государственных земель по возможности будет осуществляться таким образом, чтобы каждый крестьянин и землевладелец получил надел земли, достаточный для обеспечения честной жизни.

56. Будут приняты меры к тому, чтобы цены на продукцию урожая устанавливались непосредственно владельцами земли и теми, кто ее обрабатывает. Эти меры должны предотвратить оседание части прибыли в карманах других лиц (особенно при возделывании хлопка).

57. С целью обеспечения здорового развития сельского хозяйства в распоряжение крестьян по умеренной цене будут предоставляться необходимые сельскохозяйственные орудия, семена, хорошие химудобрения.

58. С целью кооперирования крестьянам будут выделяться беспроцентные кооперативные денежные ссуды.

59. С целью развития и здорового использования лесного хозяйства будут приняты необходимые меры. При этом ни под каким видом не будут отбираться пастбища скотоводов и участки, необходимые для удовлетворения повседневных нужд народа.

60. Плодородные земли нельзя использовать с промышленными и иными подобными целями, за исключением тех случаев, когда действуют исламские и экономические принципы.

61. Будет уделяться большое внимание расширению и улучшению скотоводства в стране. С целью поощрения для скотоводов будут введены различные льготы, для правильного содержания пастбищ будут приняты необходимые меры.

62. Трудности с недостатками продовольствия будут устранены следующими основными способами:

а) земли, пригодные для возделывания, но по тем или иным причинам оставшиеся невозделанными, должны быть как можно быстрее обработаны;

б) будет оказываться содействие при возделывании неосвоенных земель;

в) будут приложены усилия для ремонта ирригационных сооружений, плотин, каналов, для орошения плодородных земель;

г) в области купли-продажи продовольствия будут приняты меры, которые, с одной стороны, будут препятствовать дороговизне и низкому качеству продуктов питания, а с другой – обеспечат землевладельцу и крестьянину установление справедливой цены на их сельскохозяйственную продукцию. Для потребителя будет обеспечено приобретение продуктов питания по подходящей цене;

д) между уровнями производства продуктов питания и их продажей будет установлен баланс, который позволит предотвратить их нехватку или порчу.

63. С целью увеличения доходов крестьян и ликвидации безработицы в деревнях и селениях будут развиваться ручные ремесла.

2. *Торговля и промышленность*

В результате неправильной угнетательской политики неисламских режимов в нашей стране в руках определенных лиц сконцентрировались богатства и капиталы. Для того чтобы они служили делу обеспечения национальных интересов, будут осуществлены следующие принципиальные меры:

64. Будут законом запрещены разорительные сделки, игра в карты, недозволенные виды продажи и приобретения с целью спекуляции и другие нечестные способы получения прибыли, осужденные исламским шариатом.

Будут признаваться только дозволенные пути получения доходов. В отношении богатства, которые перешли в частное владение нешариатским путем, будут приняты меры, предусмотренные шариатом.

65. Руководство делами компаний и банков будет передано выборным представителям из числа членов компаний и владельцев акций.

66. С целью поощрения ширкетов, мелких компаний одновременно с кооперативными ссудами будут приниматься и другие необходимые меры.

67. В области определения цен на промышленные изделия будут приняты меры, которые не несут ущерба ни владельцам компаний, ни потребителям.

68. Фабрики и компании будут обязаны производить только необходимую продукцию, такую, как машины, промышленные товары. Производство предметов роскоши и товаров не первой необходимости будет прекращено.

69. В области производства промышленных товаров и их сбыта основное внимание будет уделяться вопросу удовлетворения внутренних потребностей страны.

70. Та часть промышленности, которая имеет жизненно важное значение и где частная собственность на средства производства нанесла бы ущерб общественным интересам, будет находиться под контролем и управлением правительства. Во всех других случаях мы не являемся сторонниками национализации всей промышленности.

71. Существующая банковская система будет преобразована в соответствии с основными исламскими принципами на основе кооперативных начал.

72. Мы придаем очень важное значение военной промышленности с целью обеспечения обороноспособности нашей страны.

73. Появится современная тяжелая промышленность, будут приняты необходимые меры для развития легкой промышленности, в этой области будет широко использован опыт других стран.

74. Мы выступаем за развитие промышленности в пригодных для этого районах страны, мы не согласны, чтобы промышленность создавалась только в определенных районах.

75. В процессе индустриализации страны предпочтение будет отдаваться двумя принципам – работе и необходимости, а не капиталу.

76. Правительство будет оказывать покровительство внутренней промышленности, предпочитая ее развитие импорту.

3. *Зарплата рабочих и служащих низших разрядов*

77. Нынешняя система оплаты труда, которая является несправедливой, будет постепенно изменена. В области определения размеров зарплаты будет постоянно соблюдаться принцип, согласно которому самая низкая заработная плата должна быть достаточной, чтобы обеспечить прожиточный уровень семьи. С повышением цен на товары первой необходимости должна соответственно увеличиваться и зарплата.

78. Для государственных служащих низших разрядов будут созданы достаточные льготы, чтобы облегчить им трудности с жильем, учебой и здоровым воспитанием детей. В вопросе определения зарплаты для рабочих и соответствующих работников промышленности правительство будет действовать в соответствии с пунктом 77 данной программы, чтобы рабочие

и работники промышленности в своих доходах зависели от прибыли фабрик и чтобы таким образом они были заинтересованы в развитии промышленности.

79. Будут утверждены законы о труде, капитале и о рабочих. В этих законах между трудом и капиталом на основе их взаимодействия будет установлена взаимозависимая связь. Ни в коем случае не должен оставаться без внимания вопрос о заработной плате рабочих. Будут приняты меры, чтобы в случае возникновения разногласий между рабочими и владельцами фабрики эти разногласия разрешались исламским путем.

80. Государство будет воздерживаться от использования детского труда. В случае нарушения этого правила будут приниматься необходимые меры.

81. Практика совместной работы мужчин и женщин будет полностью упразднена. В этом вопросе будут строго соблюдаться исламские принципы.

82. В случае заболевания рабочего или получения им травмы во время работы будут созданы необходимые условия для лечения. Если же в процессе работы рабочий утратит трудоспособность, то ему будет выплачиваться соответствующая компенсация.

83. Каждому гарантируется получение соответствующего шариату заработка.

Правительство будет полностью нести ответственность за разбирательство жалоб народа и за защиту его прав.

Программа деятельности правительства по рассмотрению жалоб народа должна строиться таким образом, чтобы жалобы и заявления рассматривались в кратчайшие сроки.

4. *Общие экономические реформы*

84. Будут приняты необходимые меры, чтобы закят, религиозные пожертвования (десятина и т.д.) собирались правительством и расходовались на шариатские нужды. Все поборы, не имеющие шариатского характера, полностью отменяются.

85. Экономическая политика страны будет определяться с участием выборных представителей народа и проводиться после утверждения меджлисом.

86. Казна государства будет пополняться таким образом, чтобы избежать запрещенных Богом видов доходов.

87. Будут запрещены недозволенные шариатом капиталовложения на нешариатских условиях, будут ликвидированы ненужные расходы, особенно строительство помпезных зданий.

88. Будет положен конец всем причинам, лежащим в основе дороговизны.

89. Будут приняты эффективные меры, чтобы покончить с безработицей.

90. Будут созданы предпосылки для того, чтобы лечение было недорогим.

91. Будут приняты меры по открытию сети больниц.

92. Будут обеспечены необходимые условия жизни для слепых и других несчастных, чтобы они не просили милостыни. Одновременно для них будет обеспечено религиозное воспитание.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

В области внешней политики

В области определения внешней политики страны будут иметь место изменения, которые, как и во внутренней политике, будут проистекать из животворных истоков ислама. Политика нашей партии в области внешней политики будет включать в себя следующие моменты.

93. Нами будет провозглашен лозунг борьбы за права и справедливость, мы будем бороться против гнета, агрессии и притеснений. В своих отношениях с другими странами мы будем придерживаться принципов откровенности и правдивости и будем призывать другие страны к следованию этим принципам.

94. Мы являемся решительными сторонниками мира и безопасности и для их достижения не пожалеем никаких усилий. Однако, с нашей точки зрения, отсутствие войны не означает мира и безопасности. Когда мы говорим о мире и безопасности, то подразумеваем установление во всем мире справедливости, а во взаимоотношениях между народами – отсутствие противоречий и кризисов, чтобы никто не мог посягать на законные права других или же препятствовать прогрессу других. Конечно, достижение этой желанной цели возможно в том случае, если будет на практике осуществлено создание исламского порядка с его здоровым руководством жизнью человека.

95. Мы решительно осуждаем различные виды колониализма, эксплуатации и деспотизма, мы считаем продолжение существования колониального строя нарушением принципа справедливости, а остатки колониализма – основной причиной противоречий, напряженности и отсутствия безопасности.

96. Мы считаем борьбу против колониализма Востока и Запада основной задачей народов, и мы направим все свои возможности и силы на его ликвидацию.

97. Те отсталые народы, которые обречены на пребывание в когтях колониализма, будут пользоваться нашей полной поддержкой в соответствии с принципами ислама. Особенно это относится к тем мусульманским народам, чье независимое исламское существование находится под угрозой гнета, агрессии и колониализма. Эти народы будут пользоваться бескорыстной помощью с нашей стороны.

98. Мы выступаем за установление дружественных отношений со всеми народами мира. Однако мы ни в коем случае не допустим, чтобы в результате таких отношений имел место отход от наших принципов и взглядов или появилась угроза нашим национальным интересам. Мы не пойдем на установление таких отношений, от которых пострадали бы свобода и независимость нашей страны.

99. Мы ни в коем случае не допустим, чтобы наша страна стала участницей военных блоков и принимала участие в гонке вооружений.

100. Нами ни в коем случае не будут уважаться международные договоры, противоречащие исламу.

101. Мы продолжим укрепление братских и дружественных отношений с исламским миром. Мы подтверждаем свою готовность прилагать усилия для сплочения исламских стран и достижения ими общих целей.

Мы считаем, что в нынешней обстановке для обеспечения существования и укрепления исламского мира необходимы чувства единства и братства всех мусульман.

И наконец, мы считаем для исламских стран необходимы следующие совместные усилия:

а) укрепление исламской культуры, воспрепятствование проникновению культур неисламских;

б) совместные капиталовложения для создания военной промышленности исламских стран;

в) официальное признание арабского языка в качестве международного. Всемерная популяризация этого языка;

г) создание так называемого международного суда для разрешения противоречий между исламскими государствами;

д) создание условий, облегчающих поездки в исламские страны;

е) принятие необходимых мер для развития торговли;

ж) полное сотрудничество с мусульманскими меньшинствами, находящимися под гнетом в других странах.

Приложение 2

ПРОГРАММА ДВИЖЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ АФГАНИСТАНА (ДИРА)* (КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ)

Предисловие

Героический мусульманский угнетенный народ Афганистана на протяжении своей истории постоянно был объектом нападений с той или иной стороны, но он не мог терпеть гнета на своих плечах, он не утратил своей приверженности исламу, своим религиозным и национальным идеям. История нашего народа свидетельствует, что мы всегда протягивали руку дружбы и сотрудничества всем странам мира, особенно исламскому миру. Наш народ хочет по-прежнему жить в атмосфере благожелательности и взаимопонимания, без негативных политических идей, в рамках исламских привязанностей и афганских традиций, уважая братский исламский мир, упорядоченные международные отношения.

Героический мусульманский народ Афганистана всегда считал, что он, опираясь на священные религиозные чувства, на соблюдение исламских предписаний в области культуры, религии, экономики, политики и управления, создаст свою любимую родину в рамках предписания священного Корана и традиций, исходящих от пророка; он считал, что создаст процветающее общество, но реакционные и разрушительные силы колониализма прямо или через своих подручных вторглись в эти чаяния. К счастью, исламское движение Афганистана, и в частности Движение исламской революции Афганистана, которое вобрало в себя благочестивых улемов, офицеров, юношей, женщин и все слои мусульман и моджахедов, с исламским видением и революционной энергией идет вперед по пути создания подлинно исламской республики на основе исламских принципов, имея в виду

* Перевод с дари.

построение всех отношений и экономических связей между народностями Афганистана на исламских экономических принципах и устранение всех неисламских отношений, неустанное стремление к прославлению Аллаха и спасение угнетенного народа Афганистана и всего мира из когтей безбожия и социализма, освобождение народов от человеконенавистнического капитализма, и дай Бог, чтобы в ближайшем будущем эти стремления принесли свои плоды и Афганистан вырвался на свободу из когтей русских преступников, чтобы он возродил исламскую культуру, национальные ценности честного мусульманского народа и продолжил свое существование, сохранив исламскую честь.

Не опираясь ни на какие силы колониализма, афганский народ пойдет по пути научного мировоззрения, свободного от ошибок, распространяя идею единобожия, основанную на мире, равенстве, братстве с целью упрочения господства Корана и соблюдения известных религиозных предписаний . . .

По достижении окончательных целей, т.е. создания исламского строя, обретения подлинной независимости, мы сможем уничтожить болезни нищеты и голода, неграмотность, несправедливость, неисламские отношения и т.д. во имя единства и солидарности исламских движений во всем мире и спасения Афганистана.

Чего мы хотим?

1. Объединить и организовать всех разобщенных и разрозненных мусульман с помощью исламских благочестивых улемов.

2. Вести джихад против врагов ислама.

3. Избавить благородную землю Афганистана от всех форм колониализма и эксплуатации.

4. Пробудить в сердцах всего мусульманского народа страны чувства джихада, свободы, самоотверженности и прогресса.

5. Создать атмосферу взаимной доброжелательности в отношениях со странами мира и особенно со странами исламского мира в соответствии с исламскими наставлениями.

6. Обеспечить здоровое руководство делами в области религии, в вопросах социальных, политических, культурных, экономических и административных в рамках полного соблюдения святого Корана.

7. Создать в Афганистане подлинно исламскую республику.

8. Привести все экономические отношения между людьми в стране в соответствие с исламской экономической системой, уничтожить все неисламские обычаи, с тем чтобы спасти угнетенный мусульманский народ Афганистана от человеконенавистнической системы капитализма, с одной стороны, и от ада и безбожия социализма – с другой.

9. Бороться против любой дискриминации, национализма, выявлять благочестивых людей, поручать ведение дел компетентным людям.

10. Активно бороться против всех неисламских групп, против всех пороков, идущих вразрез с шариатом.

11. Воспитывать молодое поколение по правильным программам, чтобы гарантировать его компетентность в будущем, при исполнении им своих обязанностей.

12. Восстановить шариатские права женщин и сирот, в соответствии с принципами шариата способствовать росту их образовательного уровня.

13. Осуществить в соответствии с принципами шариата земельную реформу, обработку земли и пастбищ для кочевого и оседлого населения страны.

14. Направить усилия на завоевание свободы и независимости всеми исламскими народами, которые живут в условиях гнета, в аду красного или черного империализма.

15. Защищать права исламских меньшинств в неисламских странах.

16. Сохранять географические границы дорогого Афганистана.

17. Проводить активную политику положительного нейтралитета.

18. Уделять внимание исламским и другим общественным учреждениям, таким, как мечети, медресе, мактабы, больницы и т.д.

19. Активизировать торговые и банковские дела страны на основе исламской шариатской системы.

20. Сосредоточить весь рабочий потенциал страны для всестороннего развития промышленности и ремесел, для освоения всех районов дорогой родины.

21. Создать в соответствии с истинными потребностями вооруженные силы страны из преданных патриотических и правоверных элементов для распространения священного учения.

Приложение 3

АННОТАЦИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ БРОШЮРЫ ДИРА (ДВИЖЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ АФГАНИСТАНА) "ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ"

Джихад

Членство и даже сочувствие какого-либо человека по отношению к ДИРА без участия в джихаде невозможно. Те, кто не участвует в джихаде, исключается из ДИРА.

ДИРА не признает якобы преданных исламу, но равнодушных и бездеятельных членов, особенно в настоящее время, и рассматривает их как умерших для дела ислама.

Члены и сочувствующие ДИРА, а также каждый разумный мусульманин должны постоянно в силу своих возможностей участвовать в какой-либо из названных ниже сфер деятельности.

1. Военная (боевая).

2. Культурная: печатная пропаганда и радиопропаганда, распространение кассет.

3. Связи: координация действий.

4. Информация: добывание разведсведений о противнике.

5. Финансовая: сбор и распределение средств.

6. Обслуживание.

7. Административная.

Необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1. Члены военного комитета должны быть мужественными, стойко

переносить все лишения боевой деятельности. В число обязанностей входят следующие:

а) они должны постоянно осуществлять исламскую деятельность, независимо от того, освобожден ли район боевых действий, чувствуется ли нехватка оружия или район боевых действий находится под контролем коммунистов;

б) постоянно обмениваться информацией и сотрудничать с другими представительствами ДИРА;

в) в часы затишья идти в гущу народных масс, решать с ними все проблемы и тем самым укреплять свою связь с народом;

г) каждый член военного комитета обязан изучать военное дело и для прочного его освоения иметь пособия по боевым действиям в каждом представительстве;

д) члены ДИРА обязаны постоянно изучать Коран, пособия по шариату, нравственности, социологии, науке, боевой деятельности и самым серьезным образом воздерживаться от чтения безнравственных книг, журналов и т.д.

2. Обязанности комитета культуры:

а) чтение и разъяснение книг, программы, пособия "Защита и движение", вопросов по боевой деятельности и других печатных изданий ДИРА;

б) распознавание книг полезных от неполезных с учетом требования времени;

в) подготовка и распространение печатных изданий среди населения, особенно среди молодежи, с целью повышения уровня исламской сознательности в противовес распространению особо опасных печатных изданий русских и их халькистских и парчамистских приспешников;

г) распространение печатных изданий ДИРА, вручение их молодежи и целью углубления их образа мышления;

д) распространение магнитофонных кассет с исламскими записями, особенно среди неграмотной молодежи;

е) рекомендовать народу слушать радио Ирана, которое в настоящее время относительно полезно для исламской революции Афганистана;

ж) анализировать религиозные, политические, социальные аспекты на собраниях, которые, по указанию комитета культуры в зависимости от обстановки созывается раз в неделю или несколько раз.

3. Каждое представительство ДИРА обязано непосредственно или с помощью других представительств устанавливать связь с центром ДИРА и ежемесячно посылать донесения в центр о сборе и расходе средств, о боевой и пропагандистской деятельности. Между представительствами ДИРА должно царить взаимопонимание, должны быть ликвидированы языковые, расовые, племенные противоречия, члены ДИРА должны с помощью государственных служащих получать информацию о марксистском и марионеточном правительстве и отправлять ее в центр, привлекать к сотрудничеству с ДИРА благочестивых и знающих специалистов, в своей деятельности не распространять клевету, оскорбления в адрес других исламских групп (сближение сторон должно происходить на основе их сознательности, а не путем раздувания национальной и племенной вражды), бороться с расовыми и религиозными противоречиями, объединять и приравнивать шиитскую и сунитскую молодежь, а также молодежь, гово-

рящую на языках пушту и дари с целью создания национального единства под знаменем ислама.

4. Соблюдать и выполнять исламские обязанности по отношению к женщинам, девушкам, родственникам.

5. В сборе и расходовании средств исламские нормы, воздерживаться от расточительства, оказывать помощь во имя ислама другим истинным исламским группам и руководствоваться принципами исламского движения.

6. Никогда не раздувать межгрупповую рознь и по мере возможности решать конфликты несознательных исламских групп мирным путем.

7. Административный комитет обязан фиксировать всю деятельность ДИРА, сбор и расходование средств должны точно фиксироваться и соблюдаться административным комитетом, который должен находиться в скрытом месте.

8. Члены ДИРА обязаны знать, что бездеятельность хуже, чем игра в карты, так как в бездеятельности постепенно угасает драгоценная жизнь человека, а при игре в карты – материальные средства человека.

9. Программа, пособия по боевой деятельности по возможности должны храниться в скрытом месте.

10. Постоянно поддерживать связь с Богом посредством намаза, молитв, чтения и изучения Корана, который должен иметь соответствующий подстрочник (на дари или пушту) для понимания.

11. Быть осведомленным о политической обстановке в стране и в мире.

12. Всегда находиться в гуще народных масс.

13. Знать: защита ислама в тысячу раз дороже жизни.

14. До конца находиться в гуще народа и покидать его только в том случае, если грозит разоблачение.

15. Городские подпольщики обязаны знать следующее:

а) место нахождения городских базаров;

б) переулки, соприкасающиеся с базарами, откуда можно осуществить нападение;

в) тупиковые переулки и проулки;

г) густонаселенные районы города;

д) развалины внутри города и за его пределами;

е) места нахождения ХАДа*, армии, царандоя и их командования;

ж) местонахождение банков;

з) склады ГСМ;

и) районы и места, наиболее подверженные воспламенению;

к) дороги города, дороги к городу;

л) явки;

м) мечети, святые места для укрытия.

16. Городские подпольщики должны вербовать агентов для себя из следующих категорий людей:

1. офицеры ВС, ХАДа, царандоя;

2. городские служащие, рядовой и сержантский состав ВС;

3. работники складов;

---

*Служба государственной информации, ныне министерство государственной безопасности (*В.С.*).

4. лица, пострадавшие от нынешнего режима;

5. соседи важных государственных деятелей;

6. учителя школ, институтов, студенты и ученики, так как очень важно иметь свое влияние в учебных заведениях.

17. Следует использовать женщин для получения информаций и переноски оружия и взрывчатых веществ.

18. Городские подпольщики своей одеждой и манерой поведения не должны отличаться от населения, чтобы не быть разоблаченными коммунистами.

19. Действия подпольщиков должны наносить максимальный урон режиму, и с целью укрепления морального духа населения нужно информировать его о том, что режим не способен контролировать тот или иной район.

20. Те члены, которые на 100% уверены в своей религиозной принципиальности и честности, стойкости для нанесения сильного удара по режиму, могут принимать членство халькистской и парчамистской партий, но это должно осуществляться только с разрешения руководителя представительства ДИРА.

21. Необходимо принимать все меры для сохранения партийной тайны, так как это – залог победы подпольщиков. Идеал подпольщика – неразрывное единство осторожности, мужества и проницательности. Никто из членов ДИРА не имеет права раскрывать кому бы то ни было тайну партии, кроме своих руководителей.

Приложение 4

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ОБЩЕСТВА, СОЮЗЫ, КОМИТЕТЫ, БЮРО, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ПОМОЩЬ АФГАНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Название организации	Страна, адрес	Руководители, активные члены
1	2	3
	Организации в США	
Американские друзья афганских врачей (American Friends of Afghan Phisicians)	п/я 1001, Вест–10-я стрит, Индианаполис, штат Индиана 40202, США	d-r Joe Mamlin
Всемирная помощь (World Relief)	Тел. 317–639–6671; 938 Даннок стрит, Денвер, штат Колорадо, тел. 303–534–1914	
Программа оказания медицинской помощи афганцам (Concord Proffessional Center)	747 Мейн стрит Конкорд, штат Миннесота, 1016742	Edward G. Toomey
Международный комитет спасения (International Rescue Committee)	386 Парк Авеню Саут, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, тел. 212–679–0010	

Приложение 4 (продолжение)

1	2	3
Американские друзья Афганистана (American Friends of Afghanistan)	П/я 3244, Омаха, Новая Англия, 68103	T. Gouttierre, T. Eliot – бывший посол в Афганистане L. Paullada – писатель; R.G. Neumman – – бывший посол в Афганистане
Комитет ученых, сочувствующих Афганистану (Commitee of concerned scolars for Afghanistan)	П/я 10053 Вашингтон, округ Колумбия, 20016	Luis Dupree – – специалист по Афганистану
Всемирный совет церквей (Church World Service Committee)		
Фонд прямой помощи (Direct Relief Foundation)	П/я 1319, Санта Барбара, штат Калифорния, 93102, тел. 805-966-9146	Robert K. McGill
Комитет за свободный Афганистан (Committee for a Free Afghanistan)	Вашингтон, округ Колумбия, 20002, тел. 202-546-7577	K. McKay
Толстовский фонд (Tolstoy Foundation)	250 Вест, 54-я стрит, штат Нью-Йорк, 10019, тел. 212-247-2922, 213-582-4041	
Американская помощь афганцам (American Aid for Afghans)	6443, Саут-Вест Бивертон хайвей Портланд, штат Орегона, 97221	Don Weiderweber weber
Афганский информационный центр (Afghan Information Center)	Фридон Хауз, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10018, тел. 212-730-7744	Posanue Klass
Комитет помощи Афганистану (Afghanistan Relief Committee)	345 Парк Авеню сьют 4100, Нью-Йорк, 10154, тел. 212-888-7676	T. Gouttierre
Центр по изучению Афганистана (Afghanistan Studies Center)	Грейтонский университет, Омама, штат Небраска, США	T. Gouttierre
Помощь афганским борцам за свободу (Aid for Afghan Freedom Fighters)	П/я 1052, ОАК-оф, Сан-Франциско, штат Калифорния, 94117, США, тел. 415-863-1450	Michael Griffin
Информационное общество афганских беженцев "Ариана" "Ariana" (Afghan Refugee Information Association)	П/я 8201, Вэхли Драйв, Бетесдей, штат Мэрилэнд, 20817	Will Erwin
Афганский национально-демократический комитет (Afghan National Democratic Committee)	П/я 17622, Лос-Анджелес, штат Калифорния, 90017, США	
Всеобщий союз афганских студентов (GUATS – General Union Afghan Students)	П/я 17622, Лос-Анджелес, штат Калифорния, 90017, США	
Общество защиты свободы Афганистана (Association for Freedom of Afghanistan)	П/я 401235, Даллас, штат Техас, 75234, США, тел. 214-423-4942	
Калифорнийская ассоциация	1440, Бродвей, сьют	

Приложение 4 (продолжение)

1	2	3
афганцев (The Afghan Association of California)	420, Окленд, штат Калифорния, 94612, тел. 415-834-6797	
Союз освобождения Афганистана (Unity of Afghanistan Liberation)	Тел. 213-995-6456	
Афганская община в США (Afghan Community in America)	Ямайка, штат Нью-Йорк, 11435. тел. 212-658-3737	
Афганская ассоциация борцов за свободу		
Лига освобождения Афганистана (Afghan Freedom League)		
Совет солидарности афганских освободительных организаций в Америке (SCAFOA – "Solidarity Counsil of Afghan Freedom Organisations in America)	П/я 365, Франклин, штат Джорджия	
Комитет помощи афганцам (Afghan Relief Committy)	Андовер, штат Коннектикут	
Исламская медицинская ассоциация (Islamic Medical Association)	Трентон, штат Нью-Йорк, 08108. тел. 212-594-5877	
	Организации в ФРГ	
Афганский культурный и исследовательский центр в Мюнхене (Afghanisches Kultur- und Studienzentrum München)	Еттингенстр, 258000, Мюнхен, тел. 089-22-83-884	
Информационный отдел афганских моджахедов	Бонн	
Единство и борьба за освобождение Афганистана (Unity and Struggle for the Liberation of Afghanistan)		Мохаммад Юсуф. бывш. премьер-министр Афганистана
Информационное бюро афганских моджахедов (Information Buro der Afghanistan Modjahedin)	Д-15300, Бонн, 3	ИПА Г. Хекматьяра
Орган защиты афганских моджахедов		
Исламское общество афганских моджехадов		
Афганский культурный центр (Afghanisches Kulturzentrum)	Бонн	
Совет исламского союза афганцев, проживающих в Европе		ИСОА Сайяфа
Союз исламских студентов в Европе	п/я 250369, Д-4630, Богум, 25. ФРГ	
Исламский совет Афганистана		М.Э. Сайяфи

Приложение 4 (окончание)

1	2	3
Афганский культурный центр	Бонн	Каку Джан Ниязи (ИПА)
Исламское общество Афганистана (представительство ИОА в ФРГ)		
Помощь (Help)		Васеф Ганг-нешин
Афгано-западногерманский	г. Гамбург	Ибрагим Рашид
Организация освобождения афганских моджахедов	г. Бонн	Абдул Каюм Калакани
Исламский центр	Гамбург-76, Стоум Ауссихт, 36	
	Организации во Франции	
Движение солидарности и сопротивления афганского народа (Movement of Solidarity and Resistance of the Afghans)		
Международная медицинская помощь (International Medical Assistans)		
Афганский центр информации и документации (Afghanistan Information and Documentation Center)	Ру Лас Касес 75007, Париж, Франция	
Общество франко-афганской дружбы (Amitie Franco-Afghane (AFRANE)	Авеню Расин 78600 Масоне-Лаффитт Франция	
Друзья Афганистана (Amis de l'Afghanistan)		
Aide Internationale contra La Faim	Ру де Риволи, 156, Париж, 75001, Франция, тел. 296-1676	
Медицина без границ	161 Бульвар Ле Фебре, Париж 75015, Франция	
Международная медицинская (Medicale Internationale)	Руде Амандьеве, 119, Париж 75020, Франция, тел. 639-6610	
Бюро ИОА	Париж Хомаюн Тандар	
	Организации в Англии	
Союз свободного Афганистана (Divinity Afghanistan Alliance)	П/я 412, Бостон, Сев. Ирландия, 02112	
Афганский моджахед (Afghan Modjahid)	Лондон	
Помощь Афганистану		
Здоровье без границ		
Комитет поддержки Афганистана	Лондон	Орли Плутон

Приложение 5

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ АФГАНСКОЙ ИСЛАМСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Название журнала	Контрреволюционная организация, издающая	Язык издания	Место издания
1	2	3	4
	Журналы		
Лучи джихада (The Jihad Rays)	ИСМА-7	английск.	Пакистан, Пешавар
Хиджрат	ИСМА-7	пушту	"
Восстание за истину (Киям- и хак)	ИСМА-7	дари, пушту	
Аль-нафир-аль-а	ИСМА-7	арабский	
Весть о шахидах (Шахид пейгам)	ИСМА-7	пушту дари	
Образ шахида (Сима- и шахид)	ИПА	пушту, дари	
Вечерняя заря (Шафак)	ИПА	дари, пушту	
Точка зрения (Аль-моукеф)	ИПА	арабский	
Союз крови (Мисак- и хун)	ИОА	дари пушту	
Шахидство (Шахид-ризи)	ИОА	дари, дари пушту	
Радостная весть (Башарат)	ДИРА	дари, пушту	Пакистан, Пешавар
Шахиды священного джихада	ДИРА	пушту	"
Да-мокаддас джихад шахидан	ДИРА	пушту дари	
Поминальник шахидов Иаднаме- и шахидан	ИСМА-3	пушту	
Джихад Афганистана	ИСМА-3	английский	"
Стойкость (Эстегамат)	ИДА	дари	Иран, г. Кум
Послание обездоленных (Паям-е мостазафин)	НАСР	дари	"
Узы Аллаха (Хабльулла)	–	дари	Иран
	–	дари	Иран, г. Тегеран
	Газеты		
Исламское единство (Вахдат-и ислами)	ИСА-7	дари, пушту	Пакистан г. Пешавар
Смерть за веру (Шахадат)	ИПА	дари, пушту	б/м
Путь правды (Рах-и хак)	ИПА	дари	Иран
Ислами жок	ИПА	дари	г. Тегеран
Борец за веру (Моджахед)	ИОА	дари, пушту	Пакистан
	ИОА	дари, пушту	Пакистан г. Пешавар

Приложение 5 (окончание)

1	2	3	4
Исламская революция Афганистана (Инкилаб-и ислами-и Афганистан)	ИОА	дари	Иран Тегеран
Союз моджахедов (Иттихад-и моджахедин)	ИСМА-3	дари пушту	Пакистан г. Пешавар
Чаяние шахида (Арман-и шахид)	ИСМА-3	дари	Индия г. Дели
Призыв к единству (Паям-и вахдат)	ИСМА-3	дари, английский	Пакистан, г. Лахор
Клич моджахедов (Неда-и моджахедин)	ИСМА-3	пушту дари	Пакистан г. Кветта
Свобода (Азади)	"независимая"	дари	Пакистан
Исламский союз афганских студентов (Иттихад-и ислами-и мохселин-и афгани)	"независимая"	дари	Пакистан г. Лахор
Утро (Аль-Собх)	ИПА отделение в Европе	дари	ФРГ г. Висбаден
Борец за веру (Моджахед)	"независимая"	дари пушту	Пакистан
Сердце Азии	"независимая"	пушту дари	б/м
Наставления ислама (Хедаят- и ислам)	ДИРА	пушту, дари	б/м
Рассвет (Фаджрамие)	ИДА	дари	Иран г. Кум
Восход (Толю)	Исл. об-во афаг. студентов в Индии	дари пушту	Индия
Истина ислама (Хакикат-оль-ислам)	ДИРА	пушту дари	Пакистан
Луч света (Аль-Нур)	ИПА	пушту	Пакистан

Приложение 6

УЧЕБНЫЕ ЦЕНТРЫ АФГАНСКОЙ ИСЛАМСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПАКИСТАНА*

№ пп	Дислокация центров	Виды военной подготовки	Число обучающихся	Срок обучения	От какой организации	Даты создания центра
1	2	3	4	5	6	7
1	Читрал	Общая военная подготовка	300		ИОА	1980
2	Читрал (3 км на север)	Использование противотанкового оружия	100	3 мес.	ИОА	1980
3	Дрош (в лагере беженцев)	Общая военная подготовка	600		НФСА	сентябрь 1981
4	Дрош (4 км на юго-запад)	Общая военная подготовка	200		ИПА	сентябрь 1981
5	Чахират (10 км севернее Дроша)	Общая военная подготовка	100			1981
6	Мирхани (12 км юго-западнее Дроша)	Общая военная подготовка	600			июнь 1979
7	Дир (южная окраина)	Общая военная подготовка, минирование, подрывное дело	600	6 мес.	НИФА	сентябрь 1981
8	Дир (15 км западнее)	Подготовка диверсионно-террористических групп			НФСА	сентябрь 1981
9	Дир (14 км юго-восточнее)	Общая военная подготовка, использование противотанкового оружия			ДИРА	
10	Барва (25 км юго-западнее Дира)	Подготовка диверсионно-террористических групп				август 1981
11	Хал	Общая военная подготовка. Одна группа– использование РПГ	200		НФСА	март 1982
12	Мунда–Кала (20 км северо-восточнее Хала)	Общая военная подготовка. Одна группа – использование РПГ	200			
13	Ормара (5 км западнее Хала)	Общая военная подготовка. Склад оружия и снаряжения	200		ИОА	февраль 1984
14	Навагаи	Специальная военная подготовка (применение РПГ и зенитного оружия)	150			1980

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
15	Мужаммадгарт (2 км южнее Навагаи)	Применение противотанковых и зенитных артиллерийских систем. Инструкторы из КНР, АРЕ и США	500		ИОА	1982
16	Ахкарзай-Даг (10 км южнее Навагаи)	Общая военная подготовка	200			июнь 1978
17	Даргай (1 км северо-западнее)	Общая военная подготовка	250		ИОА ДИРА	
18	Танги	Применение минометов, противотанковых и зенитных артиллерийских систем. Пакистанские инструкторы	900		ИПА	1983
19	Кодахель	Общая военная подготовка	100			1983
20	Чарсада	Общая военная подготовка	150		ИПА	1981
21	Чарсада	Общая военная подготовка	200		ИОА	1982
22	Шабгадар (20 км северо-западнее Чарсада)	Общая военная подготовка. Одна группа – диверсионная подготовка. Инструкторы из КНР.	100		ИОА	1983
23	Ланди Коталь	Общая военная подготовка (в лагере для беженцев)	300		ИПА	1981
24	Тора–Тига (5 км севернее Ланди–Коталь)	Применение противотанкового оружия	80		ИПА	1983
25	Хонаки–Кила (15 км северо-восточнее Ланди-Коталь)	Применение РПГ и крупнокалиберных пулеметов	100		ИПА	март 1984
26	Ловарамена (12 км северо-восточнее Ланди–Коталь)	Минирование, подрывное дело. Применение противотанковых и зенитных средств. Инструкторы из США и КНР	300		ИСМА	август 1984
27	Багх	Общая военная подготовка	150			сентябрь 1979

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
28	Варсак (30 км северо-западнее Пешавара)	Подготовка специалистов по применению зенитного оружия в том числе портативной системы ПВО "Стрела–2 м". Инструкторы из США и АРЕ	700	3–6 мес.	ИПА НФСА НИФА	декабрь 1979
29	Исмаил–Кала (20 км северо-западнее Пешавара)	Применение минометов, РПГ, стрелкового оружия	200	3–6 мес.	ИПА ДИРА	
30	Мични–форт (22 км северо-западнее Пешавара)	Применение автоматического стрелкового оружия и РПГ		2–3 мес.		
31	Кача–Гархи (10 км северо-западнее Пешавара)	Общая военная подготовка (в лагере беженцев Насербаг). Одна группа по минированию и подрывному делу. Инструкторы пакистанские			НИФА	
32	Пешавар-1 (около кинотеатра "Фирдоуси")	Подготовка специалистов по использованию различных видов вооружений. Инструкторы из КНР			ИПА ИОА	
33	Пешавар-2 (западная окраина)	Общая военная подготовка	400			
34	Пешавар-3	Общая военная подготовка. Инструкторы – бывшие афганские офицеры, пакистанцы	300		ДИРА НИФА	
35	Факирабад пригород (окраина Пешавара)	Общая военная подготовка. Одна группа по подготовке диверсантов-террористов. Инструкторы из КНР	400			
36	Калькота (пригород Пешавара)	Подготовка специалистов по использованию зенитных средств, в том числе портативных зенитных ракет	150		ИПА	ноябрь 1981

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
37	Дарманги (северо-западная окраина Пешавара)	Общая военная подготовка. Одна группа по подготовке диверсантов и террористов	100	6 мес.	НФСА	
38	Тахаль-Паян–Бала (5 км западнее Пешавара)	Подготовка специалистов по подрывной пропаганде	200	1,5 мес.	ИПА	
39	Джамруд (12 км западнее Пешавара)	Общая военная подготовка (в лагере беженцев). Одна группа по применению зенитного оружия	700			1980
40	Форт-Салоп (20 км юго-западнее Пешавара)	Подготовка радиоспециалистов	100		ИПА ИОА	
41	Пабби	Общая военная подготовка	60		ИОА	
42	Нарушахра (Наушера)	Общая военная подготовка. Одна группа по подрывному делу. Имеются пакистанские инструкторы	250	3 мес.	ИПА	
43	Дагбесуд	Общая военная подготовка. Инструкторы – отставные пакистанские офицеры	100		НИФА НФСА	
44	Джалосаи (20 км юго-западнее Науш-ахры)	Общая военная подготовка				август 1982
45	Атток	Подготовка диверсантов. Инструкторы из США, КНР и Пакистана				
46	Машохель (форт Бара)	Подготовка диверсантов и разведчиков. Контингент – бывшие афганские военнослужащие. Инструкторы из США и пакистанцы	300	3 мес.		август 1982
47	Кемпбеллпур	Применение крупнокалиберных пулеметов, РПГ, минометов, диверсионная деятельность				

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
48	Исламабад	Подготовка командных кадров. Инструкторы – военные специалисты из США, КНР и Пакистана				
49	Матанни	Общая военная подготовка	250		НФСА	
50	Тутма-Хель	Применение средств ПВО против низколетящих целей. Инструкторы из США				
51	Парачинар (северный пригород)	Общая военная подготовка	400	1 мес.	ИОА ДИРА НФСА	февраль 1981
52	Парачинар (на территории военного лагеря)	Подготовка диверсантов и террористов. Инструкторы – пакистанцы	25			февраль 1981
53	Дханд (10 км восточнее Парачинара)	Общая военная подготовка	800	800	ИПА	
54	Терри-Мангал (15 км западнее Парачинара)	Общая военная подготовка (в лагере беженцев)	150	3 мес.	ИПА НИФА	
55	Гозархи (12 км юго-западнее Парачинара)	Общая военная подготовка (в лагере беженцев)	100	3 мес.	ИПА Ю. Халеса	
56	Мела (5 км восточнее Парачинара)	Общая военная подготовка. Инструкторы – бывшие афганские офицеры			ИПА	
57	Садда	Общая военная подготовка. Учебный полк	1200	3 мес.	ДИРА	ноябрь 1981
58	Садда (восточная окраина)	Подготовка специалистов по применению портативных ракет ПВО				ноябрь 1981
59	Аравали (10 км западнее)	Общая военная подготовка	80		ИПА	январь 1979
60	Хазир ПИР (3 км южнее Аравали)	Общая военная подготовка	60		НФСА	март 1981
61	Вазеул-Кила (6 км южнее Аравали)	Подготовка диверсантов из бывших афганских военнослужащих	40		НФСА	март 1981
62	Ализай	Минирование и подрывное дело. Применение средств ПВО	50		ИОА	август 1980

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
63	Багзай	Общая военная подготовка, подготовка диверсантов и террористов	50		ИПА Ю. Халеса	февраль 1981
64	Кагамела (6 км юго-западнее Ализай)	Подрывное дело, средства ПВО	150			август
65	Хангу	Общая военная подготовка				
66	Кундакалай (5 км севернее	Противотанковое оружие и средства ПВО, в том числе портативные зенитные ракеты			НФСА	
67	Кохат (восточная окраина) Кохата)	Подготовка командных кадров для различных организаций. Инструктора из США, АРЕ и КНР				апрель 1981
68	Аймалчабутра (16 км севернее Кохата)	Подготовка специалистов по использованию средств ПВО и минометов	200	2–3 мес.		
69	Тал (3 км восточнее территории военного лагеря)	Подготовка минеров и подрывников, а также специалистов по использованию средств ПВО	70		НФСА	
70	Мирам Шах	Центр по подготовке различных специалистов. Имеется группа по саботажу. Инструкторы пакистанцы и американцы	700	до 6 мес.	ИПА НИФА	январь 1979
71	Спинвам (35 км северо-восточнее Мирам Шаха)	Подготовка подрывников и минеров, специалистов по уничтожению танков и БТР. Инструкторы китайцы	150			
72	Джелам Хан (17 км северо-западнее Мирам Шаха)	Подготовка специалистов по средствам ПВО и РПГ			НИФА	август 1981

Приложение 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
73	Мир Али	Общая и специальная военная подготовка. Подготовка снайперов, радиоспециалистов. Центр расположен на территории военного лагеря	2000			
74	Банну	Общая военная подготовка (в лагере беженцев)			НФСА	
75	Миянвали	Общая военная подготовка (в лагере беженцев). Есть курс ПВО. Информация из США	500			
76	Размак	Подготовка диверсантов. Инструкторы – пакистанские коммандос				
77	Джандола	Подготовка диверсантов				ноябрь 1980
78	Вана (20 км западнее)	Общая военная подготовка	120		НФСА	март 1980
79	Манзай	Общая военная подготовка (в военном лагере)	800			
80	Танк	Общая военная подготовка и изучение различных видов оружия	60		ДИРА	
81	Мадди	Общая военная подготовка (в лагере беженцев из племени мангал)			ИПА	ноябрь 1981
82	Чаман (лагерь пакистанских пограничников)	Подготовка по стрельбе из минометов и РПГ. Инструкторы из КНР и США	300			
83	Хаджимулу–Калаи (4 км юго-западнее Чамана)	Общая военная подготовка	100			
84	Чаман (3 км западнее)	Общая военная подготовка	150			
85	Раджхани (8 км юго-западнее Чамана)	Подготовка подрывников и минеров, применение средств ПВО. Инструкторы из США и Пакистана	100			

Приложение 6 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
86	Боджхра–Карез (10 км восточнее Чамана)	Применение средств ПВО, маскировки. Инструкторы – отставные пакистанские офицеры		3 мес.		май 1984
87	Пишин	Общая военная подготовка (в лагере беженцев). Имеются курсы коммандос		4 мес.	НИФА НФСА	
88	Кветта	Общая военная подготовка	500		НИФА НФСА	
89	Кветта	Общая военная подготовка	300		ДИРА	
90	Шейх Василь	Общая военная подготовка				
91	Дадхар	Общая военная подготовка				
92	Нушки – (5 км западнее)	Подготовка террористов, диверсантов, общая военная подготовка (в лагере беженцев)	400		ДИРА НИФА ИГА ИОА	
93	Чагай	Общая военная подготовка (в лагере беженцев)	300		ДИРА	
94	Чагай (10 км южнее)	Общая военная подготовка (в лагере беженцев)	200		ДИРА	

* По данным "Белой книги", изданной МИД ДРА в Кабуле в 1984 г.

Примечание: ИПА – Исламская партия Афганистана; ИОА – Исламское общество Афганистана; ДИРА – Движение исламской революции Афганистана; НИФА – Национальный исламский фронт Афганистана; НФСА – Национальный фронт спасения Афганистана.

Приложение 7

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ИСЛАМСКОГО ОБЩЕСТВА АФГАНИСТАНА НА ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ

1. Инженер Ахмад Шах Масуд – главнокомандующий фронтами провинций Каписа, Парван, военный теоретик исламской революции в Афганистане
2. Учитель Абуд Кадыр Забиулла – главнокомандующий революции в провинции Балх
3. Учитель Абдул Басир Халед – главнокомандующий фронтами провинции Балахшан
4. Учитель Абдуллах Хакджу – главнокомандующий фронтами провинции Баглан

5. Старший капитан Алауддин – командир дивизии Хазрата Хамзы провинции Герат
6. Доктор Фазльулла – главнокомандующий фронтами провинции Логар
7. Доктор Сеид Мухаммад Хосейн – командующий фронтами провинции Тахар
8. Судья Мухаммад Исмаил Тарек – главнокомандующий фронтами провинции Лоагман
9. Старший капитан Мухаммад Исмаил – главный амир фронтов провинции Герат
10. Мухаммад Ареф – командующий фронтами провинции Кундуз
11. Судья Исламуддин Хамед – командующий фронтами уезда Ишкишим провинции Тахар
12. Инженер Аджабголь – главнокомандующий фронтами провинции Гильменд
13. Судья Абдул Бари – главный амир фронтов провинции Тахар
14. Профессор Гулам Мухаммад Аринпур – амир фронтов уезда Кешм провинции Бадахшан
15. Муляви Рахимулла – главный амир фронтов провинции Бамиян
16. Моуляви Абдул Маджид Салтани – командующий фронтами провинции Кундуз
17. Муляви Абдул Латиф – амир фронтов уезда Пол-и Алям провинции Логар
18. Моуляви Абдул Раззак – командующий фронтами провинции Фарах
19. Мухаммад Анвар – командующий фронтами уезда Саруби
20. Сеид Наджмуддин Васек – главнокомандующий фронтами волости Бахарак провинции Бадахшан
21. Сафиулла Фазли – командующий центрального фронта провинции Герат
22. Мухаммад Хосейн – командующий фронтами волости Гольган провинции Тахар
23. Учитель Сейфуддин Халес – главнокомандующий фронтами Камрусикан провинции Бамиян
24. Старший капитан Сеид Акбар Шакер – главнокомандующий фронтами провинции Фарьяб
25. Абдулла – командующий центральными фронтами провинции Балх
26. Мулла Абдул Самад – командующий фронтами уезда Ханабад провинции Кундуз
27. Сеид Ахмад – амир фронтов уезда Гозара провинции Герат
28. Шир Балтухель – командующий фронтами Калее Боланд провинции Парван
29. Гольхейдар – командующий одним из фронтов Панджшира
30. Абдулла Файек – командующий фронтом Яфталь Пайян
31. Дост Мухаммад Амри – командующий уездом Баграми провинции Кабул
32. Сеид Акрамуддин – командующий одним из фронтов Тахара
33. Абдусалам Хейдари – командующий фронтом провинции Гур
34. Инженер Мухаммад Хак – командующий фронтами уезда Кешм провинции Бадахшан

35. Инженер Зияуддин – командующий одним из фронтов провинции Герат
36. Абу Колам Азад – амир центральных фронтов провинции Фарьяб
37. Судья Мухаммад Садик – командующий полком Салахеддина Айюби провинции Тахар
38. Асадулла Аршадфарид – главнокомандующий фронтами провинции Саманган
39. Абдул Керим – амир фронтов провинции Бадгис
40. Абу Хасан – командующий фронтами уезда провинции Балх
41. Гулам Яхья – командующий фронтами уезда Гозара провинции Герат
42. Махмудхан – командующий фронтом Хаш провинции Бадахшан
43. Суфи Гафар – командующий одним из фронтов провинции Герат
44. Гольмухаммад – командующий одним из фронтов провинции Герат
45. Джелалуддин Мослех – командующий одним из фронтов провинции Бадахшан
46. Хамидулла Хадбаши – главнокомандующий уездом Зольм провинции Самаган
47. Собхан Коль – командующий одним из фронтов уезда Рустак
48. Моуляви Дин Мухаммад – командующий фронтом в провинции Саманган
49. Абдул Гани – командир партизанской группы в провинции Кабул
50. Судья Абдулбаки Рамзи – главнокомандующий уездом Мусани провинции Кабул
51. Голь Мухаммад – командующий уездом Мухаммад Ага провинции Логар
52. Гази Мухаммад Ибрахим – командующий фронтами провинции Пактия
53. Шир Ахмад – командующий фронтами уезда Чахардара
54. Абдул Вахаб – амир фронтов уезда Акча провинции Джаузджан
55. Абдул Вадуд – командующий фронтами Моргаба
56. Абдул Самад – командующий фронтами волости Хаджи Кар

Приложение 8

АФГАНСКИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГРУППЫ С ЦЕНТРАМИ В ИРАНЕ*

К 1985 г. на территории Ирана обосновались и действовали следующие афганские контрреволюционные группы.

1. *Организация НАСР.* Создана, по утверждению ее руководителей, в Кабуле в 1973 г. Компетентные органы ДРА относят дату ее создания к 1979 г. Название организации – НАСР некоторые исследователи склонны переводить с арабского как имеющее значение "победа", называя так и эту организацию. Однако по некоторым, более близким к действительности

*Данные о контрреволюционных афганских группах и организациях основаны на сообщениях иранской и другой иностранной прессы. Эти сведения, как правило, неполны, иногда необъективны и противоречивы. Тем не менее, они тщательно проанализированы и дополнены другими данными. Возможны отдельные неточности, которые, однако, не должны оказывать влияния на общую картину.

данным, организация названа в честь ее основателя – афганского шиитского религиозного деятеля Насра. В течение некоторого периода, рамки которого определить затруднительно, группа именовалась Организацией борющегося духовенства Афганистана. С самого начала своего существования организация сотрудничала с иранцами и ориентировалась на Иран – сначала на шахский, затем – на хомейнистский. Членами организации являются хазарейцы-шииты, данные о руководстве в открытой печати отсутствуют. Организация полностью поддерживает, и не только поддерживает, но и с оружием в руках отстаивает "линию Хомейни". В целом ее можно считать наиболее ориентированной на Иран афганской контрреволюционной организацией. НАСР, чья штаб-квартира расположена в Тегеране, имеет комитеты в Куме, Исфагане, Мешхеде, Захедане, Заболе и Кермане. Иранская радиостанция в Заболе выделяет для НАСР часы радиовещания на Афганистан. В Захедане расположена военная учебная база по подготовке боевиков организации. В Тегеране издаются печатные органы НАСР – "Паяме мостазафин" и "Моджтахед".

НАСР возглавляется советом, состоящим из пяти человек. По состоянию ориентировочно на 1983 г. совет состоял из следующих лиц: Мохаммад Керим Халили (он же руководитель штаб-квартиры организации в Тегеране), ходжат-оль-эслам Горбан Али Арафани (он же глава комитета в Куме), ходжат-оль-эслам Мир Хосейн Садеги, ходжат-оль-эслам Абдоль Али Мазари (ответственный за связи с другими организациями и за подготовку кадров НАСР), ходжат-оль-эслам Шафак (отвечает за вопросы идеологии и культуры). Командующий вооруженными отрядами организации – Шейх Мохаммад Акбари.

Вооруженные отряды НАСР действуют на территории Афганистана в основном в провинциях Урузган, Парван, в Бехсуде, Мазари-Шарифе.

2. *Объединенный фронт исламской революции Афганистана* (ОФИРА). Фронт создан в 1983 г. усилиями иранского руководства с целью объединения нескольких относительно мелких шиитских групп.

В состав фронта вошли следующие организации:

Школа единства, созданная иранским шиитским руководством в 1980 г.; эта организация выполняет специфические функции: по существу, это военно-политический центр, где проходят подготовку члены других организаций, входящих в ОФИРА, а также организации НАСР. Руководящий орган школы – Высший совет – находится в Тегеране. Осуществляется связь с Кумским теологическим центром. В самом учебном центре обучение продолжается в течение трех месяцев. Изучаются в основном религия и военное дело (способы ведения партизанской войны). Инструкторами являются специалисты из КСИР. После окончания школы слушатели направляются "на практику" на ирано-иракский фронт на срок до трех месяцев, после чего возвращаются в ту афганскую контрреволюционную организацию, которая направила их на учебу. Школа находится на содержании иранской стороны;

Духовенство и исламская молодежь (иранская и афганская аббревиатура – РЕДЖА, иногда используется название ОМИД). Создана в 1980 г. из афганских шиитов, выходцев из южных и юго-западных провинций Афганистана Кандагар, Фарах, и Гильменд. Центр организации находится в Тегеране, имеются комитеты в Куме, Мешхеде, Захедане, Заболе. На

территории Афганистана отряды организации действуют в провинциях Кандагар, Фарах, Гильменд;

Исламское движение обездоленных (иранская и афганская аббревиатура – ДЖАМА). Создана в 1978 г. Влияние среди афганских беженцев слабое. Между членами руководства имеют место многочисленные разногласия. Авторитетом у иранского руководства организации не пользуется. Данные ее деятельности на территории ДРА отсутствуют;

Федаи мусульманского народа Афганистана (иранская и афганская аббревиатура – ФАМА). В состав организации входят афганцы-шииты из афганской провинции Балх и особенно из центра этой провинции Мазари-Шарифа. Своим идейным вдохновителем члены организации считают ныне покойного известного шиитского богослова и поэта Сеида Исмаила Балхи. Штаб-квартира организации находится в Куме, имеются комитеты в Тегеране и Мешхеде. Вооруженные отряды организации действуют в провинции Балх;

РААД ("гром"). Создана еще до апрельской революции в Афганистане в 1976 г. шиитскими религиозными деятелями из Мазари-Шарифа Мохаммадом Хазаи и Сеидом Исмаилом Балхи, связанными с Кумским теологическим центром в Иране. До апрельской революции организация занималась в Мазари-Шарифе подпольной антиправительственной деятельностью, а также антикоммунистической пропагандой. Штаб-квартира организации находится в Тегеране, комитеты – в Куме, Мешхеде, Тайабаде. Вооруженные группы организации действуют в афганских провинциях Герат и Балх. Руководит деятельностью организации аятолла шейх Мохаммад Асеф Мохсени, который одновременно возглавляет организацию Исламское движение Афганистана ("харакят") и Объединенный фронт исламской революции Афганистана. В последнее время иранская пресса не упоминает об этой организации. Не исключено, что она вошла в состав Исламского движения Афганистана ("харакят").

3. *Исламская сила.* Создана в 1979 г. при активном участии известного иранского деятеля Садека Хальхали. Членами организации являются афганцы-шииты, в основном хазарейцы. Центр организации находится в Куме, имеются комитеты в Тегеране, Мешхеде, Исфагане, Захедане, Рее, Тайабаде. Отряды организации действуют в Кабуле, Герате, Мазари-Шарифе, в уезде Бехсуд. Члены организации "специализируются" на совершении террористических актов.

4. *Исламское движение Афганистана* ("*харакят*") – *ИДА.* Создана организация в 1979 г. из афганцев-шиитов. Центр организации находится в Куме, комитеты – в Тегеране, Исфагане, Мешхеде, Ширазе, Заболе, Кермане, Захедане, Торбате-Джане, Тайабаде. Имеются представительства в Пешаваре, Кветте, Мирамшахе, Чамане (Пакистан). Члены организации проходят подготовку в военных гарнизонах "Хасанабад" (между Тегераном и Кумом), "Мосим" (Мешхед) и в гарнизоне г. Сабзевар (Хорасан). Вооруженные отряды организации действуют в провинциях Кандагар, Гильменд, Герат, Газни, Бамиян, в районах Хазараджата.

Руководитель организации аятолла шейх Мохаммад Асеф Мохсени, преподаватель теологии, прибыл в Иран в 1979 г. Не пользуясь особым расположением Хомейни и Монтазери, Мохсени, тем не менее поддерживает близкие отношения со многими иранскими религиозными деятелями,

в том числе с президентом ИРИ Хаменеи, имеет связи с организациями "Братьев-мусульман" в арабских странах. Ранее в западной прессе имели место сообщения о конфликте Мохсени с иранскими властями, о закрытии его штаб-квартиры в Иране и о выезде его из страны. Однако через некоторое время сам Мохсени опроверг эти сообщения. Штаб-квартира организации продолжает фунционировать в Иране.

5. *Партия Аллаха* (*"Хезбулла"*). Созданная в 1980 г. по образу и подобию иранской Партии Аллаха из наиболее бедных и неграмотных афганских беженцев-шиитов и деклассированных элементов, эта организация стала орудием в руках КСИР, а точнее, его так называемого Отдела национально-освободительных движений во главе с ходжат-оль-эсламом Садеком Хашеми. Руководство КСИР, обеспечивая организацию оружием, продовольствием и денежными средствами, использует ее в качестве жандармской силы для осуществления контроля над афганской колонией в Иране, для выявления в ней прогрессивных или инакомыслящих элементов, получения информации о процессах, происходящих среди афганских беженцев, и в других контрреволюционных организациях. Большое число членов этой организации было направлено в качестве "добровольцев" на ирано-иракский фронт.

Центр организации находится в Тегеране, имеются комитеты в Куме, Мешхеде, Тайабаде и в других городах. Военное обучение члены организации проходят в военном учебном центре КСИР в Куме, в гарнизоне "Тупхане" в Тегеране, в Ширазе. Руководящий состав организации – выходцы из провинций Герат и Фарах. Не ограничиваясь использованием "хезбуллаховцев" в качестве жандармской силы, иранское руководство направляет членов организации на ирано-афганскую границу для ее охраны и поддержания порядка в приграничной зоне. В их обязанности, в частности, входит работа среди прибывающих в Иран афганцев, их опрос и проверка. Здесь же происходит вербовка новых членов в организацию.

На территории ДРА отряды организации действуют в провинциях Герат, Фарах, Бамиян, Гур, Газни. По имеющимся сведениям, иранское руководство использует отряды организации для уничтожения отрядов других, нешиитских контрреволюционных организаций. По тем же данным, действуя на территории ДРА, отряды Партии Аллаха проявляют по отношению к мирному населению особую жестокость.

6. Стражи исламского джихада Афганистана. Листовки от имени этой организации появились в 1980 г., но практическая ее деятельность началась в 1983 г. Организация, как и Партия Аллаха, создана усилиями КСИР. По замыслу ее создателей, организация должна иметь полностью военный характер и, послужить ядром для создания в будущем на ее основе так называемой афганской освободительной армии. Каких-либо сведений об этой организации в иранской прессе не публикуется.

Помимо перечисленных наиболее крупных афганских контрреволюционных организаций на территории Ирана имеется несколько мелких и незначительных группировок. К их числу относятся Исламское движение Афганистана /"нехзат"/, Исламский призыв, Общество улемов Афганистана и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 171.
[2] Там же. Т. 10. С. 220.
[3] *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М., 1982. С. 8.
[4] Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985; *Степанянц М.Т.* Указ. соч.
[5] Мисак-и хун (Пешавар). 1981. № 4. С. 41.
[6] Осул-и бей'ат ва мас'улиятха-и озв дар джамийят-и зслами-и Афганистан (Принципы повиновения и обязанности члена Исламского общества Афганистана). Б.м., 1981. С. 21–22 (на дари).

Глава 1

[1] *Хакшенас Ш.Н.* Дасайес ва дженайят-и рус дар Афганистан аз амир Дост Мухаммад-хан та Бабрак (Русские интриги и преступления в Афганистане от эмира Дост Мухаммада до Бабрака). Тегеран, 1984. С. 161 (на дари).
[2] Там же. С. 164.
[3] Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 432–433.
[4] *Yousefzai B.* Kabul University Students: a Potential Political Force? // Afghanistan in the 1970's. N.Y.; Wash.; L., 1974. C. 192.
[5] *Маркс К.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 16, С. 31.
[6] Шафак. 1980, № 5. С. 14.
[7] Там же. С. 14.
[8] Там же. С. 15.
[9] Там же.
[10] *Хакшенас Ш.Н.* Указ. соч. С. 331.
[11] *Amin T.* Afghan Resistans. Past, Present and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24, N 4. 375–379.
[12] *Хекматъяр Г.* Джаньг аз дидегах-и Коран (Война с точки зрения Корана). Тегеран, 1982 (на дари).
[13] Хабльулла (Тегеран). 1985. № 13. С. 30.
[14] *Хакшенас Ш.Н.* Указ. соч. С. 335.
[15] Шафак. 1980, № 5. С. 26.
[16] *Хакшенас Ш.Н.* Указ. соч. С. 334.
[17] Там же. С. 336.
[18] Там же. С. 337.
[19] Мисак-и хун (Пешавар). 1980. № 4. С. 16.
[20] Там же. С. 16.
[21] *Хакшенас Ш.Н.* Указ. соч. С. 127.
[22] Там же. С. 184.
[23] Там же. С. 189.
[24] Шафак. 1980. № 5. С. 36.
[25] *Хакшенас Ш.Н.* Указ. соч. С. 237–238.

[26] Киям-и хак (Пешавар). 1983. 9. С. 16.
[27] Шафак. 1980. № 5. С. 26.
[28] Сима-и шахид (Пешавар). 1981. № 12–14. С. 8.
[29] *Lifschultz L.* Afghanistan. The not-so-new Rebellion // Far Eastern Economic Review. 1981. N 6. C. 32.
[30] Там же. С. 33.
[31] Там же.
[32] Сима-и шахид. 1981, № 6–8. С. 5–7, 76.
[33] Там же. № 12–14, С. 5–8, 11.
[34] Там же. № 9. С. 5–8, 12.
[35] *Омар.* Бе шома: эй фарзандан-и михан (Вам: эй, сыновья родины), Б.м., 1980. С. 1–2 (на дари).
[36] Сима-и шахид. 1980, июнь.
[37] Там же. 1981. № 3. С. 14–15.
[38] Киям-и хак (Пешавар). 1982. № 1. С. 14–15.
[39] *Хекматьяр Г.* Дарс-и аз ашура-и Хосейн (Урок ашуры Хосейна). Выступление Хекматьяра Г. по случаю дня ашуры в лагере беженцев Варсак. Б.м., б.г. С. 20–21.
[40] Азади (Пешавар). 1985, 1 окт.
[41] *Ульяновский Р.А.* Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 200.
[42] *Amin T.* Op. cit. P. 375–379.
[43] Ibid.

Глава 2

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 69.
[2] *Хохлюк Г.С.* Уроки борьбы с контрреволюцией. М., 1981. С. 121.
[3] *Маркс К.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 6. С. 12.
[4] *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунова А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 68.
[5] *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М., 1986. С. 7.
[6] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 94.
[7] *Ульяновский Р.А.* Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 198.
[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 269.
[9] ФЭС. М., 1983. С. 557.
[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 269; Т. 2. С. 102.
[11] *Male B.* Revolutionary Afghanistan. A Reappraisal. L., 1982. P. 81–82.
[12] Ibid. P. 83.
[13] Ibid.
[14] Хакикат-и инкилаб-и саур (Кабул). 1984. 1 мар.
[15] Доклад Генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба на XX Пленуме ЦК НДПА "О ходе выполнения решений XVI Пленума ЦК НДПА и некоторых неотложных задачах партии" // Хакикат-и инкилаб-и Саур. 1986. 21 февр.
[16] Аснад-е лане-е джасуси шемаре-е 29, Афганистан (1). (Документы шпионского гнезда, № 29, Афганистан (1)). Тегеран. Б.г. С. 72 (на перс. и англ. яз.).
[17] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 168.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. С. 13.
[19] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 239–240.
[20] Sustaining Afghan Refugees in Pakistan. Report on the Food Situation and Related Social Aspects. UNRISD. Geneva, 1983. P. 7.
[21] Ibid. P. 1.
[22] ВЭС. М., 1983. С. 71.
[23] *Ульфат.* Джихад ва дастха-и пошт-и парде (Джихад и руки за занавесом). Пакистан, 1979. С. 213–216 (на дари).
[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. С. 13.
[25] Sustaining Afghan Refugees... P. 9.
[26] Ibid. P. 11.

[27] Ibid. P. 27.
[28] Там же. С. 36.
[29] Азади (Пешавар), 1985. 1 окт.
[30] Хакикат-и инкилаб-и саур. 12, 13 мар.
[31] Sustaining Afghan Refugees... P. 28.
[32] Аснад-е лане-е джасуси, шемаре-е 30, Афганистан (2). (Документы шпионского гнезда, № 30. Афганистан (2)). Тегеран, Б.г. С. 48–49 (на перс. и англ. яз.).
[33] Там же. С. 50.
[34] Там же. С. 64–55.

Глава 3

[1] *Amin T.* Afghan Resistans. Past. Present and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24, N 4. P. 383.
[2] Шахадат (Пешавар). 1985. 18 июня.
[3] Там же.
[4] *Gupta B.S.* The Afghan Syndrome. How to live with Soviet Power. Delhi, 1982. P. 44.
[5] Ibid. P. 44.
[6] Шафак (Пешавар). 1980, № 5. С. 26–27.
[7] Киям-и хак (Пешавар). 1980, № 10. С. 16.
[8] Там же. С. 19.
[9] Afghan Muslims Fused into One // The Jihad Rays. 1982. N 1, Vol. 1. P. 11.
[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 82–83.
[11] *Хекматьяр Г.* Халл-и сияси-и казией-и Афганистан (Политическое решение проблемы Афганистана). Тегеран, 1983. С. 2–15.
[12] Рах-и хак (Пешавар). 1984. 21 мар.
[13] *Раббани Б.* Рах-и халл-и мас'але-и Афганистан (Путь решения проблемы Афганистана). Тегеран, 1983.
[14] Declaration of Islamic Unity of Mujahideen Towards mr. Cordovez's tour to the Region // The Afghanistan Jehad. 1983. N 1. P. 9.

Глава 4

[1] *Hyman A.* Afghanistan under Soviet Domination, 1964–1981. N.Y., 1982. P. 134.
[2] Че ноу'эттехад? (Какого рода союз?). Б.м., Б.г. С. 5–11.
[3] Киям-и хак (Пешавар). 1983, № 9, 10. С. 30–33.
[4] *Ульфат.* Джихад ва дастха-и пошт-и парде (Джихад и руки за зававесом). Пакистан, 1979. С. 115–116.
[5] Азади (Пешавар). 1985. 1 окт.
[6] Муслим. 1986. 31 янв.
[7] Киям-и хак. 1982, № 5, 6. С. 23–24.
[8] Мисак-и хун. 1981. № 5, 6. С. 23–25.
[9] Киям-и хак. 1982. № 1. С. 15.
[10] Там же. № 5, 6. С. 26.
[11] Там же. № 1. С. 17, 18.
[12] Мас'улиятха-и озв (Обязанности членов). Б.м., б.г. (Предисловие) (на дари).
[13] Марам-и хезб-и эслами-и Афганистан (Программа Исламской партии Афганистана). Б.м., б.г. (на дари).
[14] *Amin T.* Afghan Resistans. Past, Ptesent and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24, N 4. P. 380.
[15] Там же. С. 103.
[16] Там же. С. 94.
[17] Там же. С. 95.
[18] Шахид-и пейгам (журн.). Пешавар; Сима-и шахид (журн.), Пешавар.
[19] Мас'улиятха-и озв (Обязанности членов). С. 130.
[20] Шахадат. Б.м. 1979. Янв.
[21] Мас'улиятха-и озв (Обязанности членов). С. 86–88.
[22] *Amin T.* Op. cit. P. 382.
[23] *Хекматьяр Г.* Война с точки зрения Корана. Тегеран, 1982 (на дари).
[24] Там же.
[25] Шахадат. 1979. Янв.

[26] Там же.
[27] *Ульфат.* Указ. соч. С. 102–104.
[28] Афганская контрреволюция: (Политическая характеристика). Ташкент, 1984. С. 18.
[29] *Amin T.* Op. cit. P. 383.
[30] *Ульфат.* Указ. соч. С. 104.
[31] Афганская контрреволюция: (Политическая характеристика). С. 23.
[32] *Nayar K.* Report on Afghanistan. N. Delhi, 1981. P. 33.
[33] The Jihad Rays. (Пешавар). 1983. Vol. 2, № 6. С. 9, 17.
[34] Шафак (Пешавар). 1980. С. 14–16, 26, 27.
[35] Там же. С. 46–47.
[36] Негах-и бе зендеги-и йек моджахед (Взгляд на жизнь одного моджахеда). Б.м., б.г. С. 12 (на дари).
[37] Джабхе-и мелли-и неджат-и Афганистан (Пакистан), 1979, 14 июня.
[38] *Ульфат.* Указ. соч. С. 94.; *Hyman A.* Op. cit. С. 133.
[39] *Amin T.* Op. cit. P. 384.
[40] Merip Reports. 1980. № 89. С. 18.
[41] Взгляд на жизнь одного моджахеда. Б.м., Б.г. С. 4.
[42] Там же. С. 9.
[43] *Amin T.* Op. cit. P. 384.
[44] *Hayman A.* Op. cit. P. 145; *Harrison S.* Dateline Afghanistan: Exit through Finland? // Foreign Policy, 1980–1981. Winter. N 41. P. 179.
[45] Эттехад-и моджахедин (Пешавар). 1982. 15 авг.
[46] Там же. 1982. 22 мар.
[47] Там же. 1982. 15 авг.
[48] *Ульфат.* Указ. соч. С. 107–108.
[49] *Hayman A.* Op. cit. P. 132.
[50] Башарат. 1981, № 2. С. 7–10 (на дари).
[51] Матн-и байяние-и моджахед моуляви Мухаммад Наби "Мухаммади" амир-и омуми-и харакят-и инкилаб-и эслами-и Афганестан ке дар сал-и 1351 дар талар-и шоура-и мелли (валес-и джирга) ирад намуде буд (Текст выступления моджахеда моуляви Мухаммада Наби Мухаммади, главного амира Движения исламской революции Афганистана, имевшего место в 1972 г. в зале парламента). Б.м., б.г. С. 28.
[52] *Ульфат.* Указ. соч. С. 60.
[53] Фешорде-и аз марам-и харакат-и инкилаб-и эслами-и Афганистан (Выдержки из программы Движения исламской революции Афганистана). Б.м., б.г. С. 10–11.
[54] Там же. С. 15.
[55] *Amin T.* Op. cit. P. 384.
[56] Башарат. 1981, № 2. С. 9.
[57] Там же. С. 33–35.
[58] *Ульфат.* Указ. соч. С. 110–111.
[59] Шахадат. 1981. 22 авг.
[60] Эламие-и эттехад-и эслами-и моджахедин-и Афганистан (Заявление Исламского союза моджахедов Афганистана). Б.м. 1983, 20 июля.
[61] Рах-и хак (Тегеран). 1984. 11 ноябр.
[62] Там же. 1984. 21 мар.
[63] Эттехад-и моджахедин. 1984. 19 нояб.

Глава 5

[1] Мисак-и хун (Пешавар). 1981. № 5. С. 9.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 82–83.
[3] Зарубежный Восток и современность. М., 1980. Т. 1; Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.
[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 26.
[5] Там же. С. 239–240.
[6] *Ульфат.* Джихад ва дастха-и пошт-и парде (Джихад и руки за занавесом). Пакистан, 1979. С. 85–86.
[7] *Снесарев А.Е.* Авганистан. М., 1921. С. 129.
[8] Аснад-е лане-е джасуси, шемаре-е 29, Афганистан (1), мокаддаме (Документы шпионского гнезда, № 29, Афганистан (1)), Предисловие, Тегеран. Б.г. С. 2.

[9] *Harrison S.* Dateline Afghanistan: Exit through Finland? // Foreign Policy. 1980–1981. Winter, N 41. P. 166–167.
[10] Ibid. P. 179.
[11] New York Times. 1986. 7 June.
[12] *Amin T.* Afghan Resistans. Past, Present and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24, N 4. P. 397.
[13] Инклаб- и эслами-и Афганистан (Тегеран). 1985. 14 мар.

Глава 6

[1] *Jochi N.* Soviet Intervention in Afghanistan // Foreign Affairs Reports. 1980. Vol. 29, N 7. P. 133.
[2] *Ritch J.B.* Hidden War: The Struggle for Afghanistan // A Staff Report prepared for the the Committee of Foreign Relation. US Senat. Wash., 1984. Apr. P. 14.
[3] *Stork J.* US Involment in Afghanistan // Merip Reports. 1980. N 89. P. 25.
[4] *Ahmed F.* Interview // Merip Reports. 1980. N 89, P. 17.
[5] *Arnold A.* Afghanistan. The Soviet Invasion in Perspective. California, 1981. P. 104.
[6] *Stork J.* US Involment in Afghanistan // Merip Reports. 1980. N 89. P. 25–26.
[7] *Hyman A.* Afghanistan under Soviet Domination, 1964–1981. N.Y., 1982. P. 135.
[8] Аснад-е лане-и джасуси, шемаре-е 30, Афганистан (2) (Документы шпионского гнезда, № 30, Афганистан (2)). Тегеран. Б.г. С. 114.
[9] *Amin T.* Afghan Resistans. Past., Present and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24. N 4. P. 397.
[10] *Dutt G.* China and the Developments in Afghanistan // Afghanistan in Crisis. New Delhi, 1981. P. 43.
[11] *Ritch J.B.* Op. cit. P. 27.
[12] Аснад-е лане-е, шемаре-е 30. С. 31.
[13] *Ritch J.B.* Op cit. P. 14.
[14] *Gupta B.S.* Afghanistan Syndrom. Now to live with Soviet Power. Delhi, 1982. P. 42.
[15] *Ritch J.B.* Op. cit. P. 14, 29.
[16] World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook. 1985. L., 1985. P. 602; A Question of Firepower // Far Eastern Economic Review (Hongkong). 1981. Vol. 114, N 53. P. 25–26.
[17] *Hyman A.* Afghanistan under Soviet Domination, 1964–1981. N.Y., 1982. P. 137.
[18] Time 1984. June 11. P. 10–13.
[19] International Herald Tribune. 1984. 11 Sept.
[20] Middle East International. 1985. N 247. P. 11.
[21] International Herald Tribune. 1984. Nov. 29.
[22] Правда. 1986. 11 июня.
[23] International Herald Tribune. 1984. 29 Febr.
[24] Middle East International. 1985. N 247. P. 11.
[25] Аснад-е лане-е джасуси, шемаре-е 29. Афганистан (I). (Документы шпионского гнезда. № 29, Афганистан (I). Тегеран, Б. г. С. 48.
[26] Arab News. 1985. 14 Sept.
[27] Эттехад-е моджахеддин. 1984. 19 нояб.
[28] Pakistan Times. 1986. 3 февр.
[29] Правда. 1986. 6 июля.
[30] Аль-Собх (Тегеран) 1980. № 2. Апр.
[31] Киям-и хак (Пешавар). 1985. № 5, 6. С. 5–6.
[32] Аснад-е лане-е джасуси, шемаре-е 29. Афганистан (1), мокадламе (предисловие).
[33] *Amin T.* Op. cit. P. 397.
[34] Эттехад- и моджахедин. 1984. 19 нояб.
[35] Middle East International. 1985. N 247. P. 11.
[36] Эттехад-и моджахедин. 1982. 15 авг.
[37] Middle East International. 1985, N 247. C. 11.
[38] *Hyman A.* Op. cit. P. 134.
[39] New York Times. 1986. June 21.
[40] Эстегамат (Тегеран). 1980. № 11. С. 2.
[41] New York Times. 1986. June 21.
[42] Ibid. 1986. June 18.

[43] Time. 1984. June 11. P. 10–13.
[44] Красная Звезда. 1985. 26 дек.
[45] Muslim. 1986. Mar. 13.
[46] New York Times. 1986. June 10.

Глава 7

[1] World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook 1985. L., P. 602–604.
[2] *Ritch J.B.* Hidden War: The Struggle for Afghanistan // A staff Report prepared for the Committee of Foreign Relation. US Senat. Wash., 1984. P. 24.
[3] *Ульяновский Р.А.* Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985. С. 70.
[4] Афганистан: борьба и созидание. М., 1984. С. 83.
[5] Проблемы афганской революции. М., 1984. С. 611–612.
[6] *Amin T.* Afghan Resistans. Past, Present and Future // Asian Survey. 1984. Vol. 24, N 4. P. 389–394.
[7] Ibid. P. 396–397.
[8] The Conflict of tribe and state in Iran and Afghanistan. N.Y., 1983. P. 41–42.
[9] *Hyman A.* Afghanistan under Soviet Domination, 1964–1981. N.Y., 1982. P. 129–130.
[10] *Ritch J.B.* Op. cit. P. 22, 23.
[11] Инкилаб-е эслами-е Афганистан (Тегеран). 1985. 14 мар.
[12] Киям-и хак (Пешавар). 1982. № 1. С. 25.
[13] *Khalilzad Z.* Moscow's Afghan War // Problems of Communism. Wash., 1986. Jan.-Febr.
[14] Азади (Пешавар). 1985. 5 окт.
[15] Дар джехат-и пирузи-и инкилаб ва танзим-и бехтар-и омур-и джихад чи бояд кярд? (Что нужно сделать для победы революции и лучшей организации джихада?). Б.м. 1981. С. 23.
[16] Там же. С. 27–48.
[17] Азади. 1985. 5 окт.
[18] Киям-и хак (Пешавар). 1982. № 5, 6. С. 25.
[19] Шафак (Пешавар). 1985. № 1. С. 74–78.
[20] Times. 1980. 8 сент.
[21] *Рухани М.С.* Фадже'е-и асафнак-и эшгал-и Афганистан тавассот-и артеш-и сорх-и шоурави (Печальная трагедия оккупации Афганистана советской Красной армией). Тегеран, 1980. С. 225.
[22] Хакикат-и инкилаб-и саур. 1985. 25 июня.
[23] *Хекматьяр Г.* Баянией-и эхтетамие. Хетаббе командан-и масуль (Заключительное выступление. Обращение к ответственным командирам). Б.м. 1981. С. 61.
[24] Что нужно сделать на пути достижения победы революции и лучшей организации джихада. Пешавар. 1981. С. 20–21.

Глава 8

[1] Афганистан кабрестан барай-е русхай-е кафер ва шору'е энгелаб-е эслами-е джахани аст (Афганистан – кладбище для неверных русских и начало мировой исламской революции). Тегеран, 1981. Т. 1. С. 142.
[2] Там же. С. 143.
[3] Башарат (Герат). 1985. 19 мар.
[4] Keyhan International (Тегеран) 1985. Дек. 29.
[5] Ibid.
[6] Хабльулла (Тегеран). 1985. № 13. С. 28.
[7] Эстегамат (Кум.). 1980, № 11. С. 24–25.
[8] Шафак (Пешавар). 1980. № 7, 8, С. 12.
[9] Абрар (Тегеран). 1986. 18 февр.
[10] Хабльулла. 1985. № 12. С. 4.
[11] Там же. № 4. С. 4 Там. же. № 12. С. 4, 35.
[12] Там же. № 11. С. 12–15, 51.
[13] Там же. № 12. С. 7.
[14] Tehran Times. 1985. Dec. 12.
[15] Ibid. 1985. July 29.
[16] Абрар. 1986. 5 февр.

[17] Ресалят (Тегеран). 1986. 24 февр.
[18] *Hyman A.* Afghanistan Under Soviet Domination, 1964–1981. N.Y., 1982. P. 139–141.
[19] Эттехад-и моджахедин (Пешавар). 1984. 22 мар.
[20] Пайяме мостазафин (Тегеран). 1985. № 36, 37. С. 69–72.
[21] Там же.
[22] Эстегамат. 1980. № 11. С. 49.
[23] Рах-и хак (Тегеран). 1984. 21 мар.
[24] Эттехад-и моджахедин (Пешавар). 1984. 22 мар.
[25] Там же. 1982. 15 авг.
[26] Хабльулла. 1985. № 13. С. 6–7.
[27] Там же. № 11. С. 12–15, 51.

Глава 9

[1] *Arnold A.* Afghanistan. The Soviet Invasion in Perspective. California. 1981. P. 104.
[2] *Ritch J.B.* Hidden War: The Struggle for Afghanistan // A Staff Report prepared for the Committee of Foreign Relation. US Senat. Wach. 1984. Apr. P. 14.
[3] New York Times. 1984. Apr. 9.
[4] Ibid.
[5] *Ritch J.B.* Op. cit. P. 39.
[6] *Duignan P.* Editor's Foreword to the Revised Edition // Arnold A. Afghanistan. The Soviet Invasion in Perspective. California, 1985.
[7] Muslim. 1985. Apr. 4.
[8] Die Welt. 1984. Febr. 12.
[9] Washington Post. 1985. Sept. 4.
[10] Ibid.
[11] Ibid.
[12] *Khalilzad Z.* Moscow's Afghan War // Problems of Communism. Wash., 1986. Jan.-Febr.
[13] Telegraff. 1985. Nov. 16.
[14] New York Times. 1986. June 7.
[15] Ibid. June 18.
[16] Ibid.
[17] Ibid. June 21.
[18] Washington Post. 1986. Sept. 16.
[19] Ibid.
[20] Кейхан. 1986. 29 июля.
[21] Джомхури-е эслами. 1986. 2 июля.
[22] Там же. 1986. 26 июля.
[23] Пайям-е энгелаб. 1986. № 166, 19 июля. С. 49.
[24] Эттелаат. 1986. 1 июля.
[25] Джомхури-е эслами. 1986. 2 июля.
[26] Keyhan International. 1986. 6 июля.
[27] Стратегия преступной войны против Афганистана // За рубежом. 1987. № 5.
[28] Секретная переписка внешнеполитических ведомств США по Афганистану // Спецбюллетень ИВ АН СССР. 1986. № 5. С. 105.
[29] Там же. С. 109.

Заключение

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 171.
[2] Там же. Т. 39. с. 280.
[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 69.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1

Возникновение в Афганистане исламской фундаменталистской контрреволюции. "Мусульманская молодежь" – первая фундаменталистская контрреволюционная организация (1963–1975 гг.) 8

Глава 2

Некоторые социально-политические особенности апрельской революции 1978г. в Афганистане. Роль крестьянства 31

Глава 3

Формирование в Пакистане отрядов афганской фундаменталистской и традиционалистской контрреволюции. Политические установки контрреволюционных альянсов 53

Глава 4

Основные афганские контрреволюционные организации с центрами в Пакистане. Их политические лидеры 66

Глава 5

Религиозный, сословно-классовый, национально-этнический состав контрреволюции 101

Глава 6

Мировая реакция и экспорт контрреволюции в ДРА. Военная, политическая, идеологическая и экономическая агрессия 115

Глава 7

Деятельность исламской контрреволюции на территории Афганистана 135

Глава 8

Афганская исламская контрреволюция с центрами в Иране – орудие экспансионистской политики хомейнистского руководства Ирана 155

Глава 9

Усилия США по срыву политического урегулирования вокруг Афганистана и программы национального примирения ДРА 176

Заключение 189

Приложения

Приложение 1. Программа Исламской партии Афганистана (ИПА) 193
Приложение 2. Программа движения исламской революции Афганистана (ДИРА) (краткое содержание) 206
Приложение 3. Аннотация заключительной главы брошюры ДИРА "Отношения между людьми". 208
Приложение 4. Зарубежные организации, общества, союзы, комитеты, бюро, оказывающие помощь афганской контрреволюции 211
Приложение 5. Журналы и газеты, издаваемые афганской исламской контрреволюцией. 215
Приложение 6. Учебные центры афганской исламской контрреволюции на территории Пакистана 217
Приложение 7. Командный состав вооруженных формирований Исламского общества Афганистана (ИОА) на территории страны 224
Приложение 8. Афганские контрреволюционные организации и группы с центрами в Иране 226
Примечания 230

Виктор Николаевич Спольников

**АФГАНИСТАН:
ИСЛАМСКАЯ
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ**

*Утверждено к печати
ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом востоковедения*

Редакторы издательства
Н.В. Кондашова, Г.С. Тихонов

Художник
А.Г. Кобрин

Художественный редактор
В.Ю. Кученков

Технический редактор
Л.Н. Богданова

Корректор
И.Г. Мартьянова

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

Подписано к печати 15.07.87
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл. печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,3. Уч.-изд.л. 18,9
Тираж 3500 экз. Тип. зак.12063
Бесплатно.Заказное

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

2-я типография издательства "Наука"
121099, Москва Г-99,
Шубинский пер., 10